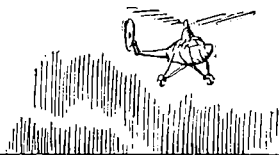

The illustration is a dramatic, high-contrast scene. In the upper half, a large, dark, winged creature, possibly a dragon or a giant bat, is shown in flight against a dark, stormy sky. It is holding a large, rectangular metal cage or structure in its mouth. The cage is suspended by ropes or chains. In the lower half, two figures are visible. On the left, a large, dark, shaggy figure, possibly a bear or a giant, is looking up at the cage. On the right, a smaller figure, possibly a person, is also looking up at the cage. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and blacks, with some lighter, yellowish-green highlights. The style is reminiscent of mid-20th-century pulp magazine covers or Soviet-era book illustrations.

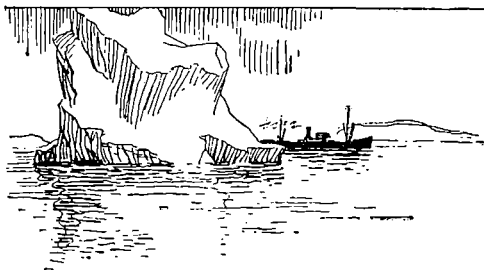
Александр
Казанцев

ПОЛЯРНАЯ МЕЧТА

Александр Казанцев

ПОЛЯРНАЯ МЕЧТА

(МОЛ „СЕВЕРНЫЙ“)

*Научно-фантастический
роман*

*Издание ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“*

1958

Казанцев Александр Петрович

**ПОЛЯРНАЯ МЕЧТА
(Мол „Северный“)**

Редактор *Г. Прусова*

Оформление художника *К. Кащева*

Худож. редактор *В. Плешко*

Техн. редактор *М. Терюшин*

* *

Подписано к печати 20/VIII 1958 г.
Бумага $84 \times 103\frac{1}{32} = 7,5$ бум. л. =
= 25 печ. л. 23,9 уч.-изд. л. Заказ 727
Тираж 75 000 экз. Цена 8 р. 70 к.

* *

Типография „Красное знамя“
изд-ва „Молодая гвардия“.
Москва, А-55, Сушеская, 21.

Сыну моему А н д р ю ш е,
который мало жил, но много мечтал,
п о с в я щ а ю.

А в т о р

Отечество

славлю,

которое есть,

но

трижды —

которое будет.

В л. М а я к о в с к и й

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(Пролог)

НЕДАВНО

Ключ к транспорту будущего
— в Арктике.

Глава первая

НА КРАЮ СВЕТА

Далекий северный остров был гол и скалист, почти всегда покрыт снегом и скован льдом.

На темном базальтовом утесе, в котором жилками мрамора сохранился снег, стоял мальчик.

Вокруг сверкал нестерпимо яркий, залитый солнцем мир. После долгой полярной ночи со всполохами нежного сияния, после вьюжной тьмы, после сумеречного света за свинцовой пеленой туч день арктического солнца казался невиданным праздником света. Изломы льдин огнями играли в белом просторе искрящегося снега, переливались зеленоватым, голубым,

красным, фиолетовым цветом, как драгоценные камни. Бесчисленные грани льдин-алмазов горели в волшебных солнечных лучах. Это они, лучи солнца, разбудили дремавшие зимой арктические силы, помогли им взломать белую мертвую равнину ледяных полей, подняли причудливые гряды торосов. До самого окаёма, до горизонта, полускрытые дымкой, тянулись они зубцами. И там вырастали, превращались в неясные горные хребты или волнистую линию туч.

Туда и смотрел двенадцатилетний Федя, приземистый, но широкоплечий, самый маленький обитатель острова, смотрел вдаль и воображал себя промышленником Санниковым, которому привиделись когда-то с острова Котельнического горы загадочной земли. С тех пор никому не довелось узреть тех гор. Замечали лишь перелетных птиц, что держали путь неизвестно куда, на север...

На север и глядел Федя, глядел и ждал тех гор, уверен был, что первый откроет их, когда приплывут обратно желанные хребты.

Совсем недавно узнал Федя от друга своего дяди Саши, гидролога полярной станции, тайну белых исчезнувших земель. Оказывается, уплывали те земли на север, уплывали вместе с горами, реками, ледниками, тундрами... Целые острова меняли в океане свое расположение. Советские летчики доказали это, обнаружив одни и те же «земли» в разные годы в различных местах. Острова, покрытые слоем почвы, были не чем иным, как ледяными массивами, которые могли плыть... И, верно, видел Санников такой же ледяной остров, уплывший потом на север... И даже легендарная Земля Андреева, когда-то замеченная в восточной части Арктики, а потом пропавшая, быть может, тоже была плавающим островом!..

Больше всего на свете жаждал Федя обнаружить в один прекрасный день на горизонте приплывшую назад Землю Санникова. Об этом и думал он, когда сказал подошедшему к нему дяде Саше:

— Поставить бы ту землю на якоря.

Александр Григорьевич улыбнулся в бороду, огля-

дывая любимца, у которого трепетал на ветру шарф, завязанный сыну радисткой острова Марьей Семеновной.

На острове всех зимовщиков было четверо: Федя, его родители и дядя Саша. Как и другие полярники далеких островов, они сообщали по радио сведения о погоде и льдах. В бюро погоды учитывали их сводки. Капитаны кораблей узнавали, как движутся льды, и верно выбирали путь; летчики получали прогнозы и решали, можно ли вылетать.

Четверка островитян жила, как одна семья. Дядю Сашу с Иваном Григорьевичем, начальником полярной станции, связывала еще военная дружба.

Марья Семеновна по-матерински относилась к трем мужчинам, чинила и стирала белье, заставляла их регулярно мыться в «бане», в которую по субботам превращалась кухня. Все вместе они старательно изучали английский язык. Марья Семеновна чудесно «спивала» украинские песни, была черноброва, статна, белолица, смеялась по-девичьи звонко и никогда не сидела без работы. Даже надев наушники, она обязательно что-нибудь вязала или шила, если не надо было записывать радиogramмы.

По-особенному дружили между собой Федя с дядей Сашей. Это была дружба мужчины, который почему-то так и не создал собственной семьи, с мальчиком, заменившим бородатому полярнику всех, о ком тайно тосковало его сердце.

Полярник привил юному другу страстную любовь к суровому краю. Уже давно над кроватью Феде висела фотография знаменитого полярного капитана Воронина с собственноручной его надписью: «А. Г. Петрову по-дружески», а совсем недавно рядом появился портрет Нансена, вырезанный из какого-то журнала с напечатанными там его словами: «Северный морской путь — это всего лишь иллюзия, напрасно чаровавшая мореплавателей в течение столетий». Надпись эту Федя в знак несогласия перечеркнул красным карандашом.

Федя готовился стать капитаном. На столике у него лежали лощи не только полярных, но и южных

морей, которые он под руководством дяди Саши старательно изучал.

Возвращаясь со скал домой, друзья держались за руки. Приходилось нагибаться вперед, чтобы ветер не опрокинул их в снег. Федя расставлял короткие, крепкие ноги, словно шел по палубе.

— К утру пролив очистится, — сказал он низким голосом.

Действительно, в проливе шла крупная подвижка льдов. Гидролог подумал, что скоро соседний остров и бухта Рубиновая, где находились рудники, будут отрезаны чистой водой.

Федя сжал дяде Саше руку. Тот и сам различил в грохоте льдов неровный, посторонний звук. Самолет?

Оба взглянули на небо. Над головой летели рваные тучи. Только там, где садилось солнце, небо оставалось чистым. Летит? Никто не предупреждал по радио!

На снегу виднелся домик полярной станции. В одном из его окон отражалось красное солнце.казалось, там горит приветливый огонек. Марья Семеновна ждет к ужину. Иван Григорьевич вернулся с метеоплощадки и чернилами переписывает в тетради показания приборов.

Федя дернул дядю Сашу за рукав и присел на корточки. Гидролог невольно повторил его движение.

Прерывающийся рев слышался над самой головой. Гигантский самолет вырвался из низких облаков и круто пошел к земле.

Моторы работали с перебоями. Летчик искал места для посадки. Вероятно, он шел на радиосигналы Марьи Семеновны, как на радиопеленг.

— Где же ему сесть? — крикнул Федя и побежал, словно он мог куда-то поспеть, кому-то помочь. — Льды-то вскрыло... А на острове не сядешь!..

Дядя Саша бежал следом за Федей.

Летчик, как и люди внизу, понял, что сесть некуда. Он, очевидно, рассчитывал опуститься около дома. Самолет, во всяком случае, шел прямо на дом.

— Да что это он! — Федя со всех ног бросился вперед.

Бородатый полярник остановился, невольно втянув голову в плечи, спина у него похолодела, сердце замерло. Хотелось закрыть глаза, но он не мог.

Самолет коснулся земли у самого дома, потом подскочил...

«Может быть, пройдет над крышей! Может быть, пройдет!» — пронеслось в голове у гидролога.

Но самолет не прошел. Он врезался в домик... Сверкнула вспышка огня... Раздался грохот... В небо взметнулся яркий язык пламени, потом сразу повалил черный дым... Вверху над островом он расплзся мохнатым грибом, как низкая туча.

Федя невольно бросился в сторону, но потом остановился и повернулся лицом к пожару. Круглыми, сухими глазами смотрел он на огонь. Ему было страшно, хотелось зажмуриться, убежать, спрятаться. Но он стоял не двигаясь, не в силах сделать ни одного шага...

Когда дядя Саша обнял его за плечи, мальчика било крупной дрожью. Полярник молча прижал его к себе, но никак не мог справиться с маленьким телом.

Ветер погнал дым на полярника с мальчиком. Стали слезиться глаза. Гидролог плотнее прижимал уткнувшегося лицом в его меховую куртку паренька. Обоих душил кашель.

Полярник силой заставил Федю обежать дом.

Может быть... может быть, все-таки Иван Григорьевич и Марья Семеновна успели выскочить!..

Но с другой стороны дома было пусто и холодно. Дул ветер, острые снежинки били в щеки. Ветер раздувал костер из дома и самолета.

Бревна трещали, горели, как просмоленные.

Рухнула покосившаяся стена. Сноп искр взметнулся в небо, и красные звездочки понеслись над снегом.

Гидролог оттащил Федю в сторону.

Мальчик сел на снег, спрятав голову в колени. Остренькие плечи его вздрагивали, хотя рыданий и не было слышно.

Гидролог понимал, что творилось в сердце его маленького друга, но он не мог произнести слов утешения. Ему казалось, что такие слова оскорбят сейчас Федю. Надо заставить его что-то делать! Он звал, тормошил мальчика, но тот лишь мотал головой.

Тогда дядя Саша крикнул:

— Аврал!

И мальчик вскочил, вскочил, не понимая ни значения слова, ни требования дяди Саши, растрепанный, заплаканный, испуганный.

— Склад спасать надо! — крикнул дядя Саша.

Склад почти примыкал к дому. Огонь мог легко перекинуться на него. Дядя Саша ринулся, как показало мальчику, в самое пламя.

И тогда Федя тоже бросился в огонь.

Сильная рука дяди Саши удержала его. Скрипнула открытая дверь склада. Ею можно было прикрыться от жара.

Защищая лица рукавицами, Федя и дядя Саша подбегали к двери склада, хватали несколько банок консервов или ящик с галетами и тащили все это подальше от огня.

К счастью, ветер переменился и понес черный дым в противоположную от склада сторону, но дядя Саша заставлял Федю носить продовольствие и складывать его поодаль на снег. Теперь это было уже не нужно, но гидролог боялся оставить мальчика без работы.

Наконец, совсем уже измученные, они сели на ящики, не спуская глаз с пожарища.

Наступило самое тяжелое. Нужно было что-то сказать.

— Вот, брат... — начал гидролог, — остались мы одни...

Мальчик зарыдал.

Долго сидели молча. Дядя Саша только крепко сжимал рукой плечо мальчика. И эта мужская ласка действовала на мальчика лучше любых слов. Он замолк.

— Ты помни, — строго сказал дядя Саша, — я у тебя на всем свете один... Да и у меня никого нет.

И снова молчали, смотрели на догоравший пожар.

— А провианту у нас, Федя, достаточно... проживем... Нас хватятся. Пришлют помощь.

Федя искоса посмотрел на своего друга. Ему вдруг показалось, что этот большой и сильный мужчина ищет поддержки в нем, в Феде. И он сказал через силу:

— Корабль пробьется...

Федя поднял голову. Что-то ушло от него, чтобы никогда не вернуться... И он в первый раз с ненавистью посмотрел на торчащий из огня закоптелый фюзеляж.

Ненависть сильнее отчаяния. Мальчик встал. Он готов был сейчас же забраться в самолет. Полярник удержал его.

Пожар то затухал, то разгорался снова. Падало какое-нибудь бревно, головешки разлетались и трещали в снегу. Солнце скрылось.

Дядя Саша придумал новую работу. Он взял на складе багор и начал растаскивать бревна. Федя помогал ему. В снегу бревна шипели, испуская удушливый дым.

Через развалившуюся стену стала видна почти целая плита, у которой обычно хлопотала Фекина мама.

Гидролог увел мальчика, он не хотел, чтобы тот видел...

Нужно было вырыть могилу.

Вдвоем топорами вырубали они яму в промерзшем грунте. О том, что это можно сделать позднее на месте пожарища, где земля оттаяла, оба даже не подумали.

Ударяя ломом землю, дядя Саша сказал:

— И знаешь, какой у нас теперь с тобой долг? Сообщить надо о непрошеном госте.

Мальчик не ответил. Даже дядя Саша не знал, о чем он думал. Может быть, тяжелая работа притупила сознание.

К утру огонь погас. В дымящихся развалинах виднелся изуродованный фюзеляж самолета, ржавый, с черными подпалинами. Серебристым остался только хвост. На нем не было опознавательных знаков. Они были покрашены.

Дядя Саша не позволил Феде идти на пожарище. Он один пробирался по дымящимся бревнам. Подошвы сапог жгло. Приходилось то и дело спрыгивать в снег.

Александр Григорьевич с трудом узнавал место, где прежде были комнаты. Вот тут к кухне примыкала кают-компания. В нее и ударился носом самолет. Сюда выходили двери радиорубки, комнаты Тереховых и комнатуха гидролога. Теперь ничто не напоминало о них.

Один, без Феде, перенес дядя Саша в вырытую могилу обгоревшие трупы его родителей, прикрыл их брезентом и только тогда позвал мальчика. Оба бросили в яму комя мерзлой земли.

В изголовье холмика Федя воткнул погнутый ствол винтовки с обугленным ложем.

Глава вторая **ОТКРЫТ ОКЕАН**

Забрались в самолет только к вечеру. На этот раз Федю нельзя было удержать.

Увидеть в самолете ничего не удалось. Все сгорело. Только в самом хвосте каким-то чудом уцелела резиновая лодка.

Дядя Саша задумчиво теребил бороду. Такая лодка имеется в любом самолете, летающем над морем. Свернутая, она портативна. Ее можно надуть приделанными к ней мехами. Тогда она выдерживает несколько человек.

На острове не было лодки. Остались только весла от шлюпки, которую осенью унесло прибоем. Дяде Саше вспомнилось, как бросился он тогда в холодную воду. У него захватило дыхание, словно он опустился в кипяток. Пришлось ни с чем вернуться на берег.

Гидролог и мальчик, не сговариваясь, пошли к берегу посмотреть льды. Федя оглянулся на могильный холмик, который уже начало заносить снежной крупой.

За время пожара ледяные поля отодвинулись. По морю гуляли вихрастые свинцовые волны. Разглядеть соседний остров не удавалось, хотя он был и близко, сразу же за горизонтом.

Дядя Саша ничего не сказал Феде, но тот и без слов понимал. Там рудники и рация. Можно послать донесение о вторжении неизвестного самолета в наши северные пространства.

Вернувшись, они осмотрели резиновую лодку. В трех местах резина прогорела.

Гидролог задумался. Льды угнало ветром. Пролив очистился. Что, если переправиться в бухту Рубиновую в этой лодчонке? Пусть даже волной захлестнет — не утонет. Резиновая! Вот только льды...

Гидролог решил посоветоваться со своим юным товарищем: не починить ли лодку, чтобы на ней... через пролив... в бухту Рубиновую?

Мальчик больше всего боялся, как бы не усомнился в нем дядя Саша, как бы не подумал, что он трус. Многозначительно наморщив лоб, Федя сказал: — Лодка ничего себе... если починить...

Решение было принято. Мальчик уже больше не плакал. Он деятельно помогал дяде Саше. Сделали клей, растворив в бензине кусочек каучука. Гидролог отрезал его от подошвы своих парадных ботинок, которые, как и бензин, хранились на складе. Резину для заплат они взяли от внутренних переборок лодки. Заклеив дыры, надули лодку и спустили ее на воду. Конец веревки, привязанный к корме, держал, стоя на берегу, Федя.

Лодка подпрыгивала на волнах, ударяясь дном о камни, когда волна отбегала. Забравшись в лодку, гидролог убедился, что она выдержит не только двух человек.

Он смотрел снизу на мальчика. Волны разбивались о скалы. Облака брызг то и дело скрывали коренастую фигуру.

Пролив по-прежнему был чист. Если еще сутки в нем не будет сплоченных льдов, можно добраться до соседнего острова.

Решено было захватить с собой все наиболее ценное. Возможно, что на рудниках нет метеоплощадки. Ведь Службу погоды несла сгоревшая теперь полярная станция. Если захватить приборы, можно будет возобновить передачу метеосводок.

Федя снял все самописцы и термометры, даже залез на столб, чтобы достать флюгарку.

Скоро сборы были закончены.

Еще раз проверив лодку, дядя Саша вытащил ее на прибрежный лед и отправил Федю в сарай спать. Если на рассвете в проливе будет льдин достаточно, чтобы унять разыгравшуюся волну, и в то же время не слишком много, можно тронуться в путь.

Уснуть гидролог не мог. Имел ли он право рисковать жизнью мальчика? Не лучше ли сидеть на острове и ждать помощи?

Дядя Саша одиноко бродил по пожарищу. Как поступил бы сейчас Иван Григорьевич? Конечно, решился бы плыть! Ведь необходимо известить обо всем, что произошло. И, кроме того, надо возобновить работу метеостанции.

К утру подул резкий ветер. Когда выглядывало солнце, над камнями в мельчайшей водяной пыли загоралась радуга.

Дядя Саша разбудил Федю. Мальчик хмурился и ничего не понимал.

— Собирайся, поплывем.

Прощаться с могилой ходили вместе. Опустили головы, держа шапки в руках, и думали. И те, кто лежал в земле, стояли перед ними живыми. Нельзя было представить, что их нет...

Весла от старой шлюпки хранились в сарае. Их приспособили к трофейной лодке и отплыли. Лодка была изрядно загружена. Кроме метеоприборов, пришлось взять провизию и оружие. Федя сидел на руле, дядя Саша греб. Отплыть от берега было трудно, волны вскидывали лодчонку. Она то проваливалась, то взлетала на гребни волн.

— Как на качелях! — крикнул дядя Саша, стараясь подбодрить мальчика.

Лицо Феди оставалось сосредоточенно серьезным.

Вдали от берега качка стала меньше, а может быть, они просто привыкли к ней. Конечно, мальчишка был прирожденным моряком. Кто из его сверстников выдержал бы такую качку! У гидролога и то помутилось в голове, хоть он и работал веслами.

Выйдя из полосы прибоя, он стал грести медленнее, чтобы сохранить силы на весь переход. Некоторое время около лодки плыла нерпа. Она высунула из воды круглую головку и смотрела на людей. Стрелять никто — Федя тоже был прекрасным стрелком — не стал: все равно ее не возьмешь с собой.

Островок удалялся. Тоненькая радиомачта то появлялась, то исчезала. Торчавший вверх хвост самолета уже не был виден. Шел мелкий снег. Льдины встречались чаще. Гребцы легко огибали их, и дядя Саша начал думать, что все это не так уж страшно. К тому же ветер переменился и стал попутным. Гидролог рассчитывал еще засветло достигнуть острова, а на следующий день обогнуть его и добраться до бухты.

К полудню сказалась усталость. На руках появились мозоли, скоро они превратились в кровавые. Однако нужно было грести.

Ветер снова переменился и стал дуть в бок. Гидролог предпочел бы даже встречный ветер. Боковой особенно неприятен. Волны били в низкий борт. Лодку заливало, и Феде все время приходилось котелком вычерпывать воду. Против волн идти было невозможно: сбились бы с курса. И лодку могло пронести мимо острова, мимо цели.

С болезненной остротой чувствовал дядя Саша свою ответственность за жизнь мальчика.

— Одни мы с тобой, Федя. Со мной в Арктике останешься? — спросил гидролог, налегая на весла.

— Останусь.

— Льды с тобой изучать будем, — продолжал дядя Саша, произнося слова в ритм гребле и подозрительно вглядываясь в горизонт.

Небо спустилось почти к самой воде. То и дело молниеносными метелями проносились снежные заряды. Издали они казались огромными косыми столбами.

Серая мгла на мгновение скрывала все вокруг. Волны бесились. Любая блуждающая льдина могла распороть лодчонку, а их становилось все больше и больше. Покачиваясь, проплывали они мимо, грозя задеть лодку.

Пришлось перестать грести. Дядя Саша стоял на коленях и веслом отталкивался от напиравших льдин. Лодочка медленно поднималась вместе со всей громадой окружавших ее льдов, потом так же медленно опускалась.

Гидролог теперь заботился только о том, чтобы льды не раздавили утлое суденышко. О выборе направления нечего было и думать. Но вот показался остров: лодку проносило мимо него. Гидролог стал отчаянно прорываться к берегу. Он не смел взглянуть на мальчика. А Федя стоял в лодке и так же упорно, как и его старший товарищ, отталкивался от льдин вторым веслом.

Вокруг все было бело от льдин. Откуда их принесло столько? Они уже распоролы в одном месте обшивку. Лодка дала течь. Счастье, что водой заполнялся только один отсек, в котором не повредили переборку, не израсходовали ее на заплаты.

Лодка глубоко осела. Федя вычерпывал воду.

Лодочка каждую минуту могла затонуть, и гидролог решил выбраться на ближайшую льдину. Навсегда запомнился ему омерзительный скрип резины, словно по мячу проводили ладонью, — льдины терлись о борта.

Вот и мыс острова, на нем — скала Рубиновая, непередаваемого красноватого цвета... за нею бухта с рудниками на берегу. Но скала удалялась...

— Дядя Саша, что это стучит?—спросил мальчик.

Гидролог ничего не слышал, у него стучало в висках от усталости.

— Стучит, стучит, — настаивал мальчик.

Дядя Саша прислушался. Да, по воде доносился ровный стук мотора.

— Катер!

Неужели катер?

Конечно, он должен быть на руднике! Лодочку за-

метили. Ведь зимовщики, изучая движение льдов, часто смотрят в бинокли.

Дядя Саша сбросил ватную куртку, прикрепил ее к веслу и начал размахивать им над головой. Ему стало жарко, лоб покрылся потом, обледеневшую же бороду запырило снегом.

Катер! Катер! Дядя Саша и Федя еще не видели его, но слышали, определенно слышали!

Скоро они увидели катер. Дойдя до сплоченного льда, он стал пробираться между льдинами. Остров удалялся, но теперь это уже не казалось страшным.

Катер подошел совсем близко. Два моряка прыгнули на льдину. Побежали. Федя видел распахнутые полушубки... тельняшки... Они расплывались, словно он смотрел через мокрое стекло.

Еще через несколько минут спасенных отпаивали горячим чаем из термоса, расспрашивали... Гидролог не мог говорить от усталости: две последние ночи он не спал.

Федя же рассказывал, что и как произошло. О родителях он умолчал, но моряки поняли все без слов.

Через полчаса геологи с рудников обнимали спасенных полярников.

Выслушав гидролога, начальник рудников пообещал оборудовать метеоплощадку, но предупредил, что Александру Григорьевичу с мальчиком, очевидно, придется отправиться для личного доклада на Большую землю. Ледокольный корабль «Лейтенант Седов» в эту навигацию непременно должен зайти в бухту Рубиновую, — он и заберет с собой перебравшихся через пролив полярников.

Глава третья **НЕДОСТУПНЫ БЕРЕГА**

Дни убывали с поразительной быстротой. Солнце, часто скрытое облаками, едва поднималось над горизонтом. Утренняя заря сливалась с вечерней, и дневной свет был совсем как в сумерки, зато краски моря и неба — особенно тонкими и нежными.

Ледокольный корабль «Лейтенант Седов» стоял в бухте Рубиновой, но из-за ледовой обстановки не мог принять пассажиров и начать выгрузку.

У борта корабля шуршали льдины, двигаясь слитной, тяжелой массой. Они наполняли бухту. Скоро все забьет плотным льдом. И тогда льдины, толкаясь друг о друга и шумя шугой, начнут выходить из бухты, почти совсем освобождая ее. Но только решится капитан спустить на воду кунгас и катер, льдины, будто спохватившись, ринутся обратно. И тогда успевай, моряки, поднять свои «плавсредства», чтобы не смяло, не раздавило их это тупое и неистовое ледяное стадо.

Вот уже третьи сутки приливы и отливы гоняют так льдины из бухты в бухту, вот уже третьи сутки корабль не может начать выгрузку оборудования для рудников, хотя дорог каждый день, каждый час. Ведь солнце едва выглядывает из-за горизонта, — скоро спустится на море полярная ночь и холод скует морские просторы: не выбраться тогда из сплошного льда, не расколоть ледяных полей, не пробить дороги даже такому ледокольному кораблю, как «Лейтенант Седов».

На корабле находилось много пассажиров. Тут были сменившиеся полярники с далеких островов, геологи и географы поработавших экспедиций и вместе с ними инженеры и рабочие, которым еще предстояло высадиться на рудники в бухте Рубиновой. В соседних каютах оказались люди, едущие прямо в противоположных направлениях, — на Большую землю и с Большой земли. Но наибольшим вниманием седого капитана корабля, огромного сутулого моряка Григория Ивановича, пользовалась маленькая группка необычных пассажиров — юных туристов, мальчиков и девочек, премированных на туристской олимпиаде путешествием в Арктику.

В свое время было много колебаний, прежде чем им разрешили это плавание, которое, как горячо доказывал капитан, было несколько не опаснее восхождения на какую-нибудь вершину, узаконенную в туристских маршрутах. Решающим в этом споре

оказалось то, что руководителем юных туристов вызвался быть сам капитан.

— От опасностей уберегу, — говорил он еще в Архангельске. — Как в плавучем доме отдыха будут. От одной только «заразной» арктической болезни не гарантирую. Всяк, кто побывает в Арктике, всю жизнь будет туда стремиться и никогда от того не излечится, — и старый моряк хитро шурился.

Когда корабль входил в бухту Рубиновую, ребята, все в подаренных капитаном меховых курточках, были на палубе, около пароходной трубы. Две девочки лет по тринадцати стояли, прижавшись к ней спиной, ощущая ее приятное тепло. Три мальчика, на год постарше, сидели на ларях. Все они смотрели на недоступный берег, отрезанный подвижными льдами.

К юным путешественникам подошел капитан. Его темное, словно дубленое, лицо было сосредоточенным и немного печальным. Обычно топорщившиеся седые усы сникли. Говорил он хрипловатым басом:

— Вот что, ребятки. Задание.

Мальчики вскочили, окружив моряка. Девочки отошли от трубы.

— Сообщили с берега. Появится новый пассажир. Сверстник ваш...

— Как хорошо! — воскликнули девочки.

— Только путешественник поневоле. — И капитан рассказал историю Феди Терехова. — Дружба ему ваша нужна, вот что, — закончил он. — Товарищей, вроде вас, у него никогда в жизни не было. Один он рос на острове...

До самого вечера ждали взволнованные ребята лодку с берега. Но льдины, наполнив бухту, тотчас двинулись в обратный путь, увлекаемые отливным течением. Пробираясь между ними в лодке нечего было и думать.

Ребята установили между собой вахту, чтобы не прозевать появление лодки с маленьким полярником.

Очередную вахту нес Алеша Карцев. Это был стройный, ладно скроенный мальчик с карими, удивительно яркими глазами. Среди ребят он был признанным вожаком, потому что умел видеть во всем инте-

ресное и постоянно что-нибудь изобретал. Сейчас ему хотелось изобрести какой-нибудь способ, который позволил бы выгрузиться кораблю. И он представлял себе надо льдами канатную дорогу, вроде той, которую он видел на стройке одной из волжских гидростанций во время прошлогоднего путешествия.

Корабль почти незаметно для глаз перемещался вдоль берега. Якорь его лежал недвижно на дне, а на свободно отпущенной якорной цепи приливное или отливное течение относило ледакол то в одну, то в другую часть бухты. Теперь корма его была повернута к крутому снежному склону, на котором виднелись две мачты радиоантенны, большой ветряк на ажурной решетчатой башне, хлопотливо вертевший крыльями, и расположенные амфитеатром двухэтажные дома работников рудника. В пространстве между кораблем и берегом под воображаемым канатом Алеша увидел лодочку. Она лавировала между льдинами, стараясь пробиться к кораблю. Отважный гребец то стоял в ней, отталкиваясь от льдин веслом, то садился, принимаясь исступленно грести, чтобы перегнать льдину. На корме сидел мальчик.

Высыпавшие на палубу по зову Алеши юные путешественники видели, как лодочка едва не опрокинулась, когда на нее сбоку налетела льдина. Девочки вскрикнули.

— А как они плыли через пролив! — сказала одна из них, черноглазая, тоненькая. — Как бы я хотела тогда быть с ними!

— Какая отвага! Жанна д'Арк с черными косичками, — иронически процедил толстый мальчик с пухлыми щеками и маленькими бегающими глазками. — Из Москвы для спасения Галочки Волковой вылетела бы на воздушном шаре классная руководительница Марья Петровна.

— Витяка, не надо, — робко остановила его другая, совсем, казалось, маленькая девочка.

— Бацьте, хлопец-то невеликий, а гребет добре! — заметил баском самый крупный из ребят в такой же, как и они, меховой курточке, но в фуражке с молоточками ремесленника.

Лодка, увертываясь от льдин, все ближе подходила к кораблю. Матросы сбросили за борт штормтрап — веревочную лестницу. Нижние ее ступеньки коснулись воды.

По штормтрапу первым забрался на палубу коренастый мальчуган, удивленно поглядывая исподлобья на встретивших его ребят. За ним следом ловко поднялся бородатый полярник.

— Терехов, будь здоров, — протягивая руку, сказал капитан. — Знакомься: твои дружки будут. Привет, Александр Григорьевич. Годика три не виделись, — обратился он ко второму пассажиру.

— А у меня к вам, капитан, — сказал тот, запуская руку в курчавую бороду, — поручение от комсомольцев с берега.

— Они передавали мне по радио. Рискованно это, но пойдем обсудим, — капитан, обняв за плечи бородатого полярника, повел его в свою каюту.

— Здравствуй, мальчик, — сказала тоненьким голосом маленькая девочка с прозрачным личиком и первая протянула Феде руку. — Мы все о тебе знаем и поклялись в вечной дружбе.

Федя нахмурился, еще ниже опустил голову.

Толстый Витя взял его под руку:

— Беру на себя труд красочно всех представить. У меня папа — профессор Омулев. А поздоровалась с тобой моя сестренка Женя. Она пискля и еще упрямее меня. В виртуозы-пианисты лезет. В туристский поход за мной увязалась, премия и ей досталась...

— Я не хотела Витяку оставлять одного, — заметила серьезно девочка.

— Мы все тут премированы путешествием, — продолжал Витя. — Арктика — страна славных путешественников. Я записал в своем дневнике, что она представляется мне спящей царевной в ледяном гробу, закованном в ледяные цепи. А это Галя. По призванию мечтательница, нуждается в подвиге, который пока что совершить не может. Хотела стать учительницей географии. Собирала по всей стране камешки, из пустыни песочек, из Москвы-реки и из Амура флакончики воды.

— Я буду геологом! — прервала Галя.

— А это Денис, — не обращая на Галю внимания, продолжал Витя. — Выжимает меня одной рукой. Впрочем, силен, но простоват.

— Подожди, — оборвал Витю Алеша и протянул Феде руку:

— Я Алеша Карцев. Ты настоящий полярник, а мы только твои гости.

Федя исподлобья взглянул на Алешу и чуть улыбнулся. Крепко ответил на пожатие. Вскоре бородатый полярник нашел ребят на юте.

— Выполнение одного тайного задания, — сказал он, загадочно улыбаясь, и увел с собой Федю и Дениса.

Заинтригованные ребята сошли с юта, чтобы присутствовать при спуске на воду катера. Подъемная стрела уже выносила его за борт. На коснувшийся воды катер спустились бородатый полярник, которого звали дядя Саша, и Федя с Денисом. Алеша немного обиделся, что ему, главарю, не сказали, куда повезли ребят.

Застучал мотор катера. Суденышко, уваливая от льдин, направилось прямо к айсбергу, который вчера отделился от ледника и белой громадой вырисовывался на фоне скалы Рубиновой.

— Поднять якорь! — слышалось с капитанского мостика.

— Вперед, самый тихий! Лево на борт! — звучала команда.

Катер, весело постукивая мотором, подходил вплотную к ледяной горе, словно хотел около нее ошвартоваться. Дядя Саша стоял у штурвала, Денис и Федя — по обе стороны рулевой рубки, готовые выполнять какие-то таинственные приказания.

Все трое одновременно заметили на айсберге белого медведя. Он лежал на выступе, ближнем к скале Рубиновой, и с корабля не был виден. Теперь, потревоженный стуком, он поднялся над самой головой Феи и Дениса и, казалось, сейчас прыгнет на них. Оба непроизвольно втянули головы в плечи.

— Гэт! — диким голосом заорал дядя Саша.

Катер бортом чуть царапнул ледяную гору.

Медведь, вместо того чтобы прыгать на катер, проворно полез на самую вершину айсберга и там лег, прикрыв свой черный нос лапой, как это он обычно делал, охотясь на нерпу. Мишка, вероятно, воображал, что, слившись со снегом и «замаскировав» единственное темное пятно на своем теле, он превратился в невидимку.

— Вот беда, охотников среди нас нет,— смеясь, сказал дядя Саша.—А ну, ребята! Дадим зверю концерт.

— То можно, — отозвался Денис и неожиданно могучим для подростка басом рывкнул: — «На земле весь род людской...»

Дядя Саша, засунув в рот четыре пальца, стал оглушительно подсвистывать куплетам Мефистофеля. Вылезший на палубу моторист принялся колотить в такт разводным ключом в железный ящик.

— «Сатана там правит бал, там правит бал!» — неслось по воде. А тут еще включился Федя, неподражаемо взыв сиреной.

Люди на корабле бросились к борту, недоумевая, что за крики слышатся с катера. Они увидели, как с айсберга прыгнуло что-то белое и плюхнулось в воду. Через мгновение над поверхностью воды показалась острая медвежья морда.

— Он плавает, как дельфин! — восхищенно крикнула Галя.

— Эх, в глаз бы его теперь! — пробормотал Витя. — Я за винтовкой побегу.

Белый медведь действительно не уступает в воде ни тюленю, ни морскому льву, ни дельфину. Скоро зверь выбрался на лед и помчался вскачь, высоко подбрасывая зад. Перебежав льдину, он снова бросился в воду, чтобы вскоре выскочить на следующую.

Глава четвертая

ЛЕДЯНАЯ ПРЕГРАДА

В первый раз Витя получил винтовку на корабле во время так называемой охоты на белых медведей. Он так описал ее в своем дневнике:

«...И вот я увидел царей белой пустыни. Это была медведица с двумя уже подросшими медвежатами. Они совсем близко подошли по льдам к кораблю и нюхали воздух, вытянув свои острые морды. Почуяли, подлецы, съестное и пришли полакомиться. Старпом протянул мне винтовку. У меня даже руки затряслись. А он смеется. «Бей, — говорит, — в медвежонка. Остальные от него не уйдут». В медвежонка можно было бы уже бросить камнем. Мне надо было еще подождать, но я не вытерпел, поторопился. Какое счастье было видеть, как большущий медвежонок забавно перекувыркнулся через голову. Жалобно скуля и оставляя за собой темный след на снегу, зверь побежал. Я не успел выстрелить еще раз. Старпом выхватил у меня винтовку. Выстрелил, но мимо. Я злорадствовал. Я-то все-таки попал! Медведи уходили. Раненый заметно отставал. Старпом выругал меня и пошел на мостик изменить курс корабля. Как и предсказал он, медведица с медвежонком не ушли, вернулись к отставшему. Корабль, легко расталкивая льдины, подходил к тому же месту. Стоя около раненного мною медвежонка, медведица рычала на корабль. Мне это было смешно! Рычи, рычи, царица! Старпом опустил на палубу и приготовился стрелять. Я впервые понял, что такое азарт охоты. Оба медвежонка бегали по льдине и сопели. Старпом выстрелил. Второй медвежонок, так же как и мой, перекувыркнулся и сразу затих. Еще бы! Старпом-то стрелял почти в упор. Медведица продолжала рычать, а раненый все бегал вокруг убитого. Раздался еще выстрел. Медвежонок завертелся, словно ловя свой хвостик, упал, кое-как поднялся и, подбежав к брату, прилег к нему, словно хотел пригреться и отдохнуть. Потом убили медведицу. Матросы спустились на лед. Обвязали канатом сразу двух медвежат и подняли обоих лебедкой на палубу. Старпом пообещал отдать мне шкуру подстреленного мной медведя и позвал вечером есть медвежатину. До вечера медвежий окорок будут вымачивать в уксусе, чтобы отбить рыбий запах. Медведицу поднять не успели. Вышел разгневанный капитан и не позволил задерживаться ни на

минуту. Старик кричал о заповеднике, который надо создать для бесстыдно истребляемых медведей. Мне было неловко слушать, как он отчитывал своего старшего помощника, даже назвал его «живодером».

Так старпом, белокурый великан с озорными глазами, приучал Витю к «поморскому духу», и когда Витя уж очень приставал к нему, давал винтовку. Выпросил Витя винтовку и на этот раз. Гордый своим оружием, он вернулся на палубу, где девочки с изумлением наблюдали за подошедшим к айсбергу катером.

На ледяную гору с катера перебрался Денис, которого из каких-то соображений захватил с собой гидролог. Дениска был парень крепкий и выглядел старше своего возраста. Дома, в Кривом Роге, он рос, предоставленный самому себе, дружил с сорванцами мальчишками, остался в пятом классе на второй год и из-за своего роста был прозван там «дядькой». Отец корил его тем, что он «ни на кого не выучится». Упрямый мальчик пожелал идти в ремесленное училище, чтобы поскорее встать на ноги, не быть батьке в тягость. В училище мастер, которому приглянулся крутолобый хлопец, сумел привить ему любовь к изделию, выходящему из-под его рук. Дома с отцом он теперь сидел у стола «на равных», прикуривал у него и рассказывал о тяжелой атлетике или туристском походе на Каховскую ГЭС. После этого похода он сделал в кружке «Умелые руки» модель гидротурбины, за что и был премирован путешествием в Арктику. На корабле он охотно помогал матросам, в машинном отделении был своим человеком. Капитан ценил его и рекомендовал гидрологу взять Дениса в рейд на айсберг.

Денис, а следом за ним и Федя перебрались на ледяную гору. Дениска легко нес на плече тяжелую кувалду, Федя — железный костыль. Вскоре послышались мерные удары. Денис опускал кувалду с молодецким криком, приседая. Описав дугу, кувалда в его руках летела вниз со свистом. Денис лихо обрушивал ее на костыль, который придерживал рукой Федя. Из-под костыля веселыми искрами разлета-

лись осколки льда, острые, холодные. Федя ощущал летящие льдинки рукой, щекой, даже лбом, и ему было весело. Он гордился сноровкой и силой товарища.

Дядя Саша затащил на айсберг конец троса. Стальной канат обвели вокруг ледяного выступа и закрепили у забитого костыля.

Снова застучал мотор катера. Суденышко отчалило от айсберга. На ледяной горе остался Денис, держась обеими руками за спускавшийся в воду трос. Этот трос ровными кольцами сходил под наблюдением Феде с бунта, лежавшего на корме катерка.

— Алеша, — спрашивала Женя, — зачем они везут канат на корабль?

— Увидишь, — пробурчал мальчик, болезненно переживая, что не может ответить.

— Что тут особенного? — самонадеянно вмешался Витя. — Ясно, что кораблю за айсберг надежнее зацепиться, чем за якорь, который неизвестно еще как валяется на дне.

Катер подошел к борту ледокола. Сверху Феде сбросили линь, и мальчик обвязал им оставшийся бунт троса. Потом трос вытащили на палубу и закрепили его за кнехты, чугунные тумбы на корме, как делают это, когда расчаливают корабль у причала.

— Если мы будем стоять на рейде, зачем же разводить пары? — указала Галя на пароводную трубу. Из нее черными клубами валил дым.

— Вперед, до полного! — слышалось с мостика.

Ребята переглянулись. Такой команды ни Алеша и никто другой не ожидали. Как вперед, если корабль привязан канатом к айсбергу?

Трос теперь натянулся, поднявшись из воды. Ребята бегом помчались на корму. Там, перевесившись через реллинги, они смотрели, как бешено бурлила и крутилась вода под кормой, как ныряли, увлеченные водоворотом, маленькие льдины и, словно перепуганные, выскакивали обратно, вертясь, отлетая в стороны. Казалось, что на дне, под кораблем, началось извержение подводного вулкана и потому вода здесь клокочет, пенится, а со дна сейчас вырвется огонь.

— Ничего особенного, — сказал Витя. — Просто

испытывают на разрыв стальной трос, чтобы быть в нем уверенным.

— Нет! — тряхнула головой Галя. — Это буксируют... айсберг!

Алеша быстро взглянул на Галю, потом на берег. Он уже давно подумал об этом, однако такая мысль показалась ему слишком невероятной. Все же он заметил на берегу ориентир и посматривал на него. Но корабль пока не сдвинулся с места.

— Смотрите, мальчики. Денис машет руками, он о чем-то сигнализирует, — указала Женя.

Денис остался на айсберге, чтобы следить за поведением троса и положением айсберга, но сейчас он сигнализировал совсем о другом.

Стремясь, как и Алеша, определить, не двинулся ли айсберг, он заметил, что белый контур вершины передвинулся на красном фоне скалы. У Дениса даже сильнее застучало сердце, но белый контур снова оказался на прежнем месте. Денис протер глаза. Двигалась не ледяная гора, а только кусочек льда на ее вершине. «И вовсе это не лед! То ж зверь!»

Подросток быстро полез вверх. Кто-то белый высовывался из-за ледяного края. На всякий случай Денис захватил с собой кувалду.

Ближе к вершине, примерно на том месте, где прятался белый медведь, оказалось углубление, похожее на занесенный снегом грот. «Чи песец там, чи еще кто?» — подумал парень, крепко сжимая рукоятку молота. И вдруг он увидел высовывающуюся из пещерки забавную мордочку совсем еще маленького медвежонка. «Ух ты, ведьмешка!» — рассмеялся Денис и храбро подошел к покинутому испуганной матерью зверенышу.

Медвежонок заворчал было, тревожно засопев, — медведи всегда сопят при тревоге, — но ласковая рука Дениса успокоила зверька. Денис вытащил медвежонка за загривок. Он сонно жмурился и облизывал мордочку розовым языком. «Ух ты, ведьмешка!» — ласково повторил Денис, глядя найденыша по головке и прижимая его к груди. Медвежонку это понравилось. Тогда Денис сунул малышу большой палец, и тот стал

с аппетитом его сосать. Денис был счастлив. Ему представилось, что он приручит «билого ведьмида», привезет в Кривой Рог и будет водить на ремне по улице.

Держа одной рукой медвежонка, Денис другой делал знаки, стараясь сообщить на корабль о своей находке. Наконец он догадался поднять медвежонка над своей головой. Это было совсем не так легко, помогло лишь увлечение тяжелой атлетикой.

— Медвежонок! У него медвежонок! — не своим голосом закричала Женя.

Дети побежали к капитанскому мостику, чтобы сообщить о находке их товарища.

Витя с размаху наскочил на старпома:

— Сенсация! Вы понимаете, мы нашли медвежонка... То есть наш Дениска нашел на айсберге медвежонка!

— Неладно, — сразу нахмурился старпом. — Снимать надо парня. Ошкуиха беспрерывно за детенышем вернется... Эх ее угораздило не по расписанию медвежонка принести. Действительно, вроде научная сенсация. — Приложив руку козырьком, он всмотрелся в фигуру Дениса и быстро взбежал по трапу на капитанский мостик. Через минуту он так же быстро спустился и скрылся на спардеке.

И тотчас заревел гудок, затем сразу же смолк, потом опять взревел, погудел дольше и снова замолк...

— Азбука Морзе, — прошептала Галя, вцепившись в Алешину руку.

Действительно, короткие и длинные чередующиеся гудки напоминали азбуку Морзе. На катере, находившемся в свободной ото льдов части бухты, видимо, поняли приказ. Застучал мотор, и суденышко двинулось к айсбергу.

Денис же ничего не понял. Он опустил медвежонка на лед и стал забавляться с ним. Зверенышу было месяца два или чуть больше. Обычно медведицы приносят детенышей в марте, этот же появился на свет по меньшей мере на два-три месяца позже. Денис и не подозревал, что столкнулся с интересным для науки случаем. Его забавлял медвежонок сам по себе. Но тут он увидел медведицу...

Старпом, хорошо знавший повадки зверей, не ошибся. Испугавшаяся в первый миг медведица оправилась и, повинуясь материнскому инстинкту, вернулась к детенышу.

Денис увидел медведицу, когда она неслышно подплыла к айсбергу и выбралась на его пологую часть, обращенную к скале Рубиновой. Сначала Денис так перетрусил, что почувствовал себя, как во сне, когда хочешь крикнуть и не можешь, хочешь бежать — нет сил. А медвежонок разыгрался, тыкался своей мордочкой Денису в колени.

Медведица вылезла на лед и стала подниматься по откосу. Пот выступил у Дениса на лбу. Он готов был уже прыгнуть в воду и даже подвинулся к обрыву, но тут натолкнулся на брошенную им же самим кувалду. Из чувства самосохранения он схватил свое единственное оружие и застыл с ним скорее в оцепенении, чем в готовности обороняться.

Медведица поднималась не спеша. В одном месте она остановилась, понюхала след на снегу и тревожно засопела. Потом быстро полезла вверх.

Юные товарищи Дениса с волнением следили за фигурой мальчика, четко вырисовывавшейся на фоне зари. Они не понимали, зачем он взял кувалду. И вдруг почти рядом с Денисом на оранжевом небе появился силуэт медведицы.

Общий вздох пронесся по палубе. Многие отвернулись... Витя сорвал с плеча винтовку, прицелился и, когда мушка оказалась на медвежьем силуэте, нажал спусковой крючок. Он даже не почувствовал плечом удара отдачи. Выстрел показался ему сухим щелчком... ствол винтовки запрыгал, руки задрожали. Не веря глазам, он увидел, как медведица осела, скользнула по крутому откосу, обращенному к кораблю, и, цепляясь когтями за лед, стала сползать все ниже и ниже. Крики людей на корабле заглушили ее рев. Зверь скатывался к обрыву. Второй раз сегодня с корабля видели, как плюхнулось в воду медвежье тело, но медведь на этот раз не поплыл, как дельфин, а остался недвижимым на поверхности, похожий на маленькую льдину.

Женя кинулась на шею брату, стала целовать его:
— Я всегда думала, что ты такой!..

Витя растерянно оглядывался: он увидел восхищенное лицо Гали, сияющие, удивительно яркие глаза Алеши, протягивающего руку, и сейчас же взглянул на мостик. Заметил ли кто-нибудь из командиров корабля, как он вскинул винтовку?.. Больше всего ему хотелось, чтобы на капитанском мостике оказался сейчас его «приятель» — старпом. Моряк-охотник действительно стоял там, держа в руке винтовку, но он вовсе не смотрел на Витю. Обиженный Витя иронически усмехнулся. «Мне очень жаль, сэр, но вы опоздали. На этого зверя понадобился только один патрон». С той же усмешкой Витя положил руку на затвор, сделал привычное движение, чтобы выбросить стреляную гильзу и довести в казенник новый патрон.

Затвор щелкнул, но... гильза не вылетела. Витя автоматически повторил движение. И снова гильза не вылетела. Витя похолодел: он вдруг вспомнил, что в магазине его винтовки не было обоймы. Старпом не позволял ему ходить с заряженным оружием. Почти с испугом посмотрел он теперь на мостик. Старпом уже ушел.

Алеша крепко жал Вите руку:

— Я зря о тебе думал... ты хороший!

Витя, багрово-красный, молча выслушивал слова благодарности. Пожилая полярница сказала:

— Подумайте! Ведь совсем мальчик... и так метко!

«Но ведь я тоже мог попасть, если бы у меня была обойма, — подумал Витя. — Важно, что я не растерялся, прицелился и спустил курок одновременно со старпомом. Просто в теле медведицы могли бы быть две пули. Интересно, будут ли ее подбирать? Хоть бы она утонула!..»

— Почему ты такой красный, Витя? — спросила Галя.

Витя смерил ее уничтожающим взглядом.

Галя уже смотрела в другую сторону.

— Женя! Денис с медвежонком на катере.

— Мы будем с тобой заботиться о медвежонке,

это будет наш медвежонок, правда, Галя? — заговорила Женя, обнимая подружку.

Витю увели полярники. Алеша остался один. Только сейчас заметил он, как значительно передвинулся айсберг. Он тотчас мысленно объяснил это себе: «Сказалась постоянно приложенная к буксиру сила тяги винта. Чем она хуже ветра, который гонит айсберг, как парус? Ведь в машине ледокола тысячи лошадиных сил!»

Ледяная гора, сдвинувшись, пока все были заняты историей с медведицей, поплыла... Плыла она и сейчас, хотя буксир ослаб. Гора двигалась или по инерции, или попав в полосу отливного течения. Корабль уже не буксировал ее, а делал разворот. Айсберг сам собой проплывал между кораблем и берегом.

Совсем близко под бортом стучал мотор катера.

И вдруг Алеша понял все. Айсберг встанет на мель, и все льдины, которые плыли бы между кораблем и берегом, мешая выгрузке, будут задержаны, нагромодятся сзади айсберга... Между кораблем и берегом появится чистая вода! Значит, дядя Саша с этим и пришел с берега.

Алеша болезненно поморщился, словно у него запыл зуб. «Денис храбро шел на медведя с кувалдой, Витя застрелил медведя и спас товарища, Федя переплыл пролив в резиновой лодке... Один лишь я ничего не сделал... только изобретал изобретенное! А мог бы сам придумать здесь ледяной мол».

Подошел улыбающийся дядя Саша. Мальчик спросил его:

— Простите меня, пожалуйста, кто додумался построить здесь ледяной мол?

— Ледяной мол? — переспросил полярник, поглаживая бороду. — Ты хорошо сообразил. Комсомольцы острова выдвинули это на своем общем собрании. Инженер Ходов, начальник рудников, старый комсомолец, — он еще Комсомольск когда-то строил, — их сразу же поддержал и попросил меня капитана уговорить. Вот и попробовали. Кажется, получается.

— Получается! Еще как получается! — восхи-

щенно заговорил Алеша. — А я, дурак, хотел канатную дорогу через льды построить.

— Канатную дорогу? И это неплохо... когда-нибудь пригодится, — похлопал мальчика по плечу полярник.

Ободренный Алеша пошел на ют к ребятам. Девочки, занявшись медвежонком, не видели, как айсберг сел на мель и как напивавшие на него льдины постепенно образовывали ледяной затор. Длинная льдина, кусок ледяного поля, зацепив за айсберг, повернулась и почти задела берег. Она тоже стала задерживать лед. На глазах у моряков и полярников в бухте в каких-нибудь десять минут образовалась ледяная преграда.

С корабля спускали на воду кунгас.

Через полчаса, когда кунгас нагрузили оборудованием для рудников, катер потащил его к берегу по чистой воде.

Ребята, как всегда, были на юте. В ноги им все тыкался медвежонок, пока девочки не принесли ему еды. Особое предпочтение медвежонок оказал сгущенному молоку. Витя демонстративно чистил винтовку, что полагалось делать после каждого выстрела... Алеша как замороженный смотрел на нагромождение льдин, которые он назвал «ледяным молом». Федя и Денис вполголоса говорили о чем-то.

— Ни... — гудел Денис, затагиваясь самокруткой. — Я дюже крепко испугался... тикать ведь некуда было...

Глава пятая **ШТОРМОВАЯ ВОЛНА**

Осенние бури в Баренцевом море — страшные бури.

Когда в другом полярном море начинается шторм, капитаны стремятся укрыться во льдах. В Баренцевом же море льдов не было. Всюду гуляли гигантские валы, похожие на сорвавшиеся с места железнодорожные насыпи. Они вскидывали корабль так, что винт под кормой обнажался и руль беспомощно повисал в воздухе. Судно теряло управление. Корабль, каза-

лось, уменьшился в объеме, стал по сравнению с волнами размером чуть ли не со шлюпку. Как-то неуклюже, боком взлетал он на пенные гребни и срывался с них в глубокие седловины. Качка была одновременно и бортовая и килевая. Пароходная труба стала мокрой от пролетавших над палубой брызг.

Витя слышал, как его друг старпом сказал: «Эк, взводни разошлись порато». Щеголяя поморскими словечками, Витя повторял эту фразу. Однако вскоре он скис и уже не показывался из каюты, проклинавшая и море и поморский говор.

На корме, под приподнятой частью палубы, был проход. В нем стояла сколоченная Денисом деревянная клетка, запиравшаяся дверью с задвижкой. В ней жил медвежонок. Девочки горевали, что ему там холодно, что его окатывает ледяной водой и он простудится. Напрасно утешал их сам капитан, уверяя, что «холодная вода для Гексы милее ватного одеяла». Кличку «Гекса» для медвежонка придумал Витя. Произошла она от ласкового прозвища, с которым обращался к медвежонку Денис, — «Ведьмешка». Девочки, переиначив это слово, стали называть свою любимицу «Ведмочкой». Но тут вмешался Витя и предложил кличку «Гекса», что в переводе с немецкого и значит «Ведьма».

Гекса в шторм чувствовала себя прекрасно, у нее только непомерно увеличился аппетит, в то время как у всех ребят, кроме Феди, он совсем пропал.

Девочки несли Гексе еду. Пробираясь по палубе, они цеплялись за мокрые, местами обледеневшие штормовые канаты, перебегали от переборки к переборке, которые, как теперь выяснилось, нарочно были поставлены, чтобы прятаться за них от ветра. Галя все время держалась молодцом, но Женя от качки была едва жива. Галя подняла ее с койки и заставила нести медвежонку корм, потому что от морской болезни, как сказал капитан, лучше всего помогает работа. На ветру, когда вышли на палубу, Жене, пожалуй, стало лучше, но ее пугали грозные волны, она боялась смотреть в сторону моря и держалась за Галин рукав.

Добравшись до клетки, Женя испуганно вскрикну-

ла. Дверца от качки со скрипом открывалась и закрывалась, клетка была пуста.

Галя нахмурилась, свела свои прямые, сросшиеся брови.

— Это Витя, это все твой любимый братец! — с горечью сказала она Жене. — Я видела, как он учил Гексу поворачивать задвижку.

Гекса исчезла. Медвежонка искали по всему кораблю, искали матросы, искали девочки, Алеша, Федя, даже Денис поднялся «пошукать любую свою Ведымешку». Витя встать отказался.

— Неужели Гекса прыгнула в море и теперь утонет? — плакала Женья.

Федя утешал своих новых друзей:

— Ошкуча застрели — не потонет. Помните, около айсберга медведица не тонула. Жиру много, вот она и легче воды. Плывет Гекса.

— Но она захлебнется, умрет с голоду, — беспокоилась Галя.

— До льдов бы добраться, — задумчиво продолжал Федя.

— Льды далеко, миль за сто, — напомнил Алеша.

— Ой, не доплывет! — принималась плакать Женья. — А выберется на лед, кто ее кормить будет сгущенным молоком?

Федя рассказывал:

— У медведей обычай. Встретит медведица медвежонка — усыновит...

Дети уныло смотрели в иллюминатор каюты, то и дело закрывающийся зеленой стеной. Больше всего на свете они хотели бы сейчас увидеть льдину. Но льдов не было.

Шторм не стихал. Казалось, что море изрезано холмами, вершины которых покрыты снегом. Снег этот вскипал, исчезал и снова появлялся на пенных гребнях косматыми гривами, а холмы двигались. Издали они походили на застывшие зубцы.

Пропажа медвежонка неожиданным образом сказалась на юных путешественниках. Всех ребят, кроме Феди, охватило безразличие, они даже перестали выбегать на палубу, к борту.

Тогда-то капитан и спустился к ребятам в каюту. Все они лежали на койках, лицами вниз. Только Федя был на палубе. При виде капитана Алеша и Денис, лежавшие на верхних койках, сели, свесив ноги.

Капитан поднял упавший стул и поставил его рядом с койкой Жени.

— Вот что, ребята. Задание.

— Ой, плохо, Григорий Иванович, — пожаловалась Женья.

— Штормяга разыгрывается, — продолжал капитан. — Пассажиры полегли. А морская болезнь... только поддайся ей — пропадешь. Должны вы мне помочь.

На корабле было объявлено, что сегодня, несмотря на шторм, состоится концерт юной пианистки Жени Омулевой. Пассажирам, в каком бы состоянии они ни находились, капитан настойчиво советовал прийти в кают-компанию.

Незаурядной для своих лет пианисткой Женья стала благодаря деспотическим и честолюбивым заботам матери, которая сама, натрудив когда-то руку, так и не стала виртуозом. С пяти лет талантливая девочка, послушная и усердная, познала тяжесть музыкальной муштры.

Жене не раз приходилось участвовать в концертах, но никогда не чувствовала она себя такой жалкой и беспомощной, как в этот штормовой день. Галя взяла на себя заботу о подружке: наряжала, причесывала ее, завязывала большой бант. От этого и ей самой стало легче. Алеша, Денис и Федя отправились в кают-компанию занимать места. Витя громко стоял, уткнувшись в подушку.

В кают-компании и на палубе около открытых иллюминаторов собрались пассажиры и моряки, свободные от вахты. У многих вид был неважный, но сообщение, что какая-то девочка будет давать концерт, подбодрило всех.

Когда Женья, тоненькая, слабая, вошла в кают-компанию, она ужаснулась, — пианино взлетало до уровня второго этажа, потом проваливалось, словно в подвал, но Женья твердо решила играть. Окинув

взглядом слушателей, она не смогла разобрать ни одного лица, перед глазами ходили круги, грудь теснило.

Девочка села за инструмент и заиграла.

И сразу что-то изменилось. Она уже не замечала ни взлетов, ни падений пианино. Музыка овладела ею, вытеснив все остальное.

Магическое действие звуков ощутила не только сама исполнительница. Баллада Шопена заставляла забыть о разыгравшемся шторме, сшибающем с ног ветре, а главное, о качке.

Капитан, большой любитель музыки, сам игравший на аккордеоне, сидел ближе всех к юной пианистке, упершись огромными руками в расставленные колени.

Слушатели устроились в креслах, задумчиво полукрыв глаза, или стояли вдоль стен, широко расставив ноги, привалившись к дубовой обшивке. Это были моряки с обветренными лицами, полярники, кое-кто с опущенными бородами, все люди простые и мужественные, которые, живя вдали от Большой земли, слушают музыку по радио и, пожалуй, любят ее больше, чем обычные жители материка. Инструмент гремел, как оркестр, звенел и пел, заглушая грохот шторма.

Вошел дядя Саша, наклонился к уху капитана, и капитан тотчас, осторожно ступая на носки поскрипывавших сапог, вышел. Следом за капитаном вышел второй штурман, а потом еще несколько моряков.

Женя подумала, что играет плохо, но в это время накренилась кают-компания. Слушатели начали тесниться к выходу. Женя прикусила губу. Глаза ее наполнились слезами. «Корабль тонет», — решила она.

— Играй, девочка, — сказал в иллюминатор дядя Саша.

Женя приняла его слова как приказ и продолжала играть. Ей было страшно, но гордость не позволяла ей выказать страх. В буфете за переборкой что-то звякнуло, разбилось. Потом все вокруг заскрипело. Женя осталась одна в кают-компании, но мужественно продолжала играть, уверенная, что уже спускают спасательные шлюпки, и ветер ревет в снастях, и волны с грохотом бьют в накренившийся борт...

Через открытые иллюминаторы на палубе слышны были могучие аккорды прелюда Рахманинова.

В кают-компанию вбежал Алеша. Он остановился в изумлении перед Женей. Что-то в ее бледном одухотворенном лице поразило его.

— Мы тонем, да, Алеша? — спросила она сквозь слезы, не прекращая игры.

Тогда Алеша понял, какой подвиг, по существу говоря, совершала эта маленькая пианистка.

— Ты... — взволнованно начал он, — ты как герой, — и он неожиданно для себя чмокнул Женю не то в нос, не то в глаз. — Корабль гибнет, только не наш. Пойдем, — и он потащил ее на палубу.

Ветер обрушился на них, лица сразу стали мокрыми от брызг. Корабль валяло с боку на бок. Он шел теперь не поперек, а вдоль волны. Ребята стояли у реллингов, указывая руками вдаль.

— Корабль на горизонте. Он гибнет! — крикнул Федя.

Пожалуй, это походило на правду. Вдали, над зубцами волн, похожая на маятник заброшенного сюда метронома, из стороны в сторону качалась одинокая мачта. Корпуса судна не было видно.

— Он передавал «SOS»? — в ужасе спросила Женя.

— Нет... мы слышали его передачу, но он прекратил ее, как только принял наш запрос, — сказал Алеша. — Мы идем к нему на выручку, а он... видишь, пытается уйти...

— Неужели он хочет бежать от нас, скрыться?

— Мы находимся в советских территориальных водах, — многозначительно заметил Алеша.

Неизвестный корабль действительно старался скрыться от «Лейтенанта Седова», но, видимо, с рулевым управлением у него было неладно. Он никак не мог встать против волны. Расстояние между кораблями все уменьшалось.

Узнав о необычайной гонке, Витя, кое-как пересилив себя, тоже выбрался на палубу. Остальные ребята, увлеченные погоней, совсем забыли про качку.

— Почему он уходит? Почему хочет скрыться? Чей это корабль?

Федя сбегал на капитанский мостик и посмотрел оттуда в бинокль.

— Флага нет, — сообщил он ребятам, вернувшись.

Уйти беглецу от «Лейтенанта Седова» было невозможно. У ледокольного корабля, рассчитанного на борьбу со льдами, была куда более сильная машина. И меньше чем через час корабли сошлись в море. Маленькое невзрачное судно уже не пыталось скрыться. Труба и палубные надстройки у него были расположены ближе к корме, как у лесовозов, трюм которых рассчитан на длинные бревна. На носу судна латинскими буквами было написано: «Мони».

— Деньги, — перевел Федя.

— Откуда ты знаешь английский язык? — кисло спросил Витя.

— Федя свободно говорит по-английски, — вместо Федей ответил стоявший с ребятами дядя Саша. — Он выучился на острове. Родители его так хотели... И он дал мне много очков вперед. Ну как, переводчик, не побоишься в шлюпку сесть?

Федя с упреком посмотрел на дядю Сашу, но тот, смеясь, обнял мальчика за плечи и повел с собой.

На штормовую волну спускали шлюпку.

— Она сейчас перевернется, — шептала Женя, зажмурившись.

Галя с бьющимся сердцем наблюдала, как шлюпка ударилась о гребень, подскочила, потом повисла в воздухе, снова ударилась о воду. Галя гордилась Федей, своим товарищем. Он крепко, обеими руками держался за борт шлюпки, напряженный, сосредоточенный. По сравнению с матросами он казался совсем маленьким. Рядом с ним сидели дядя Саша и старпом.

— Винтовку взял, — заметил Витя. — Тогда уж лучше меня надо было, а не Федьку...

— Витя, как тебе не стыдно! Ты не так уж хорошо знаешь английский язык, — укоризненно сказала ему сестра.

— Ерунда! Зато стрелять умею. Медведица знает, как...

Шлюпка подошла к самому борту «Мони».

Иностранные моряки покорно сбросили штормтрап. Федя видел, как он то погружался нижними ступеньками в воду, то пролетал мимо борта шлюпки, взвиваясь кверху. Первым за ступеньки ухватился старпом и ловко, как акrobat, «на лету» вскочив на лестницу, полез по ней.

— Теперь ты, — скомандовал Феде дядя Саша.

У мальчика сжалось сердце. Он никогда в жизни не пробовал в такое волнение взбираться по штормтрапу. Ведь он пока только мечтал стать моряком, а жил-то всегда на острове.

Федя не боялся упасть в воду и утонуть, — это ему не приходило в голову. Он просто не хотел показаться морякам неуклюжим или трусливым.

Дядя Саша видел, что его питомец один раз уже пропустил пронесшиеся мимо него скользкие ступеньки. Выждав момент, когда штормтрап пролетал мимо шлюпки в следующий раз, он легонько подтолкнул мальчика. Федя рванулся вперед, ухватил мокрую ступеньку и... повис в воздухе. Он хотел поймать ногой другую ступеньку, но не мог. Кто-то схватил его ногу и поставил ее на перекладину. Конечно, это был дядя Саша.

Федя, взволнованный и смущенный, выбрался на палубу.

«Грязная», — подумал он, оглядываясь.

На него смотрели хмурые, небритые лица чужих моряков. Федя приосанился. Над поручнями показалась голова дяди Саши, и Федя сразу заметил его аккуратно расчесанную бороду. «В шлюпке успел», — подумал мальчик. Полярник перепрыгнул через реллинги и, широко расставив ноги, прочно встал на кренящуюся палубу.

— Мистер кэптэн? — вопросительно сказал он, обводя взглядом одинаково одетых в мокрые макинтоши моряков. — Толмедж, — указал он рукой на Федю.

— Как поживаете, сэр? — выступил вперед один из моряков. — Наш капитан просит извинить его.

В шторм он всегда читает библию. Он просил также напомнить вам, что мы не просили помощи.

Федя перевел. Дядя Саша и сам все понял.

— Вы в советских территориальных водах, — заметил он.

— Мы очень сожалеем, сэр. Наше рулевое управление повреждено. Шторм затащил нас в эти проклятые воды...

Федя гневно взглянул на наглого моряка. Тот осклабился:

— Ветер, сэр. Переведите, бой, что виной всему ветер.

— Переведи, Федя, что ветер все последние дни был северный и северо-восточный, а никак не западный.

Моряк развел руками:

— Проклятый ветер, сэр! Никогда не знаешь, откуда он дует.

— Мы знаем, — ответил дядя Саша.

— Судовые документы, — потребовал старпом.

— Капитан не может вас принять. Как я уже сказал, он читает библию...

— Судовые документы, а не библию! Живо! И откройте трюмы, — скомандовал старпом. — Мы осмотрим их.

Повелительный тон советского моряка, казавшегося богатырем рядом со щуплым иностранцем, произвел на того впечатление. Но он все же пробовал сопротивляться:

— Да, сэр... Но... открывать люки в такой шторм небезопасно. Я ведь только помощник капитана. Право, я не знаю, как сочтет нужным наш капитан. Трюм может залить водой. Я не могу взять на себя такую ответственность...

— Ответственность за судно теперь несу я, — спокойно сказал помор, смотря иностранному моряку в лицо холодными, прищуренными глазами.

— Мы подчиняемся, сэр, — сразу сменил иностранец тон. — Мы всего-навсего норвежское рыболовное судно... нас занесло сюда штормом... мы склонны рассматривать ваше вмешательство как го-

степриимство и заранее благодарим вас. Если вы приказываете, сэр, мы откроем люки.

— Александр Григорьевич, вы осмотрите с Федей трюмы, а я отвлеку мистера кэптана от богоугодных дел. Переводчика не надо, на морском изъяснимся. Приму команду, а потом возьмем буксир с «Лейтенанта Седова».

Помощник капитана «Мони» повел дядю Сашу с Федей к трюму.

Корабль нещадно валяло. На всей его палубе, казалось, не было уголка, куда не доставали бы волны. Вода мчалась по палубе от одного борта к другому, сливалась в море через низкий борт, и тут же судно зачерпывало не меньшую порцию воды.

Люк лишь немного приоткрыли.

— К сожалению, сэр, я очень огорчен... У нас не проведено в люк электричество. Такое упущение... Там темно, сэр, как в душе грешника, а у нас нет переносных фонарей, — раскланивался перед дядей Сашей помощник капитана.

— Скажи ему, Федя, а то я за свое произношение не ручаюсь... скажи ему, что у нас найдется фонарик.

— О'кэй, сэр! — «норвежец» прижал руки к груди. — Я сожалею, но в этот проклятый трюм так неудобно спускаться.

Помощнику капитана пришлось сопровождать своих «гостей» в трюм. Фонарик вырывал из тьмы мокрые бревна.

И вдруг весь трюм залило ярким электрическим светом. Помощник капитана стал скверно ругаться:

— Это опять проклятый паршивец, сын негра и собаки, рыжий Майк! Я набью этому мальчишке глотку его же собственными обезьяньими ушами!

— Чего это он? — поинтересовался дядя Саша.

— Я ругаю этих проклятых бездельников, сэр. В трюме повреждена электрическая проводка, а кто-то дал ток. Это грозит пожаром судна, сэр...

— Слишком много воды для пожара, — усмехнулся дядя Саша.

Весь трюм был загружен мокрыми бревнами, распространявшими сырой, затхлый запах. Некоторые

из них были с характерными закругленными, «обто-
канными» краями, напоминая плавник.

— Та-ак, — протянул дядя Саша. — *Плавник...*

— О'кэй, сэр! — закивал головой «норвежец»,
слишком часто употреблявший американские словеч-
ки. — Обыкновенный, никому не нужный плавник.
Надеюсь, вы не осудите это невинное занятие?..

— Невинное?

— О да, сэр! Это никому не нужные бревна.. Их
вынесло, правда, из ваших рек, но мы вылавливали их
в открытом море.

— В советских территориальных водах, — попра-
вил дядя Саша.

— Ах, сэр!.. Это формальность. Ваша страна слиш-
ком богата. Что значат для нее эти крохи, которые под-
бираем мы, бедные моряки! Это такое невинное занятие.

— Это занятие на нашем языке называется бра-
коньерством. Ваш корабль — «морской вор».

Иностранные моряки угрюмо молчали, посматривая
на мальчика и полярника.

Глава шестая **У ПОЛЯРНЫХ ВОРОТ**

Ледокольный корабль «Лейтенант Седов», ведя на
буксире потерявшее управление судно-браконьер «Мо-
ни», приближался к мысу Канин Нос. Уже недалеко
было Горло Белого моря, эти полярные ворота, откры-
тые в моря Арктики. Арктический рейс заканчивался.

Шторм стихал. Волны шипели где-то внизу, под
бортом, в крошечной тьме.

Ночную вахту нес Алеша.

Юные путешественники вызвались дежурить около
буксира, наблюдать за тросом, смотреть, идет ли
буксируемый корабль следом, и были счастливы, когда
капитан разрешил им это. Вахта длилась два часа.
Алеша только что сменил Галю. Она немного задер-
жалась, показывая ему луну.

Луна «плясала» в небе. Это было очень странное
зрелище. Ветер разогнал тучи. Мелькая в разрывах

облаков, луна взлетала, стремительно проносилась мимо мачты, касалась капитанского мостика и снова взлетала, словно мостик этот поддавал ее снизу.

— Знаешь, Алеша, — тоном заговорщика сказала Галя. — Как бы хорошо было нам, ребятам, иметь свой тайный язык!

— Зачем? — удивился Алеша.

— Мы бы говорили между собой... и никто бы нас не понимал. Это был бы наш, арктический язык. Ты слышал, какие красивые слова иной раз говорит старпом? Это поморские слова.

— Какие же?

— Взводень — это волна. Гёломань — открытое море... Порато! В особенности — порато! Это когда хочешь сказать: здорово, много, сильно...

— Порато, — усмехнулся Алеша.

— Или окаём! Горизонт, значит...

— В языке поморов сохранились древние русские слова, — сказал Алеша.

— Давайте придумаем наш тайный язык.

— Фантазерка! — отмахнулся Алеша.

— Я думала, что именно ты поймешь, — смутилась девочка.

— Я человек реальный.

Галя все не уходила.

— Скажи, ты очень восхищен Женей? Она играла, думая, что наш корабль тонет.

— А ты?

Галя пожала плечами:

— Я очень люблю Женю. А ты?

— Иди спать.

— Хорошо, — согласилась Галя и, вздохнув, понуро пошла на твиндек.

Алеша остался один. Он деловито осмотрел трос, пригляделся к качающемуся огоньку «Мони», прошелся по корме, заглянул вниз, где за винтом бурлила вода, но ничего не увидел. Встал спиной к борту и заметил в темноте приближающуюся маленькую фигурку.

— Все еще не ушла? — примирительно спросил он, думая, что это Галя.

— Это я, — низким голосом отозвался Федя.

Подойдя к Алеше, он уселся на бухту каната.

— Тебе только через два часа, — удивился Алеша.

— Посижу, — ответил Федя.

Федя мог все два часа просидеть молча. И все же это было приятно. Федя с новыми товарищами сходил-ся медленно, но Алеша, по-видимому, был ему ближе всех.

— Давай так, — предложил Алеша. — Расскажем друг другу свою самую главную мечту.

— Давай, — совершенно неожиданно согласился Федя.

Алеша сел рядом со своим малоразговорчивым другом.

— Понимаешь, я специально добился того, чтобы поехать в Арктику. Я тебе расскажу, может быть, ты поймешь. Обычно этого никто не понимает.

— Чего?

— Того, что можно отапливаться холодом.

— Рассмешить хочешь?

— Ну вот, — обиделся Алеша. — Я думал, ты как настоящий друг...

— Ладно. Говори.

— Ты слышал, бывают холодильные машины, которые «делают» холод? Холод — это когда мало тепла. «Делать холод» — это отнимать у тела тепло. В любом домашнем холодильнике электрическая энергия расходуется на то, чтобы в холодильной камере отнять у продуктов их тепло, понизить их температуру. А куда же девается это отнятое тепло? Оказывается, из холодильника вылетает струя нагретого воздуха. Это и есть отнятое у продуктов тепло. Холодильную машину так и называют — «тепловым насосом». Берет тепло на уровне низкой температуры, а поднимает его на уровень высокой температуры. Отнимает тепло у холодного тела, а отдает в виде горячей струи. Тогда появилась идея. Это не я придумал, об этом я в основах термодинамики вычитал: если охлаждать не продукты, а улицу, то холодильная машина все равно отнимет у морозного воздуха тепло и выбросит его вместе со струей нагретого воздуха. Этим можно воспользоваться — построить такие «холодильные печки», которые

охлаждали бы наружный воздух, а струю теплого воздуха направляли бы в комнату. Здорово?

— Здорово. Только удивительно.

— Конечно, удивительно! Удивительно, что еще не начали строить такие холодильные печи. Это очень выгодно: ведь они берут совсем мало энергии, а тепла дают много. Я решил сделать такие печи и именно для Арктики, потому что здесь больше нечем отапливаться. Я об этом еще никому не говорил. Только тебе. Я для того и в туристской олимпиаде участвовал, чтобы победить. И самый трудный маршрут выбрал и дневник сделать постарался. И все, чтобы сюда попасть.

— Зачем сюда?

— Так. Посмотреть. У меня большая мечта, Федя. Когда вырастем, может быть, вместе осуществлять будем. Будем, Федя?

— Если на море.

— И на суше и на море. Понимаешь, мы понастроим такую уйму холодильных машин, чтобы всю Арктику отеплить.

— Ну, знаешь...

— А разве ты ни о чем не мечтаешь? Ничего не хочешь добиться?

Федя подумал:

— Хочу.

— Скажи.

— Землю Санникова вернуть хочу.

— Как это вернуть? — изумился теперь Алеша.

— Про плавающие острова слышал? Вот и Земля Санникова на огромном айсберге была. Ну и уплыла от нас. Но она еще вернется, вот увидишь, снова приплывет, может быть, когда я уже капитаном буду. Ее еще раз открыть придется. Тогда уж поставим ее на якоря. Земля-то наша, русская, советская... Это я тоже никому не говорил.

— Вот это порато, Федя! Дай руку.

— А то на Земле Санникова, может быть, кто-нибудь аэродромы устроил...

Федя замолчал. Алеша отлично понял, о чем он сейчас думает.

— Жаль Гексу, — переменял он тему разговора. Федя не ответил.

— Смотри, как буксир провисает. Волны за него задевают.

Федя молчал.

— Плыла бы наша Гекса, за канат ухватиться бы могла.

Снова Федя не ответил. Алеша напряженно вглядывался в темноту за кормой.

— А если бы в море мы увидели Гексу, ты бы прыгнул, Федя?

— Со спасательным кругом прыгнул бы. Веревку к нему привязать.

— Я бы тоже прыгнул, — решил Алеша. — Слушай, что это? Про Гексу говорим, а мне уже кажется, что она за канат ухватилась. Видишь?

Федя тоже вглядывался в темноту, где канат почти касался гребней волны.

— Вроде ползет кто-то по канату, — хрипло сказал он.

— Федя, беги, поднимай ребят. А я к капитану, докладывать. Ведь моя вахта...

Алеша, балансируя, помчался по мокрой палубе, а Федя — по трапу вниз, в каюту. Как ни казалось невероятным Алешино предположение, Федя почему-то представил себе, что так оно и было. Он шквалом влетел в каюту:

— Гекса! Гекса висит на канате! Скорее! Одевайтесь... Может, спасем.

Ребята вскакивали, ничего не понимая. Женя заплакала от радости. Денис деловито одевался. Витя накрыл ухо думочкой, захваченной из дому.

Федя побежал поднимать дядю Сашу. Галя и Денис прибежали на корму первыми.

— Я вижу! — прошептала Галя. — Гекса уже на самой середине каната... ее окатывает водой...

— То ж не она, то он, — сказал Денис.

— Кто он? — заволновалась Женя.

— Не Ведьмешка, а чоловик.

Существо, передвигавшееся по буксирному канату, как муха по проводу, действительно скорее всего было

человеком. Волны обдавали неизвестного водой и пеной, могли каждое мгновение смыть его в море. Неизвестный уже миновал середину каната и теперь медленно поднимался к корме ледокола. Ребята напряженно следили за ним. Вдруг тот, видимо обессилев, застыл на месте, раскачиваясь над волнами. Ребята кричали ему, но он не отвечал.

— Он сейчас сорвется... сорвется... Что делать? — без конца повторяла Женя.

Появилась Галя со спасательным кругом.

— Привязать веревку, — командовал уже вернувшийся Алеша. — Я сейчас сбегу за ней.

Денис, ничего не говоря, скинул с себя меховую куртку и, поплевав на руки, стал перелезать через поручни на буксирный канат. Девочки испуганно прижались друг к другу, даже не пытаясь остановить Дениса. Денис, вися спиной вниз, перебирая руками и ногами по тросу, ловко полез навстречу остановившемуся незнакомцу.

Прибежал Алеша с линем и ахнул, увидев Дениса на канате. Сначала Алеша заметался по корме, потом привязал веревку к спасательному кругу, надел этот круг на себя и перелез через реллинги, готовый каждое мгновение прыгнуть в море.

Денис добрался до незнакомца. По сравнению с рослым ремесленником тот казался совсем маленьким. Денис повис над водою на одних руках и стал коленом подталкивать незнакомца в спину. Тот понял маневр своего спасителя, подтянулся, прижался к тросу, скрестив над ним руки и ноги. Руки Дениса держались за канат, касаясь головы незнакомца, ноги же болтались в воздухе. Денис стал раскачиваться, стараясь зацепиться ногами за трос так, чтобы маленький человек оказался защищенным снизу телом Дениса. Наконец это удалось ему. Прижавшийся к канату незнакомец ощущал спиною грудь Дениса. Вися на вытянутых руках и ногах, зацепившись за канат лишь носками ног, Денис, может быть, не столько защищал спасаемого от падения, сколько внушал ему уверенность в безопасности.

Почувствовав сильного товарища, висящего под

ним, незнакомец стал осторожно двигаться по канату. Денис повторял его движения. Передвигались оба неуклюже и медленно. Но все ближе были они к корме ледокола.

И вот маленькие, но цепкие руки впились в них. Девочки и Алеша помогли Денису и неизвестному мальчику — да, это был мальчик! — выбраться на палубу.

В первый миг он показался хрупким, мокрым и жалким. Но он был лишь мал ростом и вовсе не младше своих спасителей. Дрожа от холода, а может быть, и от страха, он смешно подпрыгивал то на одной, то на другой ноге, словно хотел, чтобы вылилась вода из ушей. Внезапно перестав прыгать, он ткнул себя пальцем в грудь.

— Майк, — назвал он себя и погрозил кулаком в сторону покинутого им судна «Мони».

Ребята переглянулись.

Незнакомый мальчик схватил Дениса за руку и поднял ее, как судья на ринге.

— Чемпион! — возвестил он.

Денис со смехом сгреб паренька в охапку:

— Отогреть его треба, одежонка на нем дюже мокрая да поношенная.

— Правильно, — подтвердил голос дяди Саша. Вместе с бегавшим за ним Федей и капитаном он подошел сейчас к ребятам.

— Прежде чем мы расспросим обо всем мальчугана, пусть действительно отогреется и придет в себя.

Капитан, потрепав мальчишку по затылку, позволил отвести его на твиндек.

Ребята потащили беглеца с «Мони» в свою каюту. Беглец оказался рыжим. Лицо его было усеяно веселыми веснушками, нос торчал пуговкой. Он был совсем как наши обычные мальчишки, и невозможно было поверить, что он иностранец.

Ему предложили надеть Витин костюм. Костюм был велик, он почти утонул в брюках, но тем не менее с удовольствием натянул на себя еще и рубашку.

Витя проснулся и сел, закутавшись в одеяло. Ему наперебой рассказывали о «беглеце».

— Привели шпиона да еще мои штаны ему отдали, — недовольно проворчал он.

Меж тем иностранец уже огляделся. Его озорные глаза беспокойно бегали. Внезапно он выхватил из кармана своих развешанных для просушки брюк-гольф пеструю связку ярких перьев, которые оказались головным убором индейского вождя. В следующее мгновение рыжий мальчишка ухватился за Витино одеяло и стащил его с Вити. Девочки завизжали. Рыжий бесенок быстро напялил на свою копну волос индейский головной убор, задрапировался в одеяло и стал отплясывать воинственный танец шайонов. Ребята хохотали. Витя готов был лопнуть от возмущения, безуспешно пытаясь ухватить край своего одеяла. Пляска сопровождалась резкими выкриками. Развеселившиеся ребята ладонями хлопали в такт диким телодвижениям «индейца». Казалось, невозможно было остановить этот мечущийся по каюте огненный вихрь.

Успокоила Майка Галя, которая открыла банку сгущенного молока и предложила его «гостю» вместе с хлебом. Мальчик остановился и в одно мгновение измазал сгущенным молоком всю свою веснушчатую физиономию. Витя воспользовался случаем, чтобы отнять свое одеяло.

Уничтожив все предназначавшиеся для Гексы запасы, рыжий бесенок указал в сторону Феди:

— Толмедж, — вероятно, он видел его на борту «Мони». — Это я зажег электричество в трюме. Захотелось посмотреть на русских.

— Почему помощник капитана «Мони» скрыл, что в трюме есть электричество?

— Наверное, боялся, что я попадусь вам на глаза.

— Разве надо было прятать кого-нибудь из команды?

— Я заяц, океанский заяц! — гордо заявил мальчишка.

Ребята хором потребовали объяснений.

Майк, или Майкл Никсон, переводил Федя, пробрался в трюм «Мони» в Нью-Йоркском порту, решив удрать от своей тетки, на попечении которой остался после ареста отца.

— Ханжа и скряга, — сообщил о ней Майк. — Я решил путешествовать.

Для своего «кругосветного» путешествия Майк выбрал самое невзрачное судно, которое попало ему в гавани. Он решил, что на нем будет легче договориться с командой. После того как начало качать, Майк еще долго не вылезал из трюма, наполненного старыми мокрыми бревнами. Боялся, что его пересадят на встречный корабль. Однако опасения «океанского зайца» были напрасны. Судно «Мони» за все время пути не повстречалось ни с одним кораблем. Более того, оно не зашло ни в один порт, где можно было бы высадить мальчика на берег.

— Врет, — заявил Витя. — Так не бывает.

Федя переспросил Майка.

Американский мальчик закивал головой.

— Он говорит, что судно «Мони» все время курсировало вдоль какого-то меридиана... он не знает какого...

— А где их взяли на буксир?

— Он говорит, что был очень удивлен, узнав, что корабль курсирует в русских водах.

— А бревна они где вылавливали? — настаивал Витя.

— Он говорит, что они не вылавливали никаких бревен.

Витя победоносно оглядел всех.

— Бревна они привезли из Нью-Йорка. Он это хорошо знает, потому что на его обязанности было поливать эти бревна водой из шланга, чтобы они всегда были мокрыми.

Лицо рыжего мальчика стало напряженно серьезным. Он вслушивался в слова перевода, в непонятные ему реплики Вити.

— Новый барон Мюнхгаузен, — плюнул от возмущения Витя. — Рыжий и прожорливый.

«Барон Мюнхгаузен» оказался понятием международным. Мальчишка вскочил с койки и, сжав кулаки, стал надвигаться на Витю.

— Но, но, но! Снимите очки, сэр! — закричал Витя, отодвигаясь в глубь койки. — Пусть лучше объяс-

нит, зачем они поливали бревна, когда всем известно, что их надо сушить?

— Он говорит, что не знает зачем. Ему так велели.

— А зачем перелез на наш корабль?

— Он говорит, что его отец всегда был за сближение с Россией и ему захотелось посмотреть русских.

— А где его папа и мама? — спросила Женя.

Майк матери не помнил, а отец умер в тюрьме.

Ребята переглянулись.

— Ничего не разумею, — признался Денис.

— Чего ж тут разуместь, — фыркнул Витя. — Шпион. Отводит глаза. Подослали уверить наших, будто корабль браконьерством не занимался, а привез бревна из Нью-Йорка.

Открылась дверь каюты. Вошел дядя Саша.

— Ну как? Познакомились? Или... подружись? — улыбаясь в бороду, спросил он.

— Со шпионами не дружим, — буркнул Витя.

— Вот как!

— Витя имеет в виду, что бревна... так говорит мальчик... бревна не вылавливали, а везли из Нью-Йорка, — тоненьким голоском заговорила Женя.

Дядя Саша проницательно посмотрел на беспокойно вертящегося Майка.

— Мне не хочется верить, что он нехороший, — продолжала Женя.

— И я не верю, — подтвердил Федя. — Он же моряков «Мони» на чистую воду выводит.

— Ну что ж, разберемся. Пойдем, коман, бой! И ты, Федя, пойдешь с нами к капитану.

— Его зовут Майк, — напутствовала встревоженная Галя.

— Я сейчас оденусь, — говорил Витя. — Я пойду к капитану и докажу все. Дедуктивный метод... Цель и причина...

Галя и Алеша вышли, не слушая рассуждений «детектива». Общее чувство объединяло сейчас мальчика и девочку. Галя, мечтательная, склонная всюду видеть романтическое, всем существом своим хотела, чтобы Майк оказался хорошим. Она всегда предпочи-

тала действовать. И сейчас она решила «спасти» Майка, доказать его невиновность. Из всех ребят, по мнению Гали, сделать это мог лишь один Алеша. Она считала его мальчиком пылким, благородным, справедливым. Она преклонялась перед его изобретательностью и была уверена, что он, умеющий изобретать, придумывать, может проникнуть и в любую тайну. Девочка позвала Алешу на палубу, чтобы попросить его «разгадать» тайну «Мони» и спасти Майка.

Алеша любил решать сложные задачи. Он мог с непостижимым упорством сидеть над шахматным этюдом и не отступал, пока не добивался своего, не находил решения. Не было алгебраического примера, с которым бы он не справился. Открыть загадку «Мони», обелить славного рыжего паренька Алеша хотел не меньше Гали. Она просто угадала в нем это желание. Она часто угадывала его мысли.

Мальчик и девочка держались за руки. Так было лучше. Они помогали друг другу устоять на ногах. Палуба накренилась, становилась крутой, как скат крыши. Ноги скользили, легко было упасть. В небе подпрыгивала луна. Галя смотрела на нее, вспоминала свою последнюю вахту.

— Надо понять, зачем он пришел к нам, — сказал Алеша.

— Судно подозрительное, — отозвалась Галя.

— Почему оно в море избегало встреч? Почему не заходило в порты? — продолжал спрашивать, словно сам себя, Алеша.

Гале казалось, что луна подскакивает всякий раз, как Алеша задавал себе вопрос.

— О каком меридиане говорил Майк? Зачем выдавать себя за браконьеров?

— Не понимаю, — призналась Галя.

— Знаешь, о чем я подумал? Преступники часто ведь так делают. Сознаются в мелком, а настоящее преступление утаят, чтобы в крупном их уже не заподозрили. Бревна вылавливать — это еще не такое большое преступление. Почему бы и не признаться в этом? Как ты думаешь, Галя?

Галя крепко сжала Алешину руку.

— Значит, должно быть еще что-то большое... опасное?..

Снова в небе взвилась луна и исчезла за облаками.

Глава седьмая **ЗА НИМИ БУДУЩЕЕ!**

По Маймаксе, неширокой протоке Северной Двины, шли корабли. Один из них вел другой на буксире. Оба они отвесными бортами возвышались над береговыми домиками. И когда домики были рядом, под самым их бортом, корабли казались действительно огромными.

На «Лейтенанте Седове» заканчивалась уборка. Веселые водяные струи разбивались о палубу, рассыпались брызгами. Дюжий матрос в резиновых сапогах орудовал шваброй, как косой на лугу. В широком размахе летала она от переборок до борта. Денис и Федя, помогая команде, надраивали поручни, Алеша гордо держал рвущийся из рук брандспойт, направляя шипящую струю.

На грязном судне «Мони» все было безжизненно. Никто не принаряжал корабль, не заботился о его внешнем виде.

Встречные пароходы и катера — они соблюдали «правила уличного движения», шли по правой стороне протоки — приветствовали «Лейтенанта Седова» гудками.

Корабли вошли в Северную Двину. После узкой протоки здесь снова повеяло морским простором. Слева показались приземистые склады. На десятки километров тянется нескончаемый порт, вдоль него — город Архангельск.

Корабли отдали якоря и встали на рейде напротив центральной части города. На «Лейтенанта Седова» вернулся старпом, командовавший судном «Мони».

Вид у него был усталый. Почти двое суток он не смыкал глаз, не доверяя чужой команде, и теперь направился прямо в свою каюту, чтобы как следует выспаться. Витя увязался за своим другом. Захлебываясь от гордости, он рассказывал о том, как «они

с Денисом помогли американскому мальчишке перебраться по канату с «Мони» на ледокол.

Старпом, засыпая на ходу, рассеянно слушал Витю и кивал головой.

— Да, а ведь у нас пропала Гекса, — вспомнил вдруг Витя.

Сонливость со старпома как рукой сняло.

— Эх, вы, не уберегли, как же это? — с укором сказал он и открыл дверь каюты. На его койке сидел белый медвежонок и блестящими глазенками смотрел на вошедших.

Витя даже попятился. Старпом рассмеялся, сел на койку и стал ласкать Гексу. Моряк и медвежонок уже давно подружились. Гекса привязалась к старпому даже больше, чем к ребятам, слишком ее тормошившим. Этой привязанностью и объяснялось ее появление в каюте моряка. Повернув задвижку, как научил ее Витя, Гекса во время шторма выбралась из клетки и пошла разыскивать своего друга, старпома. Он был на вахте, но Гекса нашла его каюту по запаху. Дверь каюты открылась при качке, а потом снова захлопнулась. До отъезда на «Мони» старпом так и не заглянул к себе и поэтому не обнаружил беглянку. Медвежонок остался в каюте, забравшись на койку, как это он часто делал при хозяине. А искать Гексу в запертой каюте старпома никому не пришло в голову.

Витя помчался к ребятам.

— Я нашел Гексу! Я нашел Гексу! — кричал он.

Радость этого известия была несколько омрачена предстоящим расставанием с Майком, которого ребята успели полюбить за веселый, озорной нрав. Маленький американец был уже готов съехать на берег и уныло сидел на койке Дениса.

Ребята побежали смотреть Гексу. Денис тоже хотел пойти, но Майк удержал его. Они остались вдвоем. Майк, видимо, хотел сказать своему спасителю что-то очень важное. Он быстро и выразительно говорил, жестикулировал, даже изображал гудящий самолет, но понять Денис ничего не мог.

Майк все повторял слово «Мони», потом, растопырив руки, как крылья, накрывая их, словно при вира-

же, имитируя при этом рев пропеллеров, показывал, как самолет делает круг. Денис напряженно морщил лоб.

«Судно «Мони»? Какой-то самолет? Кружил он, что ли, над «Мони»?»

Майк продолжал тараторить.

— Ничего не разумею, — вздохнул Денис.

В каюту к ребятам заглянул матрос и сказал, что Майка ждут. Денис с Майком вышли обнявшись. Майк подмигивал Денису, как заговорщик. Тот кивнул головой. Маленький американец успокоился, решив, что Денис наконец-то все понял, но это было совсем не так.

Денис беспокойно озирался. Нужен был переводчик. Но ни Феди, ни других ребят не было. Они увлеклись медвежонком, не подозревая, что Майк уже уезжает. Денис хотел сбегать за ними, но Майк что-то зашептал ему на ухо и не отпустил от себя. Потом ловко, как обезьянка, спустился по штурмтрапу на катер.

Шумно загалдели детские голоса. Это прибежали опоздавшие ребята. Они кричали Майку прощальные слова, девочки посылали ему воздушные поцелуи. Он приветно махнул рукой, стоя на корме. Ветер трепал рыжие волосы. Лицо его широко улыбалось.

За кормой катера бурлила вода, оставляя пенный след.

Ребята видели, как сходили иностранные моряки на берег.

Денис повел Алешу и Федю на ют, место всех их сборищ. Он сокрушенно рассказал о странном прощальном разговоре с Майком. Федя заволновался, когда речь зашла о самолете.

Алеша испуганно заглянул ему в лицо. Федя овладел собой, нахмурился:

— Может быть, он про тот самый самолет говорил...

— Какой самолет? — живо спросил Алеша.

Федя отвернулся, ответил хрипло:

— Ну тот... тот, что на нашем острове разбился...

Лицо Алеши озарилось. Увидев это, Денис укоризненно качнул головой: хорошо, Федя отвернулся.

У Алеши что-то рвалось наружу. На сияющем взволнованном лице его можно было прочесть: «Сказать сейчас, сказать ли?»

Подошли девочки и Витя. Федя был снова, как всегда, сдержан, спокоен.

— Ребята, — сказал Алеша. Потом, обращаясь как будто к одной лишь Гале, добавил: — Кажется, тайна «Мони» открыта.

— Кем? — одними губами спросила Галя.

Алеша колебался лишь мгновение, потом решительно ответил:

— Федей.

Федя удивленно уставился на Алешу. Какую он открыл тайну?

— Слушайте, слушайте, ребята! — быстро заговорил Алеша. — Помните, как много непонятого было в рассказе Майка о «Мони»? Везли зачем-то бревна из Нью-Йорка... плавали вдоль какого-то меридиана в советских водах.. А теперь Майк рассказал Денису самое важное, самое главное...

— Что же, что? — торопила Галя.

— Про самолет... про самолет, который делал круг над «Мони».

— Как же он мог рассказать Денису, когда тот по-английски ни бум-бум? — усмехнулся Витя.

— А потому, что, кроме иностранных языков, есть еще... — Алеша запнулся, — ну, детский язык, что ли... международный... Майк показал Денису, как самолет кружил над «Мони». И теперь мне все понятно.

— Мне по крайней мере ничего непонятно, — упирался Витя.

Алеша тряхнул головой. Он любил спорить, умел спорить, голос его тогда звенел, логика доводов была несокрушимой. Обычно Витя был его постоянным противником. Схватились они и теперь.

— Да, все понятно. «Мони» имело особое задание. Судно должно было курсировать в советских водах вдоль меридиана, который проходит через Северный полюс.

Витя презрительно хмыкнул.

— Чтобы отвлечь подозрение, на случай встречи с советскими судами, команда «Мони» решила прикинуться браконьерами, вылавливающими бревна. На самом деле они этим не занимались, а захватили бревно с собой. Помните, Майк должен был поливать их, словно они только что вытащены из воды?

— Это еще не факт, — твердил Витя. — Майк мог все наврать. И напрасно Алеша Карцев превращается в пламенного барристера, адвоката морских пиратов, и пытается их выгородить.

— Выгородить? — возмутился Алеша. — Их не выгораживать, а загораживать надо. Хочешь знать, что такое «Мони»?

— Умираю от любопытства.

— Это плавучий радиомаяк.

— Ох, ты! Это зачем же?

— Судно «Мони» проникло в Баренцево море и давало радиопеленг самолетам, которые перелетали прямо через Северный полюс. Понимаешь? Вот почему один из них... опознавательные знаки-то замазали!.. сделал над «Мони» круг и полетел обратно...

— Не долетел, — мрачно вставил Федя.

— До Северного полюса самолеты шли по радиомаякам знаменитого айсберга... нашли такой огромный айсберг, который крутится на одном месте... Только это не айсберг, а Земля Санникова, которая туда уплыла. Об этом Федя еще давно догадался. Оттуда самолет и поднялся. Ну вот, а после полюса им нужен был радиомаяк в наших водах. Понятно?

— Нет доказательств, — упрямылся Витя. — На судне не нашли никакой специальной радиоаппаратуры.

— Станут они тебе ждать. Они ее утопили, как только «Лейтенант Седов» пустился в погоню, — так и резал ответами Алеша.

— Мальчики, надо сейчас же рассказать об этом дяде Саше, — предложила Женя.

— Алеша, ты... ты... — так и не смогла выговорить ни слова Галя.

Женя порывисто отвернулась. Слезы брызнули у нее из глаз.

— Ты чего? — искренне удивился Витя.

Женя не смотрела на брата.

— Мне стало жалко Фединых папу и маму... — сказала она. — Ну, не приставай... не надо...

Через полчаса дядя Саша докладывал ребячью гипотезу капитану, который с кряхтением облачался в парадный китель, чтобы съехать на берег.

— Любопытно придумано, занятно! — заявил капитан, с хитрецей поглядывая на гидролога. — Учесть, конечно, и такую догадку надобно. Вчера оно могло бы показаться именно так. Холодная война, провокация... ненависть... и все прочее, что людей разделяло... А по мне, лучше бы и не так оно все было!.. Скажем, бревна просто ловили. И, пожалуй, полезнее не назад, а вперед заглядывать... в Завтра. А коли так, то дружба ребят с маленьким американцем куда ценнее. Всем им жить в будущем: и нашим и американцам... И чтоб не плавали в морях ни браконьеры, ни тайные маяки!..

— Да, им жить в будущем, — повторил гидролог.

— Хоть бы глазком заглянуть в это Завтра, — подмигнул старый капитан и одернул свой китель с шевронами на рукаве. — Поезжайте, Александр Григорьевич, на вокзал... Передайте ребятам благодарность за образцовое путешествие и проводите их...

— В будущее, — подсказал дядя Саша.

Старик крепко пожал полярнику руку.

Оба они вышли на палубу, чтобы опуститься на катер, который сначала доставит капитана на берег, а потом гидролога на ту сторону Двины, к вокзалу.

...На перроне — оживление, сутолока, беготня. А вон и ребята! Стоят кучкой около вагона и галдят на всю платформу. Конечно, и Федя с ними, провожает своих товарищей, первых в жизни. Ребята увозят с собой меховые куртки, полученные от капитана. Жарко им в мехах, а снять не хотят. Еще бы! Они выглядят на перроне такими заправскими полярниками.

— Дядя Саша! Дядя Саша! — Ребята увидели Александра Григорьевича, окружили его.

Все, все тут!.. Рослый Денис совсем парнем стал за этот рейс. Толстый, румяный Витя, честное слово, еще больше потолстел!.. Вот Алеша, тот похудел и заметно

вытянулся. Глаза у него прежние, яркие. Девочки, черненькая и беленькая. Обе мечтательницы, но для одной романтика в борьбе, победе, подвиге а для другой — в красоте и поэзии, в красках и звуках... Вот и Федя! Он один «помолодел», если о нем так можно сказать. Стал разговорчивее и что-то детское, еще недавно дремавшее, проснулось теперь в нем. Останется в Архангельске, будет учиться в мореходке.

— Ребята! — скомандовал дядя Саша. — А ну-ка! Построиться!

Ребята охотно выполняют команду. На правом фланге Денис. С ним рядом Алеша, потом Витя, Галя, Федя — все по росту. С краю самая маленькая — Женя.

Пассажиры и провожающие, проводники и носильщики с любопытством смотрят на выстроившихся ребят в меховых куртках, на полярника, принимающего этот «парад юных туристов».

Кто-то мчится по перрону, расталкивает людей. Слышатся недовольные возгласы, замечания. И вдруг рядом с маленькой Женей в строй становится еще один мальчик.

Майк!

Но никто из ребят не выкрикнул его имени, только скосили в его сторону глаза и улыбнулись.

Дядя Саша тоже сделал вид, что так и должно быть.

— Ребята! От имени командования ледокольного корабля «Лейтенант Седов»...

Федя и Женя поменялись местами. Федя быстро переводит Майку слова дяди Саши:

— ...объявляю вам от имени командования корабля благодарность за образцово проведенное путешествие и хочу, чтобы в каждом из вас родилась Мечта! И знаю я, приведет вас эта Мечта снова в Арктику.

Раздался свисток кондуктора.

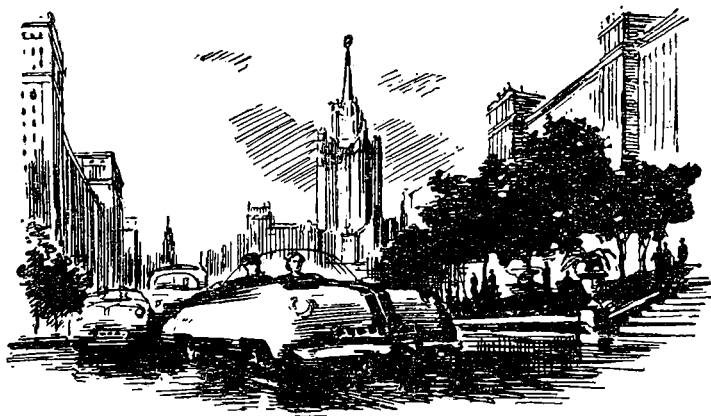
— Вольно! — скомандовал дядя Саша.

Тотчас его окружили, потянулись к нему маленькие руки. Дядя Саша пожимал эти руки и чувствовал, что комок подкатывается у него к горлу и влага застилает глаза.

Ребята один за другим вскакивали на подножку. Девочки уже прильнули к оконному стеклу. Денис, Алеша, Витя теснятся в тамбуре, проводник сердится на них. И Федя вскочил на подножку! Верно, задумал проводить ребят до первой станции. Надо бы остановить его, да не поднимается рука. А из соседнего вагона высовывается рыжая головенка.

Двигутся вагоны, идет с ними рядом дядя Саша, все ускоряя и ускоряя шаг. Перегоняют его ребята, мчатся в свой завтрашний день, в день своей Мечты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЗАВТРА

Твори,
выдумывай,
пробуй!

Вл. Маяковский «Хорошо»

Глава первая ВСТРЕЧИ

Никогда так не светит солнце, как после дождя! Капли искрами играют в листе лип, отражаются в витринах магазинов. Распахнется окно — и зайчики промчатся по другой стороне улицы. Мокрая мостовая синего асфальта словно река, в которую смотрится небо, кайма зеленых тротуаров — ее берега с веселыми зеркальцами луж, а парапеты, защищающие прохожих, похожи на гранитную стену маленькой набережной.

Федя, старый наш знакомый, ныне капитан дальнего плавания Федор Иванович Терехов, невысокий, коре-

настый, с обветренным спокойным лицом, с преждевременными для его лет морщинами и чем-то милой ямкой на подбородке, переходил по ажурному подвешенному мостику через перекресток.

Синяя лучевая магистраль превращалась в широкий цепной мост, переброшенный через красную магистраль Садового кольца. Поток машин не останавливался на перекрестке, не застревал перед светофором, вся лавина мчащихся под ногами Федора машин взлетала на выгнутую спину моста, под которым неслись машины по Садовому кольцу.

Федор приехал в Москву перед началом арктической навигации, чтобы посмотреть завод-автомат, оборудование которого он должен был доставить в Арктику. Там и предстоит работать заводу почти без присмотра, изготавливать из местного сырья запасные части для автомашин, которых теперь в Арктике, пожалуй, не меньше, чем в столице.

Федор неплохо знал Москву и скоро добрался до нужного места.

Завод-автомат показывала ему молодая наладчица. Высокая, стройная, с красивым холодным лицом, она сразу заинтересовала моряка признанием, что ей жаль расстаться с родными ей теперь станками.

— Поехали бы в Арктику, — предложил Федор, раскуривая трубку.

Девушка решительно отказалась. Она собиралась налаживать здесь многие заводы-автоматы, которым работать потом в разных уголках страны.

— У нас непрерывное литье, — объясняла она. — Пока одна электрическая печь загружается, другая плавит, третья уже выпускает металл.

Федору бы смотреть, как льется металл в передвигающиеся кокили, как раскрываются потом эти металлические формы и из них вываливаются на конвейер отливки, но... — не будем судить его! — наш моряк смотрел больше на свою спутницу, в голосе которой слышались ему страстность, горячность, увлечение.

В соседнем цехе пахло маслом и разогретой эмульсией. Через проем в стене вползали алюминиевые отливки, попадая в смыкающиеся челюсти станков.

В тело заготовки вонзались вращающиеся зубья сверл и фрез. Потом челюсти размыкались и полуобработанная деталь последовательно передвигалась от одной пары челюстей с резцами к другой, пока не выходила в конце цеха из последней машины готовая, обернутая бумагой.

— Все эти станки, — сказала девушка, — как музыканты симфонического оркестра. Каждый с точностью до долей секунды вступает в строй, исполняет свою «партию» по нотам.

— Дирижер, помните партитуру наизусть, — подсказал моряк. — Знаете, какой станок когда вступает?..

— С закрытыми глазами, — девушка зажмурилась, прислушалась, потом чуть пошевелила кистью правой руки. Пальцы левой в это время виртуозным пассажем пробежали по столу — и сдвинулись каленые лапы автомата, острые стальные когти коснулись детали. Что-то щелкало, звякало, жужжало, пело.

Девушка открыла глаза и смело встретила взглядом с гостем.

— А вы только и знали, что «взводень до самого окаёма разыгрался порато»... — неожиданно сказала она.

— Порато? — удивился моряк.

Подшутить над помором хотела или что-то сказать на редко кому понятном языке?

А девушка как ни в чем не бывало говорила о том, каких рабочих требует завод-автомат.

— С инженерным образованием, — уверяла она. — Надо ведь не только знать станки, которые сами проверяют себя, сами контролируют изделия, просвечивают их рентгеновскими лучами, но порой и своими руками исправлять повреждения.

«Значит, инженер, — думал моряк, — и наверняка играет на рояле. Неужели?..»

А наладчица «с музыкальным инженерным образованием» говорила, что при коммунизме не будет людей узкой специальности, каждого будут интересовать все стороны работы, все стороны жизни.

— Ведь жизнь тогда и полна, когда интересуешься всем, — закончила она, пристально посмотрев на моряка.

Завод был осмотрен, но моряк задержался в просторном вестибюле с мраморными колоннами.

— Стилль Москвы, — сказал он о новых зданиях и станциях метро.

— Жаль, что вы уже знаете Москву, — сказала девушка, прощаясь.

— Если б вы показали ее... — нерешительно начал моряк.

— Неужели вы в Москве впервые?

Боясь, что новая знакомая откажется быть его спутницей, Федор согрешил против правды, кивнул головой.

И молодая москвичка согласилась показать полярному капитану так хорошо известную ему Москву.

Смена кончалась. Федору надо было подождать в заводском скверике.

Моряк сидел на скамейке и думал. Он не мог ошибиться! Он узнал юную туристку, которая составляла когда-то из поморских слов тайный язык и играла в шторм Рахманинова. Но как она переменилась! Из тихони с белыми косичками превратилась в такую красавицу, умную, строгую. И не подступись!.. «Избалована, — убеждал он сам себя. — Любимая дочь академика... Воображает, конечно... Может, и не придет совсем...»

Но девушка пришла. В сером костюме и строгой английской блузке, она показалась Федору еще более надменной, чем в цехе. К тому же в туфлях на высоких каблуках она была выше Федора.

Протянув руку, словно они только встретились, она сказала:

— Итак, я буду звать вас капитаном, а вы меня Леной.

Как ни владел своим лицом наш моряк, но все же вскинул брови. Потом опустил голову и усмехнулся.

— Достаньте трубку. Она мне нравится, — сказала девушка, прекрасно все заметившая.

Федор с удовольствием раскурил трубку.

Сначала они ехали в турбобиле, который девушка взяла в первом попавшемся гараже по абонементу. Управляя машиной, она объяснила, что в газовой турбине сгорает не бензин, а сжатый водород. Получающиеся при этом пары воды не загрязняют воздух.

Потом они, сдав машину в гараж под мостом, бродили по улицам. Федор сказал, что высотные здания поднимаются над городом, как башни Кремля. Девушка назвала их «дворцами высоты».

Федор признался, что Москва каждый раз кажется ему и неожиданно новой и по-старому древней, давно знакомой.

Девушка поймала его на этом. Значит, он не впервые в Москве!

— И все же я покажу вам то, чего вы не видели, — пообещала она, совсем не рассердившись. — А вы расскажете... о себе.

И Федору пришлось говорить... И о том, как пришлось ему однажды в тяжелом рейсе заменить умершего старика капитана, и о том, как трепало шлюпку после кораблекрушения в Охотском море, и о сжатии льдов, и о чужих городах, шумных портах, знойных странах.

Словом, девушка с чисто женским искусством выведала все о нем, ничего не рассказав о себе.

— И вам хочется узнать, какая я? — лукаво спросила она. — Давно-давно я читала фантастический рассказ. Люди далекого будущего собираются в Хрустальном дворце, сильные мужчины и красивые женщины. Стена тает в воздухе, и зал удваивается. Видны люди, собравшиеся на другом конце земного шара. Все смеются, все счастливы. Один из них поднимает тост...

— За людей минувшего, — подсказал Федор.

— Которые в грохоте бурь боролись и строили будущее.

— Все встали, а одна девушка заплакала...

— Ей было жаль, что она не жила в то время, когда приходилось сражаться, жертвовать собой... свершать великое.

— К счастью, вы родились раньше.

— Да! И хочу многого!

Моряк покосился на спутницу и запыхтел трубкой.

— А вот и наш почти Хрустальный дворец, — смеясь, сказала девушка. — Здесь мы встретим человека, который действительно хочет свершить великое.

Молодые люди стояли перед грандиозным крытым стадионом, построенным на берегу Москвы-реки.

Девушка повела моряка на трибуны.

Через все поле к низкому солнцу, светившему через стеклянный свод, тянулась золотая дорожка. Она шла по зеркальной поверхности льда.

Намеренно не замечая изумления Федора, девушка сказала:

— Говорят, что светлая дорожка ведет к счастью. А ведь каждому кажется, что дорожка идет от него.

— У тех, кто рядом, дорожка общая... — сказал Федор.

Девушка пристально посмотрела на него.

— Летом здесь каток, — сказала она, — а зимой — футбольное поле. И самое любопытное, что летом замораживают лед, а зимой нагревают помещение одни и те же.. холодильные машины. Вы никогда не слышали об «отоплении холодом»?

— Слышал, — сказал моряк и добавил: — Лена.

Девушка загадочно улыбнулась.

— Сейчас я вам покажу человека, который построил эти машины.

И она потащила его к раздевалке спортсменов. Федор теперь шел за ней неохотно.

Конькобежцы один за другим выходили из раздевалки на лед. Одеты они были не в теплое, а в легчайшее трико, лишь внешне напоминавшее их зимнее одеяние.

— А вот и он! — воскликнула девушка.

К ним катился статный, худощавый молодой человек одних лет с Федором. Он посмотрел на моряка и равнодушно отвел глаза, потом неожиданно резко затормозил около спутницы Федора, обнял ее за плечо рукой, притянул к себе и поцеловал в висок.

— Спасибо, Жень, что пришла, — сказал он и легко покатился по льду.

Федор спокойно раскуривал трубку, и лишь огонек спички предательски дрожал.

Громкий голос объявил по радио:

— В первой паре бегут: Карел Лоума (Чехословакия) и Алексей Карцев (Москва).

Моряк усмехнулся и пошел за своей спутницей на трибуну.

Конькобежцы уже стояли на старте. Оба согнулись в поясе, отставив ногу назад. Выстрел.

Федор так ничего и не сказал девушке, которая назвала себя Леной. Она же, сидя на месте, словно забыла о его существовании, подалась вперед, напряженная, взволнованная.

Вначале ближе к бровке был Алексей Карцев. Поэтому он и вышел вперед.

Федору удалось раскурить трубку. Сердце у него колотилось. Неужели он так переживает соревнования... или еще какая причина?

— Он догоняет его, догоняет! — схватила Федора за руку девушка.

Чех на прямой обошел Карцева и повел бег. Федор перестал курить, не спуская глаз с отставшего бегуна. Наконец он посмотрел на свою соседку и сказал:

— Лена!

Она не отозвалась. Тогда он уверенно сказал:

— Женя!

Она закивала головой и опять вцепилась в руку Федора. У нее были тонкие и холодные пальцы.

Там внизу, на льду, кто-то шел впереди, кто-то догонял. Стадион то замолкал, то гудел.

Федор старался не дышать. Тонкие пальцы согрелись от его руки.

Стадион ахнул. Женя обернулась к Федору, раскрасневшаяся, чуть смущенная.

— Он все-таки проиграл... Но все равно молодец! Ведь, конструируя машины для стадиона, он дал слово состязаться здесь на летнем льду, а добиться этого не так легко. Пойдемте, теперь я вас познакомлю.

— Вновь? — спросил Федор.

Девушка рассмеялась.

— Со мной же вы знакомились вновь?

— С Леной?

— Надо знать, что девушки любят называть себя чужими именами... Наблюдаешь, как из прикрытия, — и она снова рассмеялась.

Пробирались между скамьями, задевая за колени сидящих. Наконец спустились на ледяную дорожку, на которой недавно встретили Алексея.

Теперь Алексей вышел из раздевалки переодетый. На нем был сшитый с некоторым шиком, — видно, он любил хорошо одеваться, — светлый костюм спортивного покроя, воротник рубашки с изящной небрежностью расстегнут. Движения его порывисты, словно он с трудом сдерживал рвущуюся изнутри энергию. Направляясь к Жене, он заглянул в лицо Федора.

— Не может быть! — воскликнул он. — Неужели Федя? Капитан!

— Полярный! — с гордостью добавила Женья.

— Какое совпадение! — обрадовался Алексей и, занятый, очевидно, только своими мыслями, без всяких расспросов заговорил: — Впрочем, так и должно быть! Тебе Женья ничего не говорила?

— О тебе — ничего. О себе — мало.

— Ты обязательно должен быть завтра в Институте холода на защите моей диссертации. Кандидатом буду. Холодильное дело! До чего же хорошо, что ты нашелся! Да где же вы встретились?

Женья шутливо пересказала Алексею свою встречу с Федором, их прогулку по Москве, а Федор смотрел на оживленное лицо своего товарища детства и не мог побороть в себе чувства, похожего на зависть, а быть может, и на ревность к этому красивому, удачливому, счастливому человеку.

— Прошу прощения, Алеша, — хмуро сказал он. — Мало понимаю в науке, в искусственном холоде. — Федор не хотел идти. «Лучше всего завтра же уехать из Москвы», — подумал он.

— И не смей отказываться, — замахал на него руками Алексей. — Это имеет к тебе непосредственное отношение. Ничего, что я сегодня оскандалился, отстал. Завтра, надеюсь, так не будет. Пойми, для тебя, для твоих кораблей работаю.

Федор взглянул на Женю. Она, видимо любовалась Алексеем.

— Круглый год должны плавать в Арктике корабли, — увлеченно продолжал Алексей, обнимая Федора за плечи. — И представь, помогут холодильные машины... которые этот каток заморозили, а зимой отепляют стадион.

— Женя говорила, — отозвался Федор.

— Эх, Федя! Где же еще строить города, шахты, рудники, заводы, даже металлургические заводы, как не в Арктике! Только из-за отсутствия транспорта и не строили! А мы с тобой дадим этот транспорт, самый дешевый, морской! Как преобразится побережье полярных морей! Ты только представь, медведище белый! — И Алексей стал трясти Федора.

Федор был оглушен, сбит с толку этой бурей движения, страстного голоса, дерзких мыслей.

— Как можно сделать? — только и успел спросить он.

— Не скажу, а то не придешь. Хочу, чтоб ты разыгрался порато! — и он рассмеялся.

— Федя! — сказала Женя. — Я тоже прошу.

Федор вынул трубку изо рта, чтобы объяснить: он не может, он не придет. Женя поняла это раньше, чем он успел произнести первое слово. И она сказала тихо и непонятно для Алеши:

— И Лена тоже просит.

Федор растерянно промолчал.

— Решено, — заявил Алексей. — Ты останешься сейчас с нами до конца соревнований. Потом пойдем отпразднуем встречу.

Но Федор наотрез отказался. Он вспомнил о куче поручений, и все их давно уже надо было выполнить. Он заторопился. Женя смотрела на него с упреком, но не уговаривала.

Адрес Института холода все же записал.

Выйдя со стадиона, он оглянулся. Гигантское здание с прозрачным сводом.

«Хрустальный дворец! — с горечью подумал он. — Люди, готовые свершать великое! Отопить холодом всю Арктику, как крытый стадион? Должно быть,

слишком он, Федор, крепко стоит ногами на земле, чтобы понять такое!..»

Федор был недоволен собою. Как нелепо омрачился светлый день!..

Глава вторая **МЕЧТЫ**

После веселой грозы, обновившей природу, ночью вдруг зарядил скучный мелкий дождь. Утро выдалось хмурое, небо затянуло тучами. Капитанская фуражка Федора намочла. Институт холода, оказалось, очень трудно найти. Моряк окончательно запутался в переулках со старыми, неприглядными в дождь домами, да и не только в переулках.

Да, запутался!.. Никогда бы он не поверил, что станет ворочаться ночью с боку на бок, размышляя: может ли человек что-либо чувствовать вопреки собственной воле и рассудку? Особенно досадно ему было, что он нисколько не лучше тех молодых людей, которые сотни лет назад, заподозрив горькую правду, сжимали кулаки, скрежетали зубами или ходили взад и вперед по тесным каморкам.

Федор шел по мокрому тротуару и злился на себя. Виновица же его неурядиц, промочив ноги, нетерпеливо ходила по переулку, чтобы встретить гостя-моряка.

Увидев девушку, капитан не поверил глазам. Она была, как и вчера, в сером костюме и с непокрытой головой. Дождь словно не существовал для нее, не смел намочить ее одежду... и, конечно, в следующее мгновение Федор заметил прозрачный плащ, которым она прикрылась, как огромным колоколом.

— Ой, какой мокрый! — девушка протянула Федору руку.

Пожимая ее пальцы, Федор вспомнил стадион.

— Мы опоздали, — сказала Женя и, не выпуская руки Федора, потащила его к подъезду института.

Защита уже началась. Идя на цыпочках, Женя ввела моряка в зал научных конференций. Федору бросились в глаза два ряда слабо светящихся и потому

кажущихся хрустальными колонн. Он невольно оглянулся на свою провожатую. Сосредоточенная, с гордо поднятой головой, она смотрела на возвышение, где, отделенные белой мраморной балюстрадой, за длинным столом сидели члены ученого совета, профессора и академики. Указывая на председателя, широкоплечего гиганта с седой львиной гривой, прикрытой черной академической шапочкой, Женя шепнула:

— Мой отец.

Пройдя вдоль мраморной балюстрады, соединяющей колонны, молодые люди сели в один из последних рядов. Кожаное кресло показалось Федору удивительно покойным.

Еще в дверях зала, огромных, двустворчатых, Федор прислушался к тому, что говорил Алексей, стоя на кафедре перед географической картой и чертежами:

— В Арктике и поныне еще действует старая поговорка: «Каждый завезенный в Арктику гвоздь становится серебряным». Дорого еще стоит перевоз! Трудно еще плавать в полярных морях. Дорог ледокольный флот, который борется со льдами. Дорога сеть полярных станций, да и обслуживают они сравнительно небольшое число судов, плавающих лишь короткие два-три месяца арктической навигации.

Завтра нашу страну уже не могут устроить современные условия плавания в полярных морях. Завтра мы уже не можем подчиняться капризам льдов и ветров Арктики. Современная наука и техника позволяют нам изменить условия плавания кораблей в ледовитых морях. Этому и посвящена диссертация.

Федор оглядывал зал. В нем сидели по преимуществу молодые люди, многие в очках, лысеющие. Вероятно, все это были научные сотрудники институтов, которые завтра сами будут защищать свои диссертации с мудреными названиями, всегда вызывавшими у Федора смешанное чувство почтения и недоумения. Они казались ему заумными и далекими от жизни. «Об одном обобщении меры и категории», «Некоторые задачи равновесия пластин и стержней за пределами упругости», «Короткопериодические возмущения эле-

ктромагнитного поля Земли», «О второй конечной разности и второй обобщенной производной», «Методика правописания непроверяемых безударных гласных в непроеизводных основах»... Столь же непонятно и внушительно было и название диссертации А. С. Карцева, выступающего с ней, как говорилось в газетном объявлении, на соискание ученой степени кандидата технических наук: «О возможном изменении характера обледенения полярных морей в условиях применения холодильной техники».

«Рычаг, — думал Федор. — Повернуть мир! Уничтожить холод. Чем? Атомной энергией? Реально ли? Растают льды — поднимется уровень морей. Все столицы Европы, кроме Москвы, расположенной на возвышенности, окажутся под водой... Не создашь искусственный Гольфстрим».

— Гольфстрим, — произнес с кафедры Алексей Карцев.

Федор невольно улыбнулся совпадению.

— Одна ветвь этого могучего теплого течения идет к островам Шпицбергена, и климат там куда более мягкий, чем в любом другом месте Арктики. Другая ветвь делает петлю в Баренцевом море, отдавая ему свое тепло, препятствуя там появлению льдов, и это полярное море не покрывается льдом круглый год. Если бы условия, подобные существующим в Баренцевом море, были бы на всем побережье Сибири, будущая промышленность этого края получила бы самый дешевый в мире транспорт—морской. Через весь Азиатский континент проходит Великая сибирская железнодорожная магистраль. Новая морская магистраль по пропускной способности равна будет ста параллельным железнодорожным путям.

«Сто железнодорожных путей? — прикидывал в уме Федор. — Это даже трудно представить! Чуть ли не вся железнодорожная сеть страны, протянутая в одну сторону».

— Третья ветвь Гольфстрима, — продолжал Алексей, — стремится пройти вдоль сибирских берегов в пролив Карские ворота, отделяющий материк от Новой Земли.

Сколько раз проходил Федор через Карские ворота! Он мог бы быть там лоцманом. Даже в штиль, когда нет ветра и волнения на море, там, в проливе, над поверхностью воды всегда вздымаются огромные, вращающиеся, похожие на конусы волны. Полярный капитан прекрасно знал, что водовороты эти вызваны борьбой двух встречных течений.

Об этих течениях и заговорил Алексей.

— В Карских воротах Гольфстрим встречается с другим могучим, но холодным течением, идущим из-под полюса вдоль восточных берегов Новой Земли.

«Холодное течение задумал подогреть. Холодильными машинами?» — терялся в догадках Федор.

— Холодное течение преграждает Гольфстриму путь, нейтрализует, побеждает его. Тепло из далекого Караибского моря не проходит в Карское море, и это море покрывается льдом на большую часть года. Нечего и говорить о других полярных морях, о море Лаптевых, о Восточно-Сибирском, Чукотском. Туда совсем не попадают теплые воды. Великие сибирские реки: Обь, Енисей, Лена, Хатанга, Колыма — приносят слишком мало тепла, да и оно не остается у берегов, где должны были бы плавать корабли, а вместе с пресной водой уходит далеко на север, в высокие широты.

Федор морщил лоб, силился и не мог понять, куда клонит Алексей.

— Один из моих слушателей, полярный капитан, — соседи Федора невольно обернулись к нему, — мог бы подтвердить, что в сибирских ледовитых морях, в сотнях километров от берегов, можно часто встретить стоящие на мели айсберги или большие льдины — стабухи.

— Помните медведя на айсберге? — шепнула Женя.

Федор кивнул головой.

— Глубина сибирских полярных морей в ста километрах от берегов не превосходит двадцати-тридцати метров, редко глубже. Это меньше высоты многих домов. Вот если бы можно было воспользоваться мелководьем сибирских полярных морей и соорудить там

искусственную преграду, стену, плотину, мол, который в ста километрах от берегов протянулся бы от Новой Земли к Северной, от Северной Земли к Новосибирским островам и дальше к острову Врангеля. Эта морская стена отгородила бы прибрежную часть морей от Ледовитого океана, от его холодных течений и дрейфующих ледяных полей. Холодные воды и льды, задержанные преградой, не попадали бы в отгороженную часть морей, питаемую лишь струями теплой ветви Гольфстрима, великих сибирских рек и теплого течения, идущего через Берингов пролив.

«Реки и то замерзают», — подумал Федор.

— Ясно, что температурный режим в отгороженной части морей будет подобен тому, который существует в Баренцевом море. Моря вдоль всего сибирского побережья не станут замерзать зимой, судоходство там будет круглогодичным!

«Значит, не отопление Арктики, а мол в четыре тысячи километров, — прикидывал в уме Федор. — Не лучше! Километровый мол в морском порту и то целое событие!»

Положительно Алексей читал мысли Федора:

— Конечно, если бы мы решили построить наш мол из камня, песка и цемента, из чего сооружают мол в портах, нам бы пришлось возить материал к месту стройки не меньше чем столетие.

Смех шорохом прокатился по аудитории. Федор тоже улыбнулся.

Профессора, члены ученого совета стали перешептываться.

— Конечно, каменный мол был бы неосуществимой, оторванной от действительности мечтой. Для нас же, техников, приемлема лишь та мечта, которая служит первым этапом проектирования. Запроектировать подобный мол, каким бы ни казался он грандиозным, можно! Надо сделать его из подручного материала, который ничего не стоит, имеется там в изобилии. Холодильщики уже понимают меня. Сделать мол из морской воды!

Женя торжествующе посмотрела на Федора, тот недоверчиво покачал головой.

— Представьте себе, — продолжал увлекшийся оратор, — что все мы находимся не в этом зале, а... на дне Карского моря!

Опять по рядам пробежал смех, сразу встряхнувший, ободривший аудиторию. Федор же нахмурился.

— И над нами не потолок, а поверхность воды. Сверху нам спустят трубы. Целый частокол труб. Их можно будет соединить попарно дугообразными патрубками, зарытыми в морское дно. Вдоль противоположной стены будет спущен второй частокол таких же труб. Оба частокولا для лучшей теплопроводности нужно будет соединить металлическими сетями. По трубам сверху пропустить искусственно охлажденный, крепко соленый раствор, хорошо известный в холодильном деле, не замерзающий даже при пятнадцати градусах мороза. Этот раствор будет циркулировать по трубам, отнимая тепло у воды, заключенной между трубчатыми стенами. В конце концов вода замерзнет, превратится в ледяной монолит. Со дна моря к его поверхности поднимется ледяная стена. Намораживая слой за слоем, мы поднимем ее над уровнем моря и сделаем ее такой ширины, какой пожелаем, на какую расставим наши трубчатые стены. Ей не будут страшны ни напоры льдов, ни течения. Мы сделаем мол такой длины, на каком протяжении будем спускать под воду трубы. На все четыре тысячи километров. И вполне реально соорудить мол от Новой Земли к Северной, к Новосибирским островам, к острову Врангеля, к Берингову проливу! Вполне реально построить ледяной мол, который перегородит все полярные моря!

«Мол из льда... где я его видел? Где? — мучительно силился вспомнить Федор. — Айсберг в бухте Рубиновой! Его забуксировали на мель. Набило льдин. Затор напоминал мол. Вот откуда идея. Случайная мысль комсомольцев бухты Рубиновой выросла, стала грандиозной».

— Наш айсберг, — коротко сказал Федор, с присущей ему лаконичностью выразив в этих словах все, что он в этот момент думал.

— Наш, наш мол... — все поняла Женья. — Но теперь длиной с полземного обхвата!

Алексей продолжал:

— Ледяной мол не только обеспечит круглогодичную навигацию. Он отодвинет кромку льдов на сто километров к северу, и это сейчас же повлияет на климат побережья. Начнет оттаивать слой вечной мерзлоты. Продвинется на Север растительность, разовьется заполярное сельское хозяйство, все побережье покроется городами, заводами, шахтами, рудниками, крупными портами и подъездными путями к ним. Холодильная техника может послужить делу преобразования Арктики, эта техника способна воздвигнуть гигантское сооружение, выдвинуть грандиозный план работ, которые в конечном счете обогатят нашу страну и соединят морским путем два океана!

Стало заметно светлее. Солнце все-таки пробилось сквозь тучи и ворвалось в зал через огромные сводчатые окна. Солнечные лучи коснулись светящихся колонн и как бы позолотили их.

Слушатели оживленно переговаривались, аплодируя диссертанту. Седой председатель, академик Омурев, нажимал кнопку — над столом ученого совета зажигались строгие надписи: «Внимание!», «Тишина!», но лицо у старого ученого было совсем не строгим, он с улыбкой поглядывал на взволнованного диссертанта, который ожидал водворения тишины.

Женя, счастливая, продолжая хлопать в ладоши, победно смотрела на Федора.

Глава третья

СПОРЫ

Красная черта шла по карте вдоль сибирских берегов, пересекая полярные моря.

Федор Терехов напряженно смотрел на эту черту. «Стена в море... Ледяным полям не пройти к берегам. Но ведь и от берегов им не выйти на север!»

Федору стало не по себе. Быть может, ему, единственному во всем зале, стало ясно, что повлечет за собой появление ледяного мола в морях.

Припомнилась зимовка во льдах, когда он заменил умершего капитана. Суровыми мерами он сберег тогда топливо, спустил пары, выключил отопление, переселил всех в трюм. Он рассчитывал весной, когда корабль вынесет в открытые воды, идти своим ходом выполнять задание. Однако осуществить этот план оказалось не так просто. Вдали от берегов море освободилось ото льдов, но подойти к прибрежным островам, где ждали корабль, было невозможно из-за стоявших у побережья ледяных полей. Нужно было ждать ветров с материка, которые оторвали бы эти поля, угнали их в открытое море. Только тогда и могла начаться навигация.

Ветры подули, льды двинулись, и корабль снова попал в дрейф. Судно вынесло к одному из островов, задержавшему поля. Сильное сжатие повалило корабль набок. Крен достиг тридцати градусов, положение стало угрожающим. Корпус дал течь. Воду выкачивали помпами и вручную. Выгружали на лед грузы, пересыпали уголь. А льды от берегов все стремились на север, ледяной вал напирал. Остров стоял на пути льдов. К счастью, ледяное поле дало трещину, разделилось на две половины и стало обтекать остров.

Так началась первая навигация капитана Терехова.

Теперь капитан слышал, что на пути у прибрежных льдов, когда оторвет их ветром, окажется не один остров, а непроходимый мол. «И он будет одинаково непроходим и для северных льдов и для береговых полей, которые не смогут уйти от берегов, останутся стоять. Трассу забьет льдом. Она не очистится даже летом, а на следующий год станет совсем непроходимой. Не то что круглый год — месяца в Арктике плавать будет нельзя! О чем думают инженеры? Почему иной раз у нас защищают подобные диссертации, которые нужны только самому диссертанту? Ледяные замки под водой!...»

Диссертант между тем успел покрыть строчками формул спущенную сверху доску. Он переходил от одного чертежа к другому, рассуждая о технических деталях, о типах машин, которые потребуются, о технологии строительства, о скорости замораживания, об экономике. Он говорил обо всем, что касалось мола, но

только не о том, что так ясно стало полярному капитану.

— Что случилось, Федя? — встревоженно спросила Женья, уловив в Федоре перемену.

— Думаю, надо выступить,—через силу выговорил Федор и почувствовал, как тонкие пальцы сжали кисть его руки.

— Спасибо, Федя, — прошептала Женья.

Федор понял, что она ждет от него совсем другого выступления.

«Как посмотрит, если услышит, что замысел Алексея — пустая мечта, химера?—подумал он.—Лучше бы не приходиться на эту защиту. Еще лучше не появляться бы на заводе. И сейчас еще не поздно встать, уехать. И пусть инженеры разрабатывают проект кандидата наук Карцева, пусть летят на ветер государственные деньги? А коммунист Терехов все знал, но «умыл руки», спокойно ожидая, когда запоздалая экспертиза прикроет, наконец, бессмысленное проектирование. Значит, выступить? — спрашивал он сам себя. — Оказаться в роли завистника или — еще хуже! — ревнивца? Ворваться в чужую жизнь? В жизнь «честных» контрабандистов? — вдруг вспомнил он лермонтовскую «Тамань». — Фу! При чем тут контрабандисты? — даже рассердился он. — Неужели нужно быть до зубной боли правильным? Какое ему дело до грандиозных технических выдумок, в которых даже и не разобраться? Плавать на кораблях надо, а не подавать советы ученым людям».

Диссертант кончил. Объявили перерыв.

— Ну, Федя? — спросила Женья. Он взглянул на девушку и увидел, что глаза у нее сейчас не серые, а совсем голубые, как в детстве.

Федор достал трубку, медля с ответом.

— Когда Алеша говорил, я задумала, какие бы три желания загадала сказочному джину, если бы он явился предо мной.

Федор покосился на девушку. Она постоянно ставила его в тупик.

— Представьте! Первое желание тотчас же сбылось. Вы сами сказали, что выступите здесь.

— А второе желание?

— Второе желание: чтобы вы не передумали.

Федор усмехнулся.

— Я ведь все читаю на вашем лице. Вы напрасно сомневаетесь. Уверяю, все будут рады услышать мнение простого моряка... — Девушка спохватилась. «Простого моряка» — как-то нехорошо звучит. И она поправила: — Полярного капитана. А третье желание я скажу вам, когда вы выполните первые два.

Уверенная, что Федор выступит после официальных оппонентов, Женя умчалась убедить Алексея, что защита идет как нельзя лучше.

Федор остался стоять у окна коридора с трубкой в зубах. Теперь уже поздно было колебаться. Перерыв кончился. Жени все не было. Федор с неохотой прошел в зал, на место, где они сидели до перерыва. Женя появилась, когда первый оппонент начал говорить. Ей неловко было тревожить сидевших в ряду людей, и она села неподалеку от Федора.

Федор почти не слушал оппонентов. Все они восхищались остроумной идеей соискателя и говорили о технических подробностях, недоступных моряку. Некоторые из них критиковали Алексея за какие-то частности. Вопросы же, который казался Федору главным, они не затронули совсем.

Женя издали посматривала на Федора. Она решила, что он волнуется перед выступлением. Несколько раз она пыталась подбодрить его улыбкой, но он смотрел в другую сторону.

Наконец из-за стола ученого совета поднялся председатель. Гулким басом, сильно налегая на букву «о», академик Омулев произнес:

— Слово предоставляется нашему гостю, полярному капитану Федору Ивановичу Терехову, мнение которого о мореходном, по существу говоря, сооружении имеет для присутствующих несомненный интерес. Попрошу Федора Ивановича по-одняться на кафедру.

Алексей взглянул на приближающегося к нему друга детства. Они еще не виделись сегодня. Алексей поспешно кивнул ему и начал рассеянно листать рукопись.

«Интересно, что за человек теперь этот Федя? — подумал Алексей. — Женя говорит о нем восторженно. Не иначе, как подействовала полярная экзотика. Впрочем, он, верно, и в самом деле славный парень. Решил поддержать».

Федор держался просто и деловито. Его манера говорить заставляла всех слушать внимательно. После первых же слов Федора Алексей откинулся на спинку стула. Краска сбегала с его лица. Он искал в зале Женю, словно она должна была ответить за то, что говорил сейчас найденный ею полярный капитан.

Все члены ученого совета повернулись лицом к выступающему моряку.

— Мол не поможет, а помешает навигации. — Так начал Федор свое выступление.

Женя не верила ушам. Она вскинула подбородок, возмущенно сощурила глаза, прожигая ими стоящего на кафедре моряка. А тот спокойно, размеренно говорил, словно вбивая каждой фразой колыбель. Он рассказывал о ледяных полях, которые стоят зиму у берегов, с ветра, который отрывает их, о чистой воде в открытом море. С несокрушимой логикой доказал он, что появление в сотне километров от материка преграды для прибрежных льдов сделает судоходство невозможным.

— Вода в отгороженной части моря будет теплее! Надо же разбираться в этом! — запальчиво крикнул с места Алексей.

Федор неторопливо повернулся к нему:

— Разобраться надо. Льды останутся.

— Гольфстрим! Теплые воды сибирских рек растопят их! — продолжал с места спорить невыдержанный диссертант.

Академик Омuleв приподнялся, предостерегающе протянул к Алексею руку. Тот уткнулся в рукопись. Федор, обращаясь к нему, сказал:

— Воды в реках покрываются льдом.

Федор кончил. Академик Омuleв поблагодарил его и предоставил заключительное слово диссертанту.

Федор слушал, прислонясь к хрустальной колонне. Алексей показался ему очень бледным и совсем не

таким порывистым, как во время первого выступления. Он волновался, но был сдержан, тактичен, сух. Поблагодарив оппонентов, он пообещал учесть их замечания.

Академик Омулев объявил, что ученый совет удалется на совещание. Федор прошел в коридор, встал у окна и, раскуривая трубку, размышлял о том, что он скажет теперь Лене. Он все еще мысленно называл ее так.

Он увидел ее. Она шла по коридору, высокая, стройная, гордо подняв голову. Федор был уверен, что она пройдет мимо него.

Однако вид Жени лишь скрывал ее растерянность. Что ей делать теперь? Возмутиться, обвинить Федора в нетоварищеском поступке, порвать с ним... или опровергнуть его аргументы?

Впрочем, это совсем не так просто сделать! И она вдруг задала себе нелепый вопрос: была бы она довольна, если б Федор утаил эти аргументы? Или рассказал их Алексею с глазу на глаз? Едва Женя вспомнила об Алеше, как почувствовала против него раздражение. Почему он так односторонне разработал свой проект! Он совсем не подготовлен к серьезному спору.

Она подошла к Федору.

— У вас, оказывается, очень звучный голос, — не принужденно начала она. — А манера говорить впечатляет.

— Еще что скажете? — зло осведомился Федор.

— Я скажу, что немногие поступили бы так, как вы, — отчеканила Женя, вызываясь глядя на Федора.

— Так грубо?

— Грубо, но верно! Вы выиграли в моих глазах.

Федор ждал чего угодно, но не этих слов. Он почувствовал, что теряется, краснеет. А тут еще подошел Алексей.

— Ждешь благодарности? — сказал он, пожимая Федору руку. — Благодарности не будет. Воздействуя на эмоции, ты блестяще опорочил мой проект. У тебя не было доказательств, но с тебя их никто и не требовал. Ты привык к тому, что льды у берегов не тают — и все тут! Обратное должен доказывать я.

И в этом твое преимущество. У меня пока еще нет этих доказательств! Однако знай, чем является для меня этот проект. Я хотел принести его с собой в партию.

Федор вынул трубку изо рта, пристально посмотрел на Алексея. Женя стояла рядом, переводя взгляд с одного на другого, невольно сравнивая их, оценивая поведение каждого. Поймав себя на этом, она сердито закусила губу.

— Я не хотел прийти в партию с пустыми руками, — нервно продолжал Алексей.

— Нечего принести — не принимают? — холодно спросил Федор.

— Только потому, что ты был моим другом детства, я могу тебе сказать: я установил для себя как бы предкандидатский стаж. Я зарабатывал себе рекомендации.

— Потому и медлил? — сурово спросил Федор. — Хотел прийти в партию с поднятой головой и задранном носом? Кроме обычных, сам себе рекомендацию готовил? Такую рекомендацию, чтобы все ахнули?

— Если хочешь, то так. Разве это худо?

Федор пожал плечами. Женя покраснела. Ей стало мучительно неловко. Алексей же побледнел. Звонки приглашал всех в зал.

Алексей с бьющимся сердцем прошел на свое место около стола ученого совета. Он видел Федора, стоящего у колонны.

Академик Омулев объявил:

— Ученый совет решил воздержаться от присвоения ученой степени кандидата технических наук инженеру Карцеву Алексею Сергеевичу. Ученый совет находит нужным указать Институту холода на узость и несостоятельность диссертации. Проект ледяного мола разработан лишь по линии холодоодильной техники, в отрыве от географических и экономических условий.

Алексей нашел глазами Женю. Он никогда не видел ее такой смущенной. Она не смотрела на него.

Бывают шахматисты, которые, проиграв важную для турнира партию, теряют половину своей силы. Поражение надламывает их волю, уязвленное самолюбие — расслабляет.

Людей другого типа поражение лишь ожесточает, собирает их силы, закаляет волю. Свой проигрыш они анализируют, находят ошибки, выносят из них уроки.

Именно этому научили Алешу Карцева шахматы.

Алексей разбирал свою защиту, как разбирают проигранную партию. Надо было начинать совсем по-другому, с тепла Гольфстрима. Доказать, что льды в отгороженной части *растают*.

А может быть, пойти иным путем? Предусмотреть ворота, открывающиеся для выхода прибрежных льдов?

Мысль Алексея лихорадочно работала, когда он разгуливал сначала по улицам ночной Москвы, а потом по комнатам пустой квартиры. Он был в ней один. Мать на вузовские каникулы уехала в Крым. Отец ведет интереснейшие исследования в пустыне. Женья хотела быть с Алешей, но он, пересилив себя, — так хотелось слов утешения, простой ласки, — отказался, оттянул их встречу до завтра. Разве имел он право в такую минуту расслабить себя?!

К утру Алеша перечитал все, что можно было найти в библиотеке отца о теплых течениях. Он так и не ложился, негодуя, что ночью закрыта Ленинская библиотека. На рассвете он составил несколько эскизов остроумно сконструированных ворот в десяток километров шириной. Расположенные во многих местах мола, они могли бы выпустить прибрежные льды, когда подуют ветры с материка. Потом он оставил сделанные эскизы, задумав новую конструкцию мола, верхняя часть которого откидывалась бы на своеобразном «шарнире» в северную сторону. Южные льды могли бы свободно проходить на север, наклоня верхнюю часть сооружения, а северные — задерживались бы, как дверью, которая открывается лишь в одну сторону. И мол оправдывает себя, если даже Федор прав!

На столе, на стульях, в кабинете отца лежали раскрытые или выброшенные с полок книги. Всюду были раскиданы эскизы, рисунки, наброски. На полу валялась рукопись диссертации. Ветер через открытое окно всю ночь шевелил ее страницы.

Зазвонил телефон. Алеша рывком поднял трубку, едва не уронив аппарат. Был уже полдень. Женя напоминала, что они договорились провести вечер вместе.

Алеша сразу повеселел. Что ж, решение почти найдено! Он сказал, что придет и кое-что покажет.

«Здорово осунулся, — думал он, бреясь перед зеркалом. — Под глазами синяки».

Алеша достал свой лучший костюм, серый с искоркой. Долго выбирал галстук, но решил не надевать его. Раскрыл воротник рубашки по-летнему.

Женя весь день хлопотала по хозяйству. Позвонила по телефону в «Гастроном», помещавшийся в первом этаже их дома, сделала заказ по длиннейшему списку — все для детально продуманного обеда, конечно, в полуфабрикатах, чтобы не возиться долго самой: закуска, жаркое, рыба, ананасы, крем, торт.

Заказ был принят. Нетерпеливая Женя несколько раз открывала дверцу приемного шкафа пневматической почты высотного дома. Однако шкаф был пуст. Заказанную ею посылку только еще собирали в магазине. Ловкие машины тоненькими ломтиками нарезали ветчину и колбасы, севрюжку и лососину, впрочем, также и картофель «пай», который будет хрустеть, когда Женя поджарит его в масле. Наконец продавец сложил свертки и бутылки в металлический сигарообразный снаряд, должным образом расположил на его головке включающие штырьки, чтобы, мчась в трубопроводе по десяткам этажей, включая на ходу направляющие устройства, он правильно бы выбирал себе дорогу в нужную квартиру.

Когда Женя в третий раз открыла дверцу шкафа, в нем на полке лежали две увесистые алюминиевые сигары. Открыв их, она стала заботливо вынимать и распаковывать свертки.

Академик с утра был не в духе, ничем не мог заняться. Женя слышала, как он смахнул с шахматного

столика в ящик деревянные фигурки. Значит, шахматный этюд, который он составлял, ему не давался. Михаил Дмитриевич Омулев в этом искусстве не знал себе равных.

Но особенно прославлен был академик в области новых, изобретенных и внедренных им материалов, рожденных искусственным холодом. Это он, инженер Омулев, впервые начал когда-то строить ледяные здания складов и холодильников, воздвигая стены из льда, облицованного теплоизоляционными плитами или пронизывая трубками, по которым проходил холодильный раствор. Это он, академик Омулев, начал строить шоссе с прочным, не уступающим бетону ледяным основанием, прокладывая их с необыкновенной быстротой. Его классический труд «Холод-строитель» известен во всем мире.

Все утро почтенный ученый вымерял большими шагами свой кабинет. «Метафизика! Фетишизм! Поклоняемся Великому Холоду и забыли обо всем на свете. Решали вопрос только о том, можно или нельзя заморозить мол, а где и зачем заморозить, даже и не рассматривали. Еще одна ненужная, оторванная от жизни диссертация, каких немало. И опять отдувается бедный аспирантишка, а седовласые и лысые «научнообразные» и бородатый дед Мороз — академик (он знал, что его так прозвали) — ограничились выбором черных шаров, словно не себе они эти черные шары клали. Какой великолепный урок жизни преподавал всем нам этот простой моряк!»

Академик понимал, что теперь более глубокая и всесторонняя разработка провалившейся диссертации дело чести не только аспиранта Карцева, но и всего института. «Новое рождается на стыке различных отраслей знания. Холодильная техника и географическая наука. Холодильщику следует отправиться изучать моря Арктики! Вот это и должен понять Алеша!»

Раздраженно хлопнув дверью кабинета, академик вышел к дочери. В длинном, до пят, халате академик казался особенно высоким. Рассеянно теребя аккуратную бородку, он сказал:

— Гости? На меня не планируй, девочка. Вечером — на даче у Василия Васильевича Ходова, а то он опять улетит в свою Арктику.

— Ходов... Бухта Рубиновая... Как давно это было, — задумчиво отозвалась Женя.

— Вот, вот, — думая о другом, подтвердил академик. — И хочу я, чтобы совет твоему Алеше исходил не от меня.

— Совет? — Женя насторожилась.

Академик принялся с давней сноровкой открывать консервы. Отец и дочь хозяйничали всегда вдвоем.

Собирая на стол, они беседовали об Алеше и его проекте. Этот разговор еще больше утвердил Женю в ее решении.

Пришел Алексей. Он хотел, как всегда, притянуть девушку к себе и поцеловать в щеку, но та смущенно вывернулась и побежала снимать белый фартук. Женя была еще под впечатлением недавнего телефонного разговора с Федей. Она застала его в гостинице и передала «третье повеление джину»: полярный моряк должен сегодня обедать у нее. Возражения не принимаются. Она хочет, чтобы перед отъездом он услышал ее игру, обещает концерт...

Женя волновалась. Как встретятся сегодня Алеша и Федя?

Она усадила Алешу рядом с собой на мягкий кожаный диван, взяла его руку в свою:

— А что, Алеша, если бы тебя вдруг, как в детстве когда-то, премировали путешествием в Арктику?

Алеша нахмурился:

— Зачем?

— Взглянуть на все по-новому, глазами инженера, который построит там мол.

Алеша подозрительно посмотрел на Женю.

— Давай не будем говорить об этом, — сказал он, забыв, что набил карманы эскизами новых конструкций мола.

Женя стала перебирать Алешины пальцы:

— Ты выйдешь победителем, я знаю. Никто в тебя так не верит, как я.

Алеша потупил голову.

— Спасибо, Женя, — тихо сказал он.

— Ты опровергнешь Федора. Опровергнешь с его же помощью...

Алеша насторожился.

— Мы попросим, чтобы он взял тебя с собой на корабль. Ты изучишь на месте условия, в которых будет существовать мол. Ты понимаешь, Алеша... Папа тоже считает, что за тебя этого никто не сделает. Федя согласится... Ему так неудобно.

Алеша вспыхнул, вырвал руку:

— Мне? Просить Федора? Никогда!

Он порывисто встал. Женя продолжала сидеть, уронив руки.

— Но разве ты не должен изучить страну, которую хочешь преобразовать? Ведь твой проект не ученическая работа!

Лицо Алеши пылало.

— Должен! Но я не буду просить человека, которому лучше было бы помолчать. Он не побоялся провалить мою диссертацию, не разбираясь в ней! А я теперь буду просить его о чем-то! Ну, нет... ни за что!

Женя тоскливо посмотрела на Алешу. Как воздействовать на него? Как? Он ни за что не согласится. А что, если...

Решение было принято Женей молниеносно.

— Я не успела тебе сказать, Алеша. Дело в том... что я тоже еду в Арктику.

— В Арктику? — переспросил ошеломленный Алексей.

Женя тряхнула головой:

— Я буду монтировать там свой завод-автомат. Алексей не верил ушам. Конечно, все это шутка! Кто-то позвонил, и он не успел ничего сказать Жене. Пришел Федор.

Алеша сжимал кулаки. Как могла Женя!.. Неужели она не понимает!..

— У меня новость для вас, капитан, — весело говорила Женя, вводя Федора в столовую. — Вам не удастся так просто от меня отделаться. Я плыву на вашем корабле вместе со всей нашей техникой. Помните, я говорила, что трудно с ней расставаться. И вот видите!..

Федор обрадовался, но радость мигом слетела с его лица, едва он заметил Алешу в углу дивана. Поздоровавшись внешне как ни в чем не бывало, они разошлись по разным углам.

— И теперь я рада, что решилась, — непринужденно продолжала Женя. — Быть может, я встречу там в Арктике с братом Витей. Помните его? Он геолог и уже прославился. И еще с одной нашей старой знакомой. Вы уже догадались? Ну, конечно, с Галей! С черненькой нашей мечтательницей. Она работает с Виктором, в его партии. И он, между нами говоря, без ума от нее. Алеша, ведь правда?

— Понятия не имею, — пожал плечами Алексей.

Федор молчал. Женя болтала и смеялась одна. В конце концов, исчерпав все свое искусство «светской беседы», она подошла к роялю и подняла похожую на крыло блестящую полированную крышку.

Федя и Алеша облегченно вздохнули. Женя заиграла. Она начала с тяжелых торжественных аккордов.

— Вам придется представить себе сопровождение оркестра. Это фортепианный концерт, — сказала пианистка, — я постараюсь исполнять обе партии, но вам, когда я скажу, нужно услышать в моей мелодии звук скрипок и труб, гром литавр, пение виолончелей...

Федор мысленно уже слышал сопровождение. Музыка становилась зовущей, страстной. Сердце Федора застучало сильнее: «Решилась ехать в Арктику! Ведь еще так недавно говорила в цехе, что не поедет. Попрощаться бы и... конец. А теперь? Неужели поняла что-то, догадалась?»

Вихрь звуков все нарастал. Федор не мог бы сказать, что играла пианистка. Ему казалось, что она играла именно то, о чем он думал: о жизни, о борьбе, о любви...

Женя исполняла свой собственный, незаконченный концерт. Ей казалось, что две сплетающиеся, такие противоречивые музыкальные темы, когда-то найденные ею, — это она сама, ее сущность, ее постоянная раздвоенность. Вот и теперь она все время сравнивает этих двух таких разных и по-своему замечательных

людей. И что она наделала? Почему объявила о своей поездке в Арктику? Как теперь быть?

Алексей слышал в музыке бурю, борьбу, зов к победе и горечь поражения. Особенно вот эти мрачные, мерные аккорды. Но кто сказал, что он сдается? А конструкция ворот? Впрочем, при чем тут ворота? Надо действительно там, на месте, изучить все, в Арктике, в полярных морях... Она объявила, что едет со своим заводом-автоматом. Зовет его с собой. Надо ценить это, ведь ради него она решилась. Теперь он знает, как поступить.

Фортепианный концерт заканчивался победным, жизнеутверждающим гимном. Алексей выпрямился, спина его уже не касалась подушек дивана. Федор восхищенно смотрел на исполнительницу. Женя откинулась на спинку стула, бессильно опустила руки, запрокинула голову. Федор неистово аплодировал. Блаженно улыбаясь, он подошел к ней, взял ее руку и совершенно произвольно поцеловал. В следующее мгновение он уже был готов провалиться сквозь пол.

Приблизился неестественно бледный Алексей.

— Ты права, — сказал он, беря другую руку пианистки. — Я должен быть там. Я решил. Твой завод-автомат будет отапливаться холодом Арктики. Если нужно, я отправлюсь с монтажниками и установлю на Дальнем Берегу холодильные машины.

Федор выпустил руку девушки и стал рыться в кармане, отыскивая трубку.

«Глупец! Как мог думать! Вот из-за кого и с кем едет она в Арктику!» Он отвернулся, чтобы не видно было его лица. Наступило неловкое молчание.

— Буду рад видеть вас обоих на моем корабле, — спокойным голосом сказал Федор.

Глава пятая **ГЛЯДЯ НА СОЛНЦЕ**

Солнце косыми лучами заливало лабораторию. В голубых ее стенах отражалась яркая медь приборов. Ванночки электролизеров и аккумуляторы в стеклян-

ных банках, похожих на аквариумы, отбрасывали солнечные блики на потолок. Колбы ртутных ламп сверкали серебром, начищенные шары разрядников — золотом. Там и здесь важно поднимались гальванометры, на шкалы которых надо смотреть в маленькие подзорные трубы.

Комната была длинной, как коридор. Двумя непрерывными рядами тянулись лабораторные столы, широкие и массивные. Разноцветные изолированные провода в резиновых или пластмассовых трубках переплетались сетью, словно исполинский паук соткал эту сложную паутину. Разобраться в ней мог только сам академик Овесян. Здесь, в личной своей лаборатории, он вел обыкновенно сразу несколько опытов. Его ищущая мысль не могла долго удержаться на одном предмете.

Всю стену против высоких окон занимал распределительный щит темного мрамора с желтыми рубильниками и полосками шин. Академик мог получить любую комбинацию электрических токов и напряжений. Перед нагромождением блестящей меди, стеклянных трубок, резиновых шлангов и проводов косо висела картонка с красной молнией, черепом и костями.

В дальнем конце лаборатории был иной мир. Ни одного лишнего провода не было на столе, ни одного ненужного сейчас прибора. Многочисленные, они выстроились аккуратно на полках в стеклянном шкафу. В двух высоких вазах рядом с рентгеновскими трубками красовались цветы.

«Заповедник Веселовой», — так называл академик рабочее место своей помощницы.

Маша Веселова, молодая женщина, крупная, широкая в кости, стояла у пульта дистанционного управления. Освещенная солнцем, она чуть запрокинула голову с кольцом тяжелых светлых кос. У нее был широкий, крутой лоб, четкий профиль и полный подбородок. Что-то было у нее от русских красавиц, и казалось, что из всех головных уборов больше всего к лицу ей будет кокошник.

Но на Маше был не сарафан, а лабораторный халат, и смотрела она не в слюдяное оконце, а на распре-

делительный щит, на показания приборов. Вверху вспыхивали лампочки, за щитом щелкали контакторы. Казалось, что, кроме этого, больше ничего не происходит в лаборатории.

Но в далеком бетонном подземелье в эти мгновения мчались потоки элементарных атомных частиц. Невидимые, они бомбардировали тонкие пленки вещества, нанесенного на стеклянные пластинки, и в веществах этих происходили чудесные превращения, о которых столетия мечтали алхимики средневековья. Маше Веселовой, например, ничего не стоило превратить черный неприглядный металл в золото.

Однако помощницу академика меньше всего интересовали эти давно полученные физикой реакции. Она готовила к приходу руководителя совсем другой опыт.

Первая встреча с Овесяном, первый разговор с ним произошел давно, когда она была совсем девочкой, — ей минуло тогда всего четырнадцать лет. Вместе с подружками она слушала взволнованную лекцию молодого профессора в Большом зале Политехнического музея. Физик поразил маленькую слушательницу. И не только силой своего убеждения, почти неистовой одержимостью. Он поразил ее детское воображение теорией относительности Эйнштейна, вытекающим из нее законом Лоренца—Фицджеральда... Девочка, пытаясь понять сущность услышанного, как в ознобе, передернула плечами. Неужели действительно длина предмета зависит от скорости, с какой он движется? Неужели метр внутри мчащегося вагона поезда короче метра, оставленного на перроне? Как же постигнуть, что произойдет с метром, если он помчится со скоростью света? Оказывается, для тех, кто стал бы его наблюдать с неподвижной точки, метр этот потерял бы длину... совсем не имел бы длины. Для тех же, кто мчался вместе с метром со скоростью триста тысяч километров в секунду, он остался бы самым обыкновенным метром.

А потом физик заговорил о предмете очень знакомом, но заговорил так, что девочка снова ощутила близость к таинственному, непостижимому. Запах! Что может быть обычнее? А наука не знает, что это

такое. И нет до сих пор теории запаха. Профессор рассказал, что многие физики всю жизнь пытались разгадать тайну запаха. В числе их был и Рентген. Но... великий физик нашел свои знаменитые Х-лучи, однако так и не создал теории запаха. Множество открытий было сделано и другими физиками, сорвана была тайна с атомной энергии, но запах так и остался для ученых и по наш день загадкой.

Молодой профессор показался девочке удивительным. Он стоял, как ей казалось, у самого входа в неведомый, загадочный мир. Стоило ему приоткрыть дверь, и он войдет туда и даже может взять с собой ее, Машу. И она решила, что непременно должна, должна увидеть профессора. Это было не просто, но она, упрямо-настойчивая, все-таки добилась своего.

Овесян был несколько удивлен, узнав, что эта школьница, прослушав его лекцию, собирается стать физиком, чтобы придумать... теорию запаха! Она простошно призналась, что очень любит духи. О страхе же своем перед таинственно укорачивающимся метром она ничего не сказала.

Овесяну понравилась эта немного крупная, но миловидная, сосредоточенная девочка, девочка, которой нипочем неудачи всех физиков мира. И тогда, сам не зная, в шутку или всерьез, Овесян пообещал, что возьмет Машу к себе в помощницы, когда она закончит университет. Надо было видеть, как загорелись у Маши глаза, как улыбнулась она Овесяну и по-детски и... по-женски.

Невольно начав игру, Овесян уже не мог остановиться. Он подтвердил девочке, что возьмет ее в помощницы, но ей придется заняться совсем другой проблемой, вовсе не теорией запаха.

Если бы для решения неведомой физической проблемы понадобилось прыгнуть с балкона на двадцать четвертом этаже университета, Маша в тот момент не задумалась бы, прыгнула!..

И тогда он сказал, что они будут работать, «глядя на Солнце». Затаив дыхание, широко открыв свои синие глаза, слушала девочка все более увлекающегося профессора. Худощавый, с орлиным профилем и

острым подбородком, с огромными залысинами над узким лбом и в то же время с густыми вьющимися волосами, он показался Маше чуть похожим на Мефистофеля...

— Глядя на Солнце! — продолжал Овесян, расхаживая вдоль длинного стола физической аудитории университета, где настигла его Маша. — Наше Солнце всего лишь одна из небольших звезд, но она излучает колоссальное количество энергии. — Овесян стремительно прошел к доске и размашисто написал: $3,5 \times 10^{23}$ киловатт». — Это в миллиард миллиардов раз больше, чем мощность всех волжских гидростанций, вместе взятых. Астрономическая цифра? Не мудрено. Глядя на Солнце, породнишься с астрономами. Откуда же эта энергия? Раньше думали, Солнце горит, пылает. Кончится на нем горючее — и потухнет светило. Превратится сначала в тусклый, а потом в темный шар, и в черном мраке будут бессмысленно кружиться вокруг него в мертвом механическом движении другие холодные шары, и в том числе тот, что был прежде Землей, на котором была когда-то жизнь...

Девочка вздрогнула. «Нет, не может так быть! Не хочу слышать об этом. Жизнь, прекрасная, светлая, не исчезнет. Нет!» И она протестующе подняла руку. Но профессор, не замечая, продолжал:

— Ученые подсчитывали: когда придет всеобщий мрак? На сколько хватит Солнца, будь оно из одного углерода? Определили. На пятьсот лет. Позвольте! Но Солнце светит миллиарды лет и не думает сгорать. В чем же дело? Оказывается, тревожиться нечего. Пожар Солнца особого рода. Атомный пожар! Атомного топлива хватит на несчетные миллиарды лет.

Девочка облегченно вздохнула и снова затаила дыхание.

— Атомная энергия впервые была использована для атомного взрыва. Американский летчик, который сбросил над японским городом парашют, не знал, какая под ним бомба. Но бомба оказалась атомная, и в ней по бессознательной воле летчика расщепилось ядро урана, разлетелось на части. Его осколки заделали другие ядра атомов, и разрушение, подобно лавине,

охватывало все большую часть вещества. Множество ядер разлетелось, осколки их, словно отброшенные освобожденными пружинами, помчались с непостижимыми скоростями, неся в себе разрушительную энергию атомного ядра. Разрушение! Разрушение атома и разрушительная цель его применения! Недаром американский летчик счел себя преступником, пошел в монахи, стал современным схимником. — Овесян взмахивал руками, забыв, что перед ним не внимательная аудитория, а всего лишь одна зачарованная девочка. — Но на Солнце энергия, — гремел Овесян, — рождается не разрушением, а созиданием. Созиданием! Там, в ослепительной небесной лаборатории, из простейших атомов создаются новые вещества и щедрая энергия освобождается из материального плена. Слейте воедино два атома обыкновенного кислорода, вы освободите несметное количество скрытой до того в ядре тепловой энергии. Так не в этом ли тайна Солнца? Не это ли тепло посылает оно к нам на Землю? Подсчитали. Не выходит. Как известно, все ядра атомов заряжены положительным электричеством. Трудно слиться ядрам кислорода, преодолеть взаимное отталкивание.

Такое слияние было бы возможно, если бы ядра натолкнулись одно на другое, летя со страшными скоростями. Чем выше температура звезды, Солнца, тем быстрее движутся в нем, все время сталкиваясь, атомы. Однако, чтобы атомы кислорода могли столкнуться, понадобилось бы иметь миллиарды градусов. Таких температур на Солнце и звездах нет. Но миллионы градусов есть. Какие же атомы могут столкнуться при таких температурах? Мы пока что не можем представить во всей сложности происходящие там процессы. Но обратимся к самому легкому атому, к водороду. Вот если столкнутся и сольются четыре ядра водорода, — а это может случиться, если налетят друг на друга два двойных по массе атома так называемого тяжелого водорода, или дейтерия, — то новое, образовавшееся от слияния ядро будет ядром атома гелия. Гелий — в русском переводе «солнечный». Его давно обнаружили на Солнце. Образуется гелий, и

при этом освобождается огромное количество энергии — в десять раз больше, чем при распаде урана в атомной бомбе (при одном и том же количестве вещества). Отталкивание самых легких ядер, ядер водорода не так уж велико. Скоростей, с которыми движутся атомы в накаливаемой до десятка миллионов градусов массе Солнца, для столкновения таких атомов достаточно. Вот вам солнечная реакция, дающая всю энергию, какую излучает Солнце на Землю. Как оказывается, солнечные лучи, дающие жизнь всему живому, обязаны превращению четырех атомов водорода в атом гелия! Так почему, я вас спрашиваю, не создать такую солнечную реакцию на Земле? Ведь водород не уран! Он повсюду! Вода, обыкновенная вода — вот атомное топливо будущего! И мы умеем кое-что делать, умеем превращать в гелий тяжелый водород. Но вот беда! Его можно получить лишь из тяжелой воды. А где ее взять? Она только редкая примесь, которую с трудом обнаружишь в обыкновенной воде. А нам с тобой нужно решать задачу превращения в гелий обыкновенного водорода! Использовать обычную воду как атомное топливо.

Овесян остановился, переводя дух. Ему самому показалось смешным, что он так увлекся. Ведь его слушала одна только девочка. Да и поняла ли она?

А девочка подошла к нему близко, привстала на цыпочки и спросила:

— Можно мне за это вас поцеловать? — и, не дожидаясь ответа, поцеловала молодого профессора.

Пожалуй, Овесян и забыл бы об этом незначительном эпизоде, если бы через несколько лет к нему, только что избранному академику, не явилась рослая, красивая девушка с университетским значком. Она сказала, что он, академик Овесян, должен выполнить свое обещание, затребовать ее из университета, сделать своей помощницей.

Овесян сначала рассмеялся, но что-то в сосредоточенном лице девушки, в упрямой складке между ее тонкими бровями, в пристальном взгляде серьезных глаз заставило академика задуматься. Он улыбнулся, вспомнив, быть может, детский поцелуй, невольно да-

же потер левую щеку, — отлично помнил, что это была левая щека!

И тут он безжалостно подверг дерзкую аспирантку самому жестокому экзамену. Она стояла у маленькой доски в его кабинете, а он ходил по комнате и забрасывал Машу вопросами. Часто его вопросы выходили далеко за пределы университетского курса. Девушка краснела, лоб ее покрывался испариной, иногда она просила разрешения подумать, иной раз смело требовала пособие, книгу, справочник, журнал, часто иностранный. Академик не протестовал: только знающий человек может пользоваться книгами. Маша отвечала, решала самые трудные задачи, которые Овесян перед нею ставил, и смотрела на него то злыми, то восторженными глазами. Кто знает, сколько бы времени продолжалось это «истязание», если бы Овесян не спохватился, что ему надо «лететь» в академию. Он умчался, так ничего и не сказав, а Маша разревелась.

Так Маша стала помощницей Овesyяна. Скоро она сделалась ему необходимой. Строгая к себе и другим, дотошная, въедливая, как говорил о ней Овесян, она прекрасно дополняла безудержного академика, систематизировала его опыты, оформляла блестящие, стремительные, но слишком отрывочные подчас выводы.

В лаборатории Маша довольно деспотически командовала двумя техниками. Те сначала злились на нее за безмерную ее придирчивость и требовательность, потом стали уважать за спокойствие и справедливость, наконец, даже полюбили...

Немало хлебнула горя за последние годы лаборатория Овесyяна. Сколько было неудач! Пятьдесят тысяч опытов! Овесян сам сгоряча назначил эту цифру, вспомнив, что Эдисон в поисках материала для электрической лампочки накаливания испробовал пятьдесят тысяч нитей.

Когда серия опытов Овесyяна начиналась, техники Федя и Гриша были совсем юнцами. Долговязый Федя мечтал стать мастером спорта по футболу, а Гриша, робкий и мечтательный, готовился в консерваторию. Маша с самого начала не пожелала считаться ни с какими спортивными званиями или музыкальными

ми дарованиями. Беда, если в лаборатории сделано что-нибудь не так, как нужно! Впрочем, оба они в своих стремлениях преуспели больше, чем Маша с Овесином в решении своей задачи.

Пятьдесят тысяч опытов — это 49 999 неудач.

И каждый день в различных вариантах повторялось одно и то же. Менялись условия, достигались нужные температуры и скорости полета частиц — ядра водорода мчались друг на друга. Фиксировался результат. Ничего не получалось. Снова ядра водорода — протоны разгонялись в циклотроне, приобретали миллионы электроновольт энергии. Направленные Машей в цель ядра вторгались в глубь вещества, проникали в чужие атомы, сливались со встречными ядрами. Снова фиксировался результат... и снова не удовлетворял он экспериментаторов. И так день за днем.

Академик просматривал дневники научных наблюдений, горячился, сердился, иногда махал рукой и предлагал «бросить все к черту». Маша тогда сводила брови, отбирала у академика записи и напоминала, что до пятидесяти тысяч еще далеко. Тогда-то Овесян и решил, что опыты следует вести в параллельных лабораториях. Над поставленной проблемой вместе с Машей и Овесином стали работать многие ученые.

Академик сказал однажды Маше:

— Неистовое у вас упорство. Словно броню сверлите.

— Закаленную броню, — поправила Маша.

— Потому и стружки нет, один скрип, — вставил футболист Федя и тотчас съежился под Машиным взглядом, стал ростом с Гришу.

Часто академик сам засучивал рукава, менял условия опыта. Маша тогда стояла за его спиной, ревниво следя за каждым его движением. Овесян работал быстро, уверенно, как опытный хирург.

— Заколдованный круг, — бормотал Овесян и, хлопнув дверью, уходил в свой кабинет.

Минуту спустя через дверь слышались звуки Лунной сонаты Бетховена. Вот уже несколько лет

Овесян, ничего другого не игравший, с завидным упорством разучивал на рояле без посторонней помощи Лунную сонату.

Маша переглядывалась с техниками и принималась готовить новый опыт.

Вдруг пассаж обрывался, и возбужденный Овесян влетал в лабораторию:

— К черту! Меняйте все. Сделаем вот так. — Маша методически записывала. Академик торопил ее, сам тянул провода, менял схему, включал электронные лампы, возился с вакуумным насосом, перемазав в машинном масле рубашку, требовал по телефону подачи в лабораторию сверхвысокого напряжения.

Со временем Овесян стал реже заходить в лабораторию. У него появилось много разных дел. Маша стороной узнавала, что он выступает с докладами по совсем другим вопросам, наконец услышала, что он уехал, не простившись, за границу для участия в конференции защитников мира. Маше не хватало чего-то очень важного, ей было тоскливо. Когда-то она смеялась над своей детской влюбленностью в пламенного профессора, а теперь... Сегодня он должен снова появиться в лаборатории. Она мучительно искала выхода. Никогда с таким творческим напряжением не готовилась Маша к приходу академика.

И он пришел.

Маша привыкла, что он вихрем врывается в лабораторию. Часто он налетал на Машу, раскинув руки, порой даже шутливо сжимал ее в объятиях, глядя при этом на показания какого-нибудь прибора.

Сейчас Овесян молча вошел и остановился у двери. Пока Маша шла к нему, он рассеянно оглядывал лабораторию.

— Пыль, — усмехаясь, показал он Маше на заброшенные схемы.

Маша вспыхнула:

— Вы же сами не позволяете прикасаться...

Овесян кивнул головой, взобрался на высокий табурет:

— Ну?

— С водородом ничего не выйдет? — с укором спросила Маша.

— Нет, почему же? — снова усмехнулся академик. — У других получается. Тяжелый водород сливается с тяжелым или сверхтяжелым, дейтерий с тритием... Миллионы градусов... миллионы атмосфер...

— И в результате взрыв! Разве это нам нужно? Иногда я думаю, к чему могло бы привести безумие взрывов. И всякий раз вспоминаю вами же нарисованную картину. Помните, вы рассказывали одной девочке... Холодные шары в мертвом мраке, бессмысленное движение безжизненных тел...

— Так, так... — поощрительно кивнул академик.

— Кстати, о девочке, — неожиданно сказала Маша. — Я хочу открыть вам одну детскую тайну.

Академик стал рассматривать ногти.

— Помните... когда я впервые слушала вас. Я была потрясена. Тела теряют свою длину при больших скоростях.

— Закон Лоренца—Фицджеральда? — вскинул брови академик.

— Я все время думала об этом без вас. Ведь ядра водорода летят с огромными скоростями. Это значит, что одно для другого они теряют длину. Если ядро — шарик, то оно превращается... ну, в диск, не имеющий толщины...

— Постойте, — соскочил академик с табурета.

— Нет, подождите, — схватила его за руку Маша, — если такие диски встречаются под разными углами, им значительно труднее задеть друг друга, чем шарам.

Маша видела, как загорелись глаза у Овесяна, как преобразился он весь.

— Черт возьми! — сказал он, удивленно вглядываясь в Машу. — Не хотите ли вы сказать, что надо резко уменьшить скорости? Во всяком случае, это стоит проверить!

— Ну, конечно. Помните, вы как-то говорили, что нужно организовать беспорядочное тепловое движение атомов. Еще заказали тогда особо мощные электромагниты, чтобы они заставили двигаться ядра опре-

деленным образом. Электромагниты пришли с завода.

— И можно попробовать? Где мой халат, черт побери!

Перед Машей стоял прежний Овесян, помолодевший, почти такой, каким увидела она его впервые в Политехническом музее. Но теперь уже Маша расхаживала перед ним, взмахивала рукой и говорила:

— Я часто думала о том, на что мы будем способны, если сумеем любую каплю воды превратить в энергию?

— Все льды в Арктике растопим, — решил академик.

— Нельзя, — урезонила Маша. — Поднимется уровень морей. Затопит Европу.

— Хм... Ну, ладно. Подогреем Гольфстрим или сибирские реки...

— Нет! Вот что сделаем, — перебила Маша. — Слой вечной мерзлоты! Он простирается едва ли не на треть всей нашей гигантской территории. Я представляю себе скважины. Множество горизонтальных скважин в земле, подобных кротовинам, которые оставляет за собой трактор, когда протаскивает в заболоченной почве подземный снаряд. По таким же кротовинам мы будем пропускать подогретый пар, получаемый в нашей атомной установке. Вот перспектива, Амас Иосифович! Какова?

— Какова? — переспросил академик. — Нет, в самом деле какова! — и он решительно подошел к Маше, крепко обнял и поцеловал ее в щеку.

— В комсомольцы запишусь. Новую целину поднимать будем! Весь Дальний Восток! Какой будет блаженный край с отогретой землей! Черные березы, виноград, тигры, может быть, обезьяны, лимоны и пшеница... моря пшеницы...

Сердце у Маши бешено колотилось.

— У меня все готово для опыта, Амас Иосифович, — еле выговорила она.

— Так включайте же! Живее включайте! — скомандовал академик.

Глава шестая
И СНОВА БАРЕНЦЕВО МОРЕ!

И снова Баренцево море!

Как далекие детские образы, вставали перед глазами Жени бегущие крутые волны. Сколько смутных, полузабытых впечатлений, сколько воспоминаний! Галя, мальчики, Гекса... К горлу подкатывается комок. Чувствуешь себя опять совсем маленькой...

Корабль «валяло» с борта на борт. Свинцовые, зеленоватые на скатах, кипевшие на верхушках пеной гигантские валы бесшумно подбирались к кораблю, но не ударялись о борт, а ныряли под киль. Казалось, они уходили вглубь, но на самом деле они поднимали корабль. Судно взлетало, словно на гору, чтобы в следующее мгновение опуститься в низину. Палуба убежала из-под ног и накренилась. Женя никак не могла по ней ходить, цеплялась за переборки и реллинги.

Вот она, стихия Феди! Третьи сутки Женя и Алеша на корабле, в трюмах которого — оборудование завода-автомата и холодильные машины для его отопления.

К обеду и ужину капитан приходил в кают-компанию последним, уходил первым. С Женей и Алешей он был приветлив, но ни разу не встретился с ними на палубе, не зашел ни к одному из них в каюту, не позвал к себе.

Женя издали часто наблюдала за ним, стоя на палубе. Вот и сейчас она заметила на мостике фигуру капитана. Ветер развеивал его брезентовый плащ. Вскоре капитан скрылся за штурманской рубкой. Теперь Женя стала смотреть выше мостика и увидела белую толстую веревку, протянутую над палубой. Не сразу догадалась, что это обледеневшая антенна.

Неожиданно к Жене подошел радист в щеголеватом кителе.

— Вам письмо, — сказал он, протягивая конверт.

— От кого? — заволновалась Женя. — Что-нибудь случилось?

— Не могу знать. Это ж не радиограмма, — значительно произнес радист. — Это ж письмо.

Женя рассмеялась:

— Ну, конечно, романтик! Нашему Ивану Гурьяновичу, отпетому коротковолновику, мало утреннего радиопривета со Слонового Берега, нужна еще и голубиная почта.

— Что вы, Евгения Михайловна! Какие ж это голуби? Обыкновенное радио. Интереснейший радио-прибор. Счел бы за радость показать его вам. Воспроизводит точную копию исписанного листа, который лежит в Москве перед другим радиоаппаратом.

— Нечто вроде фоторадиограммы? — спросила девушка, нетерпеливо вертя в руках странный конверт.

Но радист, украдкой взглянув на собеседницу, принялся пространно рассказывать, что эта фоторадиограмма получается сразу в запечатанном виде. Внутри заклеенного конверта — бланк, на котором остается след от записывающего луча, свободно проходящего через бумагу конверта.

— Так что не могу знать, от кого и о чем, — закончил радист.

Женя на ветру разорвала конверт. Он взвился и исчез на пенном гребне.

Знакомый почерк отца:

«Пересылаю тебе, девочка, письмо, адресованное на академию, в расчете, что я передам его по назначению. Пользуюсь случаем обнять тебя, моя ласковая и жестокая дочурка, покинувшая отца на столь долгий срок».

Письмо, написанное по-английски, было... от Майка.

Женя знала французский и немецкий языки, но с английского переводила лишь со словарем, которого под рукой не было.

Майк! Кто он теперь? Вот повод снова встретиться старым друзьям — Феде и Алеше.

И Женя направилась к капитанскому мостику. Едва она взошла на трап, как услышала за собой странный звук. словно что-то упало и со звоном разбилось. Девушка оглянулась. По накренившейся палубе перекатывались ледяные осколки.

Ничего не поняв, Женя стала подниматься на мо-

стик, но на последней ступеньке нерешительно остановилась. Перед капитаном стоял радист и докладывал, что обледеневшая антенна порвалась. Он просил разрешения тотчас исправить повреждение.

— Нет, — решительно возразил радисту Федор. — Снасти обледенели. Сорвешься. Побудем без радио.

— Поймите, Федор Иванович, я не могу, — взмолился радист. — В эфире сейчас лекция по физике из института. Я ж радиостудент! Если провалюсь на экзамене, кто ответит?

— Сорвешься в море — капитан ответит.

Радист уныло прошел мимо Жени. Федор заметил девушку и пригласил ее взойти на мостик.

— У вас неприятности, а я хотела... — чуть смущенно начала Женья. — Сегодня былым юным туристам надо собраться. И знаете, вчетвером...

Федор поднял брови. Он не понял: кто четвертый? Женья помахала письмом:

— Майк!

Федор улыбнулся, верно вспомнил веснушчатого рыжего парнишку.

— Совпадение, — сказал он.

— Вовсе нет. Просто первый закон Арктики: «Кто раз побывает в ней — всю жизнь будет стремиться на север». Потому и мы здесь с вами, потому и от Майка письмо. — Она улыбнулась.

Мог ли далекий американец ожидать, что поможет прояснению отношений между друзьями!

Друзья эти, слегка настороженные, но искренне заинтересованные письмом, собрались в каюте капитана.

Женья окинула взглядом строгое жилище Феди. «Жестковатый диван вместо койки. Вплотную — письменный стол. На стене у иллюминатора раскачивается маятник — отмечает крен судна. Книжный шкаф. Чья это фотокарточка на столе? Бородатое лицо, знакомое... Дядя Саша! Как приятно! Федя в Москве рассказывал: известный океановед Петров — это и есть дядя Саша. Он сейчас где-то тут, в Арктике».

Письмо переводил Федор:

«Хэлло, Вик и Джен!

Стоять на распутье дорог той же самой бензоко-

лонки, где я только вчера потерял работу заправщика, в высшей степени грустно, и мне смертельно захотелось написать это письмо. Пошлю его в Москву, в Академию наук, в надежде, что оно дойдет до мистера академика и он сочтет возможным переслать его сыну или дочери, хотя, быть может, молодая леди совсем забыла меня.

Хэлло, Вик! Хэлло, Дженни! Я обращаюсь к вам, а имею в виду всех, кто плыл на ледоколе «Лейтенант Седов» в каюте юных туристов. Мне отчаянно захотелось поговорить с теми, кто не стоит вот так же, как я или мой кузен Джерри, на развилке дороги, скомкав в кармане никому не нужные университетские дипломы... Я ведь хорошо запомнил ваши мечтанья об отоплении холодом и о грандиозных стройках.

Все было хорошо, пока жила тетушка. Она помогла нам с Джерри окончить колледжи, даже поступить в университет. Я там считался лучшим бейсболистом. Черт возьми! Если бы мне не повредили руку, я бы хоть этим занялся. Джерри, тот отличался по литературной части. Пишет совсем недурно. Бойко. Но беда в том, что его «бойкие писания» никто не печатает. Джерри Никсон, как говорят, не может попасть в тон. Впрочем, и физик Майкл Никсон не в лучшем положении.

Мы с Джерри честно делим каждый цент, который удастся заработать. Парень этот чертовски влюблен в прехорошенькую девушку, но... какая там женитьба, если перо на долларовой шляпке стоит дороже, чем перо литератора! Я тоже влюблен, но удрал от своей девушки подальше. Ужасно гадко идут дела. А казалось, что можно сделать много. Ведь атомная энергия должна была перевернуть все основы техники. Физикам ли заботиться о заработке?

Что-то не так в мире устроено. Вот и хочется получить письмо с «другой планеты».

Не знаю, захотят ли на другой планете называть меня своим другом, поэтому подпишусь пока просто

Майкл Никсон.

В каюте присутствовал четвертый...

Алеша мысленно видел перед собой фигуру здорового, крепкого парня, беспомощно сжимающего в карманах кулаки. Женя старалась представить его любимую девушку, с которой он не может даже мечтать о семье. Федор сказал:

— Действительно, будто с Марса письмо.

— Нет! На Марсе давно коммунистическое общество, — живо возразила Женя.

— Пожалуй, — задумчиво согласился Алеша. — Как известно, жизнь на Марсе должна была зародиться раньше, чем на Земле, разумные существа там скорее достигли высшей формы общества.

— Значит, на Марс письмо, — сказал Федор.

— Нет, — опять возразила Женя. — Там, наверное, больше дорожат дружбой, чем... здесь.

Федор пристально посмотрел на Женю и опустил глаза.

— Правильно, — потрянул головой Алеша. — Будем говорить прямо. Майк ценит былую дружбу больше, чем... чем мы с тобой, Федя.

Федор покраснел. Женя нервничала.

— Мы должны ответить вместе, — торопливо заговорила девушка. — Мы должны ответить ему, что все крепко связаны дружбой. Ведь правда?

Минуту длилось молчание.

— Правда, — твердо сказал Федор и протянул Алексею руку. Алексей крепко пожал ее. В эту минуту, пожалуй, они могли бы многое сказать друг другу, но помешал сильный стук в дверь. Вошел взволнованный радист Иван Гурьянович. Он прижал длинные руки к груди:

— Я говорил, товарищ капитан. Разве ж можно судну без радио?

— Что случилось? — спросил Федор.

— На горизонте корабль гибнет, а мы глухие и немые. Может быть, он сигналы бедствия подает.

Федор встал.

— Прошу прощения, — обратился он к своим гостям. — Вернусь.

Женя с Алешей не усидели в каюте.

Резкий ветер ударил в лицо. Брызги проносились

над палубой. Ледяные, они жгли, как искры. Над провалом между двумя гигантскими валами, словно подрубленная, накренилась обледеневшая мачта с белыми, тоже покрытыми льдом снастями.

Алексей не смотрел на эту мачту, он всматривался в горизонт. Там в волнах качалась другая, жалкая, одинокая мачта. Корпуса судна не было видно.

— Почему бедствие? — спросила Женья.

— Помнишь, тогда... судно не могло удержаться против волны. Наверное, и сейчас так.

По трапу с мостика быстро спускались капитан и радист. Федор на ходу скинул брезентовый плащ, остался в кителе. Женья с Алешей переглянулись.

Шторм разыгрывался. Теперь уже казалось, что не волны заливают борта корабля, а сам он зачерпывает воду при каждом крене.

Девушка схватила Алешу за руку. Федор, стиснув зубами трубку, поднимался по белым снастям, то списывая чуть ли не под самыми тучами огромную дугу, то повисая над гребнем волны. Вслед за ним по обледеневшим вантам упрямо поднимался долговязый радист.

— Что это? Что? Почему он сам? — шептала Женья.

Алексей, напряженный, побледневший, впился глазами в раскачивающуюся над волнами фигурку моряка; он перевел глаза на Женю, и в его взгляде мелькнула настороженность.

Женья забыла об Алексее. Она перебежала ближе к мачте. Казалось, она готова сама лезть вверх, чтобы хоть чем-нибудь помочь смельчаку.

Боцман и еще один матрос, лучшие верхолазы, забрались на другую мачту. Жене казалось, что антенну натягивают бесконечно долго.

Наконец Терехов спустился. Женья ждала его, держа в руках капитанскую шинель, за которой бегала в каюту.

Она с немым упреком подала ее Федору.

— Для парусного флота — обычное дело. Сейчас в диковинку, — словно оправдываясь, сказал Федор,

набрасывая на плечи шинель и направляясь в каюту: Женья шла рядом, Алексей позади.

Войдя в каюту, капитан достал из шкафа начатую бутылку коньяку. Налив полный стакан, он раскурил трубку, затянулся дымом, потом выпил до дна весь стакан, зажмурился, открыл глаза и тихо, как бы показывая фокус, выпустил клуб дыма.

Алексей и Женья, пораженные, смотрели на него.

— Крепче действует, — объяснил он.

Влетел радист.

— Принял сигнал бедствия! — доложил он.

Глава седьмая

БУРЯ

Корабль Терехова спешил на помощь гидрографическому боту.

Пришлось изменять курс, и штормовая волна била теперь в борт. Крен судна стал угрожающим. Хорошо, что ледокольный корабль, в отличие от обычных ледоколов, имел киль. Судно с плоским днищем, приспособленным для заплывания на лед, могло бы опрокинуться. Терпящий бедствие кораблик раскачивался, как ванька-встанька, казалось, сейчас зароется мачтой в волну, но он опять каким-то чудом выпрямлялся, чтобы качнуться в другую сторону.

Ходить по палубе стало опасно. Матросы протянули штормовые канаты. Передвигаться можно было, лишь держась за них. Загибающиеся вперед гребни волн водопадами рушились вниз, на корабль, скрывая палубу под водой.

Женья, Алексей и Федор были на капитанском мостике. Но даже и здесь вода пролетала косым дождем. Пальто Жени набухло, стало тяжелым, мокрые ноги ее замёрзли, но она не уходила. Нервное напряжение побороло приступы морской болезни, заставило забыть о холоде. Широко раскрытыми глазами, испуганно и восхищенно, смотрела она на бушующую стихию.

Алексей был подавлен. Никогда еще не ощущал он так ничтожность создания рук и ума человека. Ко-

рабль, которым можно было гордиться, как чудом техники, в этом кипящем море казался щепкой. А что же задумал он, Алексей? Поднять руку на Океан! Надеть на него ледяную узду, смирить его, остановить течения, задержать дрейфующие «ледяные материки»! Какое сооружение рук человеческих можно себе представить, чтобы на всем безмерном пространстве — не на карте, а здесь, в ревущем просторе, — пролегло оно от горизонта к горизонту?

— Право руля! — командовал Федор. — Еще право на борт!

Он стоял у реллингов, зорко всматриваясь в даль, где пропадала и появлялась мачта изнемогающего в борьбе со штормом гидрографического бота. Федор постоянно чувствовал на себе ответственность за корабль, за людей, жизнь которых была ему вручена. Особенно насторожен он был во время шторма или во льдах. Его можно было увидеть на мостике в любимую вахту. Он походил на командира воинской части во время непрекращающегося боя.

Капитан Терехов прославился своей осторожностью. Он умел выжидать неделями, находясь вблизи острова, медля с выгрузкой, не желая рисковать кунгасами и грузом. Его настойчивое терпение, казавшееся на первый взгляд промедлением, всегда приводило к тому, что за один рейс его корабль успевал сделать много больше, чем любое другое судно. Вместе с тем капитан Терехов считал, что осторожным стоит быть всегда, но в решительную минуту нужно уметь рискнуть. И Федор рискнул в шторм поправить антенну, он рисковал теперь идти опасным курсом, когда волна бьет в бок, — надо оказать помощь попавшим в беду морякам.

Когда ледокольный корабль подошел к гидрографическому боту, стало ясно, что у того поврежден руль. Надо было брать бот на буксир.

Предстояло пройти около судна и забросить на него лить. Штормовая волна могла столкнуть корабли.

Федор, как и всегда в наиболее опасные моменты, сам встал за штурвал.

Женя не выдержала, вбежала в штурманскую руб-

ку, упала на стул, сжала голову руками, боясь смотреть в иллюминатор. Федор казался ей непостижимым.

Вошел Алексей:

— Буксир принят. С бота спускают шлюпку.

— Неужели это возможно в такой шторм?

Когда Женя снова вышла на мостик, отваливший от бота катерок, совсем крохотный по сравнению с волной, на которую он лихо вскакивал, стремился подойти к ледокольному кораблю. Со страхом наблюдала Женя, как, пытаясь обмануть волну, осторожно подкрадывался он к высокому борту ледокола. Он взлетал к самым его реллингам — тогда видны были мокрые лица стоящих на его палубе людей, потом проваливался вниз, чтобы, казалось, никогда уже не вынырнуть, но снова подскакивал в уровень с мостиком корабля.

Женя не могла поверить, что в таких условиях можно перебраться с катерка на корабль. Человек с темной окладистой бородой, внезапно появившийся на палубе ледокола, удивил, почти испугал ее.

Она увидела, что он обнимается с Федором, потом почему-то стал обниматься с Алешей. Женя добралась до них и оказалась перед... дядей Сашей!

Федя предупреждал, что океановед Петров плавает в этих водах! Так вот он какой, бывший гидролог! И седины не так уж много в бороде.

— Не вымочу? — спросил Александр Григорьевич Петров, широко раскрывая руки и идя к Жене.

— Я и сама совсем мокрая, — смеясь, ответила девушка, прижимаясь щекой к заросшему лицу дяди Саши, ощущая крепкий запах табака, соли, ветра.

— Почти на том же месте встретились, где расстались, — шутил дядя Саша, когда вместе со старыми друзьями шел в каюту Федора. — Что это нас всех здесь столкнуло?

— Первый закон Арктики! — заявила возбужденная Женя. — Кто в ней побывает, тот вернется!

Федор ушел на мостик, чтобы снова самому вести корабль.

— Какими же ветрами вас вернуло сюда? — улыбался океановед.

Женя рассказала дяде Саше все: о встрече друзей, о диссертации, о выступлении Федора, о напряженных отношениях.

Александр Григорьевич слушал сначала сидя, потом встал и, заложив руки за спину, стал расхаживать по тесной каюте. Плотный, широкоплечий, соображаясь с качкой, он останавливался, приседая на согнутых ногах, поворачивался и снова ходил.

— Значит, не присудили ученую степень? — спросил дядя Саша, останавливаясь перед Алешей и смотря на него прищурясь, словно для того, чтобы прикрыть задорные огоньки в глазах.

— Не присудили.

— Правильно сделали, — заявил океановед, продолжая прогулку.

Алексей обиженно замолчал.

— Решил Арктику изучить? — снова спросил его Петров.

Алексей кивнул головой.

— Правильно сделал, — тем же тоном сказал океановед, едва удерживаясь на ногах во время резкого крена. — Значит, отгородить моря от океана? Любопытно. А я думал, что ты будешь Арктику отапливать «морозом»!..

— Федор доказывает, что тепла струи Гольфстрима не хватит.

— Прежде всего не Гольфстрима. Гольфстрим идет вдоль европейских берегов. Дальше течение уже носит название Североатлантического, а потом Нордкапского. Оно доходит лишь до Карского моря. В твоем случае продолжение этого течения нужно назвать уже как-нибудь по-новому. Карское, скажем.

Алеша Карцев покраснел. Дядя Саша, все так же поблескивая сощуренными глазами, сразу же добавил:

— В честь Карского моря, конечно. Значит, тепла не хватит? А ну, пройдемте к капитану в штурманскую рубку! Живо!

Женя обрадовалась за Алексея и почему-то встревожилась за Федора.

Федор стоял в рулевой рубке. Увидев на мостике гостей, он передал штурвал рулевому.

Все прошли за капитаном в штурманскую рубку. На столе лежала карта, на которой штурман прокладывал курс корабля. Он только что нанес зигзаг, который проделал корабль, идя на помощь гидрографическому боту. Штурман вышел.

— Как у нас в Арктике начинается таяние льдов? — без вводных слов начал Александр Григорьевич.

И он рассказал о том, что льды раньше тают там, где вода теплее. А теплее она прежде всего в устьях рек. Там и появляются первые полыньи. Более темные, чем окружающие их снега и льды, они интенсивнее поглощают тепло солнечных лучей и этим теплом растапливают прилегающие ледяные поля. Полыньи ширятся и дают возможность ветрам отламывать от берегов ледяной припай. Дядя Саша вспомнил, как в пятидесятых годах на страницах печати спорили о тепловом влиянии на ледовитые моря великих сибирских рек. Можно ли поворачивать их вспять, чтобы текли они не в Ледовитый океан, а в Каспий? Не замерзнут ли тогда все полярные моря и летом, не получая тепла Оби и Енисея? Ведь из двух с половиной тысяч кубических километров теплых вод, сбрасываемых в ледовитые моря, больше половины приходится на долю Оби и Енисея. Тепла, приносимого водами этих двух рек, было бы достаточно для того, чтобы растопить двухметровый лед в морях на ширине ста километров и длине шестисот километров. Некоторые предполагали, что без этого тепла полярные моря будут и летом покрыты льдом. Ныне, когда тепла рек в прежнем количестве нет, легко предположить, что после появления мола в морях отгороженная им прибрежная часть морей никогда не вскрыется.

Федор в знак согласия кивнул головой. Алексей напряженно вглядывался в лицо Александра Григорьевича. Женя сидела с холодным, непроницаемым видом, но ей это удавалось с трудом.

Из слов маститого океановеда следовало, что сибирские реки дают в полярные моря лишь менее трех процентов тепла. Остальное тепло приносится атлантическими водами, в том числе Карским течением —

внучком Гольфстрима. Это тепло прежде не ощущалось у сибирских берегов потому, что полярные моря были открыты с севера. Холодные, идущие из-под полыса течения компенсировали это тепло.

И океанолог стал анализировать: что же произойдет, если предложенный Алешей мол построить? Ясно, что в южной, отгороженной части морей вода будет теплее, чем в северной, сообщающейся с Ледовитым океаном. Таяние льдов в отгороженном канале начнется раньше.

— Ветрам с материка попросту нечего будет отмывать от берегов, — улыбнулся дядя Саша. — Льдов в отгороженной части не останется! Ведь тепла, не компенсированного холодными течениями, в сорок раз больше, чем приносилось сибирскими реками, — и он посмотрел на Федора. — Впрочем, не будем переоценивать. Это лишь гипотеза. Ее нужно проверить на практике. Построить мол, скажем, в одном Карском море. Посмотреть, каков будет новый ледовый режим... Я бы не сдался на месте Алеши, если бы море все-таки замерзло...

Алеша порывисто обнял дядю Сашу, прижался щекой к его куртке. Женя искоса взглянула на Федора, ожидая увидеть растерянность или недовольство: есть же у него самолюбие?! Моряк раскуривал трубку, не поднимая глаз. Женя знала, что должна радоваться за Алексея, а она... огорчалась за Федора.

— Если бы даже море замерзло, — продолжал Александр Григорьевич, — это значило бы, что нужно пойти на поклон, может быть, к физикам, к новым энергетикам... Помогут...

Алексей недоуменно посмотрел на дядю Сашу.

Федя не спеша выпустил клуб дыма.

— Жаль, в диссертации этого не было.

— Жаль, — согласился Александр Григорьевич. — Придется еще раз защищать.

— Нет уж, — махнул рукой Алексей. — Года через два теперь.

— А я думаю, что не через два года, а через два дня. На острове Диком заканчивается техническая конференция полярных строителей. Вот перед ними

Алеша и должен защитить если не свою диссертацию, то свой замысел.

— За два дня не дойдем, — заметил Федор.

— За Карскими воротами мы с Алексеем пересядем на самолет. Летающая лодка, что проводит ледовую разведку, захватит нас и доставит на Дикий. Там мыждемся Федора с кораблями.

Женя порывисто встала:

— Я тоже отправлюсь с вами.

Алеша не знал, куда деваться от смущения. Когда Федор опроверг его, он мог смело смотреть ему в глаза, а теперь боялся даже обернуться в его сторону.

Федор вышел на мостик. «Итак, она улетает с ним...»

Крепко сжав челюсти, он встал к штурвалу.

Волны злобно разбивались о нос корабля, брызги долетали до рулевой рубки. Капли стекали по стеклу, ухудшая видимость.

Федор приказал рулевому убрать стекло.

Глава восьмая

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Ночью, светлой, как раннее утро, Женя и Алексей бродили по маленькому рыбацему поселку, куда доставил их катер с корабля. Ледокол с ботом на буксире направился дальше, к острову Дикому.

Дядя Саша ушел на радиостанцию держать связь с летающей лодкой. Молодые люди осматривали поселок — несколько бревенчатых домиков на пологом берегу реки, широкой, как в половодье. За домами виднелись островерхие ненецкие чумы, а около них — нарты в оленьих упряжках. В каждой — по шесть оленей веером. Олени пышнорогатые, смирные, низкорослые. Дальше — тундра, зеленый обманчивый ковер. Женя попробовала ступить на него — хлюпает вода.

Женя усмехнулась. Так же легко оступиться и в жизни. Прельстишься яркостью красок, сойдешь в сторону — и...

Какие яркие, сочные травы с рассыпанными по ним цветиками! А под ними — топь... еще глубже — вечная мерзлота, холод, холод....

Женя мысленно рассуждала о тундре, а думала о Федоре. Он привлек ее, не похожий на всех, кого она знала. Ее тянуло к нему, как она ни сопротивлялась... И, наконец, этот холодок, который почувствовала она на корабле. А ведь когда они бродили по Москве, на них, радостных, счастливых, оглядывались прохожие.

Нет, нет! Лучше не ступать на эту манящую арктическую целину.

И Женя, словно ища защиты от чего-то, взяла Алешу под руку, прижалась к его локтю. Погруженный в свои мысли, он шагнул в сторону, неловко потянул ее за собой.

Они молча спустились к берегу.

В небе горела не угасающая всю ночь заря. Вода в реке казалась оранжевой. После бурного моря как-то странно было видеть эту безмятежную гладь. Воду лишь слегка рябил легкий ветерок. А дядя Саша сказал, что будет встречный ветер.

На берегу рыбаки заводили сети. Несколько человек тянули их по суше, а четверо, в брезентовых робах, зайдя в реку по грудь, медленно шли в воде, параллельно берегу. Жене стало холодно, глядя на них, и она зябко поежилась.

Сеть вытянули на песок. Рыба шевелилась в ней, как живое серебро. Никогда Женя не предполагала, что на Дальнем Севере столько разной рыбы. Тут и корюшка, и навага, и даже камбала, которая, как Женя думала, живет лишь в южных морях. Иногда попадалась небольшая безобразная рыбешка. Ее с отвращением выбрасывали обратно в воду. Это морской черт. Он похож на сказочного лешего.

Алеша смотрел на реку, на рыбаков, на рыбу и, скорее всего, не видел ничего. Женя всегда восторгалась этой «возвышенной» отрешенностью Алеши, но сейчас ей стоило большого труда сдерживать раздражение. Федор все бы заметил здесь, обо всем рассказал Жене. Он прежде всего заметил бы ее, Женю.

А этот «не от мира сего»! Но сразу же рассердилась на себя и крепче прижалась к локтю Алексея.

Алексей действительно в мыслях был далеко. Он представлял себе зал клуба на острове Диком.

И он рассказывает сидящим в зале о своей идее, и о провале диссертации, и о поддержке, которую в шторм получил он, казалось, от самой Арктики. И не только Женя улыбается ему из первого ряда, улыбаются многие в зале. И все аплодируют ему.

— Летит! Сейчас будет здесь! За нами...—издали, размахивая руками, закричал Александр Григорьевич.

Алексей вздрогнул и с удивлением посмотрел вокруг.

А Женя уже увидела самолет. Он походил сначала на черточку в небе. Потом превратился в красивую птицу с застывшими в полете крыльями. Птица скользнула по воде, грудью рассекая оранжевую гладь. Появились два буруна со взмыленными гребнями. Вращающиеся с ревом винты казались блестящими дисками. Линия крыльев была много выше корпуса лодки, напоминая изящное тело чайки. На концах крыльев появилось по поплавку, один из которых уже касался воды, вздымая пену, а другой еще шел над гладью реки.

Летающая лодка развернулась и стала приближаться. С берега от бензиновых цистерн шли мостки. Зимовщики в высоких сапогах и ватниках тянули шланг.

Из подошедшей к мосткам шлюпки выбрались два летчика.

— Воздушные мушкетеры, — улыбаясь, кивнул на них головой дядя Саша.

— Почему мушкетеры? — живо заинтересовалась Женя.

— Дружны и отчаянны. Их командир — знаменитый Дмитрий Росов.

— Ах, Росов! — воскликнула Женя.

— А идет к нам маленький, Костя, это у них, кажется, Атос.

Низенький проворный пилот в огромных собачьих унтах показался Жене похожим на Кота в сапогах.

К тому же он, пряча озорную улыбку, церемонно раскланялся, помахав над травой воображаемой шляпой с перьями.

— Тайна, одна неизбежная тайна будет доверена вам, — загадочно произнес пилот.

Жене стало весело.

— Обычное предупреждение. Простите за шутильную форму, — серьезно зашептал летчик. — Наш командир Дмитрий Росов совсем глухой. Плохо слышит. Потому и сам кричит.

С мостков доносился громкий голос высокого плечистого пилота, кричавшего на замешкавшихся заправщиков. К нему подошел дядя Саша. Они обнялись.

— Очень прошу говорить с командиром громче, — просил Атос, прижимая руку к груди, и тут же обратился к Алексею: — Как влажность в буфете? Жаль, не могу убавить — лететь надо.

Алексей не сразу его понял.

Портоса и Арамиса Женя так и не повидала. Они были заняты и на мостках не появились.

Шлюпка доставила пассажиров к самолету. Женя первая, неловко балансируя руками, перебралась на летающую лодку, готовясь спуститься через раздвинутый стеклянный купол.

— Осторожно! — завидным басом рявкнул на нее из кабины стоявший там пилот.

Женя вздрогнула от неожиданности и посмотрела вниз. Там стоял огромный мужчина в таких же, как у Кости, мохнатых унтах. У него были крупные черты лица, широкие брови, внимательные глаза с привычным прищуром, которые смотрели на нее после окрика не сердито, а почему-то с участием. Женя вспомнила предупреждение Кости, легко спрыгнула в кабину и закричала что есть мочи:

— Не беспокойтесь! — и протянула летчику руку.

— Беспокоюсь по долгу! — заорал пилот.

Жене было не по себе, она взглянула через стеклянный купол на оранжевое небо.

— У вас тут неизвестно когда ночь! — крикнула она наклонившемуся к ней собеседнику.

— В августе у нас здесь ночи золотые! — заревел тот в ответ.

— Нельзя ли менее шумно знакомиться? — заметил спускающийся в кабину дядя Саша. — Ведь моторы еще не запустили.

Женя поняла, что пилот действительно ничего не слышит, потому что он опять закричал:

— Прежде говорилось: женщина на борту — не к добру.

Женя покраснела и запальчиво крикнула:

— Очень любезно! Желаю вам, суеверному, пострадать от женщины на борту вашего корабля.

— Уже страдаю, — широко улыбнулся пилот. — В ушах звенит.

— Что случилось? — испуганно спросил появившийся Алексей.

Из кабины пилотов выглянул ухмыляющийся Костя.

Дядя Саша посмотрел на него, потом на летчика, на Женю и засмеялся.

— Мушкетерские штучки, — сказал он. — Подозреваю, Дмитрий Иванович, твоего помощника.

— Костю подозреваете? — спросил он обычным голосом.

Женя удивилась, что летчик все прекрасно слышал.

— Ну, конечно! Признайся, это он предупредил, что новая пассажирка туга на ухо?

Пилот угрожающе обернулся к двери, но она захлопнулась.

— Во всяком случае, мне он посоветовал разговаривать с вами погромче, — рассмеялась Женя.

— Сколько с ним летаю, — развел руками летчик, — не могу к его штучкам привыкнуть.

— Четырнадцать часов в полете, — сказал дядя Саша, когда Росов ушел, — а их еще хватает на всякие проделки. Вот люди!

Женю этот забавный случай отвлек от ее мыслей. Алексея же, казалось, ничто не могло вывести из состояния сосредоточенности.

К летающей лодке подошел катер, чтобы отбукси-

ровать ее на старт. Женя смотрела на удивительно гладкую реку. Летающая лодка медленно плыла за катером по золотой воде. Потом катер резко повернул к берегу и торопливо побежал от лодки.

Взрели моторы. Жене захотелось зажать уши. Мимо плыли домики рыбацкого поселка, крохотные фигурки рыбаков на берегу. Сейчас лодка рванется вперед и пойдет в воздух. Но почему-то перед Женей оказался противоположный берег реки, потом водная гладь и снова домики поселка, катер у самого берега.

Лодка крутилась на месте. «Зачем это? Что-нибудь не в порядке?»

В дверях кабины появился Костя.

— Вальс танцуем! — возвестил он. — Моторы прогреваются. Зацепиться не за что, вот и вертимся, — и он скрылся.

Лодка рванулась вперед. Домики поселка остались позади. Вода от бурунов поднялась и закрыла стекла кабины. Казалось, самолет погрузился в воду. Белая пена стремительно проносилась мимо окон.

Неожиданно волны исчезли. Лодка быстро набирала высоту.

— Ледокол! — крикнул океановед, чтобы Женя услышала его.

Женя улыбнулась. Этот шутник Костя все-таки оказался прав. Они все здесь как глухие.

Внизу виднелись два кораблика, совсем рядом. Женя всматривалась в них, словно видела в последний раз. У нее замерло сердце... верно, от высоты.

Морская губа с корабликами осталась позади. Самолет стало бросать. Он проваливался, кренился, пол кабины уходил из-под ног. Внутренности, казалось, открывались и подступали к горлу.

— Встречный ветер! — прокричал Жене дядя Саша.

Кораблики уже давно исчезли, но качка в самолете напомнила Жене морской шторм и, конечно, опять Федора.

Алексей смотрел на море, ему хотелось представить на нем свой мол, поблескивающую в солнечных лучах серебристую ленточку, рассекающую надвое морской простор.

Но морской простор внезапно кончился. Внизу странный ландшафт. Алексей подумал: «Не море ли это с плавающими льдинами?» На зеленоватом фоне были разбросаны тысячи круглых и продолговатых разноцветных пятен: темно-зеленых, голубых, коричневых, белых. Некоторые из них извивались, как ленты.

— Тундра! — крикнул дядя Саша.

«Вот как? Значит, цветные пятна — это вода: бесчисленные лужи, озера, ручейки, реки. От почвы и глубин водоемов зависит их цвет. Любопытно, какого цвета будет сверху ледяной мол?»

Полуостров пройден. Самолет шел над полярным морем. Льдины! Маленькие белые пятнышки, рассеянные по водному простору. Что это за странная геометрическая сетка? словно штриховка нанесена на воду.

— Волны, — Александр Григорьевич будто читал мысли Алексея. — О ледяном моле думаешь? В партию его хочешь принести?

— Федя сказал? — настороженно спросил Алексей.

Оба сели на лавку, идущую вдоль стены. Женя коленями стояла на этой же скамье и смотрела через прозрачный купол.

— Разве я не могу прийти в партию с подарком? — запальчиво начал Алексей. — С таким подарком, который оценила бы партия и вся страна? Я хочу добиться успеха и потом...

— Добиться успеха вне партии? — перебил дядя Саша, по привычке запуская пальцы в густую бороду.

Алексей смешался:

— Ну, не вне партии... я ведь комсомолец... вместе с ней...

Обычно мягкий голос дяди Саши стал строгим:

— Ты хочешь прийти в партию не рядовым ее членом? Вот какой я! Смотрите на меня! Тебе нужно было бы знать, Алеша, что величайший в жизни человека шаг — вступление в партию делается с чистым сердцем, твердой волей не только тогда, когда ты заслужил всенародное спасибо, а когда сознаешь, что ты весь с партией и всего себя, все свои силы,

жизнь готов отдать за ее дело! В партию вступают не для подведения своих жизненных итогов, а для того, чтобы она направила твои усилия, сделала их более действенными, слила бы их с усилиями миллионов других. В партию вступают для того, чтобы подчинить себя ее железной дисциплине.

— Но ведь для вступления в партию нужны рекомендации! Разве я не могу, кроме обычных, иметь еще одну, собственную рекомендацию? — упрямылся Алексей.

Александр Григорьевич мягко сказал:

— Не подумай, что я тороплю тебя. Я очень хорошо вижу, дорогой мой мальчик, что ты еще не созрел для вступления в партию. Тебе нужно о многом подумать. В решающие дни, Алеша, люди становились коммунистами чаще всего перед боем, а не после боев. Быть может, мы с тобой поговорим об этом позднее...

Встречный ветер отчаянно трепал летающую лодку. Она ныряла по прозрачным воздушным волнам, проваливалась в седловины, взлетала на невидимые гребни, редела, рвалась вперед, крылатая, быстрая.

Женя уже не стояла на скамейке, она сидела у стенки, закрыв глаза. «Что это за люди, летчики? Они еще могут шутить!..»

Дядя Саша встал. Он опять, как и во время шторма, чуть приседал на немного согнутых ногах, заглядывая в стекла купола.

— Остров Дикий, — возвестил он.

Женя встрепелась. Лодка делала над островом круг. В бухте, отделявшей остров от материка, стояло на рейде много кораблей. На серо-голубоватых скалах приютились домики. Мачта радиостанции казалась наклоненной. Самолет кренился, и земля представлялась крутым склоном огромной горы. Покосились и мачты кораблей и портовые сооружения на противоположной стороне бухты.

Алексею же снова виделись аплодирующие ему люди... Он был взволнован и счастлив и вдруг — удар. Алексей полетел назад и больно стукнулся затылком о переборку. Дядя Саша поймал падавшую Женю и удержал ее, упершись рукой в стенку.

Мимо летающей лодки пронеслась волна со снежным гребнем, а в следующее мгновение куда-то провалилась. И опять удар...

— Вот он, встречный ветер!—крикнул дядя Саша.

Алеша, морщась от боли, с трудом поднялся на ноги и заглянул в стеклянный купол. Вверх и вниз качались базальтовые скалы, два двухэтажных дома, высокая радиомачта, ветряк.

В дверях кабины пилотов показался Костя.

— Нормальная морская качка! — ободряюще крикнул он. — Три балла.

— Три балла, — повторил Алеша, потирая затылок. — Как же вы садитесь при еще большей волне?

— При большем волнении садиться не положено, — весело отрапортовал Костя.

— Хорошо, что хоть встречный ветер для нас кончился, — заметил Алеша.

— Для тебя? — многозначительно переспросил дядя Саша. — Как знать... Может быть, еще сегодня почувствуешь.

«Воздушные мушкетеры», бодрые и веселые, вышли проститься с пассажирами. Роль Портоса, оказывается, выполнял добродушнейший штурман Шевченко, а Арамиса — бортмеханик Аубеков, коренастый, хитроглазый.

К летающей лодке, прыгая на волнах, подходил катер.

Женя всматривалась в незнакомые лица моряков.

Глава девятая **ИСПЫТАНИЯ**

Водопроводчик Денис Денисюк на себе познал действие «первого закона Арктики», о котором говорила Женя.

Внезапно заскучал Денис, и потянуло его, как магнитом, на север, пришлось оставить семью — он рано женился, обзавелся хлопчиком — и отправиться на одно из строителей близ острова Дикого. А до этого Денисюк спокойно работал на заводе в Запо-

рожье, увлекался тяжелой атлетикой и астрономией. В астрономии его интересовала загадочная планета Марс, где астроном Г. А. Тихов обнаружил растительный и животный мир. В популярном журнале появилась статья с новым объяснением знаменитых марсианских каналов, оказавшихся, как известно, полосами растительности. Полосы эти, идеально прямолинейные, появляются по мере поочередного таяния полярных шапок Марса, удлиняясь по направлению к экватору со скоростью трех с половиной километров в час. Автор статьи предполагал, что полосы растительности искусственно орошаются талой водой полярных льдов, которая течет со скоростью трех с половиной километров в час по грандиозным трубам. Мало кто из читателей статьи мог подозревать, что гипотеза о «марсианских трубах» выдвинута донецким водопроводчиком.

Ныне Денис, делегат технической конференции, сидел в зале клуба острова Дикого. Он был по-медвежьему грузен. Густые усы придавали его квадратному лицу добродушное выражение, а черные насмешливые глаза временами лукаво шурились. Выражение этих глаз менялось по мере того, как докладчик, приезжий московский инженер, рассказывал перед микрофоном о своем замысле. Денис даже невольно пощелкал языком: «Це гарно! Четыре тысячи километров — масштабы марсианские!» Потом нахмурился, вытащил блокнот, маленькую логарифмическую линейку, с которой не расставался, и стал что-то подсчитывать.

Автору проекта шумно аплодировали, потом задавали вопросы. На эстраду сыпались записки. Одна из них была от Дениса Денисюка, который просил предоставить ему слово.

Когда возбужденный Алексей ответил на все вопросы, председатель собрания Александр Григорьевич Петров дал слово делегату ближней полярной стройки Денису Денисюку.

Алексей с интересом следил за грузной фигурой поднимающегося на эстраду строителя. Наклонившись к дяде Саше, Алеша что-то сказал ему, тот улыбнулся. Оба узнали Дениску.

— Ледяной мол на четыре тысячи километров — то богато! — начал раскатистым басом Денис. — Марсиане в телескоп побачат. Подсчитал я, сколько труб для такого мола треба. Разумею, трубы диаметром дюйма в три и на расстоянии друг от друга сантиметров десять бо пятнадцать. Трубчатый забор длинной будет два раза по четыре тысячи: восемь тысяч километров, — Денис многозначительно почесал затылок. — Труб на то дило треба столько, что их хватило бы водопровод проложить... с Земли на Ми-сяц, на Луну...

Денис хитровато замолчал, а зал ахнул.

— ...и обратно... — продолжал оратор.

Зал хохотал.

— Десять раз, — заключил Денис.

Теперь уже смеялись все, кто был в зале.

Алексей вскочил. Лицо его залилось румянцем. Не то чтобы он не знал цифры—три миллиона километров труб, требующихся для мола. По весу металла — это одна двадцатая годовой мощности всей металлургии (но это ведь на несколько лет!). Он прекрасно знал это, но само по себе хлесткое сравнение, вызвавшее такую веселую реакцию, ошеломило его.

— Позвольте! — воскликнул он. — Мы собираемся преобразовывать чуть ли не целый континент, создать морскую магистраль в четыре тысячи километров длиной, а вы о трубах! Конечно, трубы понадобятся. Но ведь я не подсчитываю, сколько раз можно опутать, скажем, рельсами Землю и Луну. А ведь когда потребовалось строить железные дороги, рельсы даже не умели изготовлять. Однако и придумали рельсопрокатные станы, и построили нужное количество рельсоделательных заводов, и обеспечили железнодорожников рельсами. Так же и у нас с тобой, Дениска... ты уж не беспокойся, не сомневайся, — совсем тихо добавил Алексей, с улыбкой смотря на товарища детства.

Денис вначале изумленно глянул на Алексея, но в следующее мгновение, очевидно, узнал его, улыбнулся с хитрецей и сказал:

— Та я ж потому и беспокоюсь, что мне хочется

такой мол построить. Пока вы на вопросы отвечали, я и подсчитал, сколько заводов треба, чтобы трубы прокатать. Подсчитал и получил, — Денис похлопал по боковому карману, откуда торчала счетная линейка, — заводов трубопрокатных нам понадобится в десять раз больше, чем есть не только в нашей стране, а и на всим свити.

Снова бурно реагировал зал на эти слова. Стараясь овладеть аудиторией, Алексей с наружным спокойствием произнес:

— Это лишь убеждает нас в том, что в нашей стране труб будет производиться больше, чем во всем мире.

Алексею ответили аплодисментами, но сам он понял, что его слова, пожалуй, подействовали скорее всего лишь на чувства слушателей.

Денис дружелюбно тряс Алеше руку и при этом так сжимал ее, что тому пришлось собрать всю силу воли, чтобы не поморщиться.

На эстраду поднялся пожилой инженер, высокий, худой, с провалившимися щеками, с холодным взглядом серых глаз и удивительно противным, как показалось Алексею, скрипучим голосом.

Он подошел к микрофону, чтобы его особенно хорошо было слышно на самых дальних островах, и сказал, подчеркнуто четко выговаривая каждое слово:

— Мне любопытно, каким это способом можно проморозить стометровый слой воды между трубчатыми стенками, когда даже под полюсом льды не промерзают больше, чем на десять метров? Как известно, лед — неплохой теплоизолятор и, начав образовываться, прекрасно защитит воду от замораживания. — И инженер вопросительно посмотрел на Алексея.

Алексей встал:

— Да, вы попали в самое уязвимое место проекта.

— И в самое необоснованное место замысла, ставящее под сомнение его осуществление.

Зал заволновался. Видимо, с таким приговором соглашаться не хотели. Алексей был спокоен, он кое-что приберег для ответа:

— Заморозить воду между трубами можно.

Зал затих.

— Прошу прощения, что это за способ? — допрашивал Василий Васильевич Ходов, таково было имя главного инженера одного из ближних строителей.

Алексей оживился:

— Простите меня за технические тонкости...

Алексей выжидательно замолчал. В зале было тихо. Из бухты донесся приглушенный гудок парохода. Алексей улыбнулся и, смотря куда-то в потолок, где он словно видел картину, которую описывал, стал говорить:

— В нашей стране экономично разрешена проблема сжижения воздуха. Жидкий воздух обладает температурой примерно минус сто восемьдесят градусов. Этим мы и воспользуемся.

По залу пронесся вздох облегчения.

— Как именно? — не унимался Ходов.

— Представьте себе, что на дно мы уложим трубы с отверстиями. Сверху мы подадим в эти трубы жидкий воздух. Он будет струйками выходить из отверстий, смешиваться с водой, испаряться, отнимая у нее тепло, превращая ее в лед. И пузырьки воздуха, замораживая воду, постепенно будут подниматься к поверхности. Вы только представьте себе море в такой момент. Оно будет кипеть, пока на клокочущей его поверхности не появится лед!

Зал не выдержал. Слишком эффектна была эта картина, слишком волновал тон Алексея, его горящие глаза, наивная, но подкрепленная выдумкой вера в свою правоту. Зал снова аплодировал.

Ходов невозмутимо ждал, пока слушатели утихнут.

Женя победоносно оглядывалась на задние ряды.

— Ладно! Все ясно! Нечего придирааться! — слышалось оттуда.

Александрю Григорьевичу пришлось подняться, призвать к тишине.

Наконец снова прозвучал размеренный, скрипучий голос:

— Допустим, что указанным способом удастся заморозить ледяной мол. Я, еще сидя в зале, подсчитал, что заморозить придется ледяной монолит шириной

метров в сто, чтобы его не сдвинуло дрейфующим льдом, высотой метров сорок и длиной, как тут нам изволили сообщить, четыре тысячи километров. Если подсчитать, то получится, что льда потребуется четырнадцать миллиардов тонн.

— А что, перевозить его, что ли, надо? — послышался бойкий голос из задних рядов.

Зал оживился, но Ходов отнюдь не был смущен.

— Да, перевозить не надо, — отчеканил он. — Но потребуются заморозить, искусственно заморозить, что, пожалуй, еще труднее, чем перевозить. Я подсчитал, сколько электрической энергии понадобится, чтобы заморозить это чудовищное сооружение, — шестьсот миллиардов киловатт-часов!

По залу пронесся ропот. Ходов продолжал, словно вбивая в зал каждое слово:

— Чтобы присутствующим эта цифра стала яснее, я напомним, что, отдавая крупнейшая волжская гидростанция, которую строила вся наша страна, свою энергию без остатка на замораживание ледяного мола, ей пришлось бы трудиться ни много ни мало только шестьдесят лет!..

И снова неудержимый смех прокатился по залу. Алексей почувствовал, что пот выступил у него на лбу. Возмущению его не было границ. С трудом сдерживая себя, он сказал:

— Совершенно неуместно вспоминать здесь эту гидростанцию. Никто не собирается пользоваться ее энергией для замораживания ледяного мола.

Алексей волновался, ему хотелось сказать многое, все то, что было передумано во время работы над диссертацией, подсчитано, обосновано, он вовсе не хотел признавать ее несостоятельной, он защищался, но от волнения голос его перехватывало, и он с трудом отрывисто выговорил:

— Конечно, потребуется энергобаза. Сам собой, без затраты энергии, мол, конечно, не замерзнет. Но мы не потребуем откуда-либо энергию, мы воспользуемся всегда дующим в Арктике ветром. Вот так... ветром... Мы построим ветряки, и они будут приводить в действие холодильные машины... холодильные

машины... и с помощью энергии ветра заморозим мол. Вот так и заморозим!..

Ходов слушал Алексея, чуть приподняв левую бровь и, как показалось Алексею, насмешливо щуря правый глаз.

— А на какую мощность вы проектируете свои ветряки?

Вопрос Ходова был прост, но он почему-то снова вызвал веселую реакцию в зале.

Алексей в первую минуту смешался, потом ответил:

— Ну... двести, я думаю... двести киловатт.

— Вы не поняли меня. Вы говорите об одном ветряке, а меня интересуют все ветряки. Не откажите в любезности напомнить присутствующим мощность гидростанции, о которой мы говорили.

Алексей пожал плечами:

— Что ж тут напоминать? Всем известно. Два миллиона киловатт.

— А ваша временная энергобаза на какую мощность должна быть рассчитана?

При таком сопоставлении Алексею чрезвычайно трудно было выговорить хорошо знакомую ему цифру:

— Двадцать миллионов киловатт.

— Двадцать миллионов киловатт! — с убийственной язвительностью подхватил Ходов. — В десять раз мощнее нашей крупнейшей волжской гидростанции! Значит, если каждый ваш ветряк будет по двести киловатт, их понадобится сто тысяч!

— Ну и что же, сто тысяч! — теряя самообладание, воскликнул Алексей. — Почему нас должна пугать эта цифра? — И он быстро заговорил: — Ведь когда во время Великой Отечественной войны понадобилось создать танки и самолеты, каждый из которых был дороже нашей ветросиловой холодильной установки, и создать их в большем количестве, чем потребуется для мола ветряков,—справилась же с этим страна...

— Да, справилась, — с прежней безапелляционностью подтвердил Ходов. — Но во имя какой цели и какой ценой? Я отвечу вам на этот вопрос. Ценой напряжения всех сил народа. Во имя спасения Родины. А вы собираетесь решить частную задачу арктического

транспорта и воображаете, что весь советский народ бросит все свои дела и будет строить и строить ветряки, ветряки и ветряки...

Алексей не мог простить Ходову, что тот намеренно выставлял его в смешном виде, в то время как замысел мола казался ему достаточно обоснованным. Ведь если подсчитать общую мощность тракторов или автомобилей, то получатся не менее астрономические цифры. Все это хотел сказать Алексей, но почувствовал, что ему теперь уже не убедить слушателей. Убеждать требовалось не горячностью слов, а сухими цифрами, которые можно было бы противопоставить цифрам Ходова, — сухими цифрами, доказывающими возможность изготовления нужного количества ветряков, создания временной ветросиловой энергобазы.

Председатель собрания нашел нужным закончить дискуссию.

— Я думаю, что инженер Карцев от всей души поблагодарит собрание, которое поставило уйму вопросов, требующих убедительного решения. Эти вопросы поставлены потому, что собрание хочет, чтобы мечта Карцева на деле превратилась в первый этап проектирования. А это возможно лишь в том случае, когда мечта животворяща, когда она не оторвана от действительности. Проектировать — это все учитывать, все предвидеть. Думаю, что сегодня мы все приняли участие в проектировании.

Алексею жали руки, хлопали его по плечу, обещали писать, просили сообщать о ходе проектирования, но он в глубине души чувствовал, что потерпел поражение.

Жене было мучительно стыдно за Алексея. Она боялась поднять глаза, посмотреть вокруг. Хорошо, что хоть Федора нет при Алешином провале. Ей представился Федор на капитанском мостике. Он выдерживал борьбу потруднее, чем сегодня Алеша, и выходил победителем, за него не приходится краснеть. Женя тотчас закусила губу. Как же ей не стыдно! Зачем она все время сравнивает их? И чем больше она убеждала себя, что всей душой предана Алеше, болеет за его неудачи, тем яснее вставала перед ней спокойная фигура моряка, не сгибающегося перед штормом.

Кто-то тронул Женю за руку. Перед ней стоял Денис.

— Я ж вас шукаю. Алеша мне про вас сказал. — Он улыбнулся, протягивая огромную руку. — Здравствуйте!

— Здравствуйте, Денис! — обрадованно сказала Женя, стараясь забыть о своих грустных мыслях. — Прав оказался капитан, когда говорил, что все мы все равно вернемся в Арктику. Вот и вы здесь. А знаете, даже Майк — помните такого? — тоже сейчас с нами. Совсем недавно письмо от него получили...

— Майк? Тож славный хлопец. Из-за него, рудого, я английский изучил. Пригодилось. Письма я из-за одной статейки получал. Из Новой Зеландии даже... — Денис увлекся чтением письма, простодушно спрашивая у Жени перевод непонятных слов. Ему не удалось дочитать. Женя позвала его к Алеше. Но сколько ни искали они Алексея, найти его в клубе не могли.

Алексей, незаметно одевшись, выскользнул на улицу. На миг ему показалось, что он снова на корабле. В лицо снежной крупой ударил встречный ветер.

Алексей мысленно продолжал спор со своими противниками:

«Нужны цифры? Так почему никто не вспомнит, сколько стоит километр обыкновенного шоссе или железной дороги? Миллион рублей! Или около того! Если собрать всю землю, вынутую при строительстве дорог, пожалуй, засыплешь какое-нибудь море! Почему не вспомнят? Тоже показалось бы смешно!..»

Алексей остановился, не зная, куда идти. Где же огни порта, бухты? Он был окружен плотной летящей массой, стремящейся сбить его с ног.

Едва рассмотрел он расплывающиеся пятна света. К ним, к этим еле видимым огням, и побрел против ветра Алексей, сгибаясь, чтобы устоять на ногах. С огромным трудом преодолевал он чудовищную силу, которую только что предлагал использовать в таких астрономических размерах.

Ветер рвал полы его пальто, выбивал слезы из глаз. Алексей раздраженно вытирал эти слезы.

Глава десятая

ЗА ТЫСЯЧИ МИЛЬ

На скалах не было растительности. Голые, с острыми краями, они зубцами тянулись по каменистому склону горы, где первобытной россыпью громоздились обломки древней материковой породы. Снег расщелин, оттенял темные стены утесов. Альпинистам знаком мертвый пейзаж заоблачных всегда покрытых снегом гор. Там не встретишь ни почвенного покрова, ни мха на камнях. Здесь же этот «заповедник» доисторических времен, этот кусок «лунной поверхности» начинался прямо от тундры.

К ближним отвесным утесам пробирались двое. Девушка с геологическим молотком на длинной рукоятке шла впереди. Мужчина, довольно полный, рыхлый, с красивым и сытым лицом, отставал. Карабкаться по скалам, видимо, не доставляло ему особенного удовольствия. Он догнал свою спутницу, когда она задержалась, рассматривая отколотый камень, и остановился около нее, тяжело дыша.

— Проклятые места! Первый круг дантова ада, — говорил он. — Где тут табличка с надписью: «Оставь надежду навсегда»?

— Какую надежду? — рассеянно спросила девушка.

— Надежду найти золото.

— Какой ты странный, Витяка! Золото? А разве все это не стоит большего? — она сделала широкий жест рукой. — Посмотри на компас.

Виктор Омулев фыркнул:

— Магнитная аномалия? Самая обычная для Заполярья.

— Нет, не обычная! Магнитная стрелка словно сошла здесь с ума. Мне все кажется, что мы найдем сейчас такой склон, где к камням пристанут подошвы ботинок. Шагнешь, рванешься — и останутся гвозди на камне, пристанут к нему, как прилипли они к скалочному утесу, вырванные из обшивки корабля. Помнишь Синдбада-морехода из «Тысячи и одной ночи»?

Или вдруг вырвет у меня из рук молоток — и не отодрать его от ржавого камня.

— А у меня всегда магнитная аномалия, — вздохнул Виктор. — Меня всюду влечет неведомой силой к холодному утесу, — и он многозначительно взглянул на Галя.

— Оставь! — Галя свела и без того сросшиеся на переносице брови, такие же темные, как и едва намечающиеся усики в уголках губ.

Из-за этих усиков тонкая, стройная, в ватной куртке и таких же штанах Галя казалась юношей.

— Почему ты, ищущий славы геолог, не хочешь понять значения открытых нами мест? Что золото по сравнению с этими железорудными месторождениями необычайной мощности? Не просто гора Магнитная, как на Урале, а целый Магнитный хребет. Посмотри вокруг! Разве не хочется представить здесь трубы завода-гиганта?

— Ерунда! — отпарировал Виктор Омулев. — Не имеет никакого практического значения. Я мечтал о золоте. Зачем мне презренное железо? Для металлургического завода, кроме воды, руды и площадки, нужны еще три вещи: транспорт, транспорт и транспорт...

— Я уже представляю шоссе в тундре...

— Шоссе в тундре? — усмехнулся Виктор. — Прогвоздь, привезенный в Арктику, говорят, что он становится серебряным. Шоссе будет золотым. Видел я в тундре бревенчатый настил. Под ним хлюпало, а бревна прыгали. Каждое из них надо было привезти за тысячи миль. Только золото могло бы окупить дороги в тундре.

— Но не думаешь же ты, что этот загадочный магнитный край так и останется неисследованным?

— Кому он нужен? Никто здесь, в Арктике, не будет строить металлургические заводы.

— Почему ты, Витяка, совершенно лишен фантазии? Ведь человек ты все-таки умный, одаренный. Если бы Алеша Карцев...

— Ах, оставь, пожалуйста! Опять Алеша! Всегда Алеша! Неужели даже здесь, на краю света, мы не можем почувствовать себя вдвоем?

— Вот уж к чему не стремлюсь.

— А я стремлюсь, стремлюсь... и добьюсь своего. Пора понять, что твоему профессорскому угоднику нужна не ты, а Женя... Вернее сказать, ему никто не нужен, кроме него самого и всеобщего восхищения его эфемерными идеями. Эгоцентрик! Эгоцентр мировых возмущений эфира!

— Тебя противно слушать,—сказала Галя и, скрывая смущение, начала спускаться к автомашине, которая виднелась внизу за нагромождением камней. Фигурка суетившегося там шофера казалась сверху совсем маленькой.

Виктор раздраженно вытер платком влажный лоб и тугие щеки, потом, бормоча проклятия, тоже стал спускаться.

Механик Добров в синем, вымазанном маслом комбинезоне и старой кожаной фуражке встретил геологов невесело. Его небритое лицо было угрюмо, усы топорщились, глаза смотрели в сторону.

— Аккумуляторы сели, — мрачно сообщил он.

— Как это сели? — повысил голос Виктор. — Подзарядить надо.

— Подзарядил бы на ходу... Да с места не сдвнешься.

— Это возмутительно! — перешел на фальцет Виктор. — Я отдам вас под суд. Сейчас же передавайте мою радиограмму. Сами о себе передадите!

Механик-радист понурил голову:

— И у рации, Виктор Михайлович, аккумуляторы сели, так что разрядились...

— Да вы с ума сошли! — взвизгнул Виктор. — Значит, мы по вашей милости остались в тундре без машины и без радиосвязи?

— Витяка, подожди, — вмешалась Галя. — Почему это случилось, Матвей Сергеевич? — ласково спросила она.

— Не могу знать, Галина Николаевна. Чудно!.. — развел руками механик. — Как подъехали к этому месту, так аккумуляторы сразу садиться зачали. Еще вчера приметил... Подзарядить их хотел. Да куда там!.. Сели, совсем разрядились. Чудно!..

Автомашина и рация безнадежно выбыли из строя. Решено было идти в тундру в надежде встретить оленеводов.

Оставленный у скалы вездеход с крытым брезентовым верхом долго был виден путникам. Виктор несколько раз со вздохом оглядывался на него и с проклятиями вытаскивал увязавшие в почве ноги.

Галя не оглянулась ни разу. Она шла первой. За плечами у нее был такой же рюкзак, как и у мужчин.

Идти становилось все труднее. Бесконечные речушки, озерки и топи встречались на пути. Галя неутомимо шла вперед. У нее был мужской упругий шаг.

Привалы были короткими. Отдыхали на вершинах бугров, где все-таки было не так сыро. Как-то само собой получилось, что места для привалов выбирал не Виктор, начальник группы, а Галя. Она же фактически командовала и в пути. Виктор брюзжал, жаловался и подчинялся Гале. Добров смотрел на него неодобрительно.

На следующий день солнце скрылось. По небу поползли размочаленные тучи. Выпала крупа. Тундра стала серой, как и воздух.

Путники, не останавливаясь, шли вперед. Пошел снег. Он таял на земле, но порошил глаза, заползал за ворот. Поднялся сильный ветер.

«Больше двухсот километров! — с ужасом думала Галя. — За первые сутки мы прошли едва пятнадцать! Ноги увязают на каждом шагу. Витяка уже размяк... А надо идти, идти и, главное, не показывать усталости!»

Вдруг Галя радостно вскрикнула и, обернувшись к спутникам, указала рукой на ближайшую гряду.

Олень!

Животное стояло, как бы всматриваясь в приближающихся людей. Через мгновение оно помчалось вниз по склону. На гряде появлялись все новые олени и скатывались следом за первым. Они мчались вскачь, а их рога, параллельные земле, словно плыли над ней.

Оленья стада! Ближе люди!

Путники прибавили шаг. Олени проносились мимо них. Это были небольшие животные, ростом едва по грудь человеку.

Галя остановилась, любуясь легкостью и изяществом животных.

— Нарты! — обрадованно крикнул Виктор.

С гряды спускалась оленья упряжка — шесть оленей веером. Сидевший на нартах старик в оленьей кухлянке правил длинным шестом, толкая им оленей.

— Очень здравствуй, — сказал он, обращаясь к приосанившемуся Виктору. — Пошто пешком тундра ходишь?

Его узкие глаза на морщинистом лице приветливо шурились.

— Машина поломалась, — снисходительно объяснил Виктор.

— Ай-ай-ай, — закачал головой старик. — Плохой дела... Пойдем наш дом... Угощать будем. Скажи люди, пусть мешок кладут. Это жена твоя, что ли?

— Жена, — подтвердил Виктор.

— Нет, не жена, — возмутилась Галя.

— Не муж? — удивился старик, показывая сначала на Виктора, потом на Доброва.

Галя яростно замотала головой. Виктор старался не смотреть на нее. Он уже взгромоздился на нарты.

Оленям трудно было везти четверых. Старик решил идти пешком и протянул длинный шест Виктору. Тот отстранил его рукой. Добров, которому старик попытался передать шест, тоже отказался.

— Я умею, — сказала Галя. — Давайте сюда хорей.

Старик взглянул на нее с уважением.

Через час геологи сидели в коническом шатре из оленьих шкур в гостях у председателя оленеводческого колхоза. Виктор свалился на остро пахнущие шкуры и заснул мертвым сном. Галя просила доставить их к месту, где есть радио. Старик сокрушенно качал головой:

— Ай-ай-ай! Шибко далеко такой место. Школа-интернат есть. Там радио только слышит. Ухо есть, язык нет.

Откинув меховой полог, вошла женщина. Старик засуетился.

— Оленя резал, — говорил он. — Мясо кушать будем. Сырой мясо кушать будешь? — Он подозревал женщину, сказал ей несколько слов и пояснил го-

стям: — Сейчас она очень нужный человек звать будет.

— Позвольте мне сварить оленину, — попросила Галя. — Я очень хорошо умею готовить.

— Пошто портить хороший мясо? Как хочешь. Ты мой гость, — пожал плечами старик.

Галя вышла следом за женщиной.

— Не жена? — недоверчиво спросил Доброва старик. — Одна женщина тундра ходит. Начальник? Пошто стряпать хочет?

Входили все новые оленеводы. Они трясли Доброву руку, почтительно глядели на храпевшего Виктора и сажались возле него на разостланные олени шкуры. Все пришедшие, несмотря на теплую погоду, были в меховых кухлянках. Только один был в солдатской шинели. Верно, недавно вернулся из армии.

Галя принесла вареную оленину. Началось угощение. Из уважения к гостям оленеводы ели приготовленное Галей кушанье. Почувяв запах съестного, Виктор немедленно проснулся.

— Мы не так кушаем, — объяснил старик. — Вареный мясо — порченный. Мы вот так кушаем.

Достав острый нож, он взял кусок сырой оленины, поднес его ко рту и, схватив зубами, отрезал мясо ножом у самых губ.

— У нас не было овощей и витаминов, — сказал демобилизованный, самый молодой из присутствующих. — Сырое мясо спасало наш народ от цинги.

Виктор покосился на говорившего.

— «Культура»... — начал было он, но Галя перебила его:

— Правда! Мне однажды пришлось проверить это на себе. Я поборола цингу сырым мясом.

Старик одобрительно посмотрел на Галю.

— Хорей в руке держишь... тундра ходишь... мясо понимаешь... Настоящий человек.

Галя посадила к себе на колени мальчонку с блестящими, как бусинки, глазами и черными жесткими волосами.

— Отучаться пора от варварства, — сказал Вик-

тор, протягивая руку за новым куском нежной оленины. Он, как и все, ел руками. — Сырое мясо, шалаши из шкур, мальчишка без школы... у вас не так давно был обычай угощать гостей своими женами.

— Не было такого обычая! — горячо возразил демобилизованный. — Это купцы в царское время пустили такую легенду. Они заставляли бедных людей отдавать им своих жен и клеветать на нас...

Галя, покрасневшая при словах Виктора, с благодарностью взглянула на своего соседа в шинели.

— А мальчик этот подрастет и ко мне в школу придет. Не в шалаше будет жить, а в каменном доме, в интернате, пока родители с оленями кочуют.

— Вы учитель? — обернулась к нему Галя.

Учитель кивнул головой и тихо сказал, опустив глаза:

— Зовите Ваней. Меня так в армии звали.

— У вас есть радио?

— Только приемник.

— Как жаль. У нас внезапно разрядились аккумуляторы, и у автомашины и у рации, — пояснила Галя.

— Наверное, около Голых скал разрядились?

— Там, там... в проклятом месте, — подтвердил пододвинувшийся Добров. — Вдруг ни с того ни с сего взяли и сели...

— На аккумуляторах контакты не были изолированы? — допытывался учитель.

— Нет, — удивился Добров. — А зачем?

— Потому и разрядились. Знаю то место. Там воздух электричество проводит. Аккумуляторные клеммы по воздуху замкнулись.

— Это становится интересным, — взволнованно шепнул Виктор. — Кажется, мы сделали открытие. По-видимому, там не только никому не нужно здесь железо, но и...

— Радиоактивные руды! — воскликнула Галя. — Их излучение ионизирует воздух, делает его проводящим электричество!

Учитель кивнул головой:

— Я так и думал. И еще о магнитной аномалии думал, о железе в недрах. Хочу, чтобы наши люди на

заводе работали, в домах жили. Со вчерашнего дня мне это кажется возможным.

— Почему со вчерашнего дня? — поинтересовался Виктор.

— Доклад я слышал вчера по радио. Инженер Карцев на острове Диком рассказывал о ледяном моле, о мореходстве вдоль наших берегов круглый год.

Галя вскочила, но не могла выговорить ни слова.

— Подождите! — не сдержался Виктор. — Проект Алексея? Уже обсуждается всерьез? Вот это бы изменило дело! Нельзя ли пойти к вам, товарищ учитель? Здесь воняет чем-то кислым, шкурами, что ли... Расскажите, что там говорили о проекте. Неужели будут строить? Тогда я первый подниму вопрос об арктической металлургии.

— Я буду рад показать вам нашу школу и интернат. Вы там сможете отдохнуть.

Виктор стал суетливо собираться. Добров не упустил момента, чтобы шепнуть своему начальнику:

— Виктор Михайлович, а выходит дело, без моих аккумуляторов и открытия бы не было. Вот так.

Виктор сделал вид, что не расслышал. Галя прощалась с гостеприимными хозяевами.

Ваня повел гостей к большому двухэтажному дому, расположенному недалеко от стойбища оленеводов. Шумная ватага любопытных ребят в кухлянках с откинутыми капюшонами мчалась навстречу геологам и учителю.

Учитель подробно пересказал доклад Алексея. Виктора раздражали подробности. Какая досада, что нельзя тотчас же радировать!.. Железо и уран рядом! Неплохо, если магнитный хребет в Голых скалах будет носить название «Хребет Омужева»!

Виктор с Добровым ушли вперед. Ваня с Галей отстали. Галя с волнением слушала рассказ о выступлении Ходова, который подсчитал, какое невероятное количество энергии потребуется для мола.

— Уязвимое место проекта,—сокрушенно говорил Ваня. — Я, может быть, ошибаюсь. Я только учитель и военный радист... но мне кажется, Галина Николаевна, что мол можно построить без всякой энергии.

Галя остановилась, изумленно глядя на учителя, даже схватила его за руку:

— Говорите же, говорите! Ведь Алеша Карцев — это наш друг детства. Как бы я хотела ему помочь!

Глава одиннадцатая

В ТУНДРЕ

Острая снежная крупа била Алексею в лицо. Он жмурился и наклонял голову. Постепенно светлые пятна в мутной пелене становились яснее. Уже доносился грохот порта.

Будь Алексей в Москве, он отправился бы бродить ночью по безлюдным улицам, останавливался бы на площадях и набережных, не замечая знакомых зданий.

И здесь, в Арктике, не задумываясь о последствиях, Алексей решительно свернул с дощатого, ведущего к клубу тротуара. Ноги сразу увязли в пружинящем травянистом покрове. Дома остались в стороне. Алексей был уже в тундре. Однако это не остановило его.

Неужели он не имеет права пройтись? Побывать наедине с самим собой, подумать? И все время идти, убыстряя шаг... Ветер дул в спину — это он заметил для ориентировки.

«Итак, вы потерпели поражение, — горько размышлял он, идя без дороги в полной темноте. — Так в чем же ошибка? Привык, что у нас поворачивают реки вспять, создают новые моря, меняют лицо Земли. Вот и считал, что построить сто тысяч ветряков — пустяки! Люди же заинтересованные хотят выполнить замысел с наименьшим напряжением сил».

Движение было сейчас естественной потребностью Алексея. В быстрой ходьбе, почти в беге, находила выход кипевшая в нем энергия. Ветер словно прибавлял ему сил, пружинящая почва делала его шаг особому упругим.

«Вот в этом и все дело! Проектант должен идти по линии наибольшего сопротивления... Пусть ему тя-

жело, но строителям будет легче! Думать надо! Искать!

Прежде чем приступить к знаменитым стройкам, советские инженеры спроектировали, рабочие на заводах создали невиданные по мощи экскаваторы, исполинские скреперы и другие машины... Не ледяной мол, а ветрохолодильные установки для него нужно проектировать! И завод-автомат для их изготовления построить!»

Подумав о заводе-автомате, Алексей вспомнил о Жене и даже остановился, зажмурился, замотал головой.

Женя! Неужели она думает, что он ничего не замечает? Считает его одержимым... «не от мира сего»!.. Есть другие, которые стоят обеими ногами на земле, вернее на палубе!

Алексей зашагал, сердито вдавливая ноги в землю.

Конечно, Алексей с возмущением отверг бы мысль о ревности, это показалось бы ему диким и унижительным, однако именно ревность владела им сейчас. Если Федор, ревнуя Женю еще в Москве, сердился сам на себя, то у Алексея ревность оказалась рядом с почти ребяческой обидой. Женя, которой он верил безгранично, которую привык считать неотъемлемой своей частью, гордая и недоступная для всех Женя, отдает теперь Федору что-то очень важное, принадлежавшее прежде только ему, Алексею!..

Началась пурга. Когда Алексей спохватился, решив, что пора возвращаться, он уже не мог определить, откуда ветер. Казалось, он дует отовсюду. Алексей стоял в полнейшей темноте, словно потеряв зрение. Становилось страшно. Все вокруг неистово крутилось, вертелось, взлетало и падало. Снег стегал по лицу, залетал в рукава, забивался за воротник, в ботинки.

Алексей никогда не был трусом, но сейчас ужас охватил его. Он слишком хорошо знал, что в Арктике в пургу люди замерзают у стен дома, так и не найдя входной двери. Десяток километров, отделявший его от поселка, в пургу равен сотне. Алексей метнулся сначала в одну, потом в другую сторону. По-

пал ногой в воду, провалился по колено. Выбрался и опустился в изнеможении в наметенный уже сугроб.

Алексей зарылся в снег и закутался в пальто — он слышал, что так поступают оленеводы во время пурги. Однако очень скоро почувствовал озноб. Во что бы то ни стало нужно было перебороть холод и, самое страшное, сон. Сон, липкий, сладкий, подкрадывался изподволь, мучил сознание. Алеша скрежетал зубами, кусал губы, отгонял сон прочь.

Чтобы не замерзнуть, он напрягал мышцы. В юности он увлекался «волевой гимнастикой», стараясь развить и мускулы и волю. И сейчас он заставлял себя мысленно идти, бежать, взбираться на скалы. Ему становилось жарко, силы оставляли его, он изнемогал от усталости, но снова принимался за свой тяжелый труд.

...Пурга выла, ревела. Ветер закручивал снег в гигантском смерче, охватывавшем и тундру и порт острова Дикого, валил наземь колеблющиеся в воздухе снежные стены, непробиваемые светом прожекторов.

На причале у катера стояли Женя, Денис, дядя Саша. Сердитые, словно посыпанные снегом, волны взлетали на доски причала.

Алексея не было, и тревога охватила его друзей.

— Я знаю его, знаю, — твердила Женя. — Он всегда в Москве уходил бродить, когда с ним что-нибудь случалось. Он и тогда, после провала диссертации, в проливной дождь пошел бродить... один, без меня...

— Ты думаешь, он ушел в тундру? — спросил Александр Григорьевич.

— Здесь кругом тундра, — ответила Женя. — Он ушел... Что же теперь делать? Такая метель... я не знала, что здесь даже летом бывают метели... Как я могла отпустить его?

— То ж можно зараз организовать, — вмешался Денис. — Василь Васильевич Ходов даст нам три вездехода. Хлопцы наши с нами поедут. Будемо шукать его, гудками звать та выстрелами.

Женя молча пожала Денису руку у локтя.

Через полчаса три вездехода выехали по трем на-

правлениям в тундру. Пурга выла и свистела в ушах, огни фар расплывались в снежной сетке.

Сжавшись в комок, мужественно борясь с холодом и сном, Алексей не слышал ни гудков, ни выстрелов. Он не заснул, он не позволил себе заснуть в эту ночь. Когда летящий снег стал серым, Алексей понял, что наступил день. Но увидеть что-нибудь в несущейся серой мути все равно было нельзя.

Алексей уже не мог думать ни о проекте, ни о Жене. Все в нем притупилось, омертвело. Существовала только одна мысль — «выжить». Он должен был бороться за жизнь и боролся цепко, иступленно, согреваясь неистовой работой мышц.

К вечеру он все-таки уснул. Проснулся в испуге. Он ослеп... Он ничего не видел. Может быть, он уже больше не существует? Может быть, это уже смерть? Темнота небытия вокруг...

Алексей вскочил, и снег посыпался с его спины. Он ущипнул себя за щеку — не почувствовал щеки. Ноги повиновались плохо. Он забыл о том, что надо напрягать мышцы. Он просто побежал, ничего не помня, стараясь спастись... И бег спас его, вернул сознание. Порывисто дыша, иногда падая, поднимаясь и снова бросаясь вперед, он все-таки согрел окоченевшее тело.

Темнота ревела. Она обрушивалась на Алексея, толкала его то в грудь, то в спину, стремилась свалить наземь, победить.

Алексей снова сел, закутался в пальто. Он знал историю матроса-норвежца, посланного Амундсеном в числе других с места зимовки судна «Мод» на остров Диксон. Единственный из всей группы он почти добрался до поселка и замерз, видя его дома.

Может быть, не будь пурги, Алексей видел бы сейчас огни порта? Нет, слишком далеко зашел он, погруженный в свои думы. Эту ночь Алексей снова думал о моле. И он более стойко, чем в прошлые сутки, переносил лишения. Впрочем, может быть, вообще потеплело. Все-таки было лето. Температура была лишь чуть ниже нуля. Ветер дул, казалось, по-прежнему, но снега стало меньше.

Утром Алексей увидел занесенную снегом тундру. Снег быстро стаивал, оставался лишь в ложбинах и на склонах холмов. Голова кружилась. Алексей мучительно хотел есть. Только теперь, когда он перестал бояться холода, он по-звериному захотел есть.

«По солнцу определить север, потом идти к морю», — решил Алексей. Он заставил себя идти, но ноги подкашивались. Вскоре он свалился на влажную от тающего снега землю. Обледеневшее ночью пальто теперь стало мокрым.

Алексей снова поднялся на ноги, и первое, что он увидел, были нарты.

Шесть оленей, запряженных веером, мчались прямо к нему, держа свои развесистые рога параллельно земле. Тонкий, высокий юноша, стоя на нартах, взмахивал хореем.

Алексей не мог сдержать слез. Нарты поравнялись с ним, юноша соскочил на землю, и Алексей, видимо к величайшему удивлению юноши, обнял и расцеловал его, прижал нежную щеку к своей онемевшей, покрытой щетиной щеке.

— Алеша, ты? С ума сойти!.. — низким грудным голосом сказал юноша, отстраняясь от Алеши.

Мохнатая трехлапая собака с лаем прыгала вокруг них.

— Тише ты, Гекса! — прикрикнул на нее юноша. — Слышишь, Алеша, как я ее назвала? Гекса! Перестань!..

Только тут Алеша узнал Гаю Волкову...

Галя! Мечтательница Галя, которая еще в детстве хотела совершить подвиг, как Зоя, но только чтоб никто об этом никогда не узнал. Алексей всегда чувствовал стеснение в ее присутствии, и что-то недосказанное было в их отношениях. Но сейчас Алексей даже не вспомнил об этом.

— Заплутался я, — сказал он хрипло и добавил: — Дня два ничего не ел.

— Оленина у нас есть, но, к сожалению, только сырая, — сойдя с нарт, предложил второй спутник, к которому ласкалась собака.

— Давайте! — только и мог выговорить Алексей.

Как быстро меняется состояние человека! Вскоре сытый, согретый в меховой малице учителя Вани Алексей, поглаживая мохнатую лайку, рассказывал не о злоключениях двух последних ночей, а о... ледяном моле.

Так уж устроен человек. Сильное физическое напряжение может затуманить, отодвинуть на второй план работу мысли, но стоит напряжению ослабнуть, и вновь человек поднят над ощущениями тела высокой своей мыслью, если владеет она человеком, как всепоглощающая страсть.

Друзья сидели у костра, который тихий учитель развел из предусмотрительно захваченного им плавника.

Выслушав рассказ о «поражении» Алексея в клубе полярников, Виктор свистнул:

— А я-то думал, что тебе, Алексей, пора ставить заявочный столб, чтоб прибить к нему дощечку с твоим именем.

— Оставь, — строго сказала Галя, сводя прямые брови. — Дело в том, Алеша... Если мы с Витякой отправились на остров Дикий, чтобы как-нибудь добраться до своей базы, то вот учитель... — она указала на Ваню, — это он подарил мне собаку... Так вот, он поехал с нами из-за тебя.

— Из-за меня? — искренне удивился Алеша, с трудом одолевая сон, подкрадывавшийся к нему вместе с теплом костра.

— Дело в том, Алеша... Ваня находит, что ледяной мол можно построить без всякой энергии, бесплатно...

— Что? — сон с Алексея как крылом смахнуло. Уж не смеются ли над ним?

— Вы меня простите, товарищ Алеша Карцев, — сказал учитель. — Это очень просто, если разобраться. Я имею в виду, что мол лучше строить не летом, а зимой.

— Почему зимой?

Виктор посмеивался:

— Гексе лапу, оказывается, белый медведь откусил. Надо тебе рассказать про три зимовки на острове Врангеля.

— При чем тут остров Врангеля? — почти рассердился Алексей.

Но Виктора уже нельзя было удержать:

— Поучительная и героическая история, мой друг. Остров Врангеля, самый северный и самый восточный наш остров, был открыт лейтенантом Врангелем в прошлом веке. А вот после Великого Октября англичане вздумали отторгнуть его от молодой Советской республики. На остров высадились канадцы и подняли над ним британский флаг. Наши, узнав о том, сели на канонерку и отправились изгонять захватчиков. И был на той канонерке отец нашего Вани, коренной житель дальних мест.

Учитель кивнул головой. Алексей ничего не понимал. Галя нервно теребила на Гексе шерсть, но Виктор уже вошел в роль рассказчика:

— Захватчики были не из храброго десятка. Едва прослышали они про нашу канонерку, как сели на свое суденышко и удрали в Канаду. На острове поселились наши, и отец Вани с ними. Ваня, какие там морозы бывают?

— Семьдесят градусов случается, — ответил учитель.

— Бррр!.. Ты, Алеша, сейчас особенно это поймешь, едва не замерзнув ночью при минус пяти-шести градусах. Так вот, однажды наши на острове остались без угля. Ни один корабль не смог пробиться через непроходимые льды. Хотели вывезти зимовщиков на самолетах. Так ведь нет! Отказались! И прожили без топлива. Можно понять, как они ждали, когда разожгут, наконец, хоть такой вот огонь. Но и в следующее лето ни один пароход не смог к ним подойти.

Алексей слушал с интересом, хотя и не понимал, к чему все это ведет.

— Опять их хотели вывезти на самолете, и снова они отказались. Ване все это отец рассказывал. Только через три года пришел к ним корабль. Вот, бледнолицый брат мой, какие традиции у жителей острова Врангеля. Вот почему Ваня, который считает эти традиции своими, додумался до того, чтобы строить твой мол зимой, в открытом море, прямо на льду,

опуская трубы под лед и не боясь ветров и морозов, а, напротив, используя их. Эврика!

— Батареи радиаторов надо поставить выше льда, товарищ Алеша, — вмешался учитель. — Холодильный раствор будет в них охлаждаться холодным ветром, и по трубам холод этот на дно унесет.

— Бесплатно охлаждаться, без затраты энергии, — вставила сияющая Галя, не спуская глаз с лица Алеши, которое сначала побледнело, а теперь покрылось краской.

— Я так думаю, товарищ Алеша. Если фронт работ сразу на все моря распространить, так, честное слово, в одну зиму холодом Арктики можно заморозить ваш мол. Замечательное будет дело, честное слово. Я потому и хотел вас разыскать.

Алексей молча притянул к себе Ваню, крепко сжал его в объятиях и поцеловал.

Глава двенадцатая **СРЕДИ ЛЬДОВ**

Женя стояла на палубе ледокола и с горьким чувством смотрела на льды. Вспоминались детские годы, впервые виденные льды. Они казались ей тогда сказочными, похожими то на вычурные старинные корабли, то на причудливые изваяния... Даже ледяных лебедей видела она в изумрудных бассейнах прогаллин. Теперь мрачные торосистые поля осадили корабль. Его словно выбросило на занесенную снегом сушу, но он еще бился, стальной гигант, вода за его кормой кипела, клочкотала над мощными винтами. Изпод них вылетали ледяные обломки. И ломались льдины от могучих ударов крепкого форштевня, трескались поля, раскалывались до ближних торосов, за которыми второй линией обороны лежал неоглядный, нетронутый лед, будто сполз туда с доисторической равнины мрачный ледник. Бросаться кораблю на десятиметровую его толщину — все равно что кидаться на скалы.

А Федя по-прежнему спокоен, тверд. В такого

можно верить! Каждый из находящихся на корабле вручил ему свою судьбу. И она, Женя, тоже.

Но как нехорошо все получилось с Алешей!.. Какой горький осадок!.. Может быть, потому и кажется все таким мрачным вокруг?

...Измученная, две ночи не спавшая, возвращалась Женя на вездеходе из тундры, так и не найдя Алеши. Почти одновременно с ней пришли в порт и другие вездеходы с дядей Сашей и Денисом.

В бухте на рейде стоял «Северный ветер». Корабль Федора!.. У Жени сжалось сердце. Это из-за потерявшегося Алеши, конечно! Около вездеходов стояли нарты. Олени равнодушно косились на машины.

Небритый, осунувшийся Денис встретил Женю.

— Добре! Вин на ледоколе, — сказал он, раскрывая объятия.

Женя тогда не выдержала, заплакала, прижалась к широкой груди Дениса.

Когда катер подошел к борту «Северного ветра», у Жени едва нашлось сил подняться по сброшенному штурмтрапу. Она представляла себе смущенное, виноватое лицо Алексея, робкий его взгляд. Она готова была припасть к его груди и снова расплакаться.

Но получилось все по-иному.

Алеша, радостный, счастливый, облокотившись на поручни, оживленно болтал с другой женщиной, высокой, тонкой, стоявшей к Жене вполоборота. Алексей настолько был занят своей собеседницей, что даже не помог обессиленной Жене выбраться на палубу. Это сделал Витяка, каким-то чудом оказавшийся здесь. Женя сквозь слезы улыбнулась брату.

Но Алеша, Алеша! Сияющий, даже ликующий, подошел он к ней, держа за руку другую женщину. Пусть она и оказалась Галей, все равно он не мог, не имел права так вести себя!

В тот миг Женя не только возмущалась легкомыслием Алексея, не только негодовала, видя его «блаженное» выражение лица, она в тот миг просто ненавидела этого самодовольного человека, как про себя назвала она Алешу, переполошившего весь порт и

«нежно воркующего» теперь с Галей. Она не подумала, что спасенный от гибели человек может просто радоваться жизни. О необычайной же новости, сделавшей проект Алексея еще более реальным, она, конечно, ничего не знала.

Женя едва поздоровалась с подругой и наговорила Алексею очень много ненужных и резких слов. Она не смогла бы теперь повторить их даже мысленно. Но тогда она бросала ему все это в лицо. Глаза Алексея, всегда яркие, засветились недобрым, до боли обидным для Жени огоньком. Это была ссора. Первая ссора. Галя смотрела почти с испугом. Витяка, посмеиваясь, шепнул ей:

— Львица! Роскошная сцена!

Смущенный Денис совсем некстати вспомнил про письмо Майка. «Тому хлопцу ж ответить треба. Всем гамузом, сообща». Славный, он просто хотел отвлечь. А тут еще подошел Федор, спокойный, невозмутимый. Галя зачем-то потащила всех на корму, где был «мостик юных капитанов». Говорила, что они все в сборе, как когда-то.

Жене казалось немыслимым даже вспоминать о прежнем, детском. Да, все они снова здесь, на корме корабля: Федор, Денис, Витяка, Алеша, она, Галя... даже Гекса — нелепо так назвать собаку! Но как все теперь сложно! Насколько иначе, чем прежде, связаны сейчас они все и как в то же время разъединены!..

Гале и Денису не удалось смягчить обстановку. Встреча юных туристов не получилась. На корабле готовились к отплытию, и гостям пришлось уехать. Галя старалась не смотреть на Алешу, но сказала ему на прощанье, — Женя отлично это слышала, — что она, видите ли, хочет быть первым геологом-разведчиком на строительстве ледяного мола. Какая самоотверженность!

Алеша уединился, замкнулся, не разговаривал ни с Женей, ни с Федором, ни с монтажниками завода-автомата, с которыми вместе должен был работать на Дальнем Берегу. В своей каюте он сидел над какими-то чертежами, эскизами, расчетами.

Женя страдала. И не только из-за разрыва с Але-

шей, но еще из-за того, что не могла разобраться в самой себе. Федор занимал в ее мыслях все больше места. Но почему же она так вспылила, увидев Алешу с Галей? «Прямо собака на сене!» — с ненавистью думала о себе Женя.

И она решила бороться с собой. Старалась избегать Федора и лишь очень редко — не чаще одного раза в день (!) — поднималась к нему на мостик. Большую часть времени она одиноко бродила по палубе.

Когда в кают-компании никого не было, она, закрыв двери, чтобы никому не было слышно, играла на рояле. Даже во время игры Женю все время преследовала мысль, что она должна чем-то особенным помочь Алешину проекту. Критика проекта на технической конференции была очень серьезной. Трубы, несметное их число! Понадобятся заводы-автоматы — автоматически работающие трубопрокатные станы.

Что-то играя, постепенно увлекаясь, Женя представляла себе металлургический завод. «Руда поднимается в доменную печь, течет искрящийся ручеек расплавленного металла, наполняется ковш. Золотым, феерическим потоком выливается ковш в мартеновскую печь. Из этой печи ослепительная жидкая сталь наполняет изложницы. Слитки остывают, становятся малиновыми, потом бурыми. Их доставляют в другой цех. И там слитки снова надо нагреть... Почему снова? Почему снова?» — повторяла мысленно Женя и, как бы воспроизводя этот вопрос, пальцы ее дважды проиграли сложный пассаж. Женя взяла звучный аккорд и задумалась. «Сначала охладят слитки, а потом нагревают добела, чтобы они светились, как продолговатые солнца... нагревают для того, чтобы легче было мять раскаленный металл, с огромным усилием давить его между валками, вытягивать, превращать в трубу». Левая рука Жени пробежала по клавишам. Казалось, где-то в глубине рокотали могучие раскаты. «Если стремиться автоматизировать до конца, нужно соединить процессы в непрерывную цепь. Но зачем же повторять нагревы и охлаждения, зачем жидкий металл, который легко заставить принять форму трубы, превращать в твердый, чтобы потом так трудиться над ним?»

Женя рассмеялась. Кажется, она «изобрела» литье труб? Рояль ответил ее мыслям веселым напевом.

«Литье труб! Как это сложно!.. Формовать, отливать, выбивать опоки... Может быть, отливать центробежным способом? Но где же тут непрерывность? В центробежную машину надо залить металл, потом, когда он остынет, остановить машину, вынуть трубу и готовить машину для новой заливки. Это не лучше прокатки».

Женя еще ничего не придумала. Она никогда в жизни не изобретала и меньше всего предполагала, что может изобретать. Но сейчас, как ей казалось, это было необходимо для выхода из тупика в отношениях между Федором, ею и Алексеем. Ей казалось, что если она придумает что-то значительное, все встанет на место и тогда будет легко и радостно. Она страстно хотела решить проблему автоматического производства труб. Сначала ее занимала мысль только об аппаратуре автоматического управления уже существующими печами и трубопрокатными станами, но почему-то она снова подумала о двойном нагреве. Ей, человеку совсем другой специальности, как это часто бывает, нелепость двойного нагрева бросилась в глаза. Ей казалось возможным решить задачу по-другому, но как, она пока еще не знала. В голове ее бродили неясные мысли.

Эти мысли всецело захватили Женю. Два дня она ходила по кораблю сама не своя. В памятный для нее час она остановилась у реллингов, перегнулась через них, смотря вниз, на лед. Прямо под ней работал водоотлив. Из маленького окошечка в борту корабля вырывалась струя воды. Женя смотрела на нее, и она казалась ей закрученной. Вот так же изображают струю воды в витринах магазинов, заставляя крутиться стеклянную палочку с винтовой нарезкой на ней. Палочка крутится, а кажется, что прозрачная жидкость падает вниз. Струя касалась льда все в одном и том же месте. Ведь корабль был зажат льдом и дрейфовал. Струя падала на лед и там намерзала бесформенным наплывом.

Женя подумала о том, что каждая капелька воды,

вылетая из окошечка, мчится по спирали, для того чтобы замерзнуть внизу. А будь мороз посильнее, она, быть может, замерзла бы на лету. И вдруг Женю словно полоснула неожиданная мысль. «А если заставить ее замерзнуть на лету, сильным охлаждением заставить? Замерзшая сосулька, если ее с нужной скоростью отводить, будет непрерывно удлиняться! Половина струи будет жидкая, а ровно на половине она будет застывать». Ведь это же и есть непрерывность, о которой она мечтала!

Жене стало трудно дышать, она сорвала с себя шарф.

А если это не вода, а расплавленный металл? Он идет струей по трубчатой форме — кокилю, который вертится и в то же время охлаждается. Как раз на половине кокиля металл, распределяясь по его стенкам и двигаясь вдоль формы, застынет, превратится в сползающую вниз, вращающуюся трубу, которая станет выходить непрерывной раскаленной макароной.

Кажется, она что-то изобрела!.. Неужели так и изобретают? А говорили, что женщины не могут изобретать, не было женщин-изобретателей! Кстати, не было прежде и женщин-композиторов. Может быть, это и в самом деле новый способ непрерывного, винтового литья труб?

Женя отправилась в кают-компанию и принялась бурно импровизировать, взволнованная, растерянная. Она боялась сказать кому-либо о своей идее. Ей казалось, что ее высмеют.

Но ведь она изобретала для Алеши. Он должен узнать, что это для него. Если ее метод удастся, можно будет изготавливать трубы в огромном количестве, дешево и почти совсем без людей.

Прошел еще день, но Женя так и не рискнула пойти к Алексею. Она пошла к Федору.

Капитан был озабочен. Корабль попал в дрейф, его уносило на север от Дальнего Берега. Кто знает, удастся ли вырваться? Ни с одним из своих помощников капитан, пожалуй, не поделился бы своими тревогами, но с Женей готов был поделиться.

Он увидел ее на мостике и, обрадованный, направился к ней, на ходу раскуривая трубку, но так и не успел ничего сказать. Женя ошеломила его своим сообщением.

Смущаясь, то краснея, то бледнея, она рассказала, как мучилась последние дни, как стремилась найти решение вопроса об автоматизации производства труб для Алешиного мола. Женя говорила сбивчиво, но Федор понял все. Он понял, что изобрела Женя, — он гордился ею, — и он понял, что она рассказывает ему все это для того, чтобы он пошел к Алексею. Только привычка владеть собой помогла скрыть боль: «Опять Алексей! Всегда Алексей!»

Они спустились вместе по трапу. Женя осталась на палубе.

Алеша приветливо встретил Федю. Ему давно хотелось его увидеть — таить в себе радость стоило большого труда. Горе еще можно скрыть, но радость скрыть человеку куда труднее.

Федор заговорил. Он сразу заметил, как изменилось, стало сначала недоуменным, потом хмурым лицо Алексея.

— Честное слово, фортепианные концерты и технические изобретения — далеко не одно и то же, — сокрушенно вздохнул Алексей. — Отвергнуть прокатку? Увы, вековой опыт металлургов не опровергнешь, поглядев на струю водоотлива, — он сделал жест рукой, словно отмахиваясь, и тотчас увлеченно заговорил о другом. — Знаешь, бросим к черту чепуху. И дуться бросим. Слушай...

И Алеша, радостный, торжествующий, рассказал о том, как учитель из оленьей тундры предложил заморозить мол холодом Арктики.

— Теперь это уже не моя идея. Она принадлежит всей Арктике!

Федор сосредоточенно раскуривал трубку. Алексею пришлось долго ждать, пока, наконец, Федор сказал:

— Слушай, Алексей... Легко относишься. Слишком легко.

— Что ты имеешь в виду?

— К дружбе легко относишься, к другим чувствам... К такому человеку, как Женя, — Федор помолчал. — К чужим мыслям. К своему замыслу, наконец!

— Объясни, — строго потребовал Алексей.

— О твоём замысле поговорим. Нелепо думать, будто под лед можно спускать трубы.

— То есть как это нелепо?! — вспыхнул Алексей. — Я ночи не спал, считал. Вот смотри! — Он схватил ворох бумаг и положил его на стол перед Федором.

— Наш корабль дрейфует. Зажат льдами. Лед Арктики всегда дрейфует. Спустишь трубы под лед, сооружение еще не замерзнет, лед сдвинется — вырвет трубы из дна. Плотина погибнет раньше, чем появится. Учитель-оленовод не учел этого. Инженер обязан был учесть.

Алексей вскочил. Друзья молча смотрели друг на друга. Рука Алексея потянулась к ставшему влажным лбу, но остановилась на полпути и стала аккуратно складывать бумаги, лежащие на столе.

Федор первым опустил глаза:

— Прости, мягче надо было.

— Нет, зачем же?

Федор ушел.

Глава тринадцатая

ВСЕГДА ВПЕРЕД!

Льды дрейфуют...

Алексей оделся и вышел на палубу. Какое-то черствое спокойствие овладело им. Он прогуливался, улыбаясь и насвистывая что-то себе под нос. Всем могло показаться, что он очень весел.

Новый удар Алексей воспринял уже не так, как первые. Он не согнулся, но не было ни мысли, ни отчаяния, ни даже досады. Просто пустота и ничего больше.

Льды дрейфуют!

Он оглядел горизонт. Вот оно, белое безмолвие, мертвой хваткой сковавшее и льды и корабль. Трудно было поверить, что вся эта равнина движется. Так же

трудно поверить, что движется Земля с ее городами, дорогами, лесами, горами, морями... Но Земля все-таки движется, а льды... дрейфуют.

В досаде на самого себя, Алексей думал: «Как я мог так увлечься и не заметить очевидного. У шахматистов это называется «прозевать» ферзя или мат в один ход. Даже у чемпиона мира может случиться «шахматная слепота». Любопытный случай «технической слепоты»! Учесть все сложнейшие технические тонкости и забыть лишь про дрейф льдов».

Дрейф льдов! Сколько он читал о дрейфе льдов! На него просто нашло затмение! Да и не только на него. На Галю, на Виктора! Слишком уж им хотелось, чтобы идея ледяного мола была спасена! Слишком уж они хотели поверить в предложение носителя славных традиций острова Врангеля!

Заложив руки за спину, Алексей гулял по палубе. Потом остановился около паровой трубы, прижался к ней спиной. Приятно грело.

К Алексею шла Женя. Он смотрел на нее отчужденно, как бы видя в первый раз. Красивая, несколько холодноватая женщина, шубка не скрывает ее тонкой фигуры. Гордая, если не заносчивая манера держать голову. Подходит, будто собирается проронить на ходу два-три снисходительных слова.

Женя шла к Алексею по палубе с тревожно бьющимся сердцем. Алеша показался ей осунувшимся, неприветливым, словно покрытым ледяной коркой.

Встреча произошла около паровой трубы. Каждый ждал от другого простых теплых слов.

Женя сказала:

— Федя сейчас говорил со мной.

Алеша усмехнулся:

— О дрейфе льдов?

— Ты угадал, — удивилась Женя.

— Не трудно.

— Почему ты усмехаешься? Это очень интересно.

— Уже не интересно.

— Почему? Ведь это же открытие, и касается всех нас.

— Открытие чего? — недоумевал Алексей.

— Нового острова. Федя нанес на карту наш дрейф. Корабль неожиданно отклонился влево, на запад. К востоку от нас, несомненно, препятствие для льдов, неизвестный остров.

— Вот как? — Алеша закусил губу. Оказывается, они говорили о разном и уж, во всяком случае, не о том, о чем должны были бы говорить. — Почему это нас непосредственно касается? — почти раздраженно спросил он.

— Мы можем теперь вырваться! Понимаешь? Федя объяснил. Льды обтекают остров. Вернее, не остров, а ледяной припай, окружающий его. Этот припай не отрывается, он стоит неподвижно. За островом должна быть чистая вода. Туда надо пробиться.

— Подожди, — наморщил лоб Алексей.

«О чем говорил Федор? Дрейфующие льды не отрывают ледяной припай от берега острова. Значит, припай у острова неподвижен во время зимнего дрейфа льдов...» — Алексей все теперь воспринимал определенным образом. Дрейф был его врагом, припай противостоял дрейфу. — значит, он был его союзником.

Женя чутко заметила перемену в выразительном лице Алеши. Румянец пятнами выступил у него на скулах. Уж не болен ли он, не простудился ли на ледяном ветру? Женя, конечно, ничего не знала о новой трагедии Алеши. Федор лишь сухо передал ей разговор о винтовом литье труб, высмеянном Алексеем. О затее строить мол со льда Федор не сказал. Сама же она глубоко была задета пренебрежением Алексея. Женя все острее чувствовала, что теряет Алексея, и не хотела мириться с этим. В то же время все большее, неотвратимое сближение с Федором пугало ее. Она винила себя в нарушении детских клятв, боролась с собой и... не могла. Выход был только один, и она выбрала его, приняв бесповоротное решение, о котором и пришла объявить Алексею. Конечно, она и самой себе не призналась бы, что, стараясь бежать от Алексея и Федора, она, по существу, пытается спастись от самой себя.

И она сказала Алексею, стараясь не смотреть на него:

— Для меня теперь очень важно вырваться из дрейфа. Дело в том, что я должна улететь в Москву. Алексей быстро поднял глаза, вскинул бровь.

— Видишь ли... я написала отцу по радио... мне хотелось посоветоваться одновременно с тобой и с ним.

— О струе водоотлива?

Женя холодно посмотрела мимо Алеши:

— Если хочешь, то да. О моем «псевдоизобретении».

— Почему «псевдо»?

— Папа ответил, что навел справки. Оказывается, над подобным способом уже много лет работает инженер Хромов. Папа переслал ему мои каракули и эскизы. И представь, — усмехнулась Женя, — там нашлась одна деталь, которой не было ни в каких других конструкциях.

— Вот как? Что же именно? — притихшим голосом спросил Алеша.

— Совершенная чепуха! Первое, что пришло мне в голову. Надо принудительно вытаскивать трубу из вращающегося кокиля. Я хотела это сделать двумя валиками. Они должны были вращаться вокруг своих осей и вместе с кокилем, как одно с ним целое. Это заинтересовало Хромова. Он настаивает на моем приезде и работе под его руководством.

Алеша поднял голову, пристально посмотрел на Женю.

— И ты решила уехать от меня?

— Не от тебя, а для тебя.

Что ж! Это была, если хотите, женская месть. Женя не могла не насладиться унижением дорогого ей человека, и в то же время ей до слез было жаль его. Если бы он сказал ей что-нибудь ласковое, если бы попросил ее, просто робко заглянул ей в глаза, она бы все простила, все бы изменила. Но он глухо сказал:

— Конечно. Зимой у Дальнего Берега не стоят на причале корабли.

Женя вспыхнула. Она прекрасно поняла намек. Он был грубо брошен ей в лицо. Она круто поверну-

лась, но, прежде чем уйти, сказала, еле сдерживая себя:

— И все-таки я буду работать на тебя, на твой мол...

Алексей стоял, в бешенстве сжав кулаки. Он готов был сейчас иступленно барабанить ими по парходной трубе, чтобы пошел по кораблю гул.

Женя шла и думала, как жестоко оскорбил ее Алексей, а какой-то злой голос внутри ехидно шептал: «Конечно, зимой полярные корабли стоят у причалов больших портов. А из этих портов можно ездить в Москву...» Она возмущалась и в то же время чувствовала, что щеки ее пылают. В эту минуту она ни за что не смогла бы встретиться с Федором.

Алеша пошел в свою каюту, решив, что заболел. Он не мог ни на кого смотреть. Теперь ему было все ясно. Он безнадежно проигрывает по сравнению с мужественным героем, моряком, к которому не может не тянуться женское сердце. А что он? Бесплодный мечтатель, невыдержанный, самолюбивый, едва не заблудившийся в тундре и, безусловно, заблудившийся на своем творческом пути.

Он почувствовал себя глубоко несчастным. Может быть, он любит, по-настоящему любит Женю? Почему с такой остротой он понимает это только сейчас? Неужели ей это уже больше не нужно? Именно так. До сих пор он только слышал о безответной любви, теперь имеет возможность испытать все на себе.

Как не ценишь того, что имеешь! Да полно, имел ли он? Не принял ли он за любовь отзвук детских чувств, за клятвы — уверения в преданности не столько ему, сколько его фантазиям? И как горько увидеть вдруг все в настоящем свете!

Не раздеваясь, он лег на койку и предался своим грустным размышлениям. Пока он, безрассудный инженер-мечтатель, строил тысячекилометровые плотины в облаках, былой его товарищ выполнял свою незаметную — нет, нет! для нее заметную! — и, по существу говоря, героическую работу. И даже открыл вот теперь какой-то новый остров. И назовут тот остров

именем Терехова, как называли когда-то точно так же заочно открытый остров именем профессора Визе и как совершенно напрасно не называли угаданную Кропоткиным Землю Франца-Иосифа, на которую много позже наткнулись австрийцы, беспомощно дрейфовавшие на своем корабле.

«Значит, острова меняют направление дрейфа льдов. Припай около них неподвижен зимой... Выходит дело, около островов можно построить кусочек ледяного мола! — горько подумал Алексей. — Жаль, что на трассе мола нет островов».

Мысль Алексея напряженно работала. Он и теперь внутренне не разоружился, хотя готов был считать себя неспособным на «великие» дерзания: «Замах не по силушке...» А глубинная мысль, которой нельзя было управлять, сама по себе все работала и работала. В памяти вставала цепь Курильских островов, как изображены они отчетливой дугой на географической карте. Будь они в полярном море, через них не прошли бы, пожалуй, дрейфующие льды. Припай тянулись бы от одного острова к другому, соприкасались... Опуская трубы под лед припая, легко можно было бы заморозить мол.

В дверь стучали. Алексей сел, замотал головой, словно силясь проснуться.

Да в чем же дело? Она возвращается на Большую землю. Федор открыл остров. Если бы можно было открыть целую цепь островов и по ним провести трассу мола, не нужно было бы шестисот миллиардов киловатт-часов энергии, о которой говорил Ходов. Ах, стучат?

Алексей, наконец, пришел в себя и открыл дверь. Радист Иван Гурьянович, высокий, нескладный, тот самый, который так ловко лез по обледеневшим реям за Федором... Опять Федор!..

— Три радиogramмы сразу. Вам, — протянул бланки радист. — Я думал, вы крепко заснули. Сейчас взрывать будут.

— Что взрывать?

— Лед. Пары подняли. Капитан на лед войной идет.

Да, этот капитан не сдается! Все-таки с него стоит брать пример. Такой не раскиснет.

Первая радиogramма была от Гали. У Алексея сразу стало легче на душе. «Прощтрафились мы с тобой, Галочка. Мечтателями беспочвенными оказались. И учитель этот, Ваня, славный парень. Здорово придумал. Вот если бы только острова на трассе были...»

«Алеша, виделась с дядей Сашей и рассказала ему о предложении Вани, дядя Саша передал все инженеру Ходову. Оба они обещали послать тебе радиogramмы. Помни, я первая твоя разведчица. Целую, Галя».

«Почему «целую»? — удивился Алеша. — Хотя, впрочем, понятно. Поцелуй утешения... Содержание других двух телеграмм ясно. «Льды дрейфуют, молодой человек», и все прочее. Можно не читать».

Снаружи донесся грохот взрыва, затрепетала тонкая дверца каюты. Алексей невольно вздрогнул и, подчиняясь первому импульсу, выскочил на палубу. Радиogramмы остались на столе.

Первое, что бросилось в глаза Алексею, был мохнатый столб, расплывшийся черным грибом над ледяным полем. Несколько дальше взвился в небо еще один сначала сверкнувший, потом потемневший столб, через короткое время ударил взрыв. Алеше стало почему-то весело. Он посмотрел на капитанский мостик. Там стоял Федор в своем обычном брезентовом плаще, а рядом с ним так неуместно элегантная Женья.

Еще взрыв, еще, еще... Грохот напоминал артиллерийскую подготовку. Это и на самом деле было артиллерийской подготовкой. Бронированный ледокольный гигант готовился к атаке.

Алексей вспомнил про радиogramмы и вернулся. Оттого, что он порывисто открыл дверь, бланки сдуло на пол. Он поднял их и вышел на палубу. Взрывы гремели один за другим. Налетевший снежный заряд скрыл взмывавшие в небо огненные столбы и кудрявые черные грибы, в которые они превращались. Потом выглянуло низкое солнце. От паровой трубы протянулась по палубе длинная тень. Алексей по-

смотрел на подпись и взял радиограмму от дяди Саши.

«Рад, что такой человек, как Василий Васильевич Ходов, хочет принять участие в строительстве мола...»

«Что такое? Почему принять участие в строительстве? Разве строительство возможно?»

Не дочитав первую радиограмму, Алексей развернул вторую:

«Опускать трубы с дрейфующего льда, как предложил оленевод, нельзя, но если летом создать на трассе мола искусственные острова...»

Алексей перескакивал со строчки на строчку.

Ходов предлагал искусственно заморозить ледяные быки будущего сооружения с таким расчетом, чтобы неподвижные припай льда, которые образовались бы вокруг каждого из них, сомкнулись.

Но ведь и Алексей думал о чем-то близком!.. Об островах, вокруг которых образуется припай. Василий Васильевич, используя мысль Алексея об искусственном замораживании ледяного монолита, предлагал летом заморозить искусственно не весь мол, а только отдельные островки, между которыми зимой нужно спустить под лед трубы, и, не тратя энергии, за счет холода Арктики, как предложил учитель, заморозить остальную часть сооружения.

«...Готов принять участие в этом грандиозном строительстве. Желаю успеха. Ходов».

Алексей пересчитывал радиограмму. Ходов казался совсем иным: «Вот она, протянутая рука». Они, два инженера, думали об одном и том же. Но он, Алексей, еще не пришел к окончательному решению. У Ходова больше опыта, больше знаний. И он, отвергавший строительство в самой его основе, теперь поправляет и себя, и Алексея, и учителя с геологами. Наконец предлагает свое участие, помощь. Вот так должен поступать настоящий человек, коммунист!

Как прав был Федор, требуя от проектанта знания Арктики! Здесь, в Арктике, замечательная школа. Школа побеждать!

Алексей поднялся на капитанский мостик. Там стоял один Федор. Жени не было. Ветер рвал полы его брезентового плаща, надетого поверх ватной куртки. Прищурив глаза, он смотрел на сверкающее в лучах солнца взорванное ледяное поле.

Видя ледяной хаос, преградивший кораблю путь, Алексей замер в невольном восхищении.

Казалось, здесь недавно прошли циклопы и набросали эти ледяные скалы, переворошили льды, взломали поля, вспучили их зубчатыми хребтами, через которые немислимо пробиться. Весь этот первобытный хаос ледяных глыб, сверкающих на солнце миллионами будто отполированных граней, рождает несчетные радуги. Слепя глаза, лед горел голубыми и зелеными искрами, фиолетовыми огнями и рубиновыми звездами.

И, подобно Федору, Алексей стоял, широко расставив ноги, словно выбирая, как и капитан, верный путь своему «кораблю».

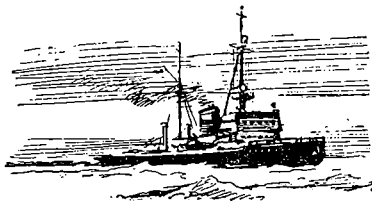
Только сейчас заметил Алексей на другом крыле мостика Женю. Не видя ни Алексея, ни Федора, сощурилась, она смотрела в неведомую даль, словно выбирая там свою собственную дорогу.

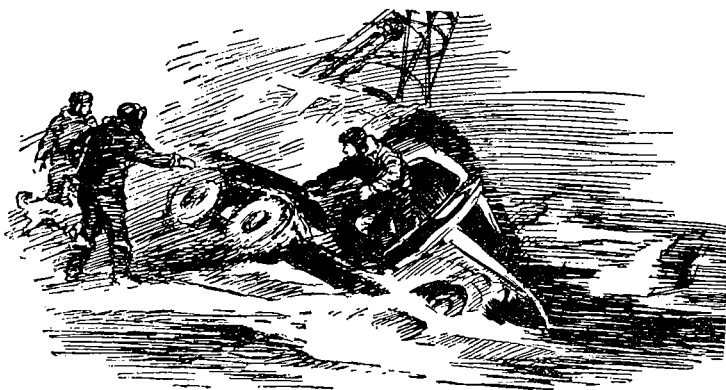
— Вперед, самый полный! — скомандовал капитан.

Корабль рванулся на льды.

— Самый полный, — повторил себе Алексей.

— Всегда вперед! — одними губами прошептала Женя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ НОВЫЙ ДЕНЬ

«Мои юные друзья! Мы живем в такое время, когда высшее призвание человека состоит в том, чтобы не только объяснять, но и изменять мир, — сделать его лучшим, более интересным, более осмысленным, полное отвечающим потребностям жизни. Многие придется сделать следующим поколением, в частности вам, мои юные друзья...»

*Из обращения И. В. Мичурина
к комсомольцам*

Глава первая НАЧНЕТСЯ С ТРЕВОГ

Полярной ночью, через торосы, освещая их яркими лучами фар, шел вездеход.

Мир казался суженным до этой одной яркой полосы, во все стороны от которой простиралась тьма. Темным был воздух, темным был лед, темным было небо без единой звезды.

Погода, благоприятствовавшая геологам, начинала портиться. С поверхности льда поднимались ослепительно белые в электрическом свете языки и пенным потоком неслись навстречу, поднимаясь до самого радиатора машины. Снегоочиститель мерно по-

скрипывал, расчищая на занесенном хлопьями стекле прозрачный веер.

Галя, привалившись плечом к водителю-механику Доброву, задремала.

Доброву приходилось еще в тундре ездить с Волковой и с Виктором Михайловичем Омuleвым. Виктор Михайлович теперь пошел далеко, прославился. Еще бы! Это он ведь выдумал способ разведки грунта дна прямо со льда, без всяких водолазных работ. Буровую вышку следует укрепить на вездеходе и бурить дно через лед. Оказалось возможным выехать на трассу будущего мола на много месяцев раньше, еще полярной ночью. В начальники Доброву дали Галину Николаевну. Он хотя и уважал ее — в тундре в свое время она показала себя молодцом, — но все-таки непривычно ему было под женским началом быть. На первых порах Добров за главного почитал себя и к Галине Николаевне относился снисходительно.

Радист был старым знакомым Доброва. В прошлом оленевод, потом военный радист, в последнее время учитель, он в числе первых добровольцев пошел на строительство мола.

Теперь Ваня-радист, невысокий, коренастый парень с узкими черными глазами и прямыми жесткими волосами, исполнял роль штурмана, держа курс по радиомаякам Новой и Северной Земли. Вездеход двигался по прямой. Для этого порой приходилось преодолевать тяжелые торосы или сворачивать в сторону, чтобы компенсировать дрейф льдов. На стоянках Добров возился с буровым станком. Обсадные трубы спускались прямо под лед, пока не достигали дна. Потом начинал работать бур. Извлекались пробы грунта, и Галина Николаевна составляла по ним свои карты, необходимые строителям мола, которые начнут работы в Карском море тотчас же, как вскрыются льды.

Матвей Сергеевич Добров, высокий, жилистый, говорить лишнего не любил и дело свое знал. Приглядываясь к Гале, он постепенно стал проникаться к ней уважением. Всегда бодрая и подтянутая, она переносила лишения наравне с мужчинами, в дела механика не вмешивалась и команду отдавала, слов-

но только советовалась, но оказывалось, что сделать по-иному было просто невозможно. Высокая, стройная, в ватной куртке и штанах, в больших валенках, она издали походила на старшего сына Матвея Сергеевича, и ему порой трудно было ей подчиняться. Однако теперь все это позади. Уже давно Матвей Сергеевич не принимает никаких решений без Гали.

Ваня-радист еще со времени встречи с ней в тундре и путешествия с геологами к острову Дикому на Галину Николаевну смотрел восторженными глазами, что от Матвея Сергеевича укрыться не могло. Он все подмечал. Впрочем, упрекать радиста не мог.

Матвей Сергеевич был недоволен погодой. Везде-ход будто переходил вброд пенную реку. «Черт его знает, что встретится на льду? Тут и полуось ненароком можно сломать. Ночью грохотало, будто палили из пушек — была сдвижка льдов... Лучше бы остановиться. Надо бы разбудить Галину Николаевну...»

Но будить Галю механику было жалко. Так хорошо она задремала. «Утомилась... Месяц ведь без настоящего отдыха!..»

Вдруг Галя резко повалилась на водителя. Добров, перехватывая баранку, старался выправить накренившуюся машину. Перед ветровым стеклом неслась мутная пелена.

«Эх! Не остановился вовремя! Завязнешь теперь здесь!..»

Ваня неистово забарабанил по передней стенке из кузова. Галя открыла глаза и ухватилась за ручку дверцы.

— Выскакивайте, Галина Николаевна! — только и успел крикнуть Добров.

Галя с трудом открыла ставшую почти горизонтально дверцу.

— Добров! Прыгайте! — скомандовала она.

Машина лежала набоку и продолжала сползать куда-то влево. Снег ударил Гале в лицо. Она встала на ребро подножки и прыгнула. Ноги ее попали в воду, девушка поскользнулась и повалилась вперед, протянув руки. Через мгновение она в вымокшей одежде стояла на краю полынни.

Добров все еще крутил бесполезную баранку. Колесом он чувствовал воду.

— На лед! Я приказываю! — кричала Галя.

Немного растерявшийся Матвей Сергеевич высунулся из лежащей уже кабины, потом выбрался, как вылезает из люка. Машина с решетчатой башней повалилась набок. Снежный поток полускрыл ее. Мощный электрический луч упрямо светил, казалось, из самой полыньи.

— Ваня! Рацию! Продовольствие! Собаку! — отрывисто кричала Галя.

Послышался лай. Из снежной пелены выскочила собака и подпрыгнула, чтобы лизнуть Галю в лицо. Добров с ужасом смотрел, как вездеход с буровой вышкой уходит под лед. Через мгновение машины уже не было видно.

Свет погас.

Этот переход от света к тьме был, пожалуй, самым страшным для очутившихся на льду людей. Они стояли без движения, боясь двинуться. Их мокрая одежда начинала замерзать, становилась твердой и ломкой.

Отбежавшая было лохматая лайка вернулась и ткнулась в мокрые колени хозяйки.

— Рация? — спросила Галя Ваню.

— Галина Николаевна, не успел я... Хотел уже в воду нырять, и так промок весь... Не успел, Галина Николаевна, — оправдывался радист.

— Та-ак!.. — протянул Добров. — Отличились, значит, мы с тобой, друг Ваня. Ни радио, ни продовольствия, ни оружия... Что называется, голый человек на голом льду.

Галя молчала.

Глаза понемногу привыкали. Оказывается, даже слабый свет полускрытых быстро летящими тучами звезд может ослабить тьму.

Снег неся, вздымаясь выше Гали, она подняла руку, словно старалась измерить, на какой высоте еще метет. Поземка становилась свирепой. «Что предпринять? Остаться на месте и ждать самолетов? Нет, мало надежды, что летчики заметят в такую погоду. Дрейфом льдов нас унесет с трассы мола, и где же

искать полярной ночью три точки, затерявшиеся в ледяной пустыне? Если бы хоть светло было... Да и пурга еще... Сколько дней протянешь без еды, в обледеневшей одежде, не греясь?»

— Стоять нам на месте никак не годится, Галина Николаевна, — сказал Матвей Сергеевич. — Тепло теперь у нас только одно: свое собственное, от ходьбы.

— Может быть, к тундре пойдем? — робко спросил Ваня. — Оленеводов наших встретим... — еще более неуверенно предложил он.

Галя напряженно думала. Она знала: именно она должна решить.

— До радиомаяков на Новой и на Северной Земле нам не добраться, — говорила она, как бы думая вслух. — До материка сто километров, но там безлюдно...

Добров, чтобы согреться, подпрыгивал на одной ноге. Лицо его было мрачно.

— Выходит дело, все равно погибать... Не надо было из кабины выскакивать.

— Матвей Сергеевич! — строго окликнула Галя, ощупывая свою хрустящую одежду, и с укором добавила: — Эх вы!.. Жаль, промочила планшетку с картами грунтов дна.

Галя говорила твердым голосом, но сердце сжималось у нее, холод уже давал себя чувствовать, куртка обледенела, руки не шевелились, словно были закованы в железные рукава.

— Куда же идти? — деловито спросил Ваня.

— Куда-нибудь... А идти надо, — сказал Добров, — не то замерзнем.

Галя мысленно представила себе карту моря и точку, где они находятся. «Идти на запад — гибель, на восток — гибель, на юг — все та же гибель. На север? Галя мучительно пыталась представить себе, что находится на севере. «Остров Исчезающий! Да, да!..»

Оказывается, она даже выкрикнула эти слова.

— Нету никого на этом острове. Теперь там автоматическая метеостанция. Полярники не живут, — могильным голосом сказал Матвей Сергеевич. — Уж

лучше к материку пойдем. Дня в три доберемся, а там, кто знает, оленеводов встретим.

— А если не встретим, то погибнем. Нет у нас на это права. Идем на север, — решительно сказала Галя. — Местоположение свое знаем. Компас в плашкетке есть. Старые дома на острове сохранились?

— Если берег не обвалился еще больше. Берег песчаный, обледенелый, он оттаивает, — возражал Добров. — Каждый год метров по двадцать обваливается. Потому и полярников вывезли.

— И все-таки мы можем идти только на север, к Исчезающему. Быть может, дома сохранились. Тогда в складе мы найдем продовольствие и через аппаратуру автоматической метеостанции сможем дать о себе знать.

— Я смогу, Галина Николаевна! Я знаю, как она, та метеостанция, устроена... Я сумею радировать! Пойдемте туда, Галина Николаевна, — поддержал Ваня. В прошлом оленевод, он как никто другой знал, насколько безнадежно искать зимой в тундре встречи с людьми.

— Идем, — скомандовала Галя.

— Льды бы наши не снесло в сторону, — заметил Добров.

Галя расстегнула планшетку. Там рядом с компасом под целлулоидом у нее всегда была фотокарточка Алексея. Но сейчас, в темноте, она увидела только фосфоресцирующую стрелку компаса.

Галя вздохнула:

«Алеша! Алеша! Если бы ты видел сейчас своих первых разведчиков. Тебе в Москве понадобятся карты грунтов, когда ты будешь защищать разработанный в институте у академика Омалева проект ледяного мола, а карты промокли... вместе с твоей фотографией. Об этом тебе не догадаться...»

Галя захлопнула планшетку.

— Вперед! — скомандовала она. — Гекса, за мной!

Трехлапая собака бросилась за хозяйкой. Ее подарил Гале Ваня еще в тундре. Он тогда долго извинялся, что у собаки только три ноги, четвертую ей

отгрыз во время охоты белый медведь. Но Гекса, по его словам, не потеряла страсти к медвежьей охоте, а кроме того, «понимала все... и даже по-русски». Галя сдружилась с Гексой. Теперь собака снова встретилась со своим старым хозяином, но новая ее привязанность к Гале, пожалуй, была сильнее. Впрочем, Ваня был с собакой нарочито суров.

Люди шли через льды. Вокруг была серая тьма. Ветер дул теперь справа, сбивая путников с ног. Он нес струи снега, и людям казалось, что они идут вброд по вспененному потоку.

Люди шли не останавливаясь. Они не могли, не имели права остановиться. Согреться можно было только ходьбой. К счастью, поземка не переходила в пургу. Если бы людям пришлось отлеживаться во время пурги в снегу, они бы замерзли.

На привал останавливались, лишь когда не было сил идти дальше.

Труднее всего преодолевать гряды торосов. Добров, пыхтя и тихонько ругаясь, забирался наверх первым и протягивал руку Гале. Снизу ее старался подсадить шатающийся от изнеможения Ваня. Галя сердилась. Она сама протягивала Ване руку и втаскивала его на крутые, стоящие дыбом льдины. Гекса карабкалась следом за людьми и повизгивала. Спустившись с гряды, некоторое время лежали без движения, стараясь набраться сил.

Уже двое суток люди и собака ничего не ели.

— Хоть бы медведь белый попался на пути, — сказал Добров.

— Зачем? — удивилась Галя. — Ведь у нас нет оружия.

— А так... Все лучше... скорее, кто кого?.. Или он нас, или мы его, — и Добров показал висевший у него на поясе большой нож.

Галя легла удобнее и отвернулась. Ваня, раскинув руки, лежал на спине и смотрел на бегущие по небу облака, освещенные все той же оранжевой зарей. На Большой земле была ночь.

Матвей Сергеевич рассматривал свой нож. Он вынул его из кожаных ножен, снял рукавицу и попробо-

вал большим пальцем левой руки острие, потом, посмотрев на Галю и Ваню, стал тихо подзывать к себе Гексу. Она лежала около Гали, положив морду на вытянутые лапы. Шерсть на ее провалившихся боках торчала.

Подняв на Доброва умные глаза, она встала и, виляя хвостом, припрыгивая на одной задней лапе, подошла к нему.

Тогда тот рванулся вперед и схватил левой рукой Гексу за загривок. В правой его руке блеснул нож.

— Матвей Сергеевич! Что вы делаете?! — крикнул Ваня, с неожиданной быстротой вскакивая и ловя руку Матвея Сергеевича.

— Пусти ты!.. Чего цепляешься? Мы двое суток не ели. Дойти надо... а тут — мясо...

— Не смейте! Не смейте!.. Галина Николаевна! Он... Гексу!.. У нас так не делают.

Галя приподнялась на локте и села.

Гекса воспользовалась промедлением и вырвалась из озябших пальцев Матвея Сергеевича. Он раздраженно бросил на снег клочок шерсти.

— Вот вы и рассудите, — сказал он Гале, не поднимая на нее глаз. — Только рассудите так, как начальник... чтобы без женских слабостей и привязанностей к собаке. Она сейчас не собака, а наше единственное продовольствие. Дойти нам надо... планшетка опять же у вас с картами.

— Съесть Гексу или не съесть? — словно переспросила Галя. — Мне даже в голову не пришла такая мысль.

— Есть ведь как хочется, Галина Николаевна... Крупинки во рту не было больше двух суток...

Галя сидела на снегу, охватив руками колени. Гекса подбежала к ней, и Галя машинально стала гладить ее одной рукой.

— Нет, Матвей Сергеевич, — покачала головой Галя. — Не могу. Может быть, хороший начальник приказал бы убить Гексу. Я не могу. Не будем есть собаку. Так постараемся дойти.

— Ой, как хорошо, Галина Николаевна! — обрадовался Ваня.

Гекса отбежала от людей. Галя позвала ее, но собака не подходила. Можно было подумать, что она все поняла.

Добров не возражал, только старался не смотреть на Ваню и Галю.

Снова поднялись и пошли.

...Галя упала первой. Она встала на колени, но подняться на ноги не смогла. Добров помог ей. Они пошли вместе, держась под руку. Оба пошатывались, попеременно оступались, а порой и падали в снег.

Ваня сильно отстал. Гекса бежала позади, невидимая в темноте. Она больше не приближалась к людям, будто не доверяя им.

Больше всего Галя боялась пройти мимо острова Исчезающего. Напрасно вглядывался Добров в горизонт, стараясь заметить во мгле очертания земли.

— Не мог же остров совсем разрушиться!.. Не успело же его волнами размыть, не должно бы, — ворчал он.

— А если дома обрушились, что тогда? — спросил подошедший Ваня.

— Тогда что... все одно... Пусть Гекса нас кушает, раз мы ее не съели.

— Матвей Сергеевич! Я запрещаю вам так говорить. Стыдно! — Галя гневно взглянула на механика. Свет тонкого месяца делал его похожим на скелет.

Непрерывная ходьба без сна и двухдневная голодовка сделали свое дело. Глаза у Доброва провалились, кожа обтянула скулы и челюсти. Гале показалось, что у него можно сосчитать зубы.

— Вы не сердитесь, Галина Николаевна, — примиряюще сказал Добров. — Я ведь от слабости... и вроде как со злости, что вы сильнее, значит, оказались. Но только я понимаю, что если берег обвалился, — считай, нас под ними похоронило.

— Пойдемте!

— Иду, Галина Николаевна... по вашему следу.

Галя не ошиблась в выборе направления. Недаром так тщательно изучала она дрейф льдов до выезда в экспедицию.

На исходе четвертых суток они наткнулись на остров, вначале приняв его в темноте за гряду торосов. Но обрывы берега были слишком высоки. Сомнений не было. Это был остров. У людей прибавилось сил.

Это действительно был остров, один из интереснейших капризов природы. Когда-то волны намыли его из песка. Песок смерзся и в свое время поднялся над поверхностью моря. В последние годы благодаря общему потеплению Арктики остров оттаивал, море вгрызалось в него, размывая мерзлый песок, как сахар, и берег обваливался. Полярную станцию приходилось переносить раза два в глубь острова, но море наступало. В конце концов людей пришлось вывезти.

И вот путники добрались до высокого, поднимающегося над ледяными полями берега. Он был так крут, что на нем не держался снег. Смерзшийся песок огромной глыбой нависал над льдами, готовый обрушиться, едва первые весенние лучи коснутся его. Очевидно, осенью море подточило обрыв, въелось в берег, но нависшая гора не успела рухнуть, ее удерживал пока зимний холод.

Люди брели из последних сил. Надо было найти подходящее место, чтобы забраться наверх. Идти под берегом было страшно. Казалось, он может обрушиться каждую секунду.

Путники запрокидывали головы, стараясь увидеть на обрыве дома, но рассмотреть в темноте ничего не удавалось. Забраться по нависшему обрыву нечего было и думать. Ваня, глядя на разрушающийся остров, сказал:

— Вот так же, наверное, и Земля Санникова... Была, была и исчезла. Оттаяла и обвалилась в море.

Галя обернулась и с радостным удивлением посмотрела на худое, изможденное лицо Вани.

— Как вы хорошо придумали, Ваня, — сказала она, ни словом не обмолвившись о том, что читала об этом в научных журналах. — Мы обязательно радируем о вашей гипотезе, обязательно!.. — В словах Гали было столько уверенности, что Ваня повеселел.

Добров высмотрел нечто вроде русла весенней речки или ручейка, занесенного сейчас снегом. Мож-

но было попробовать взобраться. Идти уже не могли. Ползли на четвереньках: Добров впереди, потом Галя. Последним был Ваня и на большом расстоянии от него — Гекса.

— Не могу... моченьки нет, — проговорил Добров, растянувшись на шершавом насте.

— Что вы, Матвей Сергеевич! Еще ведь немного. А там наверху — склад. Висят в нем жирные око-рока, колбасы копченые... сардины, шпроты... галеты... На зубах хрустят... — говорила Галя.

Глотая слюну, Ваня чувствовал прилив сил. Он пополз впереди, за ним Добров, последней ползла Галя. Гекса впервые за последние дни подобралась к ней и лизнула ее в щеку.

У Гали мутилось в голове, перед глазамиплыли круги.

— Ничего, ребятки, — шептала она, хотя ее никто не слышал, — заползем сейчас наверх и сразу увидим и мачту радиостанции... она осталась... и домики... тепло будет там... и склад...

И вот они наверху.

В неверном свете звезд они увидели пологую, спускающуюся к центру острова серую долину, над которой у самого обрыва возвышалась одинокая мачта радиоантенны бывшей полярной станции. Ни одного домика около нее не было.

Люди лежали на снегу и боялись взглянуть друг на друга, не желая признаться, что все кончено.

Гекса бросилась прочь от недвижных людей. Она бежала вприпрыжку, и казалось странным, что у нее есть еще силы.

Глава вторая

В РАЗДУМЬЕ

Алексей до сих пор не знал бессонницы. Эта ночь, если не считать той, которую провел он после провала диссертации, была первой в его жизни, когда он не смог заснуть. Мягко ступая по ковру, чтобы не разбудить спящих в соседней комнате родителей, он ходил от одной стены к другой, задерживаясь то

у стола, чтобы перелистать несколько страниц пояснительной записки к проекту, то у открытого окна.

Завтра решается судьба проекта. Наступал самый значительный в жизни Алексея день. Все, что было до этого дня, не сможет сравниться с тем, что будет завтра.

Быть может, у каждого человека бывает в жизни такое... Вчера ты был еще юн, а завтра станешь зрелым. Вчера ты еще только готовился, а завтра возьмешься за свершение самого главного в жизни.

Когда он был еще совсем маленьким, ложась спать вечером накануне дня рождения, он волновался, думая, что ему сейчас пять лет, а завтра будет вдруг сразу шесть. Мысль о предстоящем чудесном превращении пяти лет в шесть наполняла его гордостью, но в то же время он сжимался в комочек, потому что ему было немножко жутко. А вдруг он станет совсем другим, не похожим на того Алешу, который лежит в кроватке?

Это детское, давно забытое ощущение, знакомое, наверное, многим детям, которое он или помнил, или же когда-нибудь читал о чем-то похожем, внезапно всплыло в памяти Алексея. Он оперся руками о подоконник. С высоты двадцать пятого этажа улица казалась двумя линиями огня, снизу доносились коротенькие гудки автомашин.

Почему ему кажется, что завтра все будет по-иному, что и они и все, кого он знает, будут другими? Разве он уже не изменился за то время, которое прошло с момента возникновения идеи ледяного мола?

Что же произошло? Как это было? Да, в первый раз он почувствовал себя иным, когда стоял на капитанском мостике около Федора и мысленно вслед за ним командовал себе: «Вперед, самый полный!» Тогда впервые он понял, какую огромную силу представляет человек, если он не одинок, если стоит в строю плечом к плечу, локтем к локтю с людьми одной с ним цели. Один человек может только мечтать, но превратить мечту в действительность может только народ. С этого дня и началось проектирование. Оно началось с совсем не относящихся, казалось

бы, к ледяному молу работ на Дальнем Берегу, где монтировался завод-автомат.

Метели, морозы, непроглядная полярная ночь с трепетными всполохами сияния. В возведенных корпусах светло. Там устанавливают станки-автоматы. Выйдя на мороз, Алексей ощущал лицом, грудью, всем телом упругую силу ветра. Отвлекаясь от обычных дел, он старался представить себе работы на льду в такую погоду, прокладывание полыньи, заносимой снегом, опускание труб, к которым не прикоснешься рукой. И здесь, в Арктике, он находил, придумывал, изобретал будущие приемы работ. Алексей привык в Арктике не торопиться, обдумывать каждый шаг до мельчайших подробностей. Он знал, как благодарны были строители завода-автомата работникам московского «Завода заводов» за то, что они учили при создании автоматов все мельчайшие особенности их работы в арктических условиях. Алексей понял, что именно так и следует проектировать строительство ледяного мола. Его нужно строить не руками, а машинами, целой армией особых машин, приспособленных к холоду, к пурге, скрывающих своих командиров в теплых кабинах. Прежде чем строить мол, нужно изобрести механизмы для его строительства, сконструировать их и построить.

Алексею вдруг вспомнилось, как однажды, возвращаясь с завода, он заметил на крыльце дома фигуру в кухлянке с хореом в руках. Рядом стояли нарты в оленьей упряжке. Алексей пригласил незнакомого оленевода к себе. Тот вошел и, сбросив капюшон, оказался... улыбающейся Галей. Алексей не мог догадаться, зачем она приехала сюда. Галя, замявшись, попросила показать ей завод-автомат. Недоумевающий, но, пожалуй, обрадованный, Алексей повел ее в цех.

Галя, пораженная, остановилась у мраморных колонн вестибюля. «Как в Москве!» Задержалась у зеркала. «Полгода не смотрелась! Ужас, как лицо обветрено...» Прошли сразу не в литейный, а в механический цех. Пахло машинным маслом и разогретой эмульсией. Части станков сами собой сдвигались, раздвигались, словно не обрабатывали, а старательно

«лепили», как сказала Галя, заготовку, превращая ее в готовую деталь. Они шелкали, жужжали, пели.

Галя искоса посмотрела на Алешу и спросила:

— А тебе кто показывал этот завод в Москве? Наверное... Женья? — Темные брови ее болезненно приподнялись у переносицы.

— Нет, я в Москве ни разу к Жене на завод не выбрался, — простодушно признался Алеша.

И Галя повеселела, даже разругалась. Оправдываясь, сказала:

— У вас здесь жарко.

— Это тепло, снятое у морозного воздуха, — с гордостью отозвался Алексей. — Наши отопительные холодильные машины имеют такой низкий температурный уровень, что могут отнимать тепло у наружного воздуха даже в лютый мороз, как сегодня.

Видимо, Гале нравилось, когда Алеша увлекается. Она смотрела на него, забыв и автоматически работающие станки и бегущие по ленте заготовки. Потом говорили о моле.

— Не терпится начать проектирование, — признался Алеша. — Хочется обсуждать проект, спорить, искать... Я так рад тебе, Галя...

Галя задумчиво смотрела в сторону. Прошли в литейный цех, где из печей лилась нескончаемая струя металла. Это напоминало Алексею о Жене.

— Ты знаешь, Галя, я не уверен, что это получится, но Женья хочет превращать эту всегда льющуюся струю в непрерывную трубу. Ведь для мола нужно столько труб!

Галя поджала губы. Алексей заметил это и подумал, что вот с ним рядом идет чудесная девушка, которой он совсем не безразличен. Почему же нужна ему далекая и холодная Женья, подчеркнуто заинтересованная другим? Почему же не примет он Галиной дружбы?..

Алексей даже протянул к Гале руку, но тотчас отдернул ее и лишь украдкой посмотрел на девушку. Галя женским чутьем отгадала, что происходило с Алексеем. Задумчивая и рассеянная, она отказа-

лась дальше осматривать завод и не захотела задержаться здесь хотя бы на один день.

Немного озадаченный, Алексей из долга гостеприимства решил проводить Галю. Он отправился с ней в тундру, сидя на ее нартах. Следом за оленями шел его вездеход. Полярной ночью, при свете звезд, трудно было разглядеть ее лицо. Когда они прощались, она отворачивалась и все звала свою Гексу, а потом, к удивлению Алексея, спросила, передать ли привет инженеру Ходову? Нарты скрылись в темноте. Некоторое время долетал лай Гексы.

Вскоре после отъезда Гали однажды в пургу на автоматический завод неожиданно приехал Ходов. Оказывается, что он решил обсудить с Алексеем методы предстоящего строительства, о котором уже говорили в печати, как об одной из задач недалекого будущего. Сутулясь, он расхаживал по комнате зимовки. Алексей наблюдал за его худым лицом, с провалившимися щеками, с запавшими серыми глазами и глубокими энергичными складками у губ. Ходов говорил ровным и безапелляционным голосом о том, что строители Днепростроя вынули за четыре с лишним года шесть миллионов кубометров земли и уложили один и две десятых миллиона кубометров бетона. Они были вооружены заграничными экскаваторами с ковшами емкостью в один-полтора кубометра. Ходов противопоставлял этому работу на первых великих стройках. Там строители за пять лет вынули три миллиарда кубометров земли (в пятьсот раз больше, чем днепростроевцы), уложили двадцать миллионов кубометров бетона (в семнадцать раз больше, чем на Днепре). Своим скрипучим голосом Ходов доказывал, что это удалось сделать потому, что для строителей были созданы советские экскаваторы с ковшами емкостью до пятнадцати, даже двадцати пяти кубометров, которые заменяли в работе десять тысяч землекопов. Великие стройки получили гигантские советские землесосы, заменявшие труд двадцати пяти тысяч человек. На этих стройках работали исполинские стальные муравьи — скреперы, могучие бульдозеры, армия саморазгружающихся

машин, бетономешалок, похожих на дом, — словом, невиданная во времена Днепростроя новая техника, позволившая вооруженным ею людям выполнить титанические задания. Останавливаясь перед Алексеем, заложив руки за худую спину, Ходов говорил, что это и есть тот путь, по которому надлежит идти при строительстве ледяного мола. Мол можно построить только усилиями всей страны, которая взялась бы не только послать на север строителей, но и построить для них множество новых машин, способных заменить в работе на льду тысячи и тысячи людей.

Алексей молчал, радостно соглашаясь со всем этим в душе. Ему было приятно слышать именно от Ходова повторение своих собственных мыслей.

Алексей скромно умалчивал о том, что самостоятельно пришел к этим выводам, и у Ходова могло сложиться впечатление, что он убедил молодого инженера. Но молчание Алексея отнюдь не было робостью. Оно было скорее сознанием своей правоты, подтвержденной недавним противником. Да и не только недавним. Едва Ходов касался самой конструкции мола, молчаливость Алексея исчезала, глаза его загорались, он уже перебивал сухую, размеренную речь Ходова, не соглашался с ним.

Ходов считал, что сейчас невозможно учесть все те условия, в которых должен строиться и существовать мол. Какова будет сила дрейфующих льдов, напирающих на мол? Какие будут наметаться сугробы у радиаторов, поднимающихся надо льдом? Каким способом удастся прокладывать во льду полыньи для опускания труб?

Ходов предлагал не начинать проектирования, пока не будет накоплен опыт в специально созданной лаборатории. Карцев горячо восстал против этого. В лаборатории можно изучать только частности, но нельзя построить модель мола, и создать для нее условия, как в полярном море. Если уж ставить опыты, то ставить смелее и шире. Алексей предложил построить опытный мол в Карском море.

Ходову понравилась эта мысль, но в назначении

мола будущие соратники и уже противники сразу же разошлись.

Ходов считал, что опытный мол понадобится лишь для того, чтобы разрешить с его помощью вопросы, встающие перед инженерами. Он хотел строить опытный мол самых малых, ненадежных размеров с затратой минимального количества труб, радиаторов, энергии. Пусть он будет заведомо ненадежен, пусть льды поломают его, — пусть природа сама внесет коррективы в проектирование. Это даст возможность построить главное сооружение наиболее экономично, лишь с самыми необходимыми запасами прочности. Выгода будет огромной.

Алексей спорил, возражал. Нельзя задерживать начало строительства. Нужно не проходить учебу в Арктике, а покорять, преобразовывать ее! Нужно сразу строить мол, который мог бы выдержать тяжелое испытание в природных условиях и повлиять на эти условия, на самую природу. Нельзя отказаться от быстрого появления магистрали. Ведь она могла бы заменить сто железных дорог!

Ходов уехал. Они с Алексеем так и не договорились о конструкции мола. Но одно решено было твердо: при проектировании и на строительстве мола они будут работать вместе.

...Алексей подошел к окну и настежь распахнул его створку. Город покрыт был предрассветной дымкой.

В Институте холода у академика Омулева начинались исследовательские работы, которые должны были в скором времени послужить основой для будущего проектирования. Замысел ледяного мола был уже широко известен. Он интересовал многие министерства и Академию наук. И пока инженер Карцев выполнял обычную работу строителя на Дальнем Берегу, в Москве и в Свердловске, в Ленинграде и Ново-Краматорске конструкторы трудились над чертежами машин, которые будут строить на льду и из льда грандиозное сооружение.

Еще до окончания строительства на Дальнем Берегу Алексей был вызван в Москву. Алексей летел на самолете и волновался: он знал, что его встретят

друзья, был уверен, что среди них будет и Женя, и этой встречи почти боялся.

Не раз пытался он представить, как увидится с Женей. Конечно, она будет холодно-внимательна к нему: расспросы, пожелания и за всем этим равнодушие.

Получилось не так. Когда он вышел из самолета, Женя подбежала первая, припала к нему, охватив его плечи руками и уткнувшись лицом в его грудь. Он почувствовал запах ее волос, они касались его щеки. Алеша, покраснев, стоял, боясь пошевелинуться, а она не поднимала головы.

Виктор отпустил какую-то плоскую шутку. Женя отпрянула, и потом все было именно так, как мрачно представлял себе Алексей, если, пожалуй, еще не хуже. Женя стала холодной, почти равнодушной. Он боялся посмотреть ей в глаза, она же, свободно беседуя, не отводила своего ясного, ничего не говорящего взгляда.

Женя, казалось, спохватилась и решила показать Алексею, что у них уже не может быть прежних отношений. Ему было горько, досадно. Но он взял себя в руки и через некоторое время, непринужденно идя рядом с Женей, поймал себя на том, что уже не волнуется, что почти равнодушен.

Алексей расспрашивал Дениса о закончившейся стройке близ Дикого, о его мальчишках-близнецах, Виктор подшучивал над отцовским чувством Дениса, а Женя, безучастная, молчала.

Сославшись на какие-то неотложные дела, она не поехала проводить Алешу до квартиры. У подъезда дома его ждал сюрприз. Еще из окна машины он увидел Галю с букетом цветов. Знала ли Женя, что Галя ждет его? Может быть, потому и не поехала? Алексей терялся в догадках.

Все дни со времени приезда Алексея Женя ходила задумчивая, молчаливая. Лишь однажды она нерешительно обратилась к брату:

— Витя, скажи, тебе не кажется, что Алеша остепенился, стал более терпимым к людям, к замечаниям, которые ему делают?

Виктор ехидно улыбнулся:

— Дорогая и уважаемая сестра, увы, это так, хотя я и не сомневаюсь, что прежний Алексей вам был ближе и понятнее и вы не возражали бы, чтобы все было по-старому. Тем более, что нынешний Алексей куда больше нравится одной нашей общей знакомой...

Не дослушав, Женя порывисто вышла из комнаты.

Гале и Жене стало трудно встречаться, а когда это случалось, они всячески старались не упоминать даже имени Алексея. Но один раз Женя услышала, как Галя говорила Денису:

— Я сейчас верю в Алешу больше, чем когда-нибудь. Он производит на меня впечатление человека, который бережет накопленные силы...

Словно почувствовав пристальный взгляд Жени, Галя обернулась, смутилась и покраснела. Женя равнодушно отвела глаза и молча пожала плечами. Разговор оборвался.

Вскоре Галя снова улетела в Арктику. Поскольку это была первая группа геологов, отправлявшихся на трассу мола, Алексей приехал провожать их на аэродром.

Галя сразу похорошела, увидев Алексея, но у нее почему-то вдруг появилось много дел, она и минуты не могла постоять около Алексея. Только когда все прощались, она, не глядя ему в глаза и на мгновение задержав его руку, с каким-то вызовом, как бы отвечая Жене, снова сказала о силе, которую он накапливает, и добавила, что очень верит в эту его силу.

Галя уезжала в те дни, когда проектирование развернулось вовсю. Шло соревнование между двумя вариантами: вариантом Алексея, стремившегося доказать целесообразность широкого фронта работ на строительстве ледяного мола сразу в нескольких морях, и вариантом Ходова, осторожно проектировавшего небольшой ледяной мол только у Карских ворот, чуть прикрывающий пролив от холодного течения.

Уже после отъезда Гали было принято окончательное решение, объединившее оба варианта. Алексей и Ходов стали проектировать вместе опытный мол через все Карское море. Он должен был и выяс-

нить условия существования сооружения и вместе с тем создать в Карском море незамерзающую полынью, на которой удастся проверить возможность зимнего судоходства, по крайней мере в этом море, и изучить метеорологические и климатические изменения.

При работе бок о бок споры Ходова с Алексеем стали еще ожесточеннее. Спорили из-за всего, из-за любого размера. Какую принять ширину мола, чтобы она выдержала напор льдов? Ведь никто не знал силы, с которой будут давить льды. На какой высоте от поверхности льда расположить радиаторы, чтобы их не заносило снегом? Каждый лишний сантиметр был связан с огромным расходом металла, затратой лишнего труда, дополнительной стоимостью. Ходов упрямо экономил, рассматривая сооружение прежде всего как опытное, ссылаясь на коррективы, которые должна внести природа. Именно природа, по мысли Ходова, вооружит проектировщиков новыми знаниями, опытом, цифрами, данными. Алексей же прежде всего видел в этом моле сооружение, преобразовывающее часть Арктики. Он не мог допустить, чтобы сооружение оказалось бы поврежденным стихией, Арктика непреобразованной, покорение полярных морей отодвинутым на будущие годы.

И вот все эти споры, искания, борьба — позади!

Каковы теперь отношения между Алексеем и Ходовым? Может быть, они стали врагами? Ведь они так долго боролись!

Алексей усмехнулся. Пожалуй, дружбы между ними пока еще и нет, но есть проект опытного ледяного мола — их совместный проект, связывающий их больше, чем может связать симпатия или привычка. Проект существует и завтра будет рассмотрен.

Заводы уже изготавливают подвижные кессоны и водолазные костюмы для работы на дне моря. Магнитные членисторукие краны, способные брать трубы с поверхности льда и устанавливать их трубчатым частоколом без прикосновения к металлу человеческих рук. Создаются монтажные машины для установки радиаторов и заполнения их холодильным раствором. Уже выпущены в большом количестве

холодильные машины, которые встанут на льду, чтобы полярным летом охлаждать замороженное сооружение, предохраняя его от таяния. Строятся несчетные ветряки, которые силой ветра будут приводить в действие холодильные машины.

Вспомнился спор о ветряках и холодильных машинах на общую мощность двадцать миллионов киловатт, с помощью которых Алексей собирался заморозить монолит ледяного мола длиной в четыре тысячи километров. Алексей улыбнулся. Насколько экономичнее решен теперь вопрос! Холодильные машины и ветряки требуются на неизмеримо меньшую мощность — лишь для поддержания мола в замороженном состоянии. Быть может, завтра при рассмотрении проекта кто-нибудь вспомнит о первых, еще не отстоявшихся мыслях Алексея.

Завтра, защищая проект мола, Алексей и Ходов, пожалуй, уже не смогут считаться пионерами строительства. Их опередили многие и многие заводы, уже работающие на будущую стройку, опередили геологи, начавшие разведку трассы, в том числе и Галя.

За окном светлело. Доходившие до облаков огни исчезли. Исчезли и сами облака, поднялись выше, протянулись к горизонту лучами. К ним в небо поднимались контуры дворцов высоты с устремленными вверх шпилями. Здания эти казались одновременно и могучими и легкими на фоне бело-оранжевых веселых барашков, на фоне светлеющего золотистого неба. Высотные дворцы словно поднимались до самого завтрашнего дня, уже загоревшегося вверху на облаках, до того самого завтрашнего дня, о котором думал Алексей.

Ему стало одновременно и грустно и радостно. Почему-то вспомнились Женя и Галя, захотелось кого-то обнять, зажмуриться и засмеяться. Сердце у него сжалось, как бывает, когда захватывает дух. Но это было не оттого, что он смотрел с высоты двадцать пятого этажа. Он весело встряхнул головой:

— Здравствуй, завтра!

Глава третья **ПОКАЖЕТ ЯСНЫЕ ДАЛИ**

«Группа Волковой исчезла, связь с ней порвана. Поиски радиолокаторами не дали результатов. Вездеход и буровая вышка над поверхностью льда не обнаружены. Самолеты в условиях полярной ночи и отсутствия видимости найти группу не смогли. Ближайший вездеход находится в пятистах километрах. Ему и дано указание идти к месту исчезновения группы! Радируйте ваши распоряжения».

Виктор Омулев сжимал бланк в потной руке. Он был в отчаянии. В том, что случилось, он видел прежде всего свое глубокое несчастье. Он только что приехал в Москву, чтобы лично доложить о начатой по его замыслу разведке морского дна со льда. В свое время его остроумное предложение не ждать вскрытия льдов и начала навигации, а установить буровую вышку на вездеходе, который проходил бы через любые торосы, было принято восторженно. Начало строительства приблизилось из-за него, из-за Виктора, на целый год! Он был назначен начальником геологической разведки строительства, это было признанием, уважением, наградой. Торжество Виктора было омрачено упрямством Гали, настоявшей на своем, отправившейся зимой на вездеходе в открытое море для разведки дна. И вот теперь рухнуло все!.. Галя!.. Галя, с которой Виктор связывал свои мечты, Галя, дочь самого Николая Николаевича Волкова, погибла!.. И он, Виктор, должен будет вместо личного доклада о разведке дна по его методу сообщить Волкову о гибели дочери...

Он сидел в приемной Николая Николаевича Волкова и не знал, как скажет ему о несчастье.

Николай Николаевич сам открыл дверь кабинета, провожая какого-то генерала, и пригласил Виктора. Худой и высокий, на две головы выше Виктора, он не сутулился, — еще чувствовалась военная выправка, — хотя волосы и усы давно поседели. Серые глаза смотрели на Виктора с пристальным вниманием. Он был предупрежден о тревожном звонке Виктора, но самого главного еще не знал.

Николай Николаевич прошел за огромный пись-

менный стол и предложил Виктору сесть в кожаное кресло.

Как мечтал Виктор о приеме в этом кабинете! А теперь...

Он помнил дядю Колю, когда тот еще был парт-оргом ЦК партии на строительстве Великого волжского гидроузла. Он, Виктор, бывал потом в доме Волковых в дни рождения Гали.

В дни рождения... а теперь ее нет. Страшно подумать! А ведь он должен сейчас все сказать...

Николай Николаевич был занят телефонным разговором. Виктор ждал. Да, Николай Николаевич очень любил единственную свою дочь, хоть и мечтал когда-то о сыне. Он никогда ее не баловал. Часто признавался, что радуется, находя в ней все те черты, которые хотел видеть в сыне. Вот теперь эти черты и погубили ее. Ну кто ее заставлял ехать в эту рискованную экспедицию?

— О чем задумались? — спросил Волков, ничем не выдавая тревоги, которую, несомненно, должен был внушить ему звонок Виктора.

Когда Виктор ехал к Волкову, он думал, что сможет поговорить также и об интересующих его делах, но теперь это казалось ему невыносимым. Он молча протянул Николаю Николаевичу радиogramму.

Николай Николаевич, не торопясь, надел очки и взглянул на бланк. Видимо, он обладал способностью читать с одного взгляда. Быстрым движением он снял очки и посмотрел на Виктора.

— Все меры приняты, Николай Николаевич, экстраординарно, — заговорил Виктор. — Радиолокаторы, самолеты, конечно, и вертолеты... Вездеход идет к месту аварии...

— Пятьсот километров, — выразительно сказал Волков.

Виктор видел, как изменился он в лице.

— Николай Николаевич, я сам в отчаянии. Я ведь люблю Галю... Может быть, она вам говорила...

— Дочь мне говорила все. Так не любят... и не только не любят! Так не руководят!.. Разве можно посылать группы поодиночке? Если бы вы не разделили

вездеходы пятьюстами километрами, они могли бы в решительную минуту прийти один другому на помощь.

— Я боялся рисковать, Николай Николаевич. Я лимитировал количество групп.

— Боялись?.. — горько повторил Волков. Он порывисто встал и прошелся по комнате. — Какая там погода?

— Поземка, переходящая в пургу.

Волков был человеком действия. Не обращая внимания на Виктора, он звонил по телефонам, отдавал распоряжения секретарю. Он добился в министерстве отмены распоряжения Виктора о раздельном движении вездеходов во льдах, настоял на расширении фронта работ по разведке грунта до вскрытия льдов, потребовал отправки на грузовых самолетах достаточного числа вездеходов с буровыми вышками. Потом он договорился с полярной авиацией о массированных полетах в районе аварии.

— Им некуда идти, — говорил Виктор, стараясь обратить на себя внимание, — там нет ни одного обитаемого острова. Берег безлюден...

Волков соединился с руководством Главсевморпути.

— Могли ли потерпевшие аварию геологи с точками... — он назвал координаты, — искать убежища на островах? — Слушая ответ, он, как бы от солнца, прикрыл глаза рукой. — Значит, это так? — переспросил он твердым голосом. — Там нет ни одного обитаемого острова? Жаль... Очень жаль, — Волков повесил трубку.

— Прощайте, — он неожиданно протянул руку Виктору. — Меры будут приняты.

Виктор растерянно встал. Конечно, сегодня у Волкова не будет никаких деловых встреч. Сутулясь и тяжело дыша, как при одышке, Виктор вышел из кабинета.

В дверях он столкнулся с худощавым человеком, видимо нетерпеливо ожидавшим у дверей. По седой пряди в густых и пышных волосах Виктор узнал академика Овесяна. Тот решительно вошел в кабинет.

Николай Николаевич Волков не встретил его, как обычно, у дверей. Он стоял спиной, повернувшись к окну, и по капле отмеривал какую-то жидкость в стакан.

Овесян стремительно подошел к Волкову и, ничего не говоря, подвинул ему стул.

Николай Николаевич слабо улыбнулся и опустился на стул. Лицо его было бледно.

— Не знал, что у вас с сердцем неладно. Извините, прошу вас, за вторжение.

Николай Николаевич зажмурился, потом отрицательно замотал головой, быть может думая совсем о другом.

— Я рад, что вы пришли, — сказал Николай Николаевич, ничего не объясняя гостю. — Садитесь, курите... Я сам хотел послать за вами... Как вы чувствуете себя в лаборатории?

— Тесно.

— Тесно? — немного удивился Николай Николаевич, который или справлялся понемногу с собой, или почувствовал действие капель.

— Простор сейчас нужен, — заявил Овесян, пряча нераскуренную трубку обратно в карман. — Сейчас необходим настоящий опыт. В грандиозных масштабах, Николай Николаевич.

— Хотите выпустить джина из бутылки? — улыбнулся одними губами Волков.

— Именно из бутылки. Очень правильно. Покорный джин из бутылки воды. Пора приказывать ему, Николай Николаевич.

— Вот об этом мне и хотелось поговорить с вами, Амас Иосифович. В свое время вы писали нам об использовании атомной энергии при оттаивании слоя вечной мерзлоты.

— Да, на Дальнем Востоке, на Колыме... где-нибудь у черта в турках... Только, пожалуйста, подалее.

— Я думаю, что первую такую установку мы вам разрешим соорудить... — задумчиво сказал Волков, вставая и подходя к карте. — Но только не на Дальнем Востоке, а в проливах, в полярном море. И на более значительную мощность, чем вы намечали в своей докладной записке.

— В тундре? Хотите растопить слой вечной мерзлоты на всем полярном побережье?

— Хотя бы в районе одного моря.

— Готов! Но выгодно ли начинать с таких северный районов? Все же лето там слишком коротко для сельского хозяйства.

— На Камчатке, на горячей земле в районе вулканов, как вы знаете, снег и зимой не держится, зеленая травка растет.

— Понимаю. Не только растопить слой вечной мерзлоты, но и подогревать землю?

— Это будет грандиозный опыт, — сказал Николай Николаевич и, подойдя к двери, плотно запер ее.

...Когда Виктор вышел в приемную, он удивился, что в ней таклюдно. На диване с чертежами в руках сидели Алексей, Ходов и отец Виктора, академик Омупев. Виктор с ужасом заметил, что Алексей поднимается, чтобы подойти к нему, и, съжившись, трусливо прошмыгнул мимо удивленного Алексея в коридор.

Прием у Николая Николаевича Волкова затягивался. Этим особенно был недоволен лысый, худой и сутулый старик с отвисшей нижней губой. Он что-то жестко выговаривал секретарю, указывая на часы, а тот инстинктивно отодвигался от старика, который, видимо, брызгал слюной.

— Профессор Сметанкин, — шепнул Ходову академик Омупев. — Перманентный оппонент.

Ходов озабоченно покачал головой.

Наконец из кабинета Волкова стремительно вышел академик Овесян. Он не прошел, а пролетел через приемную, никого не видя.

Перед остановившимся в дверях Николаем Николаевичем появилась скрюченная фигура лысого профессора.

— Осмелюсь напомнить о назначенном мне времени приема, — произнес старик.

Волков провел его к себе и, извинившись, справился по телефону, вылетели ли на поиски самолеты.

Профессор Сметанкин не обратил на тревожный вопрос Волкова никакого внимания. Совиными, выцветшими глазами он оглядывал кабинет, в котором ему все не нравилось: и тяжелый длинный стол для

заседаний, и отделанные мореным дубом стены, и гигантский книжный шкаф с приоткрытой дверцей, из которого Волков, видимо, только что брал книгу.

— Прошу вас, — обратился к посетителю Волков, пристально глядя на него.

Не заметил Сметанкин и того усилия, с которым произнес Волков эти простые слова. Сметанкин, всегда чувствуя себя скверно, никогда не интересовался чужим состоянием. Он желчно начал:

— Сочту необходимым повторить уже изложенное в моей докладной записке Совету Министров...

— ...разосланной в копиях в Академию наук, Институт океанологии, Министерство строительства поларных предприятий, в «Правду».

— Совершенно точно. И еще в Министерство государственного контроля. Всем полезно познакомиться с изложенными в записке мыслями, и я весьма удовлетворен, что мне удалось добиться у вас приема, чтобы лично высказать их.

— Стремлюсь, чтобы приема у меня не приходилось добиваться.

— Очень рекомендовал бы сменить всех ваших секретарей. Слишком молодые люди. Я искренне скорблю, что не получил до сих пор ответа на свою докладную записку. Как известно, дело не касается меня лично, и это позволяет мне быть настойчивым. Мне, уважаемый Николай Николаевич, ничего уже не надо, ровным счетом ничего... У меня в жизни осталась одна только наука, и да простится мне, если я взял на себя непосильное бремя хранить ее как священное сокровище.

Николай Николаевич поморщился. Чем-то этот лысый человечек с птичьим профилем и острым подбородком походил на древнего верховного жреца храма какого-нибудь бога Ра... «И о науке своей говорит, как жрец-хранитель».

— Я хочу предотвратить горестную ошибку, которую готовы совершить весьма почтенные организации, призванные беречь народные средства.

Николай Николаевич нахмурился. Позвонил телефон. Волков нетерпеливо спросил о числе само-

летов. Гость раздраженно высморкался и продолжал:

— Итак. О строительстве фантастического мола в полярных морях. Проектанты воображают, что в отгороженную прибрежную часть морей будет поступать достаточно тепла, чтобы море у берегов не замерзло! В этом невежественном неведении уважаемых проектантов поддерживает мой высокочтимый, но сумасбродный коллега-романтик Александр Григорьевич Петров. В своей докладной записке я убедительно показываю, что тепла нордкапских вод, которые будут поступать через Карские ворота в отгороженную часть морей, окажется досадно мало. И ничуть не поможет то обстоятельство, что холодным течениям закроют доступ с севера. Очень жаль как раз, что течениям с севера закроют доступ, ибо именно оттуда и впадают в полярные моря основные массы теплых атлантических вод, которые, как известно, идут по донным ложбинам на глубине двухсот-четырёхсот метров. Авторитетный, но легкомысленный океановед Петров ошибочно оперирует общеизвестным фактом, что в Карское море атлантические воды приносят тепла в сорок раз больше, чем приносили в лучшие времена сибирские реки, пока их не повернули вспять. В свое время, если помните, я противился этому, доказывая, что поворот рек вредно скажется на арктической навигации, и имел при том уровне науки все основания. Ныне тепло Атлантики в основном приносится в северную, а не в южную часть морей. Отгородите южную часть морей, и вы отгородитесь от тепла Атлантики. Через Карские ворота этого тепла привнесется печально мало. Я взываю к научной совести своих коллег, я взываю к государственной совести наших руководителей! Взгляните на вещи трезво. Мы не имеем права пренебрегать географической наукой! Мы заведомо знаем, что мол в полярных морях не улучшит, а ухудшит судоходство. Мое старое сердце, если хотите, сердце всенародного скряги, обливается кровью и желчью, когда я думаю о народных деньгах, затраченных на бессмысленное проектирование вредного сооружения. И не только на

проектирование. Начаты бесцельные разведывательные работы. Геологи бродят во льдах...

Николай Николаевич болезненно зажмурился. Сметанкин, ничего не замечая, продолжал брызгать слюной, доказывая всю несостоятельность замысла проектантов ледяного мола. Доводы его были обоснованы, цели благородны, почти фанатическая настойчивость, казалось, могла сокрушить любое препятствие.

— Мы благодарны вам за ваше предостережение, уважаемый Дмитрий Пафнутьевич. Ваша докладная записка уже рассмотрена. Я уполномочен заверить вас, что все необходимые выводы из нее будут сделаны, — глухо сказал Волков.

— Вывод может быть лишь один. Надо защитить, охранить наши моря.

— При вынесении решения, Дмитрий Пафнутьевич, мы учтем, что, кроме морей, существует еще и суша.

— При чем тут суша? — забормотал Сметанкин. — При чем тут суша? Не понимаю.

Николай Николаевич встал. Старик тоже поднялся, кряхтя и хватаясь за бок. Теперь, когда он кончил говорить, перестал метать свои отравленные благородной яростью стрелы, он сразу превратился в слабого, больного старика.

Что-то ворча под нос, старый профессор удалился.

Николай Николаевич провел рукой по седым, коротко стриженным волосам. Лицо его потемнело, осунулось. Ему стоило больших усилий заставить себя снова пойти к двери.

Открыв ее, он обратился к проектантам мола:

— Михаил Дмитриевич, товарищи Карцев и Ходов, попрошу вас пройти ко мне. Надеюсь, вы ничего не будете иметь против, если я приму в вашем присутствии нескольких товарищей? Мне не хочется заставлять вас скучать. Произошла непредвиденная задержка.

Вместе с защитниками проекта ледяного мола Николай Николаевич пригласил в кабинет и металлургов, проектировавших металлургический гигант близ Голых скал,

Алексей хорошо знал Николая Николаевича. Не раз он бывал в гостях у Гали и мальчиком, и юношей, и уже взрослым человеком. Дядя Коля, как называли Галиного отца ее приятели, крайне занятый, любил молодежь и всегда находил время для товарищей своей дочери. Алексей удивился перемене в лице Николая Николаевича.

Металлурги развернули генеральный план арктического гиганта. Николай Николаевич бегло взглянул на него.

— Вы верно говорите, товарищи инженеры, что металлургия — это транспорт, транспорт и транспорт. — Он посмотрел в сторону Алексея и Ходова. — Генеральный план завода — это план подъездных путей. И здесь главный недостаток проекта.

— В чем вы его видите, Николай Николаевич? — осведомился главный инженер, полный человек с холеным лицом и властно сведенными бровями.

Волков встал из-за стола и подошел к окну, словно разглядывая что-то на улице.

— Здесь у нас с вами чудесная погода... конец мая, — сказал он. — А там... — он помолчал, — а там, в Арктике, сейчас пурга. — Он резко отвернулся от окна, оперся руками за спиной о подоконник, все такой же подтянутый, высокий. — Пурга! Вы понимаете, что такое арктическая пурга?

— Я работал на сибирских металлургических гигантах. Я знаю, что такое сибирские бураны, — обиженно сказал проектировщик.

Алексей и Ходов переглянулись.

— Пурга... — задумчиво повторил Волков. — Я сам не представляю ее. Но вот присутствующие здесь Василий Васильевич Ходов, знаток Арктики, и товарищ Карцев, два года там пробывший, скажут вам, что это такое. И вы убедитесь, что нельзя подъездные пути на арктическом заводе строить так, как строят их на юге и даже в Сибири. Пути занесет снегом, транспорт встанет, а ведь металлургический процесс не потерпит перерыва.

— Значит, нужно уходить под землю? Связать цехи сетью метрополитена?

— Это может оказаться слишком дорогим. Подумайте о легких наружных тоннелях, о тонких, лежащих на поверхности трубах, внутри которых зимой ходили бы поезда.

— Это очень интересная мысль, Николай Николаевич...

Он отпустил металлургов, говоря:

— Мы готовим сейчас крупное мероприятие по обеспечению круглогодичной арктической навигации. Я думаю, что вы и сами понимаете — ваше отставание нетерпимо.

Вошел секретарь и доложил, что звено самолетов, вооруженных радиолокаторами, во главе с летающей лодкой Дмитрия Росова уже вылетело и направилось к месту поисков. Волков кивнул головой.

Минуту Волков сидел молча, смотря вниз, погруженный в свои мысли. Потом он встал.

— Партия требует, — говорил он вошедшим архитекторам, рассматривая проект нового города, — чтобы города будущего были замечательными городами. Будущим жителям Арктики, пожалуй, мало будет снежных ландшафтов и полярных сияний. Помимо обычного бытового комфорта, вы должны создавать для них сады, парки, аллеи... Да, да! Крытые улицы, оранжереи. Но не думайте об оранжереях с парным воздухом и земляным запахом, в которых садовники выращивают огурцы. Огурцы тоже надо выращивать, но крытые Садовые улицы и бульвары за Полярным кругом насыщайте теплым морским воздухом и освещайте не только фонарями с солнечным спектром, но и невидимыми ультрафиолетовыми лучами, чтобы цветы росли там даже зимой.

— Отапливать целый город вместе с площадями и улицами? Но это не видано нигде в мире! — сказал один из архитекторов.

— Не говорите так при академике Оммулеве, — предупредил Волков. — В Институте холода разработан метод «отопления холодом».

Архитектор недоуменно посмотрел в сторону академика.

Тот улыбнулся и пояснил:

— Обычный принцип теплового насоса и полупроводники. Еще в прошлом веке было открыто: при нагревании одного конца спая полупроводников другой конец охлаждается. Мы теперь поступаем наоборот. Охлаждаем на холодной улице один конец полупроводника, а другой его нагревающийся конец отапливает помещение.

— Видите! Именно в ваших городах можно будет реализовать эту вчерашнюю мечту. Отапливаемые крытые улицы. Электромобили, не загрязняющие воздух... Лыжные прогулки в полярную ночь за чертой города... Интереснейший труд в Заполярье, жизненные удобства и романтика стихии, скованного моря, мороза, пурги... — Волков умолк.

Он молча попрощался с уходящими архитекторами, потом устало опустился на стул.

— Вот... — сказал он задумчиво, — словно и побывали в будущей Арктике, — он поднял глаза на Алексея, Ходова и академика Омулева. — Будет, непременно будет в Арктике незамерзающая судоходная магистраль. Отгородит ее от Северного Ледовитого океана ваш ледяной мол... — Волков задумался. — Рассуждаем об отоплении холодом крытых городов... А ведь пора подумать об отоплении целого края. Вы, авторы проекта, задумав строить мол, решали только транспортную задачу. Партия думает о большем. Нужно решить грандиозную задачу изменения климата Арктики, решить задачу изменения климата пустынь. А главное, решать эти две задачи комплексно, как одну общую. Именно такой след на Земле должны оставить те отважные люди, которые шли на север, отдавали свои жизни... — и Волков снова умолк.

Алексей не понял, что крылось за словами Николая Николаевича. До него только дошла мысль о комплексном решении задачи преобразования климата холодной Арктики и знойных пустынь. Как ясно видит этот человек дали завтрашнего дня! Алексей думал,

что выдвинул грандиозную идею, а она бледнеет перед масштабами планов этого человека.

Волков молча расхаживал по кабинету, высокий, прямой, сосредоточенный. Он остановился у окна и снова накапал из пузырька в стакан. Ходов и академик Омулев переглянулись.

— Простите, друзья мои, — сказал Волков, залпом выпив содержимое стакана. — Мне следовало бы подробно рассмотреть законченный в Институте холода проект ледяного мола...

Алексея поразило сейчас выражение лица Волкова. На первый взгляд оно могло показаться обычно спокойным, но болезненно приподнятые у переносицы брови говорили о напряжении воли, старающейся подавить что-то рвущееся наружу.

— Начало полярной стройки ледяного мола пред-
решено, — сказал Волков. — Мне поручено подгото-
вить решение...

Алексей забыл о возникшей было тревоге за Николая Николаевича. Радость овладела всем его существом, ему хотелось вскочить, кричать, обнимать всех, кто находился в кабинете.

— Надо бы поговорить с вами обо всем, — продолжал Волков. — Надо бы... да не могу, — он остановился, тяжело дыша, вынул платок и вытер лоб. — Не могу... Дело в том, друзья мои, что Галенька... Галчонок мой, дочурка... погибла она...

Волков отвернулся.

Алексей не сразу понял. В нем еще бушевала невысказанная радость. Мол будет построен! И вдруг... Что такое? Галя погибла?

Он вскочил и, забыв, что находится в кабинете министра, подбежал к Николаю Николаевичу и обнял его за плечи. Волков, не оборачиваясь, нашел руку Алексея и крепко, по-мужски сжал ее, потом решительно подошел к столу:

— Проверить надо, что дали поиски.

Ходов покачал головой:

— Полярная ночь... Пурга...

Глава четвертая
«ПОДВОДНОЕ СОЛНЦЕ»

Встречи с Николаем Николаевичем Волковым были для Овесяна на протяжении многих лет поворотными пунктами в жизни.

Лет за пять до Великой Отечественной войны в Московский университет явился мальчик, которому не было и шестнадцати лет. Он приехал из глухого уголка Армении и привез письма от отца-колхозника и от местной комсомольской организации. Мальчик требовал, чтобы его допустили к приемным экзаменам.

Настойчивый комсомолец, которому везде отказали, дошел до аппарата ЦК партии. Познакомившись тогда с пареньком, Николай Николаевич понял, что у юноши поразительные способности. Он осторожно обратился на это внимание людей, от которых зависело решение вопроса. К мальчику присмотрелись и сделали для него исключение из правил. Он был принят в университет, а через три года Николай Николаевич поздравил Арамаза Овесяна с блестящим и досрочным окончанием Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Юноше не было и девятнадцати лет. Он заявил о своем желании защищать диссертацию на ученую степень кандидата физико-математических наук. И через год действительно защитил диссертацию, о которой говорили, что она могла бы быть докторской. Перед двадцатилетним ученым открылась широкая дорога. Крупнейшие физики смотрели на него с надеждой.

Пролетел еще год, и началась Великая Отечественная война. К Николаю Николаевичу пришли из Академии наук. Его просили воздействовать на Овесяна, решившего уйти добровольцем на фронт. Николай Николаевич долгий вечер беседовал с молодым человеком и не стал отговаривать его.

Лейтенант Овесян был упомянут в одной из сводок Совинформбюро. Потом Николай Николаевич потерял Овесяна из виду. Однако вспоминал его не раз.

И вот в последние дни войны член Военного совета одной из штурмовавших Берлин армий генерал-лей-

тенант Волков встретился с боевым командиром, отличившимся при взятии вражеской столицы. Это был молодой и в высшей степени способный, как отрекомендовали его Волкову, полковник Овесян.

Еще гремели разрывы снарядов, еще трещали автоматные очереди и последние остатки фашистских полчищ сдавались в плен, а генерал-лейтенант и полковник беседовали... о физике. Узнав мысли офицера-физика о внутриядерной энергии и услышав его опасения о возможном ее использовании для враждебных нам целей, Николай Николаевич Волков пожалел, что в свое время не подсказал молодому физику, где он может выполнить свой патриотический долг. Впрочем, разговор был не только о физике. Волков узнал, что Овесян женился на боевой подруге связистке Кате. Она потеряла в сражении руку и теперь ждет мужа с дочками-двойняшками, которых Овесян еще не видел, но уже называл общим именем Сашоль и Сашу и Олю.

Кончилась война в Германии. Прогремел атомный взрыв в Японии. Николай Николаевич Волков написал Овесяну, советуя демобилизоваться. Сам Николай Николаевич уже снял генеральский мундир. Назначенный на ответственный пост, он был занят выполнением плана послевоенной пятилетки. Вскоре и Овесян вернулся в лабораторию физики.

Николай Николаевич любил стремительные, ищущие натуры и уже не выпускал Овесяна из виду. Он рекомендовал его для участия в работах по изучению космических лучей на горе Арагез. Докторская диссертация Овесяна об элементарных частицах неизвестных до того времени размеров наделала много шума в научных кругах. Молодой профессор Овесян начал чтение своих знаменитых лекций в университете, куда он поступил шестнадцатилетним мальчиком. Только один год читал профессор лекции, на них приходили студенты из других вузов, инженеры, даже профессора. Но педагогическая деятельность не пришлась по вкусу этому неумемному человеку. Напрасно Николай Николаевич пытался уговорить его. Овесян посвятил себя исследовательской работе и немедленно занялся массовым внедрением научных открытий

в производство. Физик — теоретик и экспериментатор — неожиданно заинтересовался технологией и цехами. Он не желал ограничиваться, как некоторые его собратья, научными отчетами и статьями в журналах. Он хотел видеть свои мысли воплощенными в машинах и аппаратах массового применения.

Ученый встал во главе завода-института, включающего в себя, помимо исследовательских лабораторий, сеть опытных заводов, где осваивались серии новых машин и аппаратов. Инициатива Овесяна была подхвачена. В стране появилось еще несколько заводо-институтов, передающих в промышленность освоенные серии новых образцов вместе со всеми приспособлениями, нужными для их изготовления.

Неусидчивого Овесяна снова потянуло в родной университет. Теперь ему уже хотелось преподавать физику, но так, чтобы его ученики знали, для чего нужна физика в жизни и на производстве. К этому времени за плечами профессора Овесяна, члена-корреспондента Академии наук, было уже много важных открытий и серьезных работ, немало промышленных изделий, своим появлением в быту обязанных Овесяну. В сорок три года после избрания действительным членом Академии наук СССР он оставил руководство заводом-институтом и возглавил исследования, связанные с использованием термоядерных реакций.

Вскоре его помощницей стала Маша Веселова.

Именно о Маше Веселовой и думал академик, возвращаясь от Николая Николаевича Волкова к себе в институт. Перед мысленным взором Овесяна проходила вся их общая с Машей работа в лаборатории, их отношения, которые так заметно переменились со времени возвращенного Маше поцелуя. Перемена эта беспокоила Овесяна. Он боялся за Машу, боялся за себя... И тревога его была тем большей, чем успешнее шла их работа, — это сближало их.

Если помните, они стремились получить в своей лаборатории такие атомные реакции превращения водорода, которые не были взрывными, как соединение тяжелых и сверхтяжелых водородов, дейтерия с дейтерием (двойные водородные ядра которых состоят

каждое из протона и нейтрона) или дейтерия с тритием (ядро сверхтяжелого водорода, состоит из одного протона и двух нейтронов).

Как известно, слияние ядра дейтерия, дейтерона, с ядром обычного водорода, протоном, оказалось реакцией *не цепной*. Цепная реакция взрывоподобно охватывает все большую массу вещества. Новая реакция могла протекать лишь при «воздействии извне». Можно было мечтать об *управлении* ею. Любопытно, что и температура, которая для этого требовалась, достигала уже не десятков миллионов градусов, — термоядерные реакции называются так потому, что требуют для своего протекания огромных температур, — а всего лишь четырехсот тысяч градусов, хотя, конечно, и такая температура чрезмерна, чтобы воспользоваться ею в мирных целях. Обычные атомные расщепления ядер протекают при любых, практически совсем невысоких температурах.

Однако и новая, «невзрывная» термоядерная реакция не могла удовлетворить Овесяна с Машей. «Атомное топливо» в этом случае, помимо простой воды, включало еще и тяжелую воду — для получения дейтерия. Тяжелая вода — это редко встречающаяся примесь к воде обыкновенной. Отличается она от обычной тем, что в ее состав входит не простой водород, а тяжелый, у которого в ядре, как мы говорили, кроме элементарной, положительно заряженной частички — протона, имеется еще и не заряженная электричеством частичка — нейтрон. Получить тяжелый водород из тяжелой воды очень просто: достаточно пропустить по ней электрический ток. Получить же тяжелый водород из простого водорода с помощью атомных превращений не легко.

Перед Овесяном и Машей встал вопрос: каким путем пойти? Можно было выбрать путь искусственного создания дейтерия. Для этого необходимо вызвать распад некоторых элементов, излучающих при этом поток нейтронов. Затем дождем невидимых снарядиков бомбардировать водород в расчете, что какая-то часть нейтронов столкнется и сольется с протонами, образовав желанные дейтерии. Если потом с помощью

атомного взрыва, скажем урана 235 или плутония, создать необходимую температуру в четыреста тысяч градусов, то образовавшиеся ядра тяжелого водорода в своем тепловом движении при такой колоссальной температуре получают столь гигантские скорости, что смогут столкнуться с оставшимися ядрами водорода, слиться с ними, образуя тройные ядра (два протона и один нейтрон), то есть ядра легкого изотопа гелия. При этом будет освобождаться лучистая энергия. Ее будет несколько меньше, чем при взрывных термоядерных реакциях, но все же чрезвычайно много.

Однако можно было искать и совсем иных путей. Скажем, попытаться полностью воспроизвести солнечную реакцию в том виде, в каком она предположительно протекает на Солнце, то есть получить в лаборатории искусственным путем сложнейшую цепь атомных превращений, которая начнется со слияния ядер водорода с ядрами углерода. Углерод, последовательно превращаясь, пройдет различные стадии своего существования в виде совсем других элементов, коротко живущих, благодаря новым слияниям с протонами, пока в конце концов не возродится снова в первичной своей устойчивой форме, но рядом с ним теперь будет существовать уже не водород, который мог слиться с ядром углерода, а гелий. Масса ядра гелия, если это проверить, окажется несколько меньшей, чем масса четырех ядер водорода, из которых ядро гелия в конечном счете образовалось. Потеря массы и обуславливает освобождение лучистой энергии в количестве, точно соответствующем «потерянной массе». Энергия эта, как мы уже говорили, огромна.

Мы не можем рассказать, каким именно путем пошли академик Овесян и его помощница, поскольку работы их пока еще не получили широкой огласки. Однако, по-видимому, они достигли именно того, чего желали: добились превращения водорода обычной воды в гелий с излучением колоссальной тепловой энергии. Конечно, температура, при которой могла протекать термоядерная реакция Овесяна и Веселовой, была неимоверно высока. Мало добиться получе-

ния атомной энергии из воды, нужно суметь новой энергией воспользоваться!

Нужное решение долго не приходило в голову Овесяну.

На ход мысли человека влияют различные обстоятельства. Технология творчества чрезвычайно сложна и разнообразна. Часто вспоминают о случае, который якобы помог сделать то или иное открытие, найти удивительное решение. Но если разобраться в любом стечении обстоятельств, то окажется, что обстоятельства сами по себе вовсе не случайны, а вполне закономерны. Если счастливое решение не было найдено одним человеком, оно неизбежно будет найдено другим.

На Овесяна повлияло любопытное обстоятельство. Оно было сугубо личным и, казалось бы, не имело к предмету его исследований никакого отношения.

Овесян все больше страшился осложнения отношений с Машей, он готов был бежать от нее... Академик отчаянно боролся со своим растущим влечением к помощнице. Смирять себя было тем труднее, чем больше убеждался он, что и в Маше происходит такая же борьба.

Овесян решил, что должен уехать куда-нибудь на длительный срок. Уехать как можно дальше, хоть на Северный полюс. Необходимо было найти внешний повод. Решением этой задачи мозг Овесяна был занят так же, как и решением проблемы использования нового солнца, которое они с Машей могли зажечь с помощью своей термоядерной реакции.

Куда же уехать из Москвы? Как жить и что делать вдали от института, от лаборатории?.. Где зажечь солнце, как и чем его охлаждать, чтобы отвести излучаемое солнцем тепло, использовать его для полезных нужд? Быть может, отодвинуть его от Земли, заставить висеть в воздухе? Установить на высокой горе? Но что же оно там будет делать? Сушить землю? Испарять влагу? Лучше уж погрузить его в пучину океана, пусть станет «подводной звездой». Преображая окружающую воду в пар, более того, нарушая связи атомов, разлагая воду на первичные элементы, «подводное солнце» будет расходовать на это свою

энергию. Газообразная и паровая оболочки, которые окутают «подводное солнце», будут находиться в непрерывном движении, устремляясь вверх, вырываясь из моря столбом перегретых паров и газов, которые можно будет уловить и использовать. Под водой же установится равновесие. К раскаленной оболочке солнца будет притекать все время столько охлаждающей воды, сколько ее паров вырвется наружу.

Значит, использование новой реакции — в море!

Овесяну вспомнился день, когда он, восхищенный Машей, поцеловал ее в щеку. Она говорила тогда об уничтожении слоя вечной мерзлоты, который охватывает немалую часть нашей страны. И Овесян уже видел сейчас преобразенное побережье. От берегов, от затопленных искусственных солнц, перегретый пар отводится по подземным скважинам в тундру. Тракторы пахут горячую землю. Над подогреваемой землей установится парниковый режим. В любой мороз снегу не удержаться! Даже зимой там сможет расти трава, как растет сейчас она зимой на Камчатке в местах, где сказывается вулканическая деятельность, где земля горячая.

Кажется, выход найден! Новое солнце должно стать подводным и в первую очередь затонуть не где-нибудь, а близ полярных берегов, чтобы неиссякающая струя пара была направлена в тундру, в скважины-кротовины, проложенные тракторами с помощью «стальных кротов».

Так одновременно Овесян решил обе мучившие его проблемы. Был найден способ использования нового солнца, а также и повод для отъезда на Дальний Север, где немедленно можно начать работы и где он, академик Овесян, будет необходим! А Маша... Маша, конечно, должна остаться здесь, в лаборатории. Пройдут месяцы — и все уляжется. Надо попросить Сашоль, чтобы они без него почаще бывали с Машей.

Итак, отепление тундры, уничтожение слоя вечной мерзлоты! Там же по мере надобности будут сооружаться и тепловые атомные электростанции, использующие все тот же рожденный подводным атомным солнцем пар.

Эта мысль и привела академика Овесяна к Николаю Николаевичу Волкову. Николай Николаевич с неожиданным интересом отнесся к фантастической, на первый взгляд, идее Овесяна, и поэтому Овесян был полон самых смелых замыслов.

Теперь для Овесяна казалось самым трудным... рассказать обо всем Маше.

Он уже шел по институту, приближался к своей лаборатории, невольно замедляя шаг. Только открыв дверь в привычную, длинную, как коридор, комнату, он, пересилив себя, ворвался в нее, как всегда стремительный, нетерпеливый. Маша, радостная, поднялась ему навстречу, улыбаясь глазами.

— Привет! — закричал Овесян. — Привет полной хозяйке этой лаборатории.

Маша сначала недоуменно, потом строго посмотрела на академика и опустила на высокий табурет.

— Как вас понять? — тихо спросила она.

— Исполнение желаний! — возвестил Овесян. — Поеду топить наше солнце в полярном море, в Проливах. Возглавлю там строительство установки.

Овесян прошел в свой кабинет, на ходу открыл крышку рояля и взял звучный аккорд. Потом повернулся к столу, — он все время старался не смотреть в сторону шедшей за ним Маши, — и сказал:

— Вот так. Поеду на север. А вы останетесь здесь... пока.

— На север? Один... — без интонации в голосе повторила Маша и отвернулась.

Глава пятая **ПОЗОВЕТ В БОЙ**

Капитан дальнего плавания Федор Терехов остановился на знакомом перекрестке.

Два года не был он в Москве! Никто из прохожих не догадался бы, глядя на моряка, спокойно раскуривавшего трубку, как волновало его все вокруг. И эта синяя мостовая, и этот горбатый мост-улица,

переброшенный через Садовую магистраль, и дворцы высоты, задевающие шпилями облака...

Сколько людей! И как спешат все! А тогда они улыбались ему... С Леной. И кажется, идет она и сейчас рядом с Федором. У нее тонкие, холодные пальцы. О многом, о многом хочется спросить ее. Не написала ни разу. Улетела от Алексея... А от Федора?

Федор медленно шел по оранжевой панели, разглядывая номера домов и вывески. Казалось, он искал что-то. Остановился перед красивым особняком, видневшимся за деревьями парка. Верно, перекочевали они сюда из пахучей рощи.

На калитке узорчатой железной ограды была надпись: «Дворец звуков».

«Здесь», — подумал Федор и решительно направился по аллее сада. Поднимаясь по мраморной лестнице, Федор испытывал то же, что чувствует новичок, взбираясь в бурю по трапу. Покрытые ковром ступени словно проваливались, уходили у него из-под ног. Сдерживая шаг, он чинно поднялся в огромный двусветный зал. Бюсты великих композиторов напомнили, что это концертный зал. Однако здесь не было ни партера, ни балкона, ни лож, ни даже эстрады. Вместо поперечных рядов кресел вдоль зала тянулись линии прозрачных кабин с мягкими диванами, обитыми васильковым плюшем.

Федор, бесшумно шагая по упругому китайскому ковру, обошел все кабины, пристально всматриваясь в как бы погруженных в раздумье людей. Потом он вошел в одну из свободных кабин, прикрыл за собой тяжелую прозрачную дверь, и сразу же неожиданно наступила полная тишина, какая бывает лишь ночью в пустой квартире. Федор посмотрел на часы, улыбнулся чему-то и опустился на покойный диван. Закурить он побоялся, не зная, как здесь устроена вентиляция. Он протянул руку к маленькому столику и взял с него тяжелый том, оказавшийся каталогом. Дворец звуков, как прочел Федор, был грандиозной «звукотекой», подобием библиотеки, где хранились не книги, а записи звуков, все, что можно запечатлеть на пленке: выступления общественных деятелей, музыкальные произве-

дения в разных исполнениях, сцены из театральных пьес, доклады на любую тему, циклы лекций.

Звукотека была автоматизирована. Ею можно было пользоваться с помощью любого квартирного телефона. Достаточно набрать номер ее коммутатора, а потом номер из каталога, аппараты сейчас же включают заказанную запись, и можно прослушать ее через свой репродуктор. Телефонном же в это время можно пользоваться, потому что передачи звукотеки идут на токах высокой частоты и не мешают обычным разговорам. Прежде так вели только междугородные переговоры, несколько по одному проводу.

Федор подумал: «Сидя за тысячу миль у репродуктора и вуз закончишь. А захочешь, придешь во Дворец звуков, выберешь концерт по собственному вкусу или по вкусу спутницы».

Федор сначала бесцельно перелистывал каталог, но потом вдруг сосредоточенно стал искать что-то. И нашел... Чуть нервничая, он набрал на диске аппарата несколько цифр. Потом замер.

И откуда-то грянули могучие тяжелые аккорды. Не было ощущения звучащего репродуктора. Чистые, ясные звуки окутали Федора со всех сторон, завладели им. Он физически окунулся в них, ничего не слыша и не ощущая ничего другого, кроме них.

Тысячи мелочей отвлекают тебя от обычного громкоговорителя. Музыка, которую ты слушаешь проходя, только краем касается тебя, оставляя нетронутыми тайные твои струны, а они могли бы зазвенеть ей в ответ.

Тяжелые аккорды рассыпались блестящим пассажем. И каждая бисерная нотка нашла отзвук в душе Федора. Никогда не думал он, что способен так слушать музыку. Он забыл про зал, про кабину, забыл, зачем пришел сюда. Могучая сила завладела им и повлекла его в неведомый мир. Гремят раскаты. Накренилась кают-компания, хрустят шпангоуты. Маленькая пианистка мужественно продолжает играть... Федор видел наклонившееся пианино, девочку со светлыми косичками, которая была сильнее собственного огромного детского страха.

И вот перед мысленным его взором уже другая пианистка, красивая, гордая, которая всего лишь один раз играла для него.

Музыка внезапно оборвалась. В открытой двери кабины — потому музыка и выключилась автоматически — стояла высокая стройная девушка с красивым, строгим лицом и настороженными серо-голубыми глазами. Сколько раз представлял себе Федор это лицо!

Он встал.

— Что вы слушали? — спросила она, горячо пожмая его руку.

Вместо ответа Федор закрыл дверь кабины, и музыка возобновилась. Нежная мелодия рояля сопровождалась оркестровым фоном: так на лесной поляне жужжат пчелы, шелестят листья, журчит ручеек, перекликаются вдали дети, где-то едет лошадка...

Они сидели рядом. Федор молча смотрел на Женю: лицо ее покрылось румянцем, она опустила голову.

Немного смущенная, она захотела выключить музыку, но Федор удержал ее руку. Фортепианный концерт заканчивался могучим гимном. Федор все так же молча поднес к своим губам холодные, волшебные пальцы, которые способны были создать этот звучащий сказочный мир.

Второй раз в жизни поцеловал он эту руку.

— Я лучше сама вам сыграю, — сказала Женя. — Хотелось поговорить по душам. Я вообще люблю приходить сюда. Курите. Здесь можно. Кондиционированный воздух. Искусственный климат. Можно заказать хоть пургу... — и Женя осеклась. Чья-то тень встала между ними.

Федор все понял.

— В знаменательный день встретились. Сбылись мечты, — он достал из кармана «Правду».

Женя уже видела сегодняшнее сообщение, но теперь прочитала его еще раз: «Соорудить от Новой Земли до Северной Земли ледяной мол, отгородив им от океана южную часть Карского моря. В дальнейшем продолжить этот мол вдоль всего сибирского побережья, чтобы обеспечить круглогодичную навигацию на всем протяжении Северного морского пути».

В сообщении говорилось также о широком освоении природных богатств Дальнего Севера, о строительстве заводов и городов и, в частности, о сооружении близ Голых скал подъездных путей, портов и дорог.

— Наш праздник, — сказала она, возвращая газету.

— Потому и рискнул позвонить по телефону.

Женя с упреком посмотрела на Федора и отвела взгляд:

— Вас надо поздравить. Мне приятно, что вы будете работать на мол. Заместитель начальника строительства, командующий полярной флотилией, капитан флагмана-гидромонитора. Это уже адмирал! — и она косила на него глаза.

— Длинный титул, — усмехнулся Федор. — Сказать проще: каждая экспедиция берет туземца-проводника. Моя роль не больше.

— За Алешу, каюсь, чуточку обидно. Автор замысла и... всего только заместитель главного инженера.

— А как он сам?

— Он стал другим. Кажется, даже местоимение «я» употребляет реже. Хотела бы и я измениться так же...

— Не меняйтесь, — неожиданно для себя попросил Федор.

Женя удивленно взглянула на него.

— Любить не будут? — усмехнулась она.

— Любить? — оживился Федор. — По-настоящему любят не за что-нибудь.

— А как?

— Вопреки... вопреки всему... здравому рассудку, собственной воле, вопреки недостаткам явным и тайным... прощая и оправдывая все.

Женя никогда не ожидала от Федора такой страстности.

— И вы умеете прощать? — тихо спросила она.

— Я не о себе, — отвел вопрос Федор, беря себя в руки.

Женя ждала. Ей хотелось, чтобы Федор снова заговорил о том же, но он молчал.

— Мы опоздаем! — спохватилась Женя. — Нам ведь надо успеть к Южному парку на собрание Москвы комсомольской! Молодежь позовут на стройку мола. Как незаметно пролетело время!

— Да. Два года.

Федор встал. Он с сожалением оглядел прозрачную кабину, где за короткий миг столько пережил. Молодые люди вышли из Дворца звуков.

— Два года, — задумчиво говорила Женя. — Федя, много это или мало?

— Еще двадцать тысяч миль. Для меня. Для вас — страница истории.

— Какой?

— Металлургии.

— Вы следили?

— За техническими журналами. Прошел техминимум. Проверьте.

— Таких, как вы, не проверяют. Таким доверяют... Вы сказали... вопреки? Неужели это всегда так?.. Но не будем... Если бы вы знали, чего нам с Ипполитом Ивановичем Хромовым стоила первая труба, которая выползла из вращающегося кокиля! Ипполит Иванович все ссылается на мои вытягивающие валки, которые, если помните, вращались вместе с литейной формой и, кроме того, вокруг собственных осей. Но дело совсем не в этом. Дело в том, что за все годы до встречи со мной Хромов изучил условия кристаллизации. И главное, сумел воздействовать режимом охлаждения и химическими присадками на скорость застывания металла. Потому и удалось построить машину.

— Не написали... письма, — только и сказал Федор.

— Простите, Федя, — сказала Женя. — Очень трудно было разобраться... Сейчас бы написала. Теперь не страшно, что вы подумали бы, будто я «заношусь».

— Почему теперь?

— Все из-за вопреки! — рассмеялась Женя.

Они подошли к статуе теннисистки, застывшей в броске с протянутой ракеткой. Здесь останавливался электробус.

В электробусе было весело. Ехала по преимуществу одна молодежь. Шумели, смеялись, пели песни. Густой поток машин направлялся к Южному парку столицы. Вагоны метро, автобусы, высокочастотные электробусы, маленькие турбобили и автомашины, мотоциклы, даже велосипеды — вся эта пестрая, яркая, гудящая масса машин везла десятки тысяч молодых москвичей за город.

Машины останавливались около Южного парка; Женя с Федором затерялись в потоке людей, направлявшихся к большому лугу.

— Сколько людей! — тихо сказала Женя. — Тысячи, тысячи... Они похожи на пестрые цветы. Ковер на лугу.

Федор смотрел не на луг, а на свою спутницу. Женя почувствовала взгляд и оглянулась. Сначала она улыбнулась, потом стала печальной.

— Я думала о том, сколько здесь пылких сердец. Все они стремятся на север. У Гали было пылкое сердце. Она пошла туда первой. Раньше Алеши... — Женя опустила голову. — И уже не вернется.

— Не могу примириться, — ответил Федор.

Толпа гудела. Комсомольцы все прибывали.

— Напрасно мы боялись, — стараясь переключиться, сказала Женя. — Самыми старыми здесь не будем. Вон какие почтенные комсомольцы идут... с усами, седые...

— Денис, верно, тут. Не разглядишь.

— Смотрите! — схватила Женя Федора за руку. — Это мушкетеры, воздушные мушкетеры Дмитрия Росова. Помните, мы с ним «накричали» друг на друга?

— Вчера были в ледовой разведке. Сегодня — здесь. У них свой шаг.

— Бодрый.

По толпе прокатился рокот. На трибуну поднималось несколько человек, среди них был могучий старик с седыми пушистыми волосами под академической шапочкой.

— Папа, — прошептала Женя. — А рядом с ним

секретарь ЦК комсомола. А вон Алеша... А который же Ходов?

Секретарь ЦК комсомола остановился перед микрофоном и снял кепку. По радиофицированному лугу разнесся его ясный, молодой голос:

— Товарищи! — Он посмотрел на тысячи лиц и вдруг звонко крикнул: — Ребята!

Две девушки рядом с Женей засмеялись и захлопали в ладоши. Женя чуть улыбнулась. Радостный шорох толпы был ответом на это задушевное обращение. Некоторые из старых комсомольцев переглянулись, но и те простили секретарю эту вольность.

Секретарь говорил о новой стройке на севере, о романтике тяжелого труда:

— Всякий труд у нас, будь он физическим или умственным, требует больших знаний, смелой мысли, горячей души. Разница лишь в условиях труда. Наиболее тяжелый труд, такой, как в Арктике, привлекает к себе ныне, как подвиг. Кто из молодежи времен революций не мечтал о подвиге? Кто из комсомольцев сейчас здесь, на лугу, не мечтает о нем? Один из старых наших комсомольцев, строитель города юности, Василий Васильевич Ходов назначен руководителем ледового строительства.

Всколыхнулся луг. Ребята приветствовали старого бойца, пронесшего от молодости до седых волос опыт первой комсомольской стройки.

— Значит, он строил Комсомольск? Я ему уже наполовину прощаю, — шепнула Женя.

Худощавый, сухой, такой же «тощий», каким был когда-то Васька Ходов, стоял начальник и главный инженер полярной стройки, немало построивший на своем веку городов и заводов, и смотрел на притихших молодых людей. Он поправил комсомольский значок у себя на груди и рассказал, как в коллективном творчестве родился проект, задуманный Алексеем Карцевым.

Толпа потребовала Карцева.

— Где Карцев?

— Вон стоит около Ходова.

— Совсем еще молодой, худощавый.

— Лицо энергичное. Смотрите, кажется, волнуется...

Женя оглянулась, стараясь увидеть всех, кто говорил об Алеше. Федор, посасывая трубку, пристально следил за ней.

Алексей стал рассказывать о севере, упомянул, каким комфортом пользуются ныне полярники, но тут же заметил, что в начале работ строителям на это рассчитывать трудно. Он вспомнил о русских путешественниках, шедших в пургу к неведомым землям или к полюсу не ради выгоды, а во имя любви к науке и Родине, вспомнил, как, вопреки мнению западных мореплавателей, советские люди доказали, что в Арктике можно плавать, жить и работать.

— Ученые, писатели, художники, музыканты... — увлеченно продолжал Карцев. — Можно назвать многих, кто ради своего высокого, вдохновенного труда готов был на любые тяготы жизни. А в нашей стране творчески вдохновенным стал любой труд. Вот почему молодежь пойдет сейчас на север, как шла в поход на восток, поднимала целину, строила атомные электростанции, поворачивала вспять великие реки!

Ликующий гром прокатился по лугу. Все вскочили.

— Кажется, я начинаю завидовать, — сказала Женя. — Вы все пойдете на север... А я — в пустыню...

— Почему в пустыню? — насторожился Федор.

— На Барханский металлургический завод делать трубы для мола и ждать возвращения... кораблей... — едва слышно, словно сама себе, сказала Женя.

Федор пристально посмотрел на нее. Она опустила глаза.

К трибунам пробирались желающие выступить.

Говорили горячо, пылко и вслед за Карцевым звали на подвиг.

Жене особенно понравился некий Андрюшка Корнев, паренек с вихрастой головой, который, произнося речь, расстегнул ворот рубашки. Он хотел работать, не получая зарплаты, поскольку его будут на стройке кормить и одевать, а у него других потребностей, кроме как потребности трудиться, больше нет.

Женя с Федором видели, как секретарь ЦК комсомола улыбнулся и что-то тихо сказал академику Омутеву.

В числе выступающих был и пожилой рабочий. Он говорил о своем заводе, где уже изготавливались машины для стройки мола, и заключил так:

— И построят тот мол вся страна, вся земля молодости, в которой

Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот и стих,
землю молодости.

Его на руках сняли с трибуны и понесли по лугу. Кто-то запел песню. Старик, возвышаясь над головами, басом пел вместе со всеми.

Под песни составлялись предварительные списки. Тысячи людей, молодых, здоровых, веселых, увлеченных романтикой грандиозных задач и трудностей, продолжали одну из традиций нового общества — отдавать все лучшее: силы, умение, радость жизни — на служение обществу, совершать для него трудовые подвиги.

Все это можно было сделать и завтра и послезавтра в своих учреждениях и на заводах, но людям не терпелось. Они не хотели ждать.

В этот день в число строителей мола записался и Денис Денисюк. Он повесил у себя в комнате карту Арктики с нанесенной на ней трассой мола.

В этот день Женя Омутева простилась с Федором и Алексеем, уезжая на южный металлургический завод.

В этот день Алексей подал заявление в партийную организацию Института холода. Он хотел перед началом грядущих боев стать кандидатом в члены партии.

Глава шестая **УВИДИТ НЕВИДАННОЕ**

«Все мы, пассажиры мирного торгового парохода, любуясь бирюзовыми водами Баренцева моря, близ мыса Канин Нос, что означает «нос ястреба», внезапно были потрясены ужасающим зрелищем.

Из Горла Белого моря на простор полярных вод выходила грозная эскадра морских кораблей.

Впереди шел тяжелый флагманский линейный ледокольный корабль, вооруженный не только крупнокалиберными орудиями, — мы видели на корме гигантскую куполообразную броню одного из них, — не только гидромониторами, позволяющими струей воды резать паковый лед, но... несомненно также и секретным оружием для метания ракетных атомных бомб и выпускания завесы радиоактивных газов, от действия которых жители Америки обречены погибать в страшных мучениях без видимых ожогов на теле.

На мостике флагмана мы видели людей с кровавыми улыбками, читавших на борту нашего парохода имя незабвенного военного министра, памятник которому красуется в Вашингтоне, но заветы которого преданы ныне забвению. Мировой коммунизм, которого так страшился Форрестол, стоит перед нами, подобно тигру, не отгороженному теперь ни решетчатым забором, ни металлическим занавесом. Только видя это хищное чудовище, можно осознать всю ту смертельную опасность, которая грозит цивилизации, усыпленной безумной политикой сближения с коммунистическим миром.

Мы, потрясенные пассажиры корабля «Форрестол», видели эту опасность воочию.

Полоса дыма простиралась до самого горизонта, и на ней, подобно зубам акулы, на ожерелье войны, низаны были корабли. Их было несметное число. Они уходили за горизонт, и кто знает, на сколько миль...

Мы видели чудовищную армаду из сотен и сотен кораблей, способных перебросить на нашу мирную, беззащитную Аляску коммунистическую армию с танками, пушками, страшными «катюшами», реактив-

ными самолетами, — армию коммунистической агрессии.

Пусть эта корреспонденция прозвучит предостерегающим воем сирены. Пусть подхватит она гневный голос членов вновь созданной Лиги «стального занавеса», ратующих за вооруженную изоляцию от коммунизма. И пусть умолкнут те, кто выступает за мирную жизнь коммунистического тигра и американской лани. Нашу лань могут защитить только атомные бомбы, отказ от применения которых самоубийство, только военные базы около занавеса, который должен стать стальным, пока не падет, поваленный нашим плечом. Лучшая защита—это нападение! Во имя национальной обороны мы с помощью членов новой лиги должны ту же затянуть петлю на шее наших домашних коммунистов. Пусть почувствуют наши лидеры опасность своей «политики мира», пусть почувствуют, как и мы, витающую в воздухе коммунистическую агрессию, которую мы видим сейчас собственными глазами!»

Это была первая корреспонденция Джорджа Никсона, который, узнав о создании в Америке Лиги «стального занавеса», понял ее цели и внезапно попал в нужный для лиги тон.

Его корреспонденция была напечатана в нескольких близких к лиге газетах и влилась в общий хор воплей, призванных оглушить вновь выбранных конгрессменов и повлиять на политику верхов. Разумеется, истерические выкрики мистера Джорджа Никсона об агрессии советских кораблей были столь же правдивы, как и его красочное описание зловещего дыма, вырывающегося из пароводных труб.

Дело в том, что из труб полярных кораблей не вырывалось и не могло вырваться ни одного клуба дыма по той простой причине, что ни на одном из них в котельных не жгли угля.

Пароходы были переоборудованы. Могучие паровые машины, как и прежде, вращали винты, но пар получался не в старинных паровых котлах, а в установках, где ядерная энергия атомов предназначалась отнюдь не для тех ужасов, которыми пугал мистер Джордж Никсон.

С корабельной атомной станцией и знакомил одного из своих пассажиров капитан ледокола «Северный ветер» в тот час, когда мимо проплывал, дымя трубами, пароход «Форрестол».

Пассажиром, интересовавшимся атомным реактором, был Виктор Омулев, а капитаном — Федор.

Для Федора прогулка с Виктором по трюмным помещениям, когда-то занятым запасами угля, имела особый смысл, о котором не догадывался его спутник. Показывая Виктору новую технику, Федор думал о его сестре. Правда, Виктор мало чем напоминал сестру. Толстый, самодовольный, он и разговор об атомной установке начал с того, что ему, открывателю урановых месторождений в Голых скалах, не мешало бы узнать, как этот уран используется на корабле.

Федор вел Виктора в трюм.

В корабельном реакторе происходил распад атомов урана 235, редкой примеси самого тяжелого из металлов — урана. Ядро не только делилось на осколки, но и выбрасывало три «снарядика», три нейтральные частицы — нейтрона. Если такой снарядик попадет в соседнее ядро атома урана 235, оно разрушится, освобождая скрытую в нем энергию. Чтобы заставить энергию постоянно выделяться, надо быть уверенным, что летящий нейтрон встретит на своем пути ядро урана 235. Ядра атомов по сравнению с их величиной отстоят одно от другого на огромных расстояниях. Летящий нейтрон может не задеть ни одного из них. Известно, что случайно выпущенной пулей трудно попасть в ствол дерева. Но если деревьев на пути встретится много, если пуля будет направлена в лес, то какой-нибудь ствол она заденет обязательно. Так и в урановом реакторе. Чтобы быть уверенным, что нейтрон попадет в нужное ядро, надо иметь «целый лес» таких ядер, то есть, попросту говоря, нужно поместить в реакторе достаточное количество вещества. Если это вещество не будет иметь никаких примесей, то реакция распада распространится молниеносно, каждое разлетевшееся ядро разрушит соседнее, которое, в свою очередь, расколется еще одно или два, в результате произойдет атомный взрыв. Если же уран 235 будет лишь приме-

шан к обычному урану, который поглощает нейтроны, но не разрушается, то реакция будет носить не взрывной, а более спокойный характер. Можно воспользоваться тем, что некоторые вещества захватывают нейтроны, и погружать в реактор стержни, сделанные из этих веществ. Таким способом легко уменьшать рой летящих нейтронов и регулировать тем число разрушаемых ядер и количество выделяемой энергии.

Первые реакторы атомных электростанций были рассчитаны на нейтроны, летящие с замедленными скоростями. Урановые стержни окружали веществом, способным тормозить летящие нейтроны, например графитом. Реактором управляли, вводя в него стержни, сделанные из бористой стали, — они поглощали нейтроны. Полностью вдвинутые в реактор, эти стержни могли и совсем остановить реакцию.

Если нейтроны летят медленно, атомного горючего надо загрузить в реактор очень много — около двадцати тонн металлического урана при шестистах тоннах замедлителя — графита. К этому надо еще прибавить вес защитных стен — несколько тысяч тонн. Для транспортных установок это, конечно, слишком громоздко и не годится даже для кораблей.

Лучше, когда в качестве замедлителя применяют не графит, а тяжелую воду. Но и в этом случае пришлось загружать в реакторы три тонны урана и пять тонн тяжелой воды, вещества редкого и дорогого. И даже такая установка слишком тяжела.

Другое дело, если пойти на использование быстро летящих нейтронов. Тогда можно ограничиться в реакторе лишь несколькими сотнями килограммов урана. Однако в этом случае нужно было решить труднейшие задачи управления реакцией, отвода выделяющегося тепла.

Федор показывал Виктору установку:

— К сожалению, не могу показать тебе реактор. Опасное излучение. Нас отделяет от него надежная защита: шестьдесят сантиметров бетона снижают опасную радиацию в сто раз.

В корабельном реакторе для регулирования пользовались замедлителями нейтронов. Когда корабль шел полным ходом, все замедлители специальными автома-

тами удалялись из реактора. Быстрые нейтроны попадали в наибольшее число ядер, освобождая максимальное количество энергии.

Федор провел Виктора в котельную. В чистом помещении с глянцевыми стенами стояли паровые котлы, внешне напоминающие котлы судовых установок. Вдоль стен тянулись толстые теплоизолированные трубы. Виктор заметил обычные водомерные стекла и манометры. На одном из циферблатов отмечалась температура в несколько сот градусов. Никаких топок у котлов не было.

Виктор показал Федору на прибор со шкалой температуры.

— Котлы нагреваются расплавленным металлом, — пояснил Федор.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Виктор. — Я во все не хочу, чтобы мое тело пронизывалось смертоносным излучением. Ведь металл побывал в реакторе и, наверное, стал радиоактивным. Ты как хочешь, а я ретируюсь.

Федор успокоил Виктора. Реактор действительно охлаждался своеобразной жидкостью — расплавленным металлическим сплавом калия и натрия с температурой около шестисот градусов, — стальные трубы при этом, конечно, не портятся. Сплав этот, пройдя через реактор, действительно становится опасно радиоактивным для обслуживающего персонала. Поэтому его в котлы не пускают, а направляют в промежуточный теплообменник, где он нагревает такой же расплавленный металлический сплав, но протекающий по самостоятельным трубам и уже не радиоактивный. Он потом и нагревает котлы, поднимает в них пар.

— Пойдем в кочегарку, — предложил Федор.

Они поднялись по трапу в просторную чистую каюту с круглым иллюминатором. Она походила на радиорубку. На мраморном щите поблескивали приборы и сигнальные лампочки. На черной эбонитовой панели виднелись кнопки с надписями.

За столиком сидела молоденькая девушка-оператор и что-то прилежно записывала в журнал. Увидев капитана, она встала.

— Наш кочегар, — без улыбки представил ее Федор.

Девушка смутилась.

— Как ваше здоровье? — справился Виктор, щуря глаза. — Радиация не сказывается?

Девушка удивленно покачала головой.

— Здесь заходил радист. Оставил вам, Федор Иванович, письмо, — сказала она.

Федор стал рассматривать конверт.

— Какой расход горючего? — важно осведомился Виктор.

— Наши машины имеют мощность пятьдесят тысяч лошадиных сил, — охотно стала объяснять девушка.

Федор тепло посмотрел на нее. Верно, она напомнила ему кого-то...

— За месяц плавания мы могли бы израсходовать около полукилограмма урана 235, основного ядерного горючего, которое примешано к обычному урану, загруженному в реактор. Однако практически получается так, что во время плавания, когда машины работают, количество ядерного горючего не уменьшается, а увеличивается.

— Ну, знаете ли!..—возмущенно надулся Виктор и посмотрел на Федора, призывая того вмешаться.

Федор только улыбнулся, а девушка, пунцовая от смущения, продолжала старательно объяснять:

— Но это действительно так. Дело в том, что каждое распавшееся ядро урана 235 выбрасывает три нейтрона. Один из них, если реакция продолжается, разбивает соседнее ядро урана 235, а другой, а порой и третий нейтроны попадают в ядро урана 238, то есть обычного урана. Тут и происходит самое интересное. Этот уран превращается в другой элемент, который на земле не существует, — плутоний. Плутоний подобен урану 235, он долго сохраняется, способен поддерживать реакцию распада и служить ядерным горючим. За месяц плавания мы расходует около полукилограмма урана 235, но получаем при этом больше полукилограмма плутония.

— Эврика! Оказывается, у вас тут не только силовая станция, но еще и лаборатория алхимика, — снисходительно заметил Виктор. — Не могу вас представить в подвалах средневековья.

Девушка вконец смутилась и отвернулась.

— Знаешь от кого письмо? — пришел на помощь Федор. — От Майка. Получено из Америки в Архангельске. Переписано по радио.

Вот о чем писал Майк:

«Друзья!

Сегодня мне есть что написать. Прошло больше двух лет с того времени, как мне захотелось увериться, что у меня нет товарищей по несчастью в вашей стране. Клянусь вам, что мне в сто тысяч раз было приятнее узнать, что у меня там есть товарищи не по несчастью, а по мечте. Я молчал, и могло показаться, что ваш ответ не произвел на меня никакого впечатления. Но это неверно. Именно сегодня мне хочется ответить вам. Вчера я чуть было снова не стал ученым. Боссы, наконец, решили забыть Томаса Никсона и допустить, а вернее сказать, призвать его сына в секретную лабораторию. Черт его знает, может быть, два с лишним года назад я и обрадовался бы этому. Но вот сейчас я заявил, что не пойду в их лабораторию, которая никогда не займется «невесомым топливом» для личных автомобилей. Почему я не пошел? Не хочу превращать в топливо живых людей. Джерри перед отъездом обругал меня ослом. Мне не нравятся его последние сочинения. Он говорит, что я не понимаю, что такое «бизнес». Я не обругал его ослом, я обругал его шакалом. Нет, я не обругал, я назвал его шакалом, потому что он подвывающий шакал. Из газет я узнал о проекте ледяного мола. Неужели автор его Алексей Карцев, тот самый Алеша, с которым мы плавали?! В воскресенье на пикнике я рассказывал об этом строительстве рабочим. Кажется, у меня есть шансы вылететь со своего места у конвейера, где мое университетское образование не нужно боссу. Не думаю, чтобы это обрадовало мою девушку. Она все еще пребывает в «моих девушках». Есть у нас такое страшное слово, знаменующее вечно неустроенное су-

ществование людей. Впрочем, она у меня неумная оптимистка и строит такие планы нашего будущего, для которых понадобился бы размах вашего строительства. Мне кажется, что в последнее время я начинаю находить себя, а если не себя, то свой путь. Я хотел бы, чтобы он встретился с трассой вашего мола. Жму ваши руки, дорогие друзья.

Ваш Майк».

Федор тщательно сложил письмо и задумчиво сунул в рот нераскуренную трубку.

— Надо вместе ответить Майку, — сказал он Виктору.

Глава седьмая **ПОСТРОИМ НА ВЕКА!**

В дни, когда американская пресса на все лады перепевала версию о «грандиозной морской демонстрации коммунистов против Аляски», в Карском море действительно происходило что-то похожее на маневры.

Гигантская эскадра, в которой, Впрочем, не было ни одного военного судна, разбившись на группы по шесть-семь кораблей, развертывалась своеобразным строем.

В штурманской рубке гидромонитора над картой с красными кружочками, пунктиром идущими от Новой Земли к Северной, склонились командир флотилии, капитан гидромонитора Федор Иванович Терехов, начальник Полярной строительной экспедиции, как на первом этапе называлась Великая полярная стройка, Василий Васильевич Ходов и один из его помощников, инженер Алексей Карцев.

Федор Терехов отмечал на карте, какие корабли уже бросили якорь, став на рейде в местах, где должны появиться ледяные быки будущего мола. Алексей, отойдя от карты, вышел на капитанский мостик.

Ближние корабли выстраивались по кругу, как бы очерчивая своими корпусами линию ледяного берега

будущего искусственного острова. Алексей вышел на мостик и всей грудью вдохнул свежий воздух. Дул северный ветер. По небу плыли белые поля облаков, напоминавшие льды.

На море была мертвая зыбь, отголосок далекого шторма. Ледокол лениво переваливался с борта на борт. Волны походили на редкие и пологие складки холмов. Алексею вспомнились валы первого перенесенного им шторма.

Алексей усмехнулся. Он смотрел на себя со стороны. Разве рискнул бы он сейчас защищать диссертацию с теми неоформившимися, самому еще не ясными мыслями, которые владели им тогда? Конечно, не рискнул бы. Он стал строже к себе, вдумчивее. А все же непосредственность молодости принесла свою пользу. Смело делясь своей мечтой с опытными людьми, он обогатил ее. И вот теперь мимо идут сотни кораблей, чтобы занять свои места на трассе мола, который уже строится! Опершись на перила, Алексей смотрел на воду. Она медленно то приближалась, то удалялась, свинцовая, непрозрачная.

«Где-то там на дне лежат первые жертвы мола... И среди них Галя...»

Алексей представил себе Галю, стройную, гибкую, немного застенчивую, всегда избегавшую смотреть на него. Теперь уж она никогда не взглянет ему в глаза... Комок подкатился к горлу Алексея. Гребни волн, на которые он смотрел, стали расплывчатыми, затянулись пеленой.

Странно, но Алексей не мог думать о Гале и не думать о себе, он не мог жалеть ее и не жалеть себя. Невозвратно утраченная Галя казалась ему и прекрасней и ближе, чем была когда-либо на самом деле. Поэтому, быть может, Алексей, с необычной силой ощутив сейчас горечь утраты, плакал.

Если мужчина поймает себя на том, что плачет, он в первый миг устыдится, но потом, вспоминая об этом, почувствует, что был тогда лучше, чище...

Алексей выпрямился. Ветер дул порывами и быстро высушил его влажные щеки.

...Маститый океановед Петров стал парторгом

строительства. Он пожелал принять участие в стройке как ученый, знающий море, льды и жаждущий влиять на изменения условий их существования, а не регистрировать их только. Он обратился в ЦК партии с просьбой направить его на стройку научным консультантом. Но в Центральном Комитете рассудили по-иному. Старый коммунист, знаток Арктики и ее людей, как никто другой, мог быть полезен на посту партийного руководителя стройки. Одновременно он мог консультировать инженеров по всем вопросам науки о льдах и океанах.

Александр Григорьевич поднялся на мостик. В руках он держал два сверкающих полированными поверхностями металлических ящичка.

Парторг движением головы пригласил Алексея пройти вместе с ним в штурманскую рубку.

— Принес? — спросил Ходов, поднимая от карты худое лицо с ввалившимися щеками.

— Торжественная минута, — сказал Александр Григорьевич и оглянулся на стоявшего в дверях Алексея.

Федор отошел в угол рубки, словно предоставляя остальным решить вопрос, о котором будет идти речь.

— Два ящичка... нержавеющей сталь, — сказал дядя Саша. — Прележат тысячелетия.

Ходов открыл крышки ящиков. В первом из них лежала стальная пластинка с выгравированной на ней датой начала Великой полярной стройки. Этот памятный знак предстояло зарыть в дно Карского моря на месте, где поднимется первый ледяной бык сооружения.

Во втором ящике хранилась стальная пластинка с именами трех погибших в этом месте строителей мала: Галины Волковой, Матвея Доброва и Ивана Хорхая. На обратной ее стороне были выгравированы портреты погибших, в память которых и было выбрано место начала стройки.

Алексей взял в руки пластинку с портретами. На него смотрело задумчивое лицо девушки с прямой линией сросшихся бровей, с черными тенями над верхней губой, с мечтательным взглядом темных глаз.

«Вот такие в войну становились героями», — горько подумал он и непослушными пальцами положил пластинку в ящикек.

— Начнем монтаж каркаса двух островов одновременно, — решительно сказал Ходов. — С первыми кессонами спустимся я и Карцев. Алексей Сергеевич, — обратился он к Алексею, — берите ящик... Вот этот, с датой начала строительства. Я возьму другой.

Алексей покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Закладывайте сооружение вы, Василий Васильевич. Вы начальник строительства. А мне позвольте отдать последний долг товарищам...

Дядя Саша обернулся и ласково взглянул на Алексея.

— Понимаю вас, Алексей Сергеевич, — своим обычным скрипучим голосом сказал Ходов. — Право выбирать у вас. В этом вопросе я подчиняюсь вам.

Подошел Федор и, как бы прощаясь, вынул из ящика пластинку с портретами. Положив пластинку обратно, он поднял глаза и встретился взглядом с Алексеем. Оба опустили головы.

— Ну что ж, — сказал Ходов, отходя от иллюминатора. — Корабли уже встали по местам. Федор Иванович, распорядитесь о спуске катера, чтобы доставить меня на ледокол второй группы. Я спущусь со вторым кессоном.

— Почему? — попробовал протестовать Алексей. — Вам по праву начальника надо спускаться с кессоном номер один.

— Прошу прощения, мы спустимся одновременно. Вы отсюда, я с ледокола второй группы, — безапелляционно распорядился Ходов.

— Надо будет объявить об этом людям, они уже собрались на палубе, — сказал Александр Григорьевич. — Настроение у молодежи приподнятое.

Выйдя на крыло капитанского мостика, с которого видна была заполненная людьми палуба, дядя Саша сделал знак рукой.

Моряки и строители замерли внизу, как по команде «смирно».

Позади парторга строительства стояли Ходов и Карцев со стальными ящичками в руках. Александр Григорьевич сообщил, что эти ящички будут заложены Ходовым и Карцевым в дно моря под будущими ледяными островами в знак начала стройки и в память жертв начавшейся борьбы с ледовой стихией.

К Алексею подошел Виктор Омулев.

— Хэлло, друг! Два слова горькой печали, — начал он, отводя Алексея в сторону, — крик души... Конечно, я геолог. Разведка грунта и так далее... Официально говоря, мне не обязательно быть в первом кессоне, но... зачем спускаться обреченному на бездействие врачу?

Алексей пытливо посмотрел на толстое, сейчас смущенное, покрасневшее лицо Виктора.

— Ты хочешь вместе с нами похоронить ее портрет?

— Ты чуткий, Алексей, — заморгал Виктор короткими ресницами и, вынув платок, стал вытирать щеки. — Ты чуткий... Мы пойдем друг друга. Я не буду там, внизу, лишним! Клянусь своим именем. Я постараюсь, друг, чтобы ты заложил не только память о товарищах, но и само сооружение.

— Это делает Ходов, — сухо ответил Алексей.

Виктор понизил голос:

— Сооружение фактически заложит тот, чей остров поднимется первым. Строго конфиденциально! Мы уже договорились с Денисом, — и Виктор поднял палец.

Алеша укоризненно покачал головой:

— Эх, Витяка! Ты претендуешь на чуткость, а меня понять не способен.

Виктор испугался, думая, что Алексей откажет ему в просьбе, но Алексей, угадав его мысли, успокоил:

— Хорошо, хорошо, ты спустишься с нами. Посмотришь дно глазами геолога.

На палубе начиналась суета.

— Опускать черепаху!

— Построиться по бригадам!

— Эй, бабушка, поберегись!

По палубе весело катились легкие строительные машины, которые должны были облегчить труд полярников.

Алексей Карцев прошел на корму. Там, выстроившись, замерла команда кессона. Подводники, одетые в непромокаемые комбинезоны, напоминали специальную воинскую часть. Командир подвижного кессона, увидев Карцева, по-военному подошел к нему и отпортовал о готовности кессона к спуску под воду.

Кессон, действительно напоминавший исполинскую черепаху, возвышался на корме, как стальная куполообразная броня морского орудия. Рулевое управление и винтомоторная группа, высовывающиеся из-под панциря, еще больше увеличивали сходство с черепахой. На панцире был даже характерный рисунок — переплет огромных окон, сделанных из толстой прозрачной пластмассы.

Карцев оглядел своих товарищей по спуску. Он видел торжественные напряженные молодые лица. Вот сосредоточенный Денис, вот и весело подмигивающий Витяка. Алексей отдал команду, и подводники, один за другим, стали нырять под панцирь «черепахи», приподнятый над палубой подъемной стрелой.

Алексей и командир кессона Нетаев вместе с корабельным врачом следили за проходившими людьми. Врач заранее тренировал каждого из них для работы при повышенном давлении воздуха в кессоне, где вода должна быть вытеснена сжатым воздухом. Наконец нырнул под панцирь и правофланговый Денис.

— Прошу вас, товарищ командир кессона, — пригласил Нетаева Алексей.

Карцев остался последним. Федор крепко пожал ему руку. Подошел дядя Саша и обнял Алексея.

— Все время держи связь, Алеша! Помни, в первый раз спускаетесь, — напутствовал он.

Терехов взял переданную ему радистом телефонную трубку. Как известно, радиоволны не распространяются под водой. С кессоном была теперь только телефонная связь. Подводники прильнули лицами к окнам кессона, смешно расплыв в носы. Голосов их уже не было слышно. Терехов отдал команду. Запыхтела лебедка. Гигантская «черепаха» дрогнула, еще приподнялась над палубой, качнулась и поплыла к реллингам.

Моряки и строители уступали ей дорогу, махали шапками и кричали.

Подбежал радист и передал Терехову радиограмму с соседнего ледокола. Федор прочел и сказал Алексею в телефонную трубку:

— Старт дан. Кессон номер два тоже поднялся. Желаю успеха.

Снова заработала лебедка. Зашипел отработанный пар.

«Черепаха» пошла вниз, коснулась воды. Кессон теперь уже плыл. Над водой виднелась верхушка шара, сам же воображаемый шар словно был скрыт в глубине. К нему тянулись канаты и шланги. Машины кессона сейчас не работали, хотя могли самостоятельно обеспечивать кессон в течение некоторого времени воздухом и энергией. «Подводная черепаха» пока получала то и другое от ледокола.

Диаметр видимой части шара стал уменьшаться. В кессоне заполнялись водой цистерны, и он начал погружаться. Люди лежали животами на реллингах, махали фуражками, кричали. Вода сомкнулась над верхушкой кессона. Ленивая волна прокатилась над тем местом, откуда тянулись канаты и шланги. На палубе гидромонитора прозвучало дружное «ура».

Вода в море оказалась прозрачной. Через ее толщу виднелось расплывающееся в зеленой тьме пятно. Вдруг пятно вспыхнуло. В кессоне включили электричество.

В этот час между пальмами и соснами, березами и эвкалиптами парка, раскинувшегося позади многоэтажного города науки — Московского университета, у громкоговорителей толпились студенты. Многие из них, слушая репортаж с далекого гидромонитора, завидовали хорошей, светлой завистью тем, кто опускался сейчас на дно Карского моря.

На мостах в Ленинграде, на холмах живописного Львова, над бухтой Золотой Рог во Владивостоке разносился голос из множества репродукторов. Не было в Советской стране уголка, где не слушали бы сейчас рассказа о спуске на дно моря первого кессона Полярной строительной экспедиции. И не только поже-

лания удачи мысленно посылали слушатели, — они думали в этот миг, что какой-нибудь сделанной ими деталью или хотя бы днем своего труда участвуют в этой пусть рядовой для нашей страны, но Великой полярной стройке.

В прогрессивной печати за рубежом появились экстренные сообщения: «Вновь мы узнаем еще об одном советском жизнеутверждающем замысле, призванном изменить облик далекой и суровой ледяной страны, манившей к себе в течение столетий бескорыстных исследователей из многих стран». Голландцы вспоминали Баренца, норвежцы — Нансена и Амундсена, французские газеты — Де-Лонга, шведские — Норденшельда, итальянцы писали о Нобиле, экспедиция которого была спасена советскими кораблями. Китайские газеты указывали на заслуги русских землепроходцев и исследователей: Дежнева, Беринга, братьев Лаптевых, лейтенанта Врангеля, напоминали исторические рейсы советских кораблей «Сибирякова» и «Литке», положивших начало арктическим навигациям, наконец о героических эпопеях станций «Северный полюс». Английская газета «Дейли уоркер» писала: «В былое время смелые полярные исследователи самоотверженно боролись и погибали во имя науки в невыносимых условиях полярных морей. Советские люди хотят ныне сделать полярные моря такими же мореходными, как Ла-Манш или Средиземное море, и сделать это во имя счастья мирных людей».

Реакционные газеты ничего не написали о Великой полярной стройке.

Глава восьмая **В ГЛУБИНЕ**

За окнами кессона становилось все темнее и темнее. Яркие электрические лампочки освещали толщу воды на несколько метров. Стайки рыб пунктирными штрихами проносились мимо взволнованных первым спуском подводников.

— Нерпа! Глядите! — воскликнул Денисюк.

Действительно, метрах в двух от окна двигалась темная тень с круглой головой. Она совсем близко подплыла к стеклу, и на людей посмотрели два огромных любопытных глаза.

— Ух, ты! Глазищи какие, вроде человеческие! — этштанулся кто-то от окна.

— Это вода искажает.

— Эх, выстрелить бы в нее, — сказал Виктор.

— Что тебе зверюшка сделала?

— Это спорт!

Карцев прошел в рубку управления к командиру кессона. Моряк сидел в небольшой кабине перед пультом со светящимися циферблатами, белыми рычажками и кнопками. За выпуклым стеклом виднелась слабо освещенная толща воды.

— Канат уже отцепился, — полуобернувшись, сказал Нетаев. — Наполняю водой резервуары. Погружаемся.

Кессон был построен по принципу подводной лодки. С наполненными водой резервуарами он мог самостоятельно спуститься на дно, по мере выкачивания же из них воды всплывал на поверхность или приподнимался со дна для передвижения.

— Глубина двенадцать метров, — указал Нетаев на циферблат.

— Еще метров пятнадцать осталось, — отозвался Алексей.

Он взглянул в боковое окно рубки. Оно вело в центральную рабочую камеру, помещавшуюся в нижней части кессона. Камера эта с куполообразным сводом снизу была заполнена сейчас водой, которая поднималась по мере увеличения глубины, сжимая оставшийся под куполом воздух. Когда кессон достигнет дна, Нетаев включит компрессоры и сжатый воздух вытеснит воду из камеры так, что она останется только ниже рабочей площадки, идущей кольцом вдоль сферической стенки.

Молодые подводники вглядывались в зеленоватую воду, стараясь проникнуть в этот новый таинственный мир.

— Треска, трещечка, честное слово! — восторжен-

но говорил один строитель, из Архангельска родом. Он показывал на мелькающие перед стеклом тени.

— А может, это сельдь? — усомнился Денисюк.

— Сельдь тоже здесь встречается, только трещечка размером побольше... она метров до полутора бывает.

— Ничего на вкус рыба, только с ароматом.

— Ничего?! — с презрением повторил помор. — Да лучшей рыбы в мире нету!

— А вот стайка, это корюшка, — сказал один из комсомольцев-полярников.

В верхнее окно виднелось странное мрачное «небо», по которому проносились не то облака, не то тени.

— Волны, — пояснил все тот же полярник.

— На дне! — слышался в репродукторе голос Нетаева. — Приготовиться к переходу в рабочую камеру. Начинаю поднимать в шлюзе давление воздуха.

Шлюз, где находились подводники, кольцом охватывал кессон. В рабочей камере воздух, вытеснявший воду, был сжат до двух атмосфер, и прежде чем перейти туда, подводники должны были понемногу привыкнуть к повышенному давлению. Дверь в рабочую камеру можно было открыть лишь после того, как давление в шлюзе и рабочей камере сравняется.

«Подводная черепаха» спустилась на дно. Электрические компрессоры кончали свою работу, вытесняя воду из камеры. Чтобы «черепаха» при этом не всплыла, одновременно заполнялись водой резервуары. Алексей через окно видел, как опускался в камере уровень воды. Обнажилась кольцевая площадка с разложенными на ней металлическими трубчатыми коленами. Их предстояло заложить в дно, чтобы потом в оставшиеся отверстия вставить спущенные сверху трубы.

Нетаев повернул рычажок, дополнительно наполняя резервуары водой. Потяжелевший кессон плотно сел на дно. Круговой нож, которым кончался его панцирь, врезался в ил.

Алексей прошел в шлюз. Подводники выстроились около двери. Однако открыть эту дверь все еще было нельзя. Нетаев не торопился с увеличением давления. Люди должны были привыкнуть.

Виктор ворчал:

— В любви и спорте важны мгновения! В спорте не медлят. Надо скорее начинать. Держу пари на уважение потомков, что в кессоне номер два уже открыли дверь. Первым должен подняться наш остров. Прав ли я, о Деонисий?

— Соревнование! — многозначительно отозвался Денис.

Стрелка манометра, как казалось Виктору, двигалась медленнее большой стрелки часов, висевших рядом с манометром.

Наконец послышалась команда Нетаева:

— Открыть дверь в рабочую камеру.

Денис схватился за ручку и распахнул дверь перед Алексеем.

— Проходите, проходите, ребята, — говорил Алексей.

— Зараз! — провозгласил Денис.—Зачинщику место, — и он оттеснил от дверей товарищей.

Алексей вспомнил о бухте Рубиновой, о посаженном когда-то на мель айсберге. Немного конфузясь, он прошел в рабочую камеру. Вслед за ним в полном молчании вошли и построились на кольцевой площадке остальные подводники. Глаза всех были устремлены на дно. Покрытое в углублениях водой, оно казалось топким болотом.

Алексей сошел вниз, и его сапоги сразу увязли в иле. В руках у Карцева был серебристый ящичек.

Алексей снял шапку. Сняли шапки и все строители. Минуту длилось торжественное молчание. Виктор стоял с низко опущенной головой. Алексей взглядом пригласил Дениса. Держа лопату в руках, тот спрыгнул на дно. Увязая в нем хлюпающими сапогами, он подошел к Алексею.

Переводя дух между короткими фразами, Алексей стал говорить:

— Галя Волкова... Ваня Хорхай... механик Добров... Словно живые стоят они сейчас среди нас. Они могли бы стоять, они должны были стоять... Но их нет... Сколько погасших чувств, несбывшихся надежд!.. Какой большой и сложный мир был в каждом из них! Их ждали, их любили... их оплакивают, ими гордятся. Они

первые дошли до этого места... дошли еще зимой... Мы пришли после них. И мы заложим пластинку с их именами и портретами под первый ледяной бык. Она вмерзнет в дно и пролежит века. Но память о них сохранится в людях на несчетные годы. Может быть, поэты напишут о них поэмы, старцы расскажут сказки, а мы... мы уже много лет спустя еще раз прольем по слезе... — Алексей вдруг замолчал, отвернулся.

Подводники долго стояли, сменяя шапки в руках. Алексей молчал. Тогда они стали по одному спрыгивать на дно.

Денис вырыл небольшую ямку. Она тотчас заполнилась водой. Алексей наклонился и осторожно погрузил в нее ящик. Денис передал ему лопату. Алексей забросал ящик илом. Подводники бросили в ямку горсти ила. Образовался небольшой бугорок.

— Слухай, хлопцы! — громко крикнул Денис. — Берись за дело, хлопцы!

И сразу стало шумно под куполообразным сводом кессона.

Денис наклонился над грудой камней:

— Эй вы, раки-отшельники! Кш-ш отсюда! Выползайте и удирайте, а то зараз вмерзнете в лед! Брысь! — Ногами он рвал какие-то водоросли. — Цветик! Смотри-ка! И какой красивый! — остановился он над ямой, наполненной водой. В ней на камне виднелся действительно красивый цветок, будто чудом перенесенный на дно из оранжереи. Он напоминал хризантему.

— Это не цветок, а животное, актиния, — сказал комсомолец-полярник. — Она обжигает своими щупальцами, а потом свертывается, чтобы схватить добычу и проглотить ее. Это, брат, хищник.

Виктор был в другой части кессона и не слышал этого. Еще наверху, до спуска, он договорился с Алексеем, что будет не только изучать дно, как геолог, но и примет участие в работе наравне со всеми. Сейчас он шумно суетился, перебираясь с электролопатой на дно.

Денис взял трубчатое стальное колено, походившее на большую скобу. В два его отверстия водолазы вставят трубы, которые соединятся этим зарытым в ил коленом.

— Жаль, хлопцы, — задумчиво сказал Денис. — Добрую сталь да навеки в ил! Други наши руду вырывают, в сталь переплавляют, а мы обратно этот металл — в землю...

— А рельсы ты не жалеешь класть на железнодорожное полотно? — резко спросил Алексей.

— И то жалко, — признался Денис.

Работа началась. Электрические вращающиеся лопаты, пользоваться которыми надо было с особой ловкостью, почти мгновенно выкапывали ямы. Над ямами укладывали деревянный шаблон с отверстиями. В них опускали металлические колена. Стальные детали занимали свое место рядом с трепещущими щупальцами красавиц актиний.

Местами попадались камни. Электрические лопаты не могли справиться с ними. В ход шли электроотбойные молотки. Кессон гудел от пулеметного грохота. На дне Карского моря сверкали искры. Скоро первый шаблон был заполнен. Его подняли. Над болотистой поверхностью дна рядами выстроились металлические патрубки. Отсюда наверх пойдут трубы, по которым потечет холодильный раствор, чтобы заморозить и дно и морскую воду над ним.

— Прошу перейти на площадку, — слышался усиленный репродуктором голос Нетаева.

Подводники вместе с Алексеем перешли на кольцевую площадку. Виктор, стоя на дне, вытирал рукавом мокрый лоб.

— Никак не думал, что на полярном дне так жарко, — сказал он.

Загудели стенки кессона. Заработали насосы, выкачивая из резервуаров воду. Дно стало удаляться, покрываясь водой. Кессон всплывал, чтобы переместиться на новую позицию. Виктор продолжал стоять, словно ему было лень подняться на площадку. Вода дошла ему до колен, едва не заливаясь в голенища высоких сапог. Он стоял в центре круга и вдруг, не двигаясь, стал неведомо как перемещаться к стенке. Виктору закричали, замахали на него руками.

Это двигался не Виктор, а кессон, переходя на новое место. Виктор так и не поднялся на площадку, а

с геройским видом шагал посередине рабочей камеры, вместе с кессоном перемещаясь по дну. Всем казалось, что он шагает на месте. Передвинувшись на длину рабочей камеры, кессон остановился и снова опустился на дно. Вода опять была вытеснена. Рабочие прыгнули к Виктору, и снова закипела работа.

Слово «закипела» очень подходило к тому, что происходило в кессоне. При работе винтовых электролопат ил буквально кипел. Грохотали электромолотки, размельчая камни. Тяжелые колена перебрасывались с рук на руки, как перышки.

— Пошла! Пошла! — крикивал Денис.

Виктор работал неумело, но с азартом, старался не отставать от Дениса. Появился новый ряд патрубков. Отверстия в них закрывались пробками, чтобы не попал ил. Потом водолазы, вставляя трубы, вынут пробки.

Кессон снова и снова чуть всплывал, поднимался со дна и передвигался на новое место. Он должен был проделывать путешествие по контуру будущего полярного острова. Нетаев по приборам определял местоположение «черепахи». Алексей заходил в рубку связи и говорил по телефону с ледоколом. Потом снова спускался в рабочую камеру.

— Работа идет полным ходом и во втором кессоне. Они сделали столько же перемещений, сколько и мы, — сказал он.

— Э-э, хлопчики! Так невозможно. Налечь надо! — призывал Денис.

И снова гремели молотки, ворошили ил лопаты, мелькали металлические патрубки.

Алексей стоял на кольцевой площадке, наблюдая за работой. Он испытывал волнение, которое могло бы сравниться лишь с состоянием музыканта, исполняющего любимое произведение, или с душевным подъемом художника, под кистью которого оживает холст. Морское дно менялось на его глазах.

Да, он, Алексей, хотел, чтобы именно этот бык поднялся над морем первым! Но он хотел этого так же, как хочет победы своей футбольной команды ее игрок, как хочет победы своего цеха любой его рабочий. Алексей далек был от мысли, чтобы этой победой

закрепить за собой первенство в закладке сооружения. Для Алексея, каким он стал теперь, эта мысль была бы слишком мелкой.

Глава девятая **НА ДНЕ**

Кессон приподнялся для очередного передвижения. Виктор снова шел по колено в воде, оставаясь в центре круга. Вдруг кессон остановился. Шагающий Виктор заметно передвинулся.

— Товарищ Омулев, — послышался в репродукторе голос Нетаева. — Взойдите на площадку. Кессон уперся в препятствие. Я вынужден приподнять черепаху выше.

Виктору пришлось подчиниться. Уровень воды оставался как будто неизменным, чуть ниже кольцевой площадки, но дно стало удаляться, словно медленно проваливалось. Подводники переглядывались. Кессон всплывал.

Дно было слабо видно. С краю, под выступом площадки, появилось расплывчатое пятно, оно двигалось к центру ограниченного площадкой круга.

— Колесо! — не своим голосом закричал Виктор.

Все увидели колесо с резиновой шиной и надетой поверх шины гусеницей. Подводники один за другим снимали шапки...

Нетаев тоже видел из рубки лежащий набок среди камеры вездеход с решетчатой буровой вышкой, походившей на ферму затонувшего моста. Кессон был достаточно велик, чтобы найденная машина могла поместиться в его рабочей камере. При гробовом молчании кессон стал спускаться. Вскоре показалось колесо с гусеницей. Вода словно сбегала с лежавшей автомашины, как бы вытекая в невидимое отверстие. Взоры всех были прикованы к кабине. Она была пуста. Виктор спустился на дно и заглянул в кузов.

— Выпрыгнули! — сказал он.

— Не легче от этого, — вздохнул Денис.

— Как мы ловко на него угодили, — заметил кто-то, выгружая сохранившиеся в кузове вещи.

— Первый ледяной остров намечено было воздвигнуть в точке, где в последний момент находился вездеход... Это значит, что мы определились точно, — через силу выговорил Алексей.

Люди молча смотрели на погибшую машину, стараясь представить себе участь покинувших ее людей.

— Поднимаю кессон, — послышался голос Нетаева. — Дал знать наверх о находке. Терехов сообщил, что водолазы поднимут машину на поверхность. Передвигаю кессон на следующую позицию.

— Подождите! — крикнул Виктор. — Я положу на кабину букет цветов!

Он тяжело спрыгнул на дно, схватил особенно большую красавицу хризантему и закричал от боли. Никто не обратил на него внимания. Вода снова смыкалась над погибшей машиной. Виктор выбрался на площадку и со стоном тряс рукой. Он не знал, насколько опасен ожог. Но он слышал, что местные актинии почти не исследованы, о них рассказывают легенды. Этого было достаточно Виктору, чтобы перепугаться. В любой царапине он готов был видеть общее заражение крови. Холодный пот выступил у него на лбу. «Отравлен! Погиб!..» Виктор беспомощно оглядывался вокруг. Он почувствовал легкое головокружение и скорее сел на площадку. Алексей подошел к нему, осмотрел его распухшую уже руку и покачал головой. Виктор, как в ознобе, передернул плечами.

— Врача! — почти беззвучно пошевелил он губами. Он забыл, что сам уговорил Алексея не брать врача.

Подошел Денис и ухмыльнулся.

— Не смертельно, — гулким басом утешил он.

— Хоть бы сообщить наверх, — едва слышно произнес Виктор.

— То добре! — подхватил Денис. — Нам человек тут нужен. Возьмем телефониста. А укушенного цветком героя посадим в телефонную будку. Пусть жалуется по телефону да связь поддерживает.

— По-моему, ожог актинии не так уж опасен, — сказал Алексей. — Если ты, Витяка, в самом деле сможешь посидеть в рубке связи...

— Ах, я на все согласен, — простонал Виктор, качиваясь больше от воображаемой, чем действительной боли. — На все согласен, лишь бы скорее сообщить наверх. Пусть пришлют врача в водолазном костюме.

Денис и Алексей переглянулись, пряча улыбки. Витяка был уверен, что, поднимаясь по лестнице, он совершает подвиг.

Телефонист охотно уступил свое место и показал Виктору, как управлять несложной аппаратурой. Рычажок включает микрофон и репродуктор, другой — переводит связь на телефон. Алексей подождал, пока Витяка едва слышным голосом рассказал врачу о своей беде.

— Крепитесь, молодой человек, — послышался в репродукторе хриловатый голос доктора. — Вам ровным счетом ничего не грозит. Такие «ожоги» опасны лишь для мелких рыбешек...

Алексей улыбнулся, заметив, как вытянулось лицо Виктора. Похлопав больного по плечу, он заспешил вниз, к работающим.

Доктор пошел за книгой, чтобы прочитать Виктору, как он того потребовал, о хищных актиниях. Витяка терпеливо ждал, уныло сидя на диване. Снизу доносился шум работающих механизмов.

Доктор вернулся и с нескрываемой иронией стал читать. Взмешенный Виктор выключил репродуктор.

«К черту! Не желаю слушать про мелкую рыбешку! Да, Виктор Омулев, открывший железнорудные и урановые месторождения близ Голых скал, на много месяцев ускоривший разведку дна, не мелкая рыбешка! И очень хорошо, что все это знают!»

Ноющая боль — Виктор вообще не переносил боли — не давала ему покоя. Не желая больше обращаться к насмешливому доктору, Виктор решил сам найти в аптечке болеутоляющее лекарство.

Первое, на что он наткнулся, открыв шкаф аптечки, была бутылка спирта.

«Спирт... не то! Впрочем... впрочем, это вполне болеутоляющее. Нечем закусить?..» — И Виктор по-

хлопал себя по карманам, словно хотел что-то найти...

Вместо стакана Виктор достал пробирку, налил в нее спирта и поставил вместе с бутылкой на стол.

Руку он все время баюкал, как малого ребенка.

«В самом деле, может быть, поможет?» — решился Виктор и залпом выпил всю пробирку.

Дух захватило у него, из глаз полились слезы. Он сидел с открытым ртом, забыв про больную руку. Однако это длилось лишь мгновение. Когда ощущение ожога в горле прошло, снова появилась боль в руке. Виктор злобно налил себе вторую пробирку и залпом выпил и ее.

Все это время репродуктор был выключен. Виктор тупо смотрел на телефонный аппарат, который приглушенно трещал.

«Сейчас, сейчас». Машинально кладя на стол трубку, Виктор думал о своем: «Появится или не появится снова боль?»

«Утихла, проклятая! — отметил про себя Виктор. — Сейчас мы ее добьем! А в медицинском мире возьмем патент... да, да... патент на новый способ утешения боли... Что она мигает? Что она надо мной насмехается? — ловил ускользающую мысль Виктор, глядя на сигнальную лампочку аппарата. — Может быть, я смертельно ранен! А никому нет до этого дела!..»

Виктор возмущенно махнул рукой и опрокинул бутылку. Остатки жидкости разлились по столу небольшой лужицей. Виктор уронил голову на руки. В затуманенном сознании усмехалась лампочка. Виктор шаловливо подмигнул ей в ответ.

Трубка назойливо трещала. Если бы Виктор мог соображать, если бы прижал ее к уху, он услышал бы размеренный голос Федора:

— Передайте Карцеву. Туман затянул все вокруг. Только что в нем обнаружены близкие ледяные поля. Целесообразно прекратить работу и поднять кессон. Почему не отвечаете?

В арктической природе перемены происходят с поразительной быстротой. Виктор, как никто другой, знал это, но он уже не слышал предупреждений. Шур-

шание в трубке прекратилось. Виктор подпер рукой голову, но глаза закрыл.

«А что, если близка смерть?» — горестно думал он.

Снова что-то затрещало в трубке.

«Черт возьми! Не дают покоя!» — со злобой подумал Виктор, хотел встать, но задел больную руку и повалился снова на стул, махая рукой и охая.

— Последние минуты, — слышался в трубке голос Федора. — Преступное легкомыслие. Приказываю от имени начальника немедленно подняться.

«Подняться?» До слуха Виктора дошло это последнее слово, но он отнес его не к кессону, а к себе.

— Пожалуйста! Могу подняться, если вам так хочется, — заплетающимся языком произнес он вслух.

Он еле стоял на ногах, держась больной рукой, не замечая этого, за край стола.

«Что они там бормочут? Ничего не слышно! А почему не слышно? Потому, что репродуктор не включен. Захочу и включу!» — глубокомысленно рассуждал Виктор, стараясь удержать равновесие. Он еле дотянулся — опять больной рукой — до рычажка и включил репродуктор. Блаженная и глупая улыбка расползлась по его мясистому лицу.

«...какое принято решение? — гремел репродуктор. — Доложите немедленно, какое принято решение товарищем Карцевым? Ждать больше невозможно. Льды надвигаются».

До сих пор Виктор только слышал, что сильное потрясение может протрезвить человека. Сейчас он проверил это на себе, хотя в тот момент даже и не подумал об этом. С холодной четкостью его затуманенное сознание вдруг восприняло страшный смысл услышанных слов.

— Пов-повторите сообщение... — лепетал он в микрофон. — Я не мог его передать... по болезни...

Федор четко повторил то, что напрасно говорил уже несколько раз. Льды вынырнули из тумана. Первые льдины уже проходят над кессоном. Нужно подняться.

— На Алексея Карцева и на вас лично ложится ответственность за прерванную связь, — жестко закончил Федор.

— Я не мог, я не мог... честное слово, — сбиваясь, заговорил Витяка. Им владел теперь страх действительно надвигающейся гибели. Все недавние преувеличенные страдания были позабыты. — Я же терял сознание!

— Не теряйте по крайней мере времени! — повелительно крикнул Федор. Виктор никогда не слышал, чтобы он повышал голос. — Передайте предупре...

Голос в репродукторе прервался. Тщетно шелкал Виктор рычажками. Ни в репродукторе, ни в телефонной трубке не было слышно характерного фона.

В ужасе Виктор опустился на диван. «Связь прервана! Проклятые инженеры! До сих пор не могли изобрести способ подводной радиосвязи!» — еще успел он возмутиться.

Хмель слетел с Виктора бесследно, исчезла и боль в руке. Им владел теперь живой страх. Ему хотелось куда-то бежать, кричать, рвать на себе одежду. Он в отчаянии откинулся на спинку дивана. Через верхнее окно виднелась не зеленая, как минуту назад, а черная, словно нефть, вода. В прояснившемся сознании тяжелым молотом стучали мысли:

«Значит, льды уже над кессоном. Теперь не податься! Неужели смерть? Он, Витяка, он, геолог Омупев, который подавал такие надежды, не будет существовать!.. Через несколько часов он будет лежать на этом диване, судорожно глотая воздух, раздирая рубашку на груди, задыхаясь... Это невозможно! Почему именно он должен умереть?! Как он раньше не подумал, что в кессоне опасно? Можно было и не спускаться!»

Снова, как пьяный, встал он с дивана. Ноги подгибались. Лоб покрылся испариной. Пот стекал на веки глаз.

Виктор поплелся к лестнице, чтобы рассказать всем о грозящей гибели. Все его существо протестовало. Он готов был кричать. Шум работающих в такую минуту механизмов казался ему кошунством.

Льды надвигались на гидромонитор. Ветер пригнал их из-под полюса, матерые, старые, лютые, видавшие виды льды, с рубцами и морщинами торосов, следами ледовых боев. Холодная ледяная броня, равнодушная к любым ударам стали, тупо надвигалась на корабли.

Федор Терехов приказал кораблям-холодильникам и транспортным пароходам отходить на юг. Одновременно он дал приказ шести ледоколам из других групп прийти на помощь гидромонитору.

Гидромонитор уже отнесло от места, где лежал на дне кессон. Предстояло прорваться к северу, но действовать надо было только вместе с остальными ледоколами. Такие льды не под силу даже гидромонитору.

Ходов прилетел на вертолете. Начальник строительства был взбешен «поступком» Алексея. Щеки его провалились больше обычного, под кожей ходили желваки. Сойдя на палубу, он скомандовал подбежавшему радисту:

— Телевизор... связь с Москвой, с Волковым, немедленно!

— Невозможно, Василий Васильевич.

Ходов взглянул на небо:

— Так ведь есть луна для отражения ваших ультракоротких волн.

— У нас она видна, а в Москве еще не взошла.

— О, черт!.. Тогда прямой разговор. Неужели не догадались сами установить связь?

— Я и хотел вам доложить, Василий Васильевич, товарищ Волков у микрофона. Ждет вас.

— Так чего же вы молчали?

Он прошел в радиорубку.

— Поля страшные, товарищ Волков, — сразу сказал он в микрофон. — Допускаю, что ледоколам не выдержать такого боя. Люди — на дне...

— Понимаю, — спокойным голосом ответил Николай Николаевич.

— Примем все меры, товарищ Волков, но...

— Хорошо. Все ясно. Бейтесь со льдами. Я поговорю сейчас с физиками.

— Я понял вас, но считаю долгом напомнить: здесь мелко, около двадцати метров... Слой воды может не предохранить кессон.

— Думал и об этом. Принимайте меры. Я сообщу вам, что мы предпримем со своей стороны, однако надейтесь только на себя.

Ледокол содрогнулся. Ходов ухватился рукой за край стола. Палуба под ним стала покатой, накренилась от носа к корме. Снаружи через переборки донеслось шипение, словно пар вырвался из предохранительного клапана.

— Что там у вас? — спросил Волков.

— Началось, — коротко ответил Ходов.

Когда он вышел на палубу, шум и свист обрушились на него. Прямой, несгибающийся, будто деревянный, шагая непомерно широко, направился он на капитанский мостик.

У борта, из длинного ствола, похожего на зенитное орудие, вырывалась тонкая струя, врезавшаяся в лед. Там, где она его касалась, вверх вздымались клубы пара, словно струя была из расплавленной стали.

Ходов взбежал по трапу. На мостике стоял Федор Терехов. Ветер рвал на нем брезентовую куртку. Его сощуренные глаза, направленные на грозное ледяное поле, словно примерялись, прицеливались. Сейчас капитан отнюдь не думал о спасении людей, погребенных на дне, не вспоминал даже о друге. Он видел перед собой только противника — льды. Ожесточенно спокойный, он вступал в бой, уверенный в своих силах, расчетливый, ловкий и упорный.

В другое время он никогда не пошел бы на штурм такого льда, но сейчас...

— Вперед, до полного! — скомандовал он.

Штурман, стоявший у ручки телеграфа, тотчас передал ее. Корпус ледокола, перед тем отступившего для разбега, задрожал от предельного напряжения. Все быстрее вращались винты. Вскипала вода за кормой. Со всего разбега налетел корабль на

край ледяного поля. В буфете кают-компания задрезжала посуда. За кормой бесновался водоворот.

Ледяная стена преградила ледоколу путь. Но он, упершись в ее кромку, все лез вперед. Его нос был уже на снегу. Со звоном шипели гидромониторы. Две гигантские раскачивающиеся шпаги рассекали лед. Но они не могли пробить его на всю глубину. Если метровый, даже полутораметровый лед полностью разрезался водяной струей, то паковый, толщина которого была не менее трех метров, лишь надрезался.

На подпиленную льдину ледокол вползал подобно допотопному бронтозавру, выбиравшемся из лагуны. Тысячтонной тяжестью налегал он на ледяную броню, сиюсь продавить ее. Лед словно напрягался из последних сил, стараясь выдержать непомерный груз, но водяные шпаги наносили ему тяжелые раны, и ослабленная броня не выдерживала. Трещины лучами разлетались от пропилов, бороздя поверхность льда. Ледяное поле проваливалось под ледоколом. Вновь и вновь шипели струи, распиливая не тронутый еще лед.

— Назад, — командовал Терехов.

Бурлила вода за кормой, в панике ныряли и выскакивали из воды разбитые льдины. Ледокол отходил для нового разбега.

Выбирая себе наиболее трудную часть поля, Терехов штурмовал лед. Он указывал по радио другим шести ледоколам более легкие для штурма места. Ходов наблюдал за борьбой, и румянец горел на его худом лице. Он крепко сжимал холодные поручни, не замечая, что был без перчаток.

То отступая, то кидаясь вперед, все семь кораблей общими усилиями откалывали от края ледяного поля кусок за куском.

Исчезла обычная сдержанность Терехова. Глаза его горели, лоб был мокрый. Говорил он отрывисто, казалось, спокойным голосом, но в этом голосе чувствовалось внутреннее напряжение и радость борьбы. Федор быстро перебегал с одного конца мостика на другой и снова приглядывался, прицеливался, выбирал.

Как опытный полководец, наносил он удары, мыс-

ленно намечал будущие трещины, подобные стрелкам на штабных картах наступления. Да, это было наступление! Федор бил вглубь, чтобы где-то там сошлись бегущие с разных сторон от штурмующих кораблей трещины. Он окружал этими трещинами нетронутые белые пространства, как в прорыв, направлял в образовавшиеся расщелины гигантские стальные машины, брал огромную льдину в клещи, изолировал ее от ледяного поля и последним ударом уничтожал.

В ушах стоял свист, скрежет, гул схватки. И невольно вспоминалась ему первая его встреча со льдами, когда затирали они несчастную резиновую лодочку...

Оглянувшись, он увидел бородатое лицо дяди Саши. Парторг строительства стоял на капитанском мостике. Как и Ходов, он любовался схваткой, переживал все перипетии борьбы, ни на минуту не забывая о людях в кессоне. Дядя Саша верил в Федора. Немало выдержал Федор боев, немало нанес поражений ледяному врагу. Но сейчас сильнее были льды.

Терехову лишь казалось, что наступает он. На самом деле поле теснило его. Несмотря на то, что ледоколы откалывали льдину за льдиной, все безмерное поле двигалось на юг.

Терехов попросил парторга строительства передать распоряжение. Александр Григорьевич сбежал по трапу. Он сам решил возглавить бригады подрывников, используя старый опыт сапера. Под его командованием подрывники сошли на лед, чтобы силой взрывов расчистить ледоколам путь.

Взлетел в воздух первый фонтан льда и черного дыма. Взрывы следовали один за другим, словно била по льду невидимая артиллерия, словно бомбили поле незримые самолеты.

Семь ледоколов рвались в наступление, как гигантские танки. Но все было напрасно... Необозримое ледяное поле отодвигало место схватки на юг.

Снег запорошил капитану виски. Терехов словно посёдел за короткий час. Он стоял против ветра и смотрел вдаль на бескрайные ледяные поля. Но не такой это был человек, чтобы сдаваться, отступить.

И снова с шипением, свистом, звоном бросался на лед стальной великан, рубил врага обнаженными мечами струй, давил его, топтал, крушил на части, рвался вперед, вперед...

По трапу взбежал радист Иван Гурьянович. Его китель был растянут, волосы растрепаны. Ходов спокойно взял из его дрожащей руки радиogramму.

— От штурма льдов отказаться, — своим обычным скрипучим голосом сказал он.

Терехов подумал, что он ослышался.

— Прекратить штурм льдов, — все тем же голосом повторил Ходов. — Передайте мой приказ и всем остальным ледоколам.

Федор сразу осунулся. Ни на кого не глядя, подошел к микрофону и отдал приказ об отступлении. Ледяной бой кончился. Замерли стальные воины. Они теперь казались притихшими, обессиленными. Как подбитые танки, стояли они, не двигаясь, вместе с ледяным полем дрейфуя к югу.

Потом ледоколы развернулись и стали удаляться. Один лишь гидромониторный ледовый богатырь стоял недвижно, словно окаменев в разгар ожесточенной сечи.

— Что вы медлите, прошу прощения? — сердито спросил Ходов. — Что вы медлите, я вас спрашиваю?

К Ходову подошел парторг строительства.

— Василий Васильевич, надо сообщить группе Карцева, как им вести себя, — сказал он.

Федор взглянул на него исподлобья:

— Связи с ними нет.

— Надо доставить письмо.

Федор смотрел себе под ноги.

— Вы правы. Письмо необходимо, — сказал Ходов. — Но как его доставить?

— Доставить письмо берусь я, — сказал парторг.

— Вы? — резко обернулся Федор.

— Да, я. Я здесь самый опытный водолаз. Я спущусь в воду и доберусь до кессона.

— Погибнуть с ними хотите? — мрачно спросил Федор.

— Федя, — сказал дядя Саша, пристально глядя на Терехова. — Если бы ценой гибели можно было спасти людей, то многие бы вызвались сделать это. Речь идет о другом. Я парторг ЦК. Я получил по радио разрешение.

— Прошу прощения, — прервал Ходов, оглядываясь на штурмана и рулевого. — Нам удобнее будет обсудить этот вопрос в салоне капитана.

...Через двадцать минут человек в легком водолажном костюме спускался по веревочному трапу с борта ледокола.

Водолазный костюм был снабжен баллонами со сжатым воздухом, достаточным для дыхания в течение нескольких часов. Для перемещения по дну в распоряжении водолаза имелась подводная аккумуляторная электрокара. Держась за нее и управляя ею, можно было плыть под водой.

Моряки и строители, стоя у реллингов, не спускали глаз с круглого шлема, еще видневшегося над водой.

С тревогой смотрел на исчезающий шар и капитан корабля Федор Терехов. На дно, под лед, уходил еще один дорогой, может быть, самый дорогой человек...

— Прошу вас развернуться и в срочном порядке следовать на юг. Важна каждая минута, — сказал ему Ходов.

Терехов почти с неприязнью посмотрел на него.

Флагманский ледокол, расталкивая битые льды, устремился вслед за отступавшими кораблями. Федор Терехов стоял на обзорном мостике, откуда обычно изучал льды, прежде чем вступить с ними в бой.

Теперь, скрестив руки на груди, он мрачно смотрел на далекую белую полосу, в которую превратилось непроходимое ледяное поле. Подняв глаза, он посмотрел на небо. Острый глаз моряка разглядел над горизонтом черточку.

— Спускать катер! — скомандовал Федор.

— Лодка Росова! — передавалось из конца в конец палубы.

Красавица птица с застывшими в полете крыльями плавно снижалась. Волны были немалые. Все на-

пряженно смотрели, как искусный летчик посадит машину. Лодка шла над самой водой, стараясь держаться вдоль волны. Вот она коснулась гребня, подскочила, снова коснулась, гребень вспенился, взметнулся седыми бурунами. Спущенный из крыла поплавок задел другой гребень, врезался в него. Еще мгновение, и лодка, резко сбавляя ход, закачалась на волнах, разворачиваясь, идя навстречу торопливо бегущему к ней катеру.

Вскоре катер вернулся. Василий Васильевич Ходов и капитан Терехов стояли у борта, с которого сброшен был штурмтрап. Первым на палубу поднялся худощавый, стремительный в движениях человек с орлиными профилем и жгучими глазами.

— Овесян, — представился он.

Через реллинги перелезал второй из прибывших. Движения его были неторопливы и рассчитанны. Когда он выпрямился, то оказался выше всех.

— Прошу к капитану, — предложил он Ходову, Терехову и Овесяну.

Это был Волков.

Летающая лодка взмыла в воздух и легла на обратный курс.

Из каюты капитана, где совещались руководители, вышел вахтенный штурман и объявил на корабле полундру.

Со всех шлюпок были сняты брезенты, морякам и пассажирам приказано было надеть спасательные средства и защитные очки. Люди в пробковых поясах высыпали на палубу и, запрокинув головы, смотрели на небо.

— Высотный самолет!

— На какой огромной высоте идет!

— Ждите, над льдиной развернется парашют.

— Парашют? — люди тревожно переглядывались. — Неужели взрыв? Уцелеют ли люди на дне?

Самолет на большой высоте прошел над ледоколом. Люди молча провожали его взглядами.

Глава одиннадцатая

ПОД ВОДОЙ

Дядя Саша медленно опускался в воду. Все более темной становилась над его головой зеленоватая поверхность с бегущими по ней теньями.

Он думал о людях в кессоне. Там были и его любимцы, которых он знал детьми. Когда-то он мечтал об их будущем, старался вообразить, какими они станут.

Сейчас он представил себе кессон, пустую рабочую камеру, на дне которой брошен инструмент и электрические лопаты. Люди, собравшись в воздушном шлюзе, смотрят в зеленоватую темноту через широкие окна, прислушиваются к звукам. Но на дне моря — гнетущая тишина. Шум корабельных винтов уже не доносится сюда.

Люди понуро сидят у стен. Кое-кто прилег, делая вид, что спит; некоторые ходят взад и вперед, словно запертые в клетке. Денис наверняка уговаривает кого-нибудь сыграть с ним в шахматы. Шахмат нет, и он мастерит их из кусочков бумаги, на которых рисует незатейливые фигуры. Едва ли кто станет с ним играть. Люди безучастно следят за Денисом. Алексей, конечно, заперся в рубке связи, понимая свою ответственность за случившееся. Он мучается от сознания, что его желание во что бы то ни стало первым закончить ледяной бык привело к трагедии...

«Ах, Алеша, Алеша! Видно, еще мало учила тебя жизнь!..»

Дядя Саша не имел семьи. Была у него в юности большая любовь, да неудачно все получилось. После этого он и в Арктику уехал. Оказался однолюбом. И все нерастраченные чувства достались Феде, а потом Алеше и его друзьям. И эта любовь тоже была на всю жизнь.

...Над головой плыли неясные тени. Со всех сторон, и сверху и снизу, Александра Григорьевича окружала вода.

Мысленно усмехнувшись, он подумал, что вот океановед попал, наконец, в свою стихию. Это дало толчок его мыслям, и он стал думать о воде.

«У самого дна вода должна быть теплее. Любопытно будет проверить это. Атлантические воды, впадающие в Карское море с севера, должны стремиться по дну пройти в южную часть моря. Но ведь об этом самом и твердит профессор Сметанкин, хватаясь за спицу уже начавшегося вращаться маховика.

Профессор Сметанкин! Дмитрий Пафнутьевич! Ярость его всегда неистощима. Дмитрий Пафнутьевич остается самим собой. Говорят, что человек сам делает свою судьбу. Горькая у профессора Сметанкина судьба. Жена ушла от него вместе с детьми, и дети ничего общего не имели с отцом. Всегда непреклонный, он отказался от них, уже взрослых. И теперь остался один, ко всем нетерпимый и хотя честный в стремлениях, но злобный, желчный. В своих суждениях он педантичен и искренен...

Хватит ли тепла, которое Нордкапское течение принесет через Карские ворота? Если говорить начистоту, то *никто сейчас не может* этого сказать. Прав ли в своих предупреждениях Сметанкин?

Он был бы прав, если б не было решения строить сначала опытный мол. Настаивать на прекращении опытного строительства неверно. Оно должно обогатить новыми данными географическую науку, ревнителем которой показал себя профессор Сметанкин. Нельзя ограничивать эту науку изучением лишь существующего. Надо менять лицо Земли, пробовать менять его, изучать результаты. Вот в чем не правы вы, Дмитрий Пафнутьевич! Я представляю, как будете вы потрясать скрюченными пальцами, если отгороженная часть моря замерзнет...» Океановед, как в ознобе, передернул плечами, взглянул вверх. «Темно. Так же будет и тогда... все наверху будет затянуто льдами».

«Ну, это мы еще посмотрим! Современная наука всесильна! — бодро сказал сам себе Александр Григорьевич. — Кстати, посмотреть надо, куда мы плывем».

Перед спуском дядя Саша тщательно сверился по радиопеленгу. Он отчетливо представлял, в каком направлении надо искать кессон. Кроме того, он наде-

ялся на вделанные в его шлем гидрофоны, подобные тем, которые подслушивают в море шум моторов подводных лодок.

Океановед включил гидрофоны. До слуха его донесли какие-то странные металлические звуки. Он никак не ожидал получить сигнал так скоро. Слышались удары, напоминающие выстрелы пушек и даже пулеметные очереди. Создавалось впечатление, что где-то идет бой. Не задумываясь над природой этих звуков, дядя Саша двинулся вперед. Он прикрепил себя ремнем к подводной электрокаре, включил аккумуляторный мотор и медленно, со скоростью неторопливого пешехода, стал передвигаться под водой. Гул мотора мешал ему, и он изредка останавливался, чтобы свериться с направлением.

Подводное путешествие и звуки, напомнившие бой, вызвали в памяти другую картину.

Много лет назад пробирался он в водолазном костюме по дну реки. Нужно было взорвать бык железнодорожного моста в тылу у гитлеровцев. Тогда он шел со своим другом Иваном Григорьевичем Тереховым. Пришлось пройти по дну пять километров. Он получил за ту операцию свой первый орден.

Теперь предстояло пройти больше, но в его распоряжении была уже иная техника. Держась за ручку электрокары, плыть было легко.

Совсем близко от дяди Саши мелькнула быстрая тень. «Нерпа, — подумал он, — верно, за своего приняла». Зверь скользнул, почти задев человека, и испуганно бросился прочь.

Звуки в гидрофоне слышались все сильнее. Пришлось ослабить усиление, чтобы не оглохнуть. Дядя Саша делал все неторопливо. Он опять думал о своих молодых друзьях в кессоне. Выдержат ли они? Надо прибавить им сил, поддержать. Он твердо знал, что нужен им.

У дяди Саши был электрический прожектор, но он берег его, экономя аккумуляторы. Зеленоватая тьма стала сразу густой, потеряла цвет. Дядя Саша понял, что над ним лед. Но он не боялся темноты и одиноче-

ства. Звуки напоминали ему, что под водой он не один.

Наконец дядя Саша зажег прожектор. Луч вырвал из темноты мелькнувшую впереди рыбу и гнавшуюся за ней нерпу. Теперь, кроме металлических звуков, ясно слышались и голоса людей. Дядя Саша стал шарить лучом. Он наполнил водой балластный баллон, чтобы опуститься на дно. Вот и «подводная черепаха»!.. Как потонувший колокол, лежал кессон на дне, окруженный светлым ореолом.

Дядя Саша подплыл к панцирю «черепахи», отыскал иллюминатор командирской рубки. В освещенном окне он увидел лицо Нетаева. Тот не замечал водолаза. Дядя Саша приблизился вплотную к стеклу и постучал в него.

— Войдите, — сказал командир кессона, никак не ожидавший, что стучат снаружи, из воды.

Благодаря гидрофонам дядя Саша отчетливо все слышал, однако его слышать не могли. Он опять настойчиво постучал в окно. Теперь Нетаев заметил водолаза в шлеме с гидрофонами и сразу понял все.

— Опускайтесь на дно. Я сейчас приподниму кессон, и вы войдете снизу в рабочую камеру, — спокойно сказал Нетаев.

«Молодец парень!» — подумал океановед, оценив молодого моряка по достоинству.

Выполняя указание, дядя Саша опустился на дно, к самому ножу кессона, которым тот вошел в ил. Водолаз слышал голоса людей и недоумевал. Почему они в рабочей камере? Что они там делают?

Колокол стал приподниматься. Дядя Саша, нагнувшись, пролез в образовавшуюся щель и выпрямился. Его окружили ошеломленные люди, стоящие по колено в воде с электролопатами, отбойными молотками и трубчатыми коленами в руках.

Парторг строительства понял, что все они, столько часов пребывавшие под водой, совершенно неуверенные в своем спасении, оказывается, не сидели в унылом

отчаянии, как он представлял, а продолжали работать!

Старый полярник моргал затуманившимися глазами. Руки потянулись к лицу, но помешал шлем. Люди шумели около него. Десятки рук старались снять водолазный шлем.

— Руки прочь! — слышался голос Алексея. — Разве вы не понимаете? Снимете шлем — и смельчаку конец.

Дядя Саша оглянулся на голос и увидел Алешу. Он был бледнее обычного, но внешне спокоен.

— Здесь давление около двух атмосфер, а у него под шлемом нормальное, — говорил он, подходя к водолазу. — Поможем товарищу подняться в воздушный шлюз. Мы снизим там давление и постепенно подготовим товарища.

Алексей взглянул в стекла шлема.

— Дядя Саша? Вы? — оторопел он.

И Алексей обнял водолаза в его мокром, неуклюжем костюме. Дядя Саша передал Алексею герметический футляр с письмом. Денис повел водолаза в шлюз.

— Тут у нас кое у кого руки опустились было, — говорил он тихо в гидрофон. — А он нам сказал: «Ну как, ребятишки? Будем умирать лежа, чтобы остатки воздуха протянуть, или встретим помощь стоя, заканчивая работу?» И как взялись мы опять! На душе полегчало. А как там, наверху? Льду много? Подыматься скоро? Нам еще трошки осталось. Мы ведь почти весь фундамент для каркаса острова подготовили.

Дядя Саша остался один в шлюзе. Давление снижали, и он снял шлем. Теперь он был один и мог безбоязненно достать платок и вытереть глаза.

Стрелка манометра стала двигаться. Давление повышалось. В окно Александр Григорьевич увидел оживленные лица людей, прильнувших к шлюзу со стороны рабочей камеры.

Дядя Саша улыбнулся. Он знал, что им сказать.

Глава двенадцатая

НА ЛЬДИНЕ

По дрейфующему с севера ледяному полю, над которым через несколько мгновений должен был появиться высотный самолет, шли три человека и собака.

Они не шли, — они бежали, часто падая и снова поднимаясь, задыхаясь, глотая ртом воздух. Они махали руками, хотя никто не мог их увидеть.

Зато они видели. Они видели ледоколы у края ледяного поля, отчетливо видели их мачты. Спасенье! И вдруг по непонятной причине корабли стали уходить.

Ни разу за время тревог и лишений отчаяние не овладевало людьми в такой степени, как сейчас. Спасение было так близко! Это были корабли, встретиться с которыми они рассчитывали, рискнув покинуть остров, и вот теперь...

Галя, — это были она и ее друзья, — оказалась слабее всех. Она упала и не могла встать. Матвей Сергеевич вернулся, Ваня же далеко убежал вперед и не оглядывался.

— Посидим, отдохнем немного, — сказал механик, усаживаясь рядом с Галей. — Вернутся они, непременно вернутся. Неужто льдов испугались? Хотя льды паковые. Вы сами их, Галина Николаевна, выбирали, чтобы покрепче были. Сколько мы полей послабее мимо острова пропустили...

Галя лежала, тяжело дыша. Гекса подбежала к ней и улеглась рядом, положив рыжую морду на передние лапы. Галя ласково посмотрела на собаку.

— На этот раз ты, собачище, не поможешь, — через силу усмехнулась она. Вспомнилось, как лежали они с Матвеем Сергеевичем и Ваней на снегу, боясь взглянуть друг на друга, признаться, что все кончено. Тогда Гекса бросилась от людей, и Галя подумала, что собака снова испугалась.

Но Гекса, не добежав до мачты бывшей радиоантенны, принялась рыть лапами снег. Галя долго наблюдала за ней, но потом, догадавшись, в чем дело,

добралась до нее и стала помогать. Вскоре Галя почувствовала под рукой доску. Она поняла. Это была крыша! Конек крыши!

Значит, дома целы! Их лишь занесло снегом так, что не было видно... Ведь прошло столько лет с тех пор, как отсюда ушли люди.

Ваня и Добров дорылись до дверей. Это оказался склад. Когда дверь была открыта, путники обнаружили у самого входа жирный окорок. Матвей Сергеевич вынул свой нож и отрезал первый кусок. Он отдал его Гексе.

Наевшись, они сутки пролежали без движения — во сне или в обмороке. Потом хотели дать о себе знать, но их ждало новое разочарование — автоматической метеостанции на острове не оказалось.

Продовольствия в складе было мало. До лета жили на скупом пайке. С весной пришла новая беда. Каждый час с берега доносился грохот. Грунт таял... В море валились глыбы... В доме уже нельзя было жить. Перебрались в шалаш. После одного из обвалов дома не стало.

Помощи ждать было неоткуда. Очевидно, никому в голову не пришло, что геологи прошли пешком двести километров через торосы. Дважды они слышали звук самолета. Первый был еще в полярную ночь, конечно, из числа поисковых, второй, много позже, из числа летавших в ледовую разведку. Оба раза остров был покрыт густым туманом.

Геологи могли рассчитывать только на себя. Галя поддерживала товарищей. «Нужно выждать, еще немного выждать. Откроется навигация. На трассе мола начнутся работы. Работы не могут не начаться. Мы пойдем по дрейфующему льду, выбрав поле понадежнее. При той плотности работ, которая намечалась, нас не смогут не заметить. Это не шанс на спасение, это спасение наверняка, на все сто процентов!» Добров и Ваня верили ей. Они привыкли во всем полагаться на нее.

Когда настал полярный день, Галя с товарищами не раз выходила на край припая, смотрела на дрейфовавшие мимо поля. Она все не решалась. То ей каза-

лось, что корабли еще не вышли на трассу мола, то поля представлялись ей ненадежными, могли разломаться, растаять.

А продовольствие кончалось. И вот Галя решилась. Несколько дней назад геологи с Гексой перешли на приставший к острову паковый лед, который в ту же ночь оторвало ветром и понесло на юг. Северный ветер дул им в спину. Они шли, шли на юг, шли к друзьям... с последней надеждой на спасение.

Когда они увидели корабли на горизонте, то все словно сошли с ума. Гекса прыгала и лаяла. Люди бежали к кораблям, падали и поднимались, не замечая ушибов. Спасение было близко, и вдруг, когда можно было уже различить снасти, корабли стали удаляться.

В полном изнеможении и отчаянии лежала Галя на снегу. Добров мрачно сидел подле нее.

Ваня бежал назад, размахивая руками.

— Самолет! Самолет! — кричал он.

Галя села. Как осунилось ее лицо! Подурнело, постарело. Темные, обведенные кругами глаза смотрели на небо.

— Самолет-то высотный! — воскликнул радостно Ваня.

Матвей Сергеевич замотал головой:

— Не заметит, не надейся... Высота-то какая!..

— Куда это он летит? — спросила Галя. — Уж не случилось ли чего... в мире?

— Нет. Один не полетел бы, — заявил Добров.

Самолет приближался. Геологи не знали, с какой целью появился здесь самолет.

Самолет шел почти над самой стоянкой геологов. Галя откинулась назад, опершись о снег руками. Гекса умными глазами смотрела на хозяйку и тихо повизгивала. Видимо, волнение людей передалось и ей.

...Тысячи глаз со всех кораблей напряженно следили за небом, но парашют под самолетом не появлялся.

По палубе гидромонитора, расталкивая всех встречных, бежал радист Иван Гурьянович. Он взле-

тел на мостик и, задыхаясь, протянул радиограмму Терехову.

— На льду обнаружены три человека и собака. Их рассмотрели с самолета через приборы. Выполнить задание не могут, — громко сказал Федор.

Николай Николаевич обернулся. Лицо его было спокойно, только губы побелели.

— Возможно ли, чтобы это... они?

— Они! Уверен! — радостно сказал Федор, крепко пожимая руку Волкову.

— Вертолет, немедленно! — командовал Ходов. — Прошу прощения, Николай Николаевич, но вам нельзя лететь. Подождите здесь.

— Жаль, дяди Саши нет! Был бы счастлив! — сказал Федор.

Вертолет поднялся с борта гидромонитора и стал набирать высоту. Он летел по направлению к белой полоске на горизонте. Через полчаса он уже вернулся и застыл над ледоколом, медленно снижаясь.

Толпа моряков собралась на корме. Люди сидели на реллингах верхней палубы, забрались даже на ванты, на подъемную стрелу.

Открылась дверца вертолета. Из нее выскочила трехлапая собака и запрыгала около людей, стараясь лизнуть каждого в лицо.

Затем на палубу сошла Галя. Она была встречена криком торжества.

Увидев Николая Николаевича, в первый момент она потеряла дар речи, потом бросилась к нему на грудь и заплакала. Он снял с нее шапку и долго смотрел ей в лицо, потом повел ее в салон капитана.

— В тяжелую минуту нашлась ты, Галенька, — сказал Николай Николаевич, когда Галя, покрасневшая, с поблескивающими глазами, кончила свой рассказ. Галя насторожилась. Ее похудевшее лицо теперь еще больше напоминало лицо юноши.

Николай Николаевич подошел к Гале, положил ей руку на голову и заглянул в глаза.

— Мы с тобой друзья... Я многое знаю, чего ты даже мне не говорила. Будь стойкой. Я не хочу от тебя скрывать...

— Что случилось, папа?

— Ледяное поле, которое доставило вас к нам, это ледяное поле одновременно скрыло под собой кессон с близкими, очень близкими нам... и тебе, особенно тебе, людьми.

— Алеша! — вскрикнула Галя. Лицо ее побледнело. Она закрыла глаза, плотно сжала губы и крепко вцепилась в руку отца. — Так вот почему он не встречал меня... Алеша...

— Галя, я не стану скрывать... — начал Волков. Галя замотала головой.

— Не надо... Я все поняла. Он остался там, подо льдом, и ледоколы бессильны.

Волков кивнул головой, придерживая дочь за плечи. Она ослабла вся, поникла и, не стесняясь, заплакала. Открылась дверь. Галя вздрогнула, отвернулась.

— Высотный самолет! — крикнул радист и исчез.

Галя смотрела теперь на отца широко открытыми, еще влажными глазами.

— Зачем самолет? — тревожно спросила она. Волков сжал Гале руку выше локтя:

— Крепись, девочка! Иду на мостик.

Глава тринадцатая

В ВОЗДУХЕ

Высотный самолет летел так высоко, что казался неподвижным. Можно было подумать, что он еще далеко от ледяного поля, но под ним неожиданно раскрылся ярко-зеленый парашют.

Все, кто был на борту ледокола, переглянулись. Казалось, что сейчас произойдет что-то страшное. Но ничего не происходило. Парашют медленно спускался.

— Встать за прикрытия! — послышалась отданная в рупор команда капитана Терехова. — К спуску шлюпки! Быть готовым к воздушной волне. Не смотреть на парашют. Надеть темные очки.

Галя не могла оторвать глаз от зеленого пятнышка на фоне облачного неба. Как и все, она надела очки.

Пятнышко медленно росло. Парашют опускался. Самолет превратился в тонкую черточку на горизонте.

У Галя стучало в висках. Она стояла, до боли закусив губу и не замечая, что мнет в руках шапку, неизвестно когда снятую с головы.

Вдруг она услышала шум заработавших винтов. Корабль разворачивался, становясь носом к ледяному полю.

— Полундра!

Моряки рассыпались по своим местам. Фотографы приготовили свои аппараты и замерли, прижавшись спинами к переборкам. Матросы крепко держались за поручни. Парашют опускался.

Видно было, как дальние ледоколы тоже поворачивались, словно готовясь взлететь на гигантский морской вал.

И вдруг вдали что-то сверкнуло.

Галя вскрикнула. Неожиданный фиолетовый блеск даже через очки ослепил глаза. Испуганные люди зажмурились, закрылись руками, полами курток.

Лишь капитан Терехов, Ходов, академик Овесьян и Николай Николаевич Волков продолжали смотреть на внезапно возникшее перед ними странное лиловое солнце. Но вскоре даже в темных очках стало невозможно переносить это новое светило.

Оно словно удвоило, утроило, удесятило свой блеск. Свет непостижимо яркий и в то же время мертвый озарил все вокруг. Море мгновенно стало фиолетовым, лица людей восковыми, землистыми, ногти и зубы светились в тени.

И тут на ледокол обрушилась воздушная волна. Галя схватилась за волосы. Сейчас вспыхнут!

В лицо пахнуло жаром, как из раскаленной топки. Девушка закрылась шапкой, нагнулась и побежала по палубе, чтобы куда-нибудь скрыться. Прижавшись спиной к переборке, она тяжело дышала. Ей не хватало воздуха. Лицо покрылось испариной, веки стали влажными. Она утиралась платком.

Ослепительное солнце в течение нескольких секунд увеличивалось в объеме. Потом в море под ним, там, где простиралось ледяное поле, появилось белое об-

лако. Оно устремилось вверх, превратилось в туманный столб, тотчас же окутавший новое светило. Теперь на него уже можно было смотреть.

Яркое пятно действительно походило на солнце, скрытое дымкой облаков, только было очень большого размера и непередаваемого цвета.

Все гуще и гуще становились клубы поднимавшегося со льда пара. Огромный кудрявый столб слился с облаками, и казалось, что часть неба здесь провисла, опустилась до самого моря. Громкое шипение доносилось оттуда. Будто несчетные струи воды лились на исполинскую раскаленную плиту.

— Что это такое? — спрашивала Галя.

Никто не отвечал ей, все молчаливо пожимали плечами. Окутанное дымкой, фиолетовое солнце медленно спускалось вниз, будто упругие струи пара, бившие снизу, или неведомо как уцелевший парашют поддерживали в воздухе огненный шар.

Все время, пока перед Галиными глазами проходила эта феерия, она думала о том, что чувствуют сейчас люди, скрытые под водой. Ей представлялось, что над своими головами, через выпуклые стекла кессона они видят посветлевшую воду, лиловые лучи, проникающие через мерцающую, кипящую сверху толщу вод.

И мысленно Галя была с ними — с Денисом, Витякой, их товарищами, Алексеем.

Галя достала платок и вытерла глаза, потом, спохватившись, стала вытирать лоб и щеки, словно для этого и вынула платок.

Шипение, свист, клочкотание все еще неслись над морем.

Академик Овесян скорее понял, чем услышал, слова Волкова:

— Ученым спасибо!

Было жарко, словно северный ледакол каким-то чудом перенесся к экватору. Моряки воспользовались случаем остаться в тельняшках.

Фиолетовое солнце уменьшилось, снижаясь все больше и больше. Оно стало размером с луну, цвет его побледнел. В мутном тумане отчетливо были вид-

ны два радужных круга, какие бывают зимой вокруг солнца.

Наконец тускнеющее пятно опустилось на лед.

Фонтан воды и пара взлетел к небу. Людям показалось, что стало темно, как в сумерки, хотя по-прежнему светило настоящее солнце, скрытое облаками.

Теперь Галя зажмурилась. «Что с кессоном? Что с Алешей?»

— Вперед, самый полный! — скомандовал капитан Терехов.

Глава четырнадцатая **НА ПАЛУБЕ**

Ледоколы подошли к кромке ледяного поля.

Поле было неузнаваемо. Разбитые, жалкие льдины, пористые, готовые развалиться, не представляли уже слитной массы, а плавали в многочисленных промоинах и полыньях.

Отбрасывая битые льдины, подминая их под себя, ледоколы спешили в глубь бывшего поля, растопленного невиданной энергией.

Семь ледоколов с разных мест стремились к одной точке, все время указываемой береговыми радиопеленгаторами, — к тому месту, где на дне должна была лежать «подводная черепаха».

«Что с ней? Уцелели ли люди?» — об этом думали все, но никто не задавал этого вопроса.

Успокоившаяся было Галя теперь волновалась едва ли не больше, чем в ожидании взрыва.

Николай Николаевич украдкой посматривал на нее, стоящую у реллингов, готовую, казалось, сорваться с ледокола и полететь, как чайка, вперед.

Ледоколы состязались между собой. Каждому капитану, каждому моряку хотелось первым подойти к желанному месту. Корабли сближались веером.

— Всплыла! Всплыла! — пронесся общий крик по всем палубам.

Острые взгляды моряков различили среди белых и зеленых пористых льдин темный панцирь «подводной черепахи».

— Где? Где? — беспокоилась Галя, держа в дрожащих руках бинокль.

Звенел, торопил механиков машинный телеграф. Столпились у поручней моряки и строители.

Но когда корабли подошли к всплывшему кессону, они придержали ход, уступая место ледоколу Терехова. Флагман, не включая гидромониторов, гордо шел среди льдин, легко отбрасывая их в стороны. Ледовый витязь не обнажал меча против разбитого врага.

Грибовидная спина кессона виднелась среди теснившихся льдин. Под громкие крики моряков и строителей ледокол Терехова подошел к «подводной черепахе». Подъемная стрела протянула к ней свою руку. Ловкий матрос сидел на крюке. Он первый ступил на темный панцирь, постучал в стекло иллюминатора, увидел кого-то, заулыбался. Потом он зацепил крюки за кольца на панцире, вскочил на ноги, замахал руками.

Заработала, запыхтела лебедка. Натянулся трос. «Подводная черепаха», осторожно раздвигая льдины, стала подниматься из воды и через мгновение повисла в воздухе.

— Ура! Ура! — кричали все. Кричала и Галя, перегнувшись через реллинги и махая платком. Кричал всегда сухой, сдержанный Ходов, в котором на миг проснулся Васька Ходов, строивший Комсомольск-на-Амуре.

Кричал, как кричит вместе с армией полководец, Николай Николаевич Волков, высокий, негибающийся, с поднятой над головой рукой.

Вода стекала с корпуса «черепахи» на поверхность тихой аквамариновой полыньи, образовавшейся под ней. Круги от капель разбегались по воде.

Стрела повернулась, и кессон поплыл над палубой корабля. Моряки держались за колокол руками, заглядывали под него в пустую рабочую камеру, подпрыгивали, чтобы посмотреть в окна. Стрела опустила «черепаху» и поставила ее на корму.

Снова прокатился крик «ура». За стеклами окон кессона были видны прильнувшие к ним сияющие лица. «Заключенным» махали руками, что-то крича-

ли, посылали воздушные поцелуи, делали знаки, как глухонемым.

Для Гали было непередаваемой мукой ждать, пока давление внутри «черепахи» будет постепенно доведено до нормы.

Между тем Иван Гурьянович подсоединил к кессону телефонный провод, и было видно, как в командирской рубке Алексей Карцев говорил по телефону, наверное с Ходовым или Волковым.

Через минуту всем на корабле стало известно, что кессонщики все время работали под водой и закончили закладку гнезд для трубчатого каркаса. Стало известно и о поведении Виктора, сознавшего в своем проступке.

Люди взволнованно переговаривались между собой.

Лишь через строго положенное время неумолимый Ходов позволил открыть люк «черепахи». Моряки и строители стояли на палубе, готовые заключить в объятия каждого появившегося.

Первым из кессона вышел Виктор. Он растерянно улыбался, приглаживая редкие волосы и потирая подбородок. Стоявшие против кессона люди продолжали напряженно смотреть на люк, словно из него никто не вышел.

Виктор смутился, шагнул навстречу знакомым ребятам, нечаянно задел одного из них плечом, но никто, казалось, не заметил его. Он отошел в сторону с обиженным видом.

«Они даже не желают ни в чем разобраться! — думал он возмущенно. — Они хотят сделать человека ответственным за болезнь, за невменяемое состояние!» И ему уже казалось, что в те минуты, когда тщетно трещала телефонная трубка, он, Виктор, был действительно при смерти и всего лишь принял наркотическое средство. Это помогало Виктору внутренне оправдать себя. И он стоял в стороне, как ему казалось, непонятый, а по существу, чужой, посторонний. Он отвернулся.

В люке показался Алексей Карцев. Люди с криками бросились к кессону. Впереди всех оказалась

черноволосая девушка в ватной куртке и таких же штанах. Она смотрела на Алексея сияющими глазами, протянув обе руки.

Она смеялась. Алексей смотрел на нее и не верил глазам. Она притянула его к себе и поцеловала не то в нос, не то в щеку и тотчас хотела скрыться в толпе, но ее вместе с Алексеем подхватили на руки и понесли рядом по палубе.

Алексею хотелось многое сказать, но он был так растроган встречей, так обрадован чудесным спасением Гали, что не мог выговорить ни слова и все силы употреблял на то, чтобы сдержать слезы.

Моряки подхватывали на руки каждого, кто следом за Алексеем выходил из кессона. Денисюк, несмотря на свой вес, дядя Саша, Нетаев — все они взлетали в воздух под громкие, ликующие крики.

С других ледоколов подошли катера, все новые новые моряки и строители взбирались на палубу.

Витяка стоял около трубы и мрачно озирался. Мимо прошли Денисюк и дядя Саша. Никого, казалось, не интересовал Омулев со всем его внутренним миром.

— Ты, Денис, сказал — случайность? — говорил дядя Саша. — Нет, это не случайность! Работы в этом месте должны начаться по плану. Решение геологов идти по дрейфующим льдам было вынужденным. Они расчетливо выбрали время. После аварии они шли с этого самого места на север. Теперь они обратным путем двигались на юг и вовсе не случайно пришли к месту аварии. И, конечно, не случайно их заметили зоркие летчики. Они ведь внимательно осматривали место, куда должны были сбросить свой чудесный снаряд.

— То так! — согласился Денис. — Закономерно.

Виктор увидел Галю. Он бредит? Галя жива?! Обуявшая Виктора радость в первый миг затмила все остальное. Он хотел броситься к Гале, шумно обнять ее, расспросить... Так бы он и сделал, если бы не все случившееся с ним самим. Теперь он захотел проверить, как Галя относится сейчас к нему. Она не может поступить, как другие! Ведь он любил ее! Она должна ценить это. Ну, конечно, она сама идет к нему...

Нет! Она свернула в сторону! И тотчас направление мыслей Виктора стало иным. Непосредственная радость уступила место рассуждениям, которых он сам, человек неглупый, в другое время постыдился бы. «Жива! А меня обвиняли в ее гибели!» Ему казалось самым главным, что его обвиняли, а не то, что Галя осталась жива. Так совсем произвольно проверялось его чувство, о котором он любил говорить. Внутреннее упрямство не позволяло Виктору понять свою вину, и он охотно становился в позу человека, обиженного несправедливым отношением. Никто не хочет считаться с тем, что в тот злосчастный момент он, в самом деле, мог умирать... ну, если не умирать, то просто быть в беспамятстве.

У дверей салона остановились Карцев, Терехов, Волков и Ходов.

— Первый спуск дал очень много, Николай Николаевич, — взволнованно говорил Карцев. — Конструкцию «подводной черепахи» надо усовершенствовать.

— Да. Надо рассчитать ее на большую самостоятельность, — сказал Волков.

— Я думаю еще о подводной радиолокации, — продолжал Алексей. — Радиоволны плохо распространяются под водой, надо использовать звуковые или ультразвуковые.

Руководители строительства скрылись за дверью салона.

На палубе корабля снова стало оживленно. Подходил лесовоз, груженный трубами. Люди в водолазных костюмах несли длинные двадцатиметровые трубы. Очевидно, готовились к продолжению работ — к спуску труб.

Виктор раздраженно отвернулся и пошел в свою каюту. Тут он увидел на фоне серого моря силуэты Гали и Алексея, стоящих на юте, и сразу почувствовал себя еще более несчастным.

— Значит, ты, Алеша, хоронил меня? Сам зарывал в дно ящичек? — спрашивала Галя, перегнувшись через реллинги и смотря в воду.

— Ты никогда не была для меня такой живой и близкой, как в тот момент, — признался Алексей.

- Даже сейчас? — лукаво спросила Галя,
- Сейчас? Сейчас по-особенному.
- Правда, Алеша, по-особенному?
- Да, Галя,

Глава пятнадцатая **ОТРАЖЕННОЕ ЛУНОЙ**

Человек, опустив голову и заложив руки за спину, медленно шел по песку. За ним от полуразрушенной стены, почти засыпанной барханом, цепочкой тянулись ямки — следы.

Человек нагнулся, взял пригоршню песка и стал пересыпать его, внимательно рассматривая.

Это был все тот же песок, высушенный, мертвый песок...

Человек раздраженно отбросил его в сторону. В воздухе на мгновение повис дымок.

У человека было темное от многолетнего загара, ссохшееся, морщинистое лицо, коротко подстриженные седые или выгоревшие до седины усы. Вертикальные складки в углах рта говорили о воле и упорстве.

Человек сел на камень. У его ноги на камне виднелись высеченные арабские письмена. Человек достал из кармана белого пиджака очки, но не стал разбирать надпись. Держа футляр в руках, он задумчиво смотрел на близкий расплывчатый горизонт. Дрожащий воздух был непрозрачен. Лиловая дымка вставала за стеной, и там трепещущим миражем мог появиться морской корабль, белый город с тонкими минаретами или зеленая полоса леса.

Сергей Леонидович Карцев трудно переживал крушение своей идеи, которую пронес через всю жизнь. Крупнейший пустыневед, он считал, что пустыни нашего континента, не кончающиеся, как на других материках, а лишь начинающиеся у тридцать пятой параллели, существуют в природе незаконно, существуют из-за случайного стечения многих неблагоприятных факторов. Он считал, что достаточно изменить хоть один из этих факторов, и неблагоприятное

равновесие в природе нарушится — в этом эмалевом, неправдоподобно синем небе появятся дождевые облака, прольются веками жданные ливни, и сами собой возникнут реки и озера. И тогда все пустыни оживут, даже те, какие невозможно оросить из-за отсутствия снежных гор и талых вод.

Инженер Карцев в свое время был участником большого наступления на пустыню, страстно веря, что канал в пустыне Черных барханов изменит один из загадочных факторов и во всей зоне пустынь произойдет чудо.

Но чуда не случилось. Случилось только то, на что реально рассчитывали строители. Зазеленели берега древнего русла и разбежавшихся от него каналов, огромная страна Черных барханов превратилась в благодатный край. Но все другие пустыни остались пустынями. Карцев ошибся, непростительно ошибся.

Вот сейчас Сергей Леонидович сидит среди древних развалин. Старинная легенда говорит о богатом городе, к которому тянулись когда-то караваны. Восточные владыки слали послов и дары свирепому хану. Его подданные в пестрых одеждах толпились здесь на шумном базаре. Их дома по обеим сторонам реки стояли один к другому так близко, что сборщик податей мог «целый год идти», касаясь стен рукой, до самого Огурчи, где древний полноводный Окс впадал в Мезандеранское море.

Но жестокие враги скотоводов, соседние ханы, властвовавшие в дельте реки, откуда брал начало благодатный поток, усвоили данный им монголами урок разрушения оросительной системы. Чтобы расчитаться с непокорными племенами, ханы, воспользовавшись тем, что капризная река прорвала горный хребет и в поток стало поступать меньше воды, четырех лет назад совсем закрыли реку плотинами.

И высохла полноводная река, питавшая целую страну. На тысячу километров протянулось сухое русло. Погибали города и поля, мертвые пески засыпали все. Столетия лежали пески, погребя и дворцы и хижины... Тщетно возносились молитвы и зывали с минаретов муэдзины. Равнодушное небо, с таким

искусством воспроизведенное эмалью в мавзолее ханши Тюрабек-ханум, не затуманилось облаками. За столетия на песок было пролито больше слез, чем выпало дождей.

Сергей Леонидович знал, что эта легенда рождена вековой мечтой народа о воде. На самом деле русло лишено воды тысячелетия назад, а гигантская толща Черных барханов принесена с гор великой блуждающей рекой, много раз изменившей за миллионы лет свое русло.

Но сила этой легенды-мечты была так велика, что еще Петр Первый, посылая к дельте шеститысячный отряд, наказывал ему «пустить воду по прежнему току». Отряд этот был изменнически истреблен ханами.

В конце прошлого века на Чикагской выставке русские инженеры предлагали проект поворота реки пустынь в старое русло. Но это старое русло было слишком далеко от капризной, всегда меняющей свой путь реки. Капиталистическое государство и его техника были бессильны перед такой задачей. Проект русских инженеров остался проектом.

И только теперь сбылась вековая мечта жителей пустынь о воде. Сбылась мечта, и куда бы ни пришла теперь вода, поданная каналами и трубами, пустыня преображалась. Но туда, где в глубоком раздумье сидел сейчас Карцев, советские люди не провели каналов, не дали воды. Они намеренно оставили этот клочок пустыни, как оставили когда-то заповедные развалины в городе-герое.

И заповедная пустыня, вопреки теории Карцева, не воспринимала близость преображенного края, — она оставалась пустыней.

Карцеву нужно было пересмотреть все свои взгляды, признаться самому себе в поражении. Между тем в глубине души Карцев был убежден, что он все-таки прав! Быть может, не сейчас, не при жизни стареющего уже Карцева, но люди найдут способ нарушить неблагоприятное стечение обстоятельств и приведут воду в пустыню не только по каналам и трубам, но и по воздуху в виде желанных грозových туч.

Что же нужно сделать для этого? Что?.. Ведь

существовали же прежде иные условия. В каменистой Гоби нашли кладбище доисторических ящеров. Их трупы в течение тысячелетий уносило течение в дельту древней гигантской реки, где их засыпало илом. Значит, нынешняя пустыня была когда-то цветущим краем. А теперь на том месте лишь мертвые россыпи острых, покрытых черным загаром пустыни камней, над которыми тут и там поднимаются невысокие черные скалы, голые, потрескавшиеся от резкой смены жары и холода. На камнях пустыни ничего не растет и расти не может.

Все ли было правильно в рассуждениях Сергея Леонидовича? В тысячный раз задавал он себе этот вопрос. Почему же все-таки не сказались решающим образом гигантские результаты большого наступления на всей зоне пустынь?

Сергей Леонидович вынул письмо сына.

Еще раз прочитал он то место, где Алексей писал о свидании с Николаем Николаевичем Волковым. Алексей был потрясен размахом задач, которые ставила партия. Казавшийся грандиозным замысел ледяного мола становился лишь деталью, решающей частную задачу в общих планах преобразования лица Земли.

Волков говорил о необходимости комплексно решать вопрос изменения климата зоны пустынь и Арктики. Не ему ли, старому пустыневеди, адресовано это указание партии?

Комплексно менять климат пустынь и Арктики — уравнивать климат на земном шаре! Какие это мудрые слова! В природе ничего не происходит без взаимодействия. Так же надо и менять природу!

Резкий звонок прервал размышления Сергея Леонидовича.

Он обернулся и поспешил к развалинам. Там, за полузасыпанной стеной, на песке стоял маленький гусеничный вездеход, на котором Сергей Леонидович сделал не одну тысячу километров по пустыням.

Карцев снял трубку радиотелефона, установленного в вездеходе, и сразу же изменился в лице.

Директор Барханского металлургического завода

сообщил о несчастье на строительстве ледяного мола. Николай Николаевич Волков распорядился найти Сергея Леонидовича и связать его с гидромонитором.

— Я очень прошу прийти ко мне в кабинет, как только взойдет луна, — закончил директор.

Вздымая облако песка, машина обогнула развалины и выехала на оставленный ею же след.

Крепко держа в руках руль, Карцев думал о сыне. Он упрекал себя за то, что был так далек от сына, что не сумел оценить его личной скромности и размаха его научной мечты.

«Нужно немедленно найти Женю и рассказать ей обо всем».

Карцев не сбавлял скорости. По сторонам машины неслись назад кусты. Они выросли здесь как граница пустыни, останавливая движение песков.

Еще несколько минут стремительной езды, и машина влетела в тень высоких платанов. Их гигантские, словно очищенные от коры, отполированные стволы мелькали мимо окна, сливаясь в сплошной частокол.

Лес оборвался. В обе стороны раскинулось хлопковое поле. По нему двигался хлопкоуборочный комбайн, умная, «чувствующая» машина, умеющая выбирать созревший для сбора хлопчатник.

Скоро хлопковые поля сменились виноградниками. Несколько раз автомашина взлетала на арочные мосты, переброшенные через каналы.

Снова лес. Но это уже не стена платанов. Это фруктовые заросли — «фруктовая тайга пустынь», как прозвали в стране сплошные, выросшие вдоль каналов сады.

Тени от зеленых крон проносились по напряженному лицу инженера. Фруктовые сады внезапно оборвались, и перед Карцевым предстала ослепительная водная гладь озера, недавно заполненного енисейской водой. Оно уходило за горизонт, по его поверхности протянулась от жгучего солнца золотая дорожка, как ночью от луны. По воде плыл белоснежный красавец — теплоход «Москва».

Сколько раз бывал Карцев прежде на дне мрач-

ной впадины! Сометровые обрывы отделяли ее от пустыни. На двести квадратных километров простиралось дно возродившегося теперь древнего озера. Благодатная прохлада нового водоема преобразила все вокруг. На берегу стоял белый город с асфальтированными тенистыми улицами, легкими многоэтажными домами, дворцами и парками—город, который прежде в этом месте мог привидеться только в мираже.

Мелькали зеркальные стекла витрин, оббитые виноградом веранды и балконы, легкие восточные колонны, цветная мозаика. Показались над домами трубы завода-гиганта. Металлургический завод в пустыне? Такое сочетание прежде могло показаться бредом. Металлургии нужен не только транспорт, но прежде всего вода, вода и еще раз вода! И вот теперь пустыня оказалась настолько напоенной водой, что может дать ее и доменным печам и мартенам.

Видимо, охрану завода предупредили о прибытии Карцева. Ворота были открыты настежь, и вахтер знаком предложил Сергею Леонидовичу проехать на территорию завода. Через минуту машина остановилась около цветника напротив трубного цеха, где Сергей Леонидович рассчитывал найти Женю.

Карцев вошел в огромный светлый цех, залитый солнечным светом. У стены в ряд стояли электрические печи. Одна из них наклонилась, выпуская в желоб искрящуюся огненную струю. В цехе никого не было. Из машины тянулась, быстро удлиняясь, ослепительная оранжевая труба. Вместе с трубой двигалась дисковая вращающаяся пила, из-под которой вылетал яркий сноп искр. Отрезанные остывающие трубы с грохотом скатывались одна за другой на движущийся конвейер. Карцев искал хоть кого-нибудь из рабочих. Но автоматический труболитейный цех работал без всякого присмотра.

Карцев решил, что не может больше ждать. Задышавшись, он взбежал по лесенке и быстро написал на большом листе бумаги:

«Женя! Тревожные вести с севера. Директор обещал, как только взойдет луна, установить телевизион-

ную связь с гидромонитором. Постарайся прийти. С. Карцев».

Повесив записку на щит так, что она закрыла несколько сигнальных лампочек и сразу бросалась в глаза, Сергей Леонидович побежал к выходу.

Из конторки, закрыв за собой дверь, появилась Женя. Она была в том же замшевом комбинезоне, в котором когда-то увидел ее Федор, в синем берете и высоких ботинках, предохранявших от горячих искр.

Женя сразу же увидела белый сигнал на щите. Смутная тревога овладела ею, хотя она и не знала, что означает этот лист бумаги. Когда же она прочла записку, ей показалось, что сердце у нее остановилось. Руки и ноги похолодели и не хотели двигаться, как это бывает во сне. Боясь потерять сознание, она вцепилась в поручни. Что же она стоит?.. Не помня себя от волнения, побежала она вниз.

Остановившись машина — Женя не заметила бы и этого. Но машина продолжала четко работать, не нуждаясь ни в уходе, ни в наблюдении.

Через несколько минут девушка вбежала в кабинет директора завода. Директор стоял к ней спиной. В углу комнаты находился огромный радиоприемник, наминавший старомодную радиолу. В верхней его части Женя увидела экран, похожий на окно без переплета, которое словно вело в другую комнату, наполненную людьми.

Женя не сразу поняла, что видит перед собой корабельный салон. Готовая ко всему, к самому страшному, она бросилась к экрану.

И вдруг она увидела прямо перед собой спокойное лицо Федора, разговаривающего с Сергеем Леонидовичем.

— Жив?! Ты жив? Феденька, родной мой! — крикнула Женя.

Сергей Леонидович оглянулся. Федор удивленно смотрел на плачущую от радости Женю.

— Федя, Федя, родной! — твердила Женя. — Я ведь думала, что с тобой что-нибудь случилось... Как я счастлива! Как счастлива!..

Слезы катились у Жени из глаз. Она не замечала

вокруг никого, кроме Федора. Было странно видеть плачущей эту строгую, всегда сдержанную девушку.

— Все в порядке, — смущенно сказал Федор. — Алеша спасен. Вот он стоит. Разве не видите?

Федор отодвинулся. На экране теперь виднелось растерянное лицо Алексея и радостные, светящиеся глаза Гали.

— Ах, Алеша?.. Вот как! Я рада!.. Как хорошо!.. А я думала — Федя. У меня сердце остановилось... Как все хорошо!

Галю она даже и не заметила.

Директор, который сразу все понял, отвел в сторону чуть растерявшегося Сергея Леонидовича.

— Телевизионная передача осуществляется ультракороткими радиоволнами, — говорил директор. — Но эти волны распространяются по прямой, подобно солнечным лучам, и не огибают препятствий. Поэтому они и не могут обогнуть выпуклость земного шара. Наш опытный телевизор дальнего приема построен на очень остроумном принципе. Он использует как отражательное зеркало Луну...

— Почему Луну? — отсутствующим голосом спросил Карцев, не спуская взгляда с растерянного лица сына.

— Вы, конечно, знаете, — спокойно продолжал директор, — уже давно удалось послать на Луну ультракороткие радиоволны и принять обратно отраженные. Этим сейчас и пользуются для дальней передачи телеизображения. Передающая станция посылает свои направленные радиолучи прямо на Луну. Оттуда они отражаются и могут быть приняты всюду, где Луна в этот момент видна. Мы тотчас же настроились, как только Луна показалась над горизонтом... Расстояние не играет роли. Простите, Сергей Леонидович, вы, кажется, меня не слушаете?

— Вы правы, — сказал Карцев, тяжело опускаясь в кресло. — Расстояние не должно играть роли...

Женя уже оправилась и молча стояла у телевизора. Она слушала рассказ Ходова о том, что произошло на трассе ледяного мола.

Глава шестнадцатая

В КИПЯЩЕМ МОРЕ

На дне моря стоял водолаз. Он смотрел вверх. Высоко над его головой виднелось диковинное небо, затянутое зелеными тучами.

Прожекторы, напоминавшие шарообразные буи на якорях, плавали не на поверхности, а под водой. В перекрещивающихся мутных лучах были видны нависшие, близко расположенные одна к другой трубы, походившие на гигантскую повалившуюся изгородь. У основания этой наклонной изгороди копошились, как фантастические существа с огромными круглыми головами, водолазы.

Они переходили с места на место, нагибались, брали концы труб и заводили их в отверстия зарытых в ил патрубков. Другие водолазы укладывали по дну сеть горизонтальных труб с замазанными пока отверстиями по всей их длине, предназначенными для выхода жидкого воздуха.

Вдали виднелось светлое пятно, отбрасываемое «подводной черепахой».

Алексей Карцев, стоя на дне, любовался всей этой картиной и думал о себе, о своей мечте. Эти ряды труб он рисовал когда-то на бумаге. Теперь они, наклоненные, едва виднеются над головой. Он лишь вчера решил их наклонять, чтобы работы можно было вести и при надвинувшихся ледяных полях. Когда поля пройдут, трубы встанут вертикально. Да, все это было сначала в воображении, потом на чертеже: и трубчатый частокол и «подводная черепаха». А скоро со дна поднимется ледяная стена.

У Алексея щипало глаза. К горлу подкатывал знакомый комок. Только сейчас, впервые в жизни, он понял, какое это счастье видеть плоды своего труда. Вспомнился Денис. Тот всегда умеет быть счастливым. То же чувство, какое испытывает сейчас Алексей, владеет Денисом, когда он смотрит на любую установленную им трубу. Так же токарь любовно разглядывает сделанную им деталь, скульптор — статую, архитектор — дворец.

Что же будет, когда по туманной полынье в зимнюю стужу пройдут караваны судов, когда вдоль сибирского побережья вырастут города, рудники и заводы?

Что это? Удовлетворенное честолюбие или гордость?

Да, гордость! Пусть гордость! Это та гордость, которую будет испытывать не только он один, а и каждый строитель, каждый советский человек, так или иначе принимавший участие в Великой стройке. И если говорить о высшей радости в жизни, то вот она! И что по сравнению с ней все остальные человеческие чувства, включая муки любви? Видимо, любовь — чувство низшего порядка, если противопоставлять ей творчество. Любить могут и люди ограниченные, тупые, лишенные фантазии, а творить, создавать — лишь те, кому человечество обязано своим отличием от животного мира. И потому радость творчества, счастье созидания неизмеримо выше, тоньше, глубже тех чувств, которые люди называют любовью.

Так разделялся наш упоенный изобретатель с чувством древним, святым и поэтическим, стараясь заглушить в себе мучительную боль утраты, горечь уязвленного самолюбия, которые он постоянно испытывал со времени сцены у телевизора.

И незаметно для Алексея горделивое чувство успеха уступало в нем место нерадостным размышлениям о неразделенной, как ему казалось, любви. Да полно! Любовь ли это? Любил ли он по-настоящему Женю? Искал ли он ее поминутно, робел при ней? Нет! Женя ему была просто необходима как восторженная почитательница его «talантов». И его почитание он по слепоте баловня готов был принять за любовь, полагая, что его «есть за что любить». А недавно с юга она написала, что «за что-нибудь не любят. По-настоящему любят только «вопреки»... Он не понял ее письма, а теперь оно звучит очень ясно. В пору, когда он «затмевал всех», полюбить его «за это» по-настоящему было нельзя. Ну, а теперь, когда на деле оказывается, что никакой исключительности в нем нет, что заслуга его лишь в том, что он

сумел выразить мысль, близкую народу, теперь бы и полюбить его «вопреки» тому, что он самый обыкновенный. А любви-то и нет! Вот в чем вечная загадка любви!

А разгадать ее можно, мысленно поставив себя рядом... с Федором. Немногому он у него научился! Взять бы хоть случай в кессоне. Можно ли все свалить на слабость Виктора? О полководце судят по результатам боев. Алексей командовал подводниками, а они чуть не погибли в кессоне. Он не имел права ставить на связь такого человека, как Виктор. Пусть он и считался у геологов хорошим руководителем, но ведь был же случай с Галей! Каждый шаг сейчас — урок жизни. У Федора то преимущество, что он уже прошел хорошую школу. Такую школу надо пройти, чтобы не просто осуществить свою мечту, но и быть вправе руководить осуществлением ее. В этом высшее счастье. А что любовь!..

Неподалеку от Алексея на дне стоял еще один водолаз и внимательно рассматривал наклонившуюся трубчатую стену. Это был Денис. Он думал о другом. Он пытался представить себе, какое чудовищное количество металла останется под водой. «Но ведь без труб не обойтись! Они нужны для того, чтобы по ним мог пройти охлажденный соляной раствор. Трубы покроются льдом. Ограниченное ими пространство превратится в ледяной монолит. Эх, вот если бы их тогда можно было вынуть! Но ведь они и потом будут нужны, иначе вода своим теплом растопит весь мол. По трубам все время придется пропускать охлажденный раствор. И никак не вытащишь эти бисовы трубы! А если все-таки... Чем бы их заменить? Из чего бы их сделать — дешевого, подручного? Вот придумал же Алексей делать мол из льда. Может быть, трубы делать из льда? Ну и растают сразу, прежде чем их успеют установить».

Денис забыл, что он в шлеме, и даже плюнул от раздражения. Снова взялся за работу, но упрямая, назойливая мысль не давала ему покоя.

...Виктор мрачно стоял у переборки. Он бесцельно разглядывал исчезающие под водой блоки труб, по-

ходившие на гигантские гребенки с неимоверно длинными зубьями, которые укорачивались по мере погружения. Виктор тяжело страдал от общего отчуждения. Правда, знакомые здоровались с ним при встрече, обменивались односложными словами, но никто, словно сговорившись, не заводил разговора о его проступке. Он ждал суда, наказания и не знал, что делать. Ложная гордость удерживала его от разговора с руководителями, а они не вызывали его к себе, не требовали объяснений. Даже Алексей, который сгоряча еще в кессоне высказал Виктору все, что о нем думал, теперь молчал.

Виктор увидел, что к нему подходит Александр Григорьевич, и весь съежился, словно ожидая удара.

— Добрый день, Виктор, — сказал дядя Саша, проводя рукой по выходящей густой бороде. — Когда гора не идет к Магомету, Магомет идет к ней.

— Почему я должен идти? Меня все презирают, не замечают.

— Разве тебе не о чем поговорить с партийным руководителем?

Виктор взглянул в чуть выцветшие голубые глаза дяди Саши и отвел взгляд.

— Когда-нибудь, — продолжал дядя Саша, — сильнейшим наказанием за проступки станет общественное презрение, бойкот. Никто еще не объявлял тебе бойкота за проявленную тобой слабость духа, но отношение к тебе строителей определилось само собой.

Виктор вцепился в поручни.

— Ты молчишь. Ты воображаешь, что имел право потерять над собой власть. Но именно этого права ты не имел. Алексей несет ответственность за одно то, что мог доверить линию связи такому ненадежному человеку, как ты.

— Никто не говорил, что геолог Омудев ненадежен, когда он придумал способ зимней разведки дна и этим приблизил сроки начала строительства.

— Ты оказался ненадежен для друзей в совместной борьбе.

— Я виноват! — горько усмехнулся Виктор. — Я подчиненный, я понимаю...

— Понимание и подчинение, — задумчиво произнес дядя Саша. — Слушай меня, Витяка. Ты не оправдал себя как руководитель, ты не оправдал себя и как подчиненный. Прежде трудовая дисциплина была построена на подчинении. Скоро никакого подчинения не понадобится. Оно само собой заменится пониманием. Руководители будут понимать задачу, мы с тобой будем понимать их указания, все вместе мы будем понимать общие государственные интересы, интересы всего общества. Подчинение, наверное, никто не будет отменять законом, никто не будет отменять административных взысканий, выговоров и прочего. Все это незаметно отомрет как отжившее старье: оно не понадобится для новых отношений, когда все будут понимать самое главное...

Виктор стоял с опущенной головой, хмуро слушая дядю Сашу.

— Вот этого понимания у тебя не было и как у руководителя и как у подчиненного. Буква «я» — последняя буква алфавита. Это и нужно тебе понять в первую очередь.

Как жалел в этот момент Виктор, что актиния не нанесла ему никакого серьезного повреждения и что он уже через два часа был совершенно здоров! Ему хотелось бы лежать смертельно раненным, чтобы хоть на минуту вызвать сочувствие и заботу людей.

— На твое имя письмо, — сказал дядя Саша, протягивая Виктору конверт с иностранными штемпелями. — От Майка, — добавил он, пристально глядя краснеющему Виктору в лицо. — На письмо это нужно будет ответить так, как отвечали обычно. Каждый напишет о себе, о том, что им сделано хорошего.

Дядя Саша не сказал Виктору, но тот прекрасно понял, что в приписке, которую ему предстоит сделать, он, по существу говоря, будет представлять уже не только самого себя, но и всю страну.

Но Виктор еще храбрился, рисовался.

— Хотите знать, что я напишу ему, как выйду из положения? — нервно спросил он.

Дядя Саша кивнул головой:

— Хочу, чтобы написал. А главное, чтобы почувствовал, что нужно написать.

Виктор не нашелся, что ответить. Видимо, ему действительно многое нужно было осознать. Именно этого дядя Саша и добивался.

Скрывая смущение, Виктор разорвал конверт:

«Дорогие друзья!

Выбор сделан. Вы поймете меня, прочтя письмо кузена Джерри Никсона, вынесенного, как говорят, на «гребень волны успеха».

«Хэлло, Майк! Здорово, рыжий пес!

Не делай рожи, словно глотнул уксуса вместо виски. У меня к тебе не только родственные чувства, которые не очень-то котируются на бирже, но и бизнес. Хэлло, старина! Наконец-то у тебя есть возможность выскочить в настоящие парни, а то ты скоро булькнешь, как часы в колодце. Держись за меня, приятель. Дела у меня идут день ото дня лучше. Писания, если они попадают в тон, нужны дядям с тугими бумажниками. Доллары бегут ко мне, как цыплята, и я выведу из них здоровенных кур, которые станут мне нести золотые яйца. И вот теперь мне нужен ты. Нужен, как президенту Библия. Настоящий бизнес требует размаха. Как бы ты отнесся к идее прорыть канал через полуостров Флориду? Не хуже, чем в коммунистической России? Ах, ты удивляешься! Отвечу на твой вопрос. Канал отведет теплое течение Гольфстрим от европейских берегов. Не поднимай свои рыжие брови. Это чисто американское течение. Оно зарождается в американском Карибском море. Американцы имеют право распоряжаться своей собственностью, как им вздумается. Не лей слез об Европе. Наше восточное побережье потеплеет. Нью-Йорк, Балтимора, Филадельфия, пальмы и апельсины. Второй Золотой Берег! Новая Калифорния! Даже новая Панама! Можно заработать! Но настоящий бизнес вовсе не в этом! Канал станет средством управления Европой! Ха-ха! Весь мир кричит, что мы потеряли остатки нашего влияния в западноевропейских странах, нас там плохо слушают. Прекрасно! Наши конгрессмены ломают себе голову и идут на сближение с коммуниз-

мом. Так слушайте! Слушайте Джорджа Никсона! Если скрипит золотой рычаг, которым мы до сих пор пользовались, то ворота в шлюзах Флоридского канала скрипеть не будут! Поворот рычага — и непослушная Европа, насквозь коммунистическая, останется без своего тепленького Гольфстрима. Прощайте, виноградники Франции и сады Англии, посевы Германии и промыслы Норвегии! Слушайте нас, европейцы, или возвращайтесь к ледниковому периоду.

Строительная техника может дать Америке новую политическую силу. И тогда можно будет покончить с пресловутым «сближением»! Каково? Неплохо придумано? С такой идеей можно выставить свою кандидатуру в сенаторы. Х-ха! Сенатор Никсон? Звучно, черт возьми! И тут-то мне понадобится родственно настроенный физик. Нужно расчетами доказать, что Флоридский канал можно прорыть в короткий срок с помощью атомных взрывов. Открывай шире рот, мой мальчик, и хватай кусок пирога. Мой проект кое-кому из больших акул нравится. Имея это в виду, заведи себе бумагу для расчетов и объемистый бумажник.

Бог поможет нам, мой мальчик.

Твой кузен Джерри».

Что я сделал с этим письмом, спросите вы меня, мои друзья? Я опубликовал его в газете. Меня пробовали уличить в фальсификации, но на следующий день я опубликовал фотोगрафию письма. Пусть возмутятся сто пятьдесят миллионов американцев, которые хотят мира!

Получая ваши письма, я понял, насколько мелки все мои личные невзгоды и делишки по сравнению с тем большим, великим, что волнует вас.

Еще раз хочу почерпнуть эту веру в вашем письме, которое придет уже с замечательного строительства, где каждый из вас может проявить все свое самое лучшее, как вы мне писали.

Искренне ваш

Майк».

Виктор отдал дяде Саше письмо, и, шатаясь, побрел по палубе. Он был противен самому себе. Может быть, самым верным было бы тотчас же вернуться и рассказать парторгу все, что уже было осознано и оставалось нерассказанным лишь из-за тупого упрямства. Но как раз на это у Виктора и не хватало силы воли.

Виктор больше не выходил на палубу. Целыми днями валялся он на койке, стараясь ни о чем не думать. Но он думал...

В эти дни Виктор пережил многое. Если бы у него нашлись силы выйти на палубу, это означало бы, что он стал уже другим человеком. Но Виктор не выходил из каюты, новый человек в нем еще не совсем созрел. Начальник строительства по просьбе парторга отложил обсуждение проступка Виктора Омулева.

Не появился Виктор на палубе и в торжественную минуту, когда коллекторы, поверху венчающие спущенные трубы, в благоприятный момент были подняты над поверхностью воды. Они составили все вместе правильный круг диаметром больше ста метров. Два парохода-холодильника с мощными холодильными установками на борту присоединили к коллекторам шланги и дали под воду замораживающий раствор.

Громкое «ура» прокатилось по палубе гидромонитора. С этой минуты морская вода внутри трубчатой клетки, представляющей собой огромный цилиндр, начала превращаться в лед. На поверхность моря словно всплыло ледяное кольцо — вершина поднявшегося со дна ледяного цилиндра. Волны внутри ледяного кольца исчезли. Образовалась небольшая лагуна, размером с футбольное поле, с иным, чем в море, бирюзовым цветом воды.

Не видел Виктор, как Карцев подошел к микрофону и отдал распоряжение. Люди бросились к борту. Алексей с замирающим сердцем вышел на боковое крыло капитанского мостика. Оправдаются ли расчеты? Сотни глаз впились в гладкую поверхность лагуны. Пароход-холодильник дал протяжный гудок.

В лагуне со дна вырвались мириады пузырьков. Вода заклокотала, как в испюлинском котле. Ограниченное ледяным кольцом море кипело, покрываясь клубами тумана.

Матросы теснились у борта, толкая друг друга. Пузыри воздуха лопались, выбрасывая брызги холодной воды, долетавшие до палубы. Плескались, метались из стороны в сторону мгновенно возникающие и исчезающие конические волны. Пузыри воздуха взлетали из глубины, вздувались, лопались и появлялись снова. Влага воздуха под влиянием резкого охлаждения превращалась в капельки тумана.

Алексей стоял, скрестив руки на груди. Ему хотелось петь, хотя петь он не умел.

Галя подошла к нему:

— Помнишь, Алеша, как ты рассказывал в популярном клубе, рисовал эту сказочную картину? Мне Ваня Хорхай передавал. Его приемник гудел от аплодисментов. Мне и сейчас хочется хлопать.

Алексей благодарно взглянул на Галю. И опять, как это было уже один раз, оба они покраснели. Подошел неторопливый Федор. Он улыбнулся, глядя на Алексея.

— Каюсь, Алеша. Думал, не получится.

И все трое стали молча смотреть на кипящее холодом море.

— Лед! Лед! Смотрите! Растет! — вдруг слышались крики.

Действительно, кипящее море замерзло на глазах. Казалось, непостижимое чудо, но все было так естественно, если вспомнить, что в проложенные по дну трубы сверху подавался жидкий воздух. Он вырывался из отверстий, смешивался с водой, испарялся, отнимая у нее тепло, и замораживал ее, превращая в лед. Пузырьки воздуха устремлялись вверх, и казалось, что вода кипит.

— Лед, лед! Он поднимается! — орал вместе со всеми Виктор, все-таки появившийся на палубе.

Словно гигантский ледяной поршень выдвигался снизу в ледяном цилиндре, поршень, на котором мог бы поместиться океанский корабль. Поверхность льда

уже виднелась сквозь тонкий слой воды. Воздух через многочисленные поры во льду струйками вырывался на поверхность.

Люди замолчали. Было слышно, как в машинном отделении кто-то звякал ключом. На пассажирском пароходе играло радио.

И вдруг вся клокотавшая поверхность стала гладкой. Перед людьми уже не было лагуны. Вода в ней застыла.

Ликующее «ура» пронеслось над первым в мире искусственным ледяным островом, над первым ледяным быком великого сооружения.

К Алексею, Федору и Гале подошел дядя Саша.

— Все-таки Витяка пришел. Он говорил сейчас со мной. Он понял. Все понял сам. Наказывать его не надо.

Что главное в наказании? Мечь за проступок, острастка для других или еще что-то другое, чего никогда в далеком прошлом не добивались наказывавшие люди?

Все трое прекрасно поняли дядю Сашу. Виктор был наказан и наказан сурово. Вряд ли кто согласился бы оказаться на его месте. Но наказание это не было мечью! Оно помогло Виктору найти самого себя. Друзья чувствовали ответственность и за него и за великое, доверенное им дело.

Виктор издали наблюдал за ними. Он заметил, что Алексей помахал ему рукой.

Витяка отвернулся и, рукавом утирая глаза, бросился к борту, чтобы снова увидеть чудесно выросший в кипящем море остров.

И странное дело! Виктора перестали чуждаться. Его не сторонились, его толкали, даже кто-то обругал его за то, что он наступил на ногу. И этому окрику Витяка обрадовался, благодарно посмотрел на сердитого моряка.

Внезапно шум стих. Полярные строители смотрели на капитанский мостик. Там появился парторг строительства Александр Григорьевич Петров и на голову возвышавшийся над ним высокий седой Ни-

колай Николаевич Волков. Поодаль стояли Ходов, Алексей и Федор.

Дядя Саша поднял руку, требуя тишины, но и так, было тихо.

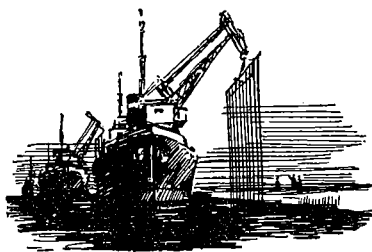
Волков заговорил:

— Товарищи! Разрешите сообщить вам решение о присвоении географического названия сооружению, первый бык которого возник сейчас на наших глазах. Отныне оно будет называться «Мол «Северный». Эти слова нанесут на все карты.

Немало новых названий наносится на наши карты. Никто не слышал прежде о Московском или Рыбинском морях, никто не поверил бы, что будут моря Сибирское, Цимлянское... Люди, строящие коммунизм, меняют географию планеты.

Стоявший рядом дядя Саша протянул руку и громко сказал:

— Дверь в коммунизм открыта, мы дышим его воздухом!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЗИМА

«Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях».

Академик И. П. Павлов

Глава первая **ПОЛЯРНОЙ НОЧЬЮ**

Черное звездное небо предвещало мороз.

Ледяная, покрытая снегом равнина казалась серой. Местами ее перерезали гребни торосов. Лдины громоздились одна на другую, иногда становились торчком, но не отбрасывали теней, — их не дает свет звезд.

По серому снегу крался медведь. Только два черных глаза и черный нос можно было различить на поверхности льда. Зверь перебирался через торосы к широкой полосе гладкого льда, тянувшейся от горизонта к горизонту и почему-то не тронутой следами ледовых

битв. Медведь лег на живот и, загребая лапами, пополз. Возле небольшого круглого отверстия во льду он замер: превратился в глыбу льда.

Видимо, он давно заметил прорубь, которую протаивала нерпа, чтобы выбираться на лед. Прорубь была подернута тонким ледком, нерпа еще не вылезала...

Медведь лапой прикрыл черный нос и стал совсем невидимым на снегу. Ничто не нарушало мертвой тишины. Шли часы. Мертвенным и холодным был блеск звезд.

Под темным ледяным стеклом что-то мелькнуло. Задняя лапа, которой медведь уперся в снежный наст, задрожала. Ледок хрустнул. Стрелками разбежались трещины. Сильнее тряслась напряженная лапа. Хруст повторился. Ледок сломался, и из проруби показалась мокрая круглая головка. Нерпа высунулась из воды, ластами уперлась в край льдины.

Медведь все еще медлил. Нерпа стала выбираться на лед, но вдруг замерла, насторожилась.

Враг ничем не выдал себя. И все же нерпа, словно услышав посторонний звук, стала сползать обратно в воду.

Медведь рванулся вперед с неожиданной для его громоздкого тела легкостью. Передними лапами он схватил нерпу.

Вдруг раздался лай. Что-то метнулось по снегу. Медведь недовольно оглянулся. Таких звуков он никогда не слышал. Небольшой мохнатый зверек бросился на медведя, раздражающе таякая.

Царь снежной пустыни зарычал и замахнулся передней лапой. Этого было достаточно, чтобы нерпа выскользнула и исчезла в проруби.

Медведь взревел и бросился на наглого врага, посмевшего отнять добычу.

Собака увернулась. Ее ловкость была поразительной, особенно если учесть, что ездовая лайка, лохматая, с длинной мордой, стоячими ушами и весело задранным хвостом, была без левой задней ноги.

Собака оказалась сзади медведя и, прыгнув на него, вырвала зубами клочок белой шерсти.

Белый гигант махнул лапой. Одного прикоснове-

ния было бы достаточно, чтобы переломить собаке хребет. Но могучие когти полоснули воздух.

Видно, не первого медведя травила трехлапая! Вне себя от ярости поворачивался медведь. Его кошачья гибкость, его львиная сила ничем не могли помочь в борьбе с этой верткой, наглой, твякающей собакой.

Зверь громко сопел и старался схватить врага зубами или ударить. Лайка носилась, описывая круги, и не давала медведю сдвинуться с места. Натасканная охотниками, она словно ждала, что сейчас подойдет ее хозяин с ружьем.

Внезапно в морду зверя ударил ослепительный луч. И сразу серый свет звезд, освещавший до этого мгновения снег, стал тьмой. Испуганный царь льдов метнулся в сторону. Не обращая внимания на собаку, едва не задавив ее, он бросился к длинному торосистому валу. Собака с лаем гналась за зверем.

— Гекса! Гекса! Назад! — слышался низкий женский голос.

Медведь мчался по снегу. Оказывается, такая туша может нестись со скоростью оленя, делая огромные прыжки, как скачущая лошадь! При каждом из них медведь переваливался с задних лап на передние.

Когда медведь в два приема перемахнул через ледяной хребет, собака, свесив набок язык, с сознанием выполненного долга вернулась к хозяйке.

Около проруби стоял вездеход с высокой вышкой над кузовом.

— Вот и прекрасно, Матвей Сергеевич, — говорила Галя. — Даже лед не надо прорубать. Готовая прорубь!

— Золотая собака, — сказал Матвей Сергеевич, глядя на торосы, за которыми скрылся зверь.

Галя усмехнулась. Трепля подбежавшую Гексу по голове, она поправила механика:

— Не золотая, а рыжая.

Матвей Сергеевич полез в кабину, чтобы поставить буровую вышку над прорубью. Галя задумчиво подошла к торосам, легко взобралась по нагроможденным льдинам на торчавший вертикально ропок.

Закинув руки за затылок, Галя взглянула на го-

ризонт. Ей показалось, что она видит слабый луч прожектора. Спускаясь с торосов, она даже крикнула:

— Матвей Сергеевич! Ваня! Смотрите: это свет гидромонитора! Как могло получиться, что нас нагоняют?

Матвей Сергеевич смотрел на колеса, чтобы не въехать ими в прорубь. Он пробурчал:

— Не догонят. Очередной отрезок полыньи прорежут. Прорежут — и остановятся.

Из кузова выскочил Ваня. Он посмотрел не только на горизонт, но и на звезды.

— У нас говорят, Галина Николаевна, великий человек светлый чум до неба построил, — задумчиво сказал он.

Галя посмотрела наверх, да так и ахнула. Со всех сторон от горизонта к Полярной звезде тянулись светлые полосы, похожие на лучи прожекторов. Они трепетали, передвигались и, наконец, сошлись все в одной точке — на Полярной звезде.

— Прошлой зимой здесь, в Арктике, помните, этого не было! Но я где-то видела. Я уже видела это! — крикнула Галя, почему-то снимая шапку.

Матвей Сергеевич медленно вылез из кабины и уставился на небо:

— Вот уж не знаю, как могли вы это видеть? Маленькой вы тогда, Галина Николаевна, были, под стол в коляске ездили. А я в тот день с фронта вернулся... вернее, из госпиталя выписался.

— В какой день? — спросил Ваня.

— В День Победы. Вот так же прожекторы светили, шатром лучи в небе сходились.

— Салют, Матвей Сергеевич! Это салют Победы! — взволнованно заговорила Галя. — Ваня! Вы слышите? Арктика капитулирует!

— Капитулирует, Галина Николаевна! Капитулирует! — согласился Ваня.

— Ничего особенного. Обыкновенное северное сияние, — заявил Добров, снова забираясь в кабину.

Галя долго смотрела на чудесное явление, и ей казалось, что сама природа салютует своим победителям. И она думала об Алеше с восхищением, с любовью...

Денис, поднимавшийся по трапу на гидромонитор, тоже видел шатер из светлых полос, но он ему представлялся гигантскими трубами, упершимися в самый небосвод.

Надо сказать, что за последнее время Денису все представлялось похожим на трубы. Мысль о пропадающих под водой трубах не давала ему покоя. Он стал неразговорчив, сосредоточен, ходил с «видом бодающего быка», как шутя говорил про него Витяка. С упрямой настойчивостью он искал способ обойтись без труб. Он постоянно думал о них. То трубы делались у него из льда, то из промасленной бумаги, обертывающей ледяной стержень, который, растаяв в воде, даст возможность пропускать по бумажной трубе соляной раствор. Но все это не годилось.

Последнее время Денис сердился на себя, стал раздражителен, придирался к товарищам по работе, которые казались ему на производстве недостаточно бережливыми. Со свойственным ему упрямством он все продолжал думать, как бы обойтись без этих «бисовых труб», которых десять раз хватило бы на водопровод до Луны.

От мучившей его проблемы Денис был отвлечен общим тревожным настроением на строительстве. Дело было серьезнее размышлений о трубах. Даже со спущенными в воду трубами мол не замерзал!..

Эту беду Денис, впрочем, как и все его товарищи по работе, воспринял как свою личную. За несколько дней он похудел, осунулся. Причиной беды оказалось неизмеримое количество выпавшего в эту зиму снега и почти непрекращающаяся пурга, редкая даже в Арктике. Учесть при проектировании все это было нельзя. Радиаторы, которые по расчетам проектировщиков должны были охлаждаться ветром, занесло теперь снегом. Снег защищал их от холодного ветра, соляной раствор плохо охлаждался и не замораживал морскую воду.

Последняя пурга почти совсем занесла радиаторы в той части мола, где каркас уже был закончен.

Встревоженный и судьбой стройки и состоянием друга, Денис явился прошлой ночью к Алексею.

Алексей только что вернулся из парткома, где проходило экстренное совещание. Расхаживая по тесной каюте и задевая все время за длинные ноги Дениса, Алексей взволнованно рассказывал о своем столкновении с Ходовым:

— Рассматривает строительство только как опытное!.. Прежде всего научиться замораживать мол! Перенести опыты на Ладожское озеро... Ну, нет! Вопросы надо решать на ходу.

— Что ж тут придумать можно? — мрачно спрашивал Денис. — Не отгребать же снег лопатами и снегоочистителями?

— Приходи завтра в салон капитана. К двенадцати часам. За ночь кое-что подготовлю!

Денис ушел от Алексея несколько ободренный. Он видел, что его друг не складывает оружия, когда Ходов готов отступить.

На следующий день в назначенное время Денис отправился в салон капитана. Работа на стройке не останавливалась. Когда Денис шел по палубе гидромонитора, корабль прорезал полынью для спуска под лед новых труб.

На мостике стоял Федор. Денис сразу узнал его крупную коренастую фигуру в полушубке, в меховой шапке с длинными ушами. «Пока идут споры, этот ведет себе корабль вперед», — подумал Денис.

С шипением вырывались из боковых гидромониторов водяные струи, похожие на стальные шпаги. Перед судном, как бы намечая его путь, появлялись два пропила. Остановившись на мгновение у реллингов, Денис видел, как ледокол рванулся вперед, на надпиленную льдину. Стальная громада напозла на лед, и он отламывался. С непостижимым искусством Федор не давал отломанной льдине всплыть, заталкивая ее корпусом судна под лед.

Денис постучал в дверь салона, где жил и работал Ходов. На стук вышел Алексей в меховой одежде. Лицо его было озабоченно.

— Пришел? — сказал он, пожимая Денису руку. — Поехали. Василий Васильевич, мы ждем вас в вездеходе.

Пока шли по палубе и спускались по трапу, Алексей успел сказать Денису:

— Потребуются серьезные переделки. Батареи подняты недостаточно высоко надо льдом. Такие сугробы мы уж никак не предвидели.

— Разгрести? — спросил Денис.

— Ничего не выйдет. Радиаторы должны служить и все будущее время предохранять мол от таяния. Раствору надо циркулировать постоянно.

Денис промолчал.

— Будем исправлять проект. Природа потребует внести в него еще не одну поправку. На это мы и рассчитывали.

— Товарищ Денисюк, — коротко сказал подошедший Ходов. — Вам мы поручим работы по переделке собранного каркаса.

Вездеход тронулся. Алексей быстро повел его вдоль корпуса ледокола, штурмующего лед. Шипение струй стало замирать за спиной.

Следом за ледоколом по полынье двигался лесовоз — корабль, специально приспособленный для перевозки бревен. Он оказался удобным для транспортировки длинных труб. Шла разгрузка. Людей видно не было. Краны работали словно сами собой. Трубы с грохотом опускались на лед, но не рассыпались, а оказывались сложенными в аккуратный штабель. Для удобства обращения с ними они были намагничены и прилипали друг к другу.

Аккуратные «трубные поленницы» остались позади.

Приближались огни еще одного корабля, шедшего по проложенной полынье. Это был пассажирский пароход, на котором жили невидимые теперь строители.

На льду, освещенном прожекторами, кипела работа. Хитрые стальные машины разумно и хлопотливо поднимали и опускали решетчатые руки с электромагнитными пальцами, к которым прилипали сталь-

ные трубы. Трубы превращались в зубья огромных гребенок, уложенных вдоль полыньи. Параллельно первой шла и вторая полынья. По ней тоже двигались корабли, а около них работали машины с устремленными в темноту неба решетчатыми стрелами.

Ряды труб устанавливались на таком расстоянии один от другого, чтобы вода между ними промерзала без помощи искусственно охлаждаемого жидкого воздуха, лишь за счет циркуляции раствора по трубам и радиаторам, охлаждаемым ветром. Для надежности замерзания строители пошли на большой расход труб, располагая их не двумя, а несколькими рядами.

Сколько раз задумывался Денис о судьбе этих труб, обреченных навеки остаться в ледяном монолите! Сколько раз он клялся самому себе найти способ замены этих труб! «Ведь столько металла зря под водой останется! Не горюют об этом наши инженеры, даже Алексей. Ему бы и придумать что-нибудь. Голова у него светлая», — размышлял Денис.

За кормой пассажирского парохода из воды поднимались канаты и шланги. На дне — «подводная черепаха». Подводники укладывают патрубки.

Вездеход шел теперь мимо подъемных машин, около которых также не было видно ни одного человека. Люди словно попрятались от мороза. Но впечатление это было обманчиво. Жужжали электрические моторы, светились окна закрытых кабин, двигались решетчатые стрелы, то поднимая в воздух гребенки с очень длинными зубьями, то спуская их в воду полыньи.

Проехали еще немного. Строительство теперь выглядело опустевшим. Над подернутой ледком полыньей возвышался низенький частокол труб, накрытый горизонтальной металлической коробкой — коллектором.

Здесь работы еще не начались. Приходилось ждать, когда лед станет более толстым и сможет выдержать тяжесть новых машин.

Вдоль замерзшей полыньи лежали полузанесенные снегом радиаторы, приготовленные для установки. Едва видимые в свете фар, они напоминали Денису батареи отопления.

Скоро вездеход снова въехал в полосу света ярких прожекторов. В летящей снежной сетке по воздуху плыли батареи. Они опускались на коллектор в нужных местах. Подвижные стрелы специальных кранов с поразительной точностью повторяли раз заданные движения и не нуждались в людях, которые кричали бы: «Вира!», «Майна!», «Еще немного!»

Установленные на коллекторе батареи уходили в темноту полярной ночи ребристой стеной. Некоторое время вездеход шел вдоль этого ребристого забора. Скоро встретились цистерны, заливавшие трубчатый каркас будущего сооружения холодильным раствором. Одетый в легкий комбинезон, словно выскочивший на минуту из помещения, строитель присоединял гибкий шланг. Это был первый человек, которого увидел Денис за все время путешествия. Костюм строителя был прошит металлическими нитками, по которым, нагревая их, проходил электрический ток.

Цистерна начала качать раствор, а человек перешел к следующей цистерне, уже закончившей свою работу. При этом он перенес идущий от его пояса провод и подключил его к новой штепсельной розетке.

Денис подумал о холодильном растворе, который должен был унести вниз холод, отнятый от арктического воздуха. Он знал, что тут-то и крылась беда.

Вездеход продолжал идти вдоль ребристого полузанесенного снегом забора. Видимость все ухудшалась.

Ветер мел по льду тучи снега. Ходов закрыл окно. Алексей включил снегоочиститель. На мутном стекле появился прозрачный веер. В свете фар крутился серебристый снег.

Вездеход остановился. Руководители стройки и Денис вышли на лед. Ветер ударил в лицо, запорошил снегом усы Дениса. Никаких следов сооружения не было видно, словно вездеход далеко отошел от места стройки.

Алексей, увязая унтами в снегу, забрался на сугроб и принялся рукавицами разгребать его гребень. Скоро появилась ребристая спинка радиатора.

Денис прикидывал в уме, какую гигантскую работу предстоит проделать, чтобы расчистить занесенные радиаторы.

Ходов подозвал Дениса.

— Денис Алексеевич, мы решили направить вас сюда. Дадим подъемные краны и необходимое число помощников. Предстоит огромная работа.

— Расчистить сугробы?

— Нет. Поднять радиаторы над сугробами. Пусть снег свободно метет под ними. Это идея Алексея Сергеевича. Мне она кажется удачной.

— Понятно! — обрадовался Денис за своего остроумного друга и сразу же спохватился: — Но как же поднять? Придется надставлять трубы?

— Нет, — возразил Ходов. — Мы вытащим трубы из льда метра на полтора. Коллектор и радиаторы окажутся выше.

— Трошки вытащить?

— Да, вытащить, — подтвердил подошедший Алексей.

— Так ведь они же вмерзли!

— Василий Васильевич предложил пропустить по трубам электрический ток и слегка нагреть их. Они свободно выйдут из льда. Ведь в нижних патрубках они не закреплены.

— А как же... как же эти полтора метра? Там внизу?.. — все еще недоумевал Денис.

Алексей рассмеялся.

— А что же, по-твоему, Денис, останется во льду, если из него вытащить трубу?

— Дыра останется.

— Дыра, как и в трубе, — подтвердил Алексей. — А для холодильного раствора ничего больше не надо.

«Во льду дыра... для раствора ничего больше не надо», — ошеломленно повторял Денис, чувствуя, что его лоб под шапкой покрывается испариной.

«Что же это такое?» — почти не веря себе, размышлял Денис. — Почему эти головастые инженеры догадались, что можно вытащить трубы на метр, да не подумают трошки еще? Там и есть самое главное!»

Ходов говорил Денису:

— Переделка отнимет у нас много людей и сил. Ведь график строительства окажется под ударом...

Ветер усиливался, закручивал над Денисом вихри снега, но тот не замечал начинающейся пурги. Он смотрел на откопанную часть радиатора.

«Не на метр надо вытащить трубы! Не на метр!.. Их надо, после того как лед замерзнет, вытащить совсем! И не только из средних рядов, как могли рассчитывать инженеры, а все! Чтобы ничего во льду не осталось! Никакого металла! Будут во льду только дыры — ведь для холодильного раствора ничего больше и не надо! Трубы освободятся! Переноси их на другой участок! Используй! А надо льдом выше сугробов останутся только радиаторы на высоких патрубках... Холодильный раствор, такой, чтобы не разъедал лед, будет циркулировать прямо во льду, по дырам!..»

Сердце у Дениса учащенно билось. Ему хотелось тотчас же рассказать инженерам о своей мысли. «Сберечь миллионы тонн металла! Разве не стоит об этом подумать? Недаром он так долго мучился. А Витяка еще издевался, Скупым рыцарем дразнил. Жаль металла на мол? Да! Жаль!»

— Хорошо, что строительство только начинается, — говорил тем временем Ходов. — Сейчас еще не поздно исправить ошибку. Вытаскивать из льда большое число труб мы не смогли бы... Не закончили бы мол к весне, и вся работа пошла бы, прошу прощения, насмарку...

Слова эти, сказанные скрипучим голосом Василия Васильевича, подействовали на Дениса отрезвляюще.

«Ходов боится вытаскивать трубы на одном лишь незамерзшем участке... Как же предложить ему вынимать трубы все до одной, едва они обмерзнут? Как подсказать ему производить здесь, на льду, в мороз, в пургу двойную работу?»

У Дениса в эту минуту не повернулся язык рассказать, что мол можно построить и без этих напрасно оставляемых во льду труб.

Начиналась пурга. Алексей гудками звал к везедоходу.

Глава третья

В ПУРГУ

Надо льдами бушевала пурга.

Теперь не было ни серого света звезд, ни светлых полос северного сияния. Казалось, сама непроглядная тьма несется и кружится, бьет в лицо острым битым стеклом, валит человека, хочет занести снегом на веки.

Денис распорядился натянуть канаты, чтобы люди не заблудились, случайно отойдя от линии радиаторов. Сильные прожекторы едва пробивали стремительно несущуюся снежную пелену. Мутный белый поток почти скрывал решетчатые стрелы кранов.

Денис, по колено увязая в снегу, перебегал от одного крана к другому и предупреждал машинистов.

— Сигнал дам прожектором. Как три раза потухнет — тягай! Смотри, полегоньку тяни. Зараз трубы от коллектора оторвешь.

Как ни крепко стоял на ногах Денис, ветер все же свалил его с ног. Снег сразу набился за воротник, в усы, даже под шапку. Чертыхаясь, Денис еле поднялся. В первую минуту он не мог понять, куда надо идти. В ушах свистело. Перед глазами неслась стена, едва освещаемая как будто далеким прожектором. Денис, увязая в снегу, побрел к огромному автобусу тарахтевшей дизельной электростанции.

Электрический ток через понижающий трансформатор должны были пропустить по трубам, чтобы нагреть их и потом попробовать вытянуть. Именно попробовать. Никто еще не знал, удастся ли обойтись с наименьшим числом людей, чтобы всю тяжелую работу выполняли бы краны.

Денис долго отряхивался, прежде чем забраться в крытый кузов передвижной дизельной станции. От яркого света электрических лампочек он зажмурился.

Открыв глаза, отфыркиваясь, потирая свои огромные озябшие руки, он заметил, что у мраморного распределительного щита стоит парторг строительства Александр Григорьевич Петров и старательно вытирает сосульки из бороды. Денис добродушно улыб-

нулся, снял заснеженную шапку и крепко пожал дяде Саше руку.

— Зараз потянем репку. А вы все-таки пришли до нас? И на пургу не посмотрели? — охрипшим басом говорил он.

Александр Григорьевич улыбнулся. Разве не здесь, на самом трудном участке строительства, было сейчас его место?

— Дать ток! — скомандовал Денис, поворачиваясь к щиту.

Андрюша Корнев, тот самый вихрастый паренек, который когда-то на общемосковском комсомольском собрании призывал будущих строителей отказаться от зарплаты, включил рубильник.

Стрелка гальванометра не двигалась.

— Неужели не нагреются? — волновался молодой машинист, то застегивая, то расстегивая на груди куртку.

— Терпи, козаче, — сказал Денис.

Время текло бесконечно долго. В незаметную щель залетали снежинки. Они вертелись перед щитом, садились на мрамор, на сверкающую медь приборов.

Стрелка гальванометра дрогнула. Пропускаемый по трубам ток стал нагревать их. Денис и дядя Саша видели: температура труб поднялась до нуля градусов. Стрелка застыла на месте.

— Что там у тебя? Все ли в порядке? — забеспокоился Денис.

Молодой машинист перебежал от одного прибора к другому. Электрический ток продолжал идти, но трубы не нагревались. Паренек вопросительно посмотрел на Дениса.

— Позвонить надо до начальства. Черт его батьку знает, что тут случилось! — решил Денис.

— Не надо, — остановил его парторг. — Электрическая энергия переходит сейчас в теплоту плавления.

— Правильно! — ударил себя по лбу Денис. — То ж сообразить треба! Лед плавится, а температура труб остается неизменной.

Стучал дизель, жужжал трансформатор, выл ветер. Стрелка гальванометра не двигалась. Денис не

спускал с нее глаз. Он первый заметил, как она дрогнула.

— Туши прожекторы! — оглушительно заревел он.

Три раза погрузилась во тьму вся линия кранов, выстроившихся около радиаторов.

Денис и дядя Саша, увязая в снегу, пробирались к батареям.

Ветер дул в спину. Ничего не видя, кроме светлого тумана перед собой, они протягивали вперед руки.

— Вира! Вира! — хрипло кричал Денис, словно его можно было услышать.

Канаты натянулись. Краны силились вытащить из льда батареи вместе с прикрепленными к ним трубами.

— Идет! Идет! Сама пойдет! Подернем! По-одернем! — кричал Денис.

Действительно, батареи двинулись, поползли вверх. С них стал осыпаться снег.

— По-одернем! По-одернем! — густым, поразительно низким басом пел Денис.

Батареи поднялись на полтора метра и замерли. Под ними из льда тянулись тонкие трубы. Денис снял рукавицы и потрогал металл рукой. Почему-то рассмеялся и, посмотрев на дядю Сашу, сказал:

— Значит, можно их вытягивать? Славно это Алеша придумал. Эх! Надо бы еще потянуть!

— Зачем же еще? — не понял Александр Григорьевич.

— А так... чтобы совсем трубы вытащить. — Денис хитро смотрел на парторга. — Во льду дырки останутся. По этим дыркам и пропускать холодильный раствор. А трубы на другой участок перенести. Вот вы и прикиньте, будьте ласковы. Весь мол можно почти без металла построить, если не считать радиаторов. Во всяком случае, без труб!

— Подожди, что ты говоришь? — взволнованно прервал его Александр Григорьевич, запуская руку в заснеженную борозду.

— Я так, дядя Саша, разумею: можно сберечь стране миллионы или уж не знаю сколько тонн металла.

— Ты говорил об этом с инженерами? — быстро спросил Петров.

— Да ни! Язык у меня вроде заржавел.

— Почему?

Денис выпрямился и указал рукой на снежный вихрь.

— Побоялся я. Сейчас, чтобы дело исправить, сколько нам сил приходится тратить. А то вдруг взять да и решить все трубы до одной на лед вытаскивать! Да разве с такой дополнительной работой справишься?

— Денис, ты, должно быть, сам не понимаешь, что предложил! — мягко сказал дядя Саша.

— Рабочий, он, дядя Саша, первый понимает, когда работа удваивается. Предложение-то предложением. Экономия металла и там другое разное... Я над всем этим который месяц думаю. Только не облегчит все это труд, а наоборот...

— Денис! Ты сейчас же едешь со мной на гидромонитор. Ты не имеешь права молчать!

Денис покосился на Александра Григорьевича. Не привык он, чтобы парторг волновался.

Около радиаторов, поднявшихся выше сугробов, возились рабочие, укрепляя ребристую стену распорками, иначе ветер повалит. Краны передвигались на новую позицию, чтобы вытягивать следующую секцию труб и радиаторов.

— Поехать? А как же тут? — в раздумье спросил Денис.

— Здесь тебя заменят. Идем в мой вездеход!

Денис нехотя пошел следом за парторгом. Он почти жалел, что проговорился. Как встретят инженеры его предложение? Вдвое утяжелить труд полярных строителей, когда и так люди едва справляются!.. Как об этом заикнуться?

Глава четвертая

НА ЛЕДОКОЛЕ

По тесной своей каюте взволнованно ходил Алексей. Его карие глаза блестели, на щеках выступил румянец. Денис, ссутулившись, сидел на койке, дядя

Саша — на вертящемся стуле около письменного стола. Он следил за Алексеем теплым взглядом, слушая его горячие слова.

— Кто объяснит мне технологию творчества? — говорил Алексей. — Почему к самому простому идешь вслепую, кружным путем, а придя, удивляешься? Ведь ты был рядом, в двух шагах! Почему ни я, ни Василий Васильевич, ни десятки других инженеров и ученых не додумались, что трубы во льду не нужны?

— Ты затрагиваешь, Алеша, очень сложный вопрос, — сказал Александр Григорьевич. — Денис рассказал мне по дороге, что на эту мысль его навело ваше с Василием Васильевичем распоряжение вытягивать трубы на полтора метра. Он додумал, казалось бы, совсем немного: вытянуть их и дальше! Если можно обойтись без труб на длине в полтора метра, можно обойтись без них совсем.

— Вот именно! — Алексей остановился и, словно видя Дениса в первый раз, стал разглядывать его лицо.

Тот даже смутился.

— Он додумался до этой простой вещи потому, что все время соображал, как бы обойтись без труб, — продолжал дядя Саша. — Ему нужен был лишь толчок. И этот толчок дали ему вы, инженеры, стремившиеся в тот момент лишь найти выход из бедственного положения.

— Подумайте, дядя Саша, — сказал Алексей. — Сколько людей внесли в идею мола свои поправки! Как не похоже то, что мы сейчас создаем, на мои первые смутные мечты!

Дядя Саша встал.

— В наше время, Алеша, при современном уровне техники, изобретатели никогда не открывают «америк». Изобретатель как бы кладет последний кирпич в здание, сложенное из бесчисленных достижений, мыслей, изобретений его предшественников или современников. Изобретатель кладет последний кирпич, потому что ему есть куда положить. Даже и сам кирпич подчас сделан другими. Надо только его взять и водрузить на место. Не делает этого один, делает другой.

Алексей ударил Дениса по плечу:

— Не могу себе простить, Дениска, что я сам не додумался до такой величайшей по эффекту идеи!

— Все сделанное кажется простым, — сказал дядя Саша. — Но можно ли думать, что инженеры-проектанты могут сделать такой идеальный проект, в котором все предусмотрят, в котором народ ничего не сможет улучшить? Нет таких инженеров, нет таких проектов. А творческие возможности народа неиссякаемы. И решения, рождающиеся в народе, всегда самые простые, самые остроумные. Когда-то подобный Денису представитель народа расставил по-иному своих помощников в шахте, в забое и опрокинул все точные расчеты инженеров. Нефтяник в Баку и одновременно с ним москвич на автозаводе додумались до простейшей вещи: заблаговременно затачивать инструмент, пока он не успел затупиться, — и опять целый переворот в технике. Таких примеров тысячи. И все они нисколько не сложнее предложения вытаскивать трубы из льда.

— Важно, что все они одинаково эффективны. В этом главное! — сказал Алексей. — Я уверен, что идея Дениса будет принята «на ура» всеми.

Дядя Саша пристально посмотрел на Алексея:

— Видишь ли, Алеша, хочется предостеречь тебя. Я первый был взволнован предложением Дениса. Но спроси его самого — поддерживает ли он эту идею до конца? Я чувствую, что он сам еще не решил, какую позицию занять. Твое мнение, как я вижу, готово, а вопрос заслуживает очень серьезного изучения. Он требует, если хочешь знать, подлинно партийного, государственного подхода.

Алексей встал и схватился за дверную ручку.

— Мы сейчас же примем решение у Ходова!

— Да, Василий Васильевич у нас и начальник строительства и главный инженер. Человек он огромного опыта, трезвого ума, ясной мысли... — сказал дядя Саша.

Алексей нахмурился, закусил нижнюю губу, посмотрел на Дениса. Тот понял этот взгляд по-своему.

— Кто ж додумался? Я, что ли? Ведь не я решил вытягивать трубы из льда. Вы с Василь Ва-

сильче, — бубнил он низким басом, словно оправдываясь.

Ходов принял Алексея, Дениса и парторга в салоне капитана. Репродуктор связи в салоне был включен. Слышались шорохи и голоса, словно было открыто окно в наполненную людьми комнату. Шла переключка по линии. Василий Васильевич проверял положение на всех строительных участках, раскинутых между искусственными островами по трассе мола в Карском море. Группы кораблей возглавлялись ледоколами, которые прокладывали полынью для спуска трубчатых каркасов.

— Да, да! — говорил Ходов в микрофон. — Вытягивать на полтора метра. Радиаторы встанут выше сугробов. Напрасно сомневаетесь. Я только что получил донесение, что Денисюк со своей бригадой прекрасно справился с задачей: вытащил трубы!.. Что? Для нас сейчас каждый человек важен! А вы людей поморозили. Переведите обмороженных на подводную работу, в тепло. Что? Ничего, под водой теплее. Не сорок градусов, а всего только минус один и восемь десятых. У меня все.

Ходов быстро взглянул на пришедших.

— Третий участок? Вы слышали мой разговор со вторым? Примите все к исполнению. Дизельная станция будет вам сброшена на парашюте. Что вам еще надо? Разве у вас не хватает подъемных кранов? Нет, вам придется обойтись своими, не задерживайте меня разговорами. Четвертый участок? Прошу кратко доложить. Что? Пурга? Знаю, что пурга. Разве у нас тут субтропики? Такая же пурга. Верю, что тяжело. Не хватает людей? Не уподобляйтесь битым полководцам, которые только и делают, что просят подкрепления.

— Что там у вас случилось? Почему приехали с аварийного участка? — бросил Ходов Денису, но, не дождавшись ответа, снова закричал в микрофон:

— Почему задерживаете сводку о ходе замораживания? Что? Слишком трудно? Все мы знали, как трудно будет строить мол. У меня все. Нет, подкрепления не будет. Обойтись своими силами!

— По линии! Всем по линии! Делаю перерыв на полчаса. Заслушаю очередные сводки. — Ходов выключил аппаратуру и устало посмотрел на пришедших. На столе перед ним лежал ворох бумаг. — Слушаю вас, — обратился Ходов к Денисюку.

Денис потерял дар слова. Свесив длинные руки, он только молча шевелил усами.

Дядя Саша откашлялся. Алексей молчал, поблескивая глазами. Видя, что Денис не соберется с силами, дядя Саша кратко рассказал Ходову о предложении Дениса, которое сулило экономии несметного числа труб.

Ходов встал и холодным взглядом оглядел смущенного Дениса, взволнованного Алексея и выжидающего парторга. Потом, чуть согнув свою узкую спину и положив руку на поясницу, прошелся по просторному салону.

Все молчали. Снаружи доносился шум и свист пурги. В салоне было тепло, и Денис расстегнул полушубок. Плохо выбритое лицо его побагровело.

— Похвально, очень похвально, — процедил сквозь зубы Ходов. — Техническая задача решена блестяще, но...

— Но? — пытливо спросил Алексей.

— Но метафизически.

— Почему метафизически? — искренне удивился Александр Григорьевич.

— Метафизически, то есть вне связи со всеми другими явлениями, — скрипучим голосом пояснил Ходов. Заложив руки за спину, сгорбившись, он ходил взад и вперед по салону. — В нашем случае без учета всех остальных обстоятельств и положения на строительстве. Какую задачу поставила перед нами партия? Какое задание дало правительство? Построить опытный участок мола в Карском море. Проверить результат его действия на природу весной. Это значит, что к весне вся трасса мола должна быть заморожена.

Все выжидательно молчали. Ходов прошел за стол и сел на свое место. Зажигалась сигнальная лампочка телефона, но Ходов нажал кнопку, давая знать, что говорить не может.

— Мол должен быть закончен. Да, на него требуется много металла, огромное количество труб. Правительство знало это и выделило нам нужные фонды. Наша страна ныне очень богата металлом. Но дело не в фондах. Вспомним, как делаются и где делаются эти трубы. В тепле. На юге. Без участия людей. Вам хочется сэкономить эти почти без всякого труда полученные трубы? Какой ценой вы хотите этого добиться?

— Василий Васильевич! — страстно прервал Алексей. — Но ведь если не надо труб, то ледяной мол будет строить легче, чем железную дорогу той же протяженности! У нас нет самых трудоемких земляных работ, а теперь не будет и металла!

— Легче, говорите? — прищурившись, спросил Ходов. — По-вашему, легче работать на льду, в пургу, в мороз, полярной ночью? По-вашему, легче не только спускать трубы под лед, но еще и вытаскивать их обратно, переносить на новый участок? Вы, как всегда, увлекаетесь, Алексей Сергеевич. В данном случае вы увлекаетесь экономией металла. Не понимаете, что стране выгоднее делать для нас трубы в благоприятных условиях, избавляя этим полярных строителей от дополнительного труда в условиях тяжелых.

Денис дернулся на месте. Этого возражения он и ждал!

Ходов продолжал говорить ровным, скрипучим голосом, приводя новые, как казалось Денису, все более неопровержимые аргументы.

— Приняв предложение Денисюка, вы возложили бы на строителей двойную работу. Они попросту не справились бы с ней. Это и понятно. Наш технологический процесс рассчитан до минут, едва ли не до секунд. Для него созданы специальные машины. — Ходов положил руку на телефон. — Я каждый час слышу о трудностях, о срывах, о неполадках. Принять предложение Денисюка, заставить вместо машин работать людей — это значит во имя экономии металла сорвать строительство. Мол не замерзнет к весне, а значит, будет и не нужен. Уж если стремиться к экономии труб во что бы то ни стало, то есть еще более эффективный и простой метод.

— Какой же? — не выдержал Денис.

— Не строить мол совсем, — отрезал Ходов и закашлялся.

Никто не возразил начальнику. Александр Григорьевич сидел нагнувшись, запустив руку в густую бороду. Алексей, видимо, едва сдерживал себя. Денис был ошеломлен.

— Не строить мол совсем, — холодно повторил Ходов. — А если решили мол строить, то надо думать, как его построить, а не измышлять способы к затруднению строительства. Я понимаю хорошие побуждения Денисюка, но я смотрю на вещи реально. Мы должны всячески облегчить труд людей в тяжелых условиях арктической зимы, всячески облегчить... Даже если для этого потребовалось бы вдвое больше труб. Для нас важнее всего люди! Люди, а не трубы! Прошу прощения, у меня сейчас будет разговор на линии. Я вам больше не нужен?

— Прошу прощения! Я не согласен с вами, Василий Васильевич! — резко сказал Алексей.

Ходов пожал плечами, но промолчал.

— Мы имеем возможность сберечь стране несметное количество металла. Как мы можем пройти мимо этого? — запальчиво продолжал Алексей.

— Но какой ценой? Я вам скажу, какой ценой. Ценой замены работы машин-автоматов напряжением мускулов людей, людей, которые обмораживаются на ветру, спускаются в ледяную воду. Вы не так понимаете задачи коммунистической стройки, товарищ Карцев. — Ходов поднялся.

Алексей стоял, не спуская с него пристального взгляда. Казалось, он вложил в этот взгляд весь свой темперамент, всю свою волю, все упорство.

Парторг строительства поднялся.

Ходов счел необходимым обратиться к нему:

— Александр Григорьевич! Что ты скажешь? Ты отвечаешь за строительство наравне со мной, ты больше, чем кто-либо, печешься о людях. Что ты скажешь?

Александр Григорьевич стоял посредине салона, запустив в бороду руку и наклонив в раздумье голову.

— Мое мнение, товарищи, ничего бы не решило.

Есть другое мнение — более весомое, более решающее.

Ходов и Алексей выжидательно молчали. Парторг спокойно посмотрел на них и сказал:

— Вопрос этот без народа решить нельзя. Надо, чтобы свое мнение сказали сами участники стройки, партийные и непартийные. Я думаю, что партийный комитет строительства согласится со мной.

— Хотите обсуждать мое мнение на собрании? — понизив голос и с трудом сдерживая гнев, спросил Ходов.

— Да. Решение должно быть подлинно государственным, оно будет принято не мной, не Алексеем, не тобой, Василий, а принято будет в Москве. Там дорожат мнением каждого строителя.

— Можете собирать любые суждения, — сказал Ходов, ударив по столу ладонью. — Я отвечаю за свое партийной совестью. Я знаю узкие места строительства. Мне поручено строительство мола, а не металлургического завода по изготовлению труб. Для меня люди дороже металла. Прошу прощения.

— Пусть скажет свое слово и народ, — веско заметил парторг.

— Да, надо поговорить со строителями, — ухватился за мысль парторга Алексей.

— Я не против обсуждения, но остерегайтесь митинговым запалом толкнуть строителей на невыполнимые обязательства. Еще раз прошу прощения. У меня время связи с дальними участками. Берусь в любой аудитории доказать несостоятельность и несвоевременность ваших забот об экономии строительных материалов.

Алексей вскипел. Он не мог больше сдерживаться.

— Вы говорите, как консерватор! И смóтрите на все с директорской колокольни, а не с государственной точки зрения.

— Государственные интересы — в выполнении государственных заданий, а не в срыве их во имя фантастических благ.

Алексей, заикаясь, сказал:

— Н-на ком-мунистической стройке... н-надо говорить и д-думать, д-думать и говорить по-иному!..

— И думать, и говорить, и действовать нужно только так, чтобы обеспечить готовность мола к весне.

— Любой ценой? — вызывающе спросил Алексей.

— Да, — отрезал Ходов.

Посетители вышли. Ходов, оставшись один, поморщился, как от сильной боли, и сорвал трубку.

— Телевизионную связь с Москвой. Немедленно! — скомандовал он.

Глава пятая **С ТЕМ, КТО В МОРЕ...**

В черном небе светила полная луна. Она только что взошла над горизонтом и висела, касаясь своим краем льдов, огромная, красноватая, почему-то волнующая.

Капитан гидромонитора Федор Терехов смотрел на луну. Мысли его мчались к ней, потом, словно отражаясь от лунной поверхности, неслись к земле, но уже в другую, не в полярную ее область — в далекую пустыню...

Непреодолимая сила потянула Федора в каюту. Он завернул сначала в штурманскую рубку, проверил, точен ли курс корабля, прокладывающего полынью для установки труб, потом, не в силах уже противиться себе, дробно простучав ногами по ступенькам трапа, широким шагом прошел в каюту.

Он плотно закрыл дверь, щелкнул ключом. Подошел к сейфу, набрал на вращающемся диске нужный номер. Тяжелая, толстая дверца распахнулась сама собой. Маленьким ключиком Федор отомкнул верхний ящик и вынул из него изящную шкатулочку — диковинку южных морей.

Он бережно отнес ее к письменному столу, сел за него, словно предвкушая что-то, зажег настольную лампу, одновременно выключив верхний свет. Кайота погрузилась в уютную полутьму. В центре освещенного круга на столе переливалась отблесками пер-

ламутровая шкатулка. На боковой ее стенке нужно было повернуть одну раковинку, тогда крышка открывалась.

Федор вынул пачку записанных радиопочтовым аппаратом писем, аккуратно перевязанных ленточкой. Он взял первое письмо. На нем была дата дня телевизионной связи гидромонитора с Барханским заводом.

«...Сама не своя... Не опомнюсь от всего, что произошло около телевизора. Казалось бы, не смогу смотреть людям в глаза, а я иду по заводу со вздернутым носом, сияющая и глупая... И мне ни капельки не стыдно!

Всякая уважающая себя девушка должна ждать, пока ей скажут желанное слово, от которого ее бросит в жар. Так заведено веками, идет от дедов. Именно от дедов, а не от бабок. Потому, что выбирали деды, а бабки, тогда молоденькие, рдеющие, ждали.

Это сейчас я стала такая храбрая, когда уже выдала себя с головой. А то бы тоже сидела и ждала, когда после плавания «кто-нибудь» скажет мне заветное слово... Но я сама выпустила его, как ласточку. И не жалею! Оно слетело с моих губ, хотя они и произносили только слова испуга.

Я весь вечер играла, счастливая и смущенная, воображала Хрустальный дворец и девушку, которая плакала в тоске по героическим дням. Всегда думала, что только на такие слезы способна, а слезы-то оказались самыми простыми, женскими... И тем дороже, может быть, они?

Неужели... только «вопреки»? Или все-таки и «за что-нибудь»?

Когда я думаю о тебе... Ой, сорвалось!.. Это тоже ласточка заветная!.. Когда я думаю о тебе — теперь только так буду звать,—я тысячу раз могу повторить «за что, за что, за что»! И тут будут: и сила, и мужество, и сдержанность, и спокойствие, и воля, и робость. Эта милая, смешная робость, которую я ценю больше пылких речей. Я буду перечислять прямо и честно, благородство и долг... Буду говорить, говорить... и все о тебе!..

И все-таки ты прав. Не только «за что-нибудь», но и «вопреки». Вопреки самой себе, которая — какая глупая, смешная!—противилась этому всеми силами. Вопреки тому, что ты всегда будешь в плаванье, за что я должна была бы возненавидеть твои корабли, но я их вопреки всему...

Нет! Не проговорюсь! Даже о кораблях не скажу этого... Нет! нет! Мы, девушки, должны ждать, когда нам скажут желанное слово.

О, если бы ты знал, какое оно желанное, ты бы давно, давно сказал его мне... И я знаю, знаю, что скажешь. Иначе разве моя хваленая гордость позволила бы мне все это написать тебе?

Скажешь. Я жду его, настороженная, устремленная вдаль.

Я думала о том, кто в море. Мне хотелось быть с ним. Я перестала играть на рояле, выпрыгнула в открытое окно, как девчонка, и попала ногой в клумбу: я ведь живу на первом этаже. Потом старательно заглаживала свой предательский след. Пахло левкоями. На сердце было сладко.

Я хотела быть с тем, кто в море. Я прокралась на берег озера, разделась и поплыла. Брызги светились, как искры. Это все луна!.. Та самая, волшебные лучи которой принесли мне твое изображение.

Я отплыла от берега далеко-далеко, лежала на спине и смотрела на черное, «плюгмевое» небо, на «нашу» луну. Ведь случайно и ты мог смотреть на нее.

И вдруг что-то вспыхнуло на берегу. Над заводом вставало яркое зарево. Мартеновский цех светился изнутри, косые расходящиеся лучи вырывались из всех проемов и доставали до самого неба, мягкого и мохнатого. Таким оно мне казалось. Очевидно, шла плавка.

Я поплыла от берега, и каждый раз, как я оборачивалась к нему, мне становилось все веселее и радостнее. Я даже пела, плыла и пела.

Я чувствовала себя далеко от берега... с тем, кто в море.

Лена».

Сколько раз перечитывал Федор это первое письмо Жени!

Нежно прижав его к губам, он сидел долго-долго. Потом перечитал и другие письма. Искренние, но совсем не простые, как сама Женья, и бесконечно близкие Федору. Он не умел так писать, но умел читать все, что было за каждой строчкой, умел понять ее настроение, угадать ее тончайшие ощущения, о которых она и не писала, но которые чувствовались за недосказанными фразами.

Сейчас Федор сошел в каюту не только для того, чтобы перечитать дорогие ему письма. Он писал ровным, размашистым почерком, строго выводя каждую букву:

«Лена, родная моя!

Письма к тебе — мой дневник. Не вел в детстве, в юности. Веду сейчас. Такой же тайный и немного смешной.

Тревожно у нас. Инженеры спорят. Горячие головы, и в первую очередь Алеша, хотят обойтись без труб. Ходов доказывает, что это затруднит строительство. Слушаю их и тревожусь о другом. Профессор Сметанкин, как сварливая совесть, покоя не дает. Снова и снова пишет и мне и другим. На него уже перестали обращать внимание. Прозвали современным Катонем. И подобно тому как римский сенатор каждый раз провозглашал, что «Карфаген должен быть уничтожен», профессор Сметанкин провозглашает, что отгороженное море замерзнет. Карфаген был уничтожен... Никто не придает словам этого каркающего ворона такого значения, как я. Я не понимаю даже Александра Григорьевича, дядю Сашу. Не раз я разговаривал с ним. Он ведь океановед, авторитет которого сыграл роль при решении вопроса о стройке опытного мола. Он отводил разговор в сторону. «Опытный мол должен все показать. Данные океанологической науки недостаточно проверены. Опытный мол будет вкладом в эту науку». Мне кажется, что он чего-то недоговаривает. Знаю, вызывали его в Москву, к Волкову. Знаю, ведет он переписку с академиком Овесяном. Но даже мне он ничего не говорит.

Алеша — весь в заботах стройки. Живет ими, горит. О том, что «попынька» замерзнет, и слушать не хочет, как тогда на защите диссертации. У меня сердце болит. Сжимая крепче челюсти, иду на мостик. Когда дует ветер в лицо, видишь льды, легче на душе. Знаешь, с чем борешься.

Вопрос о трубах действительно важен. Касается непосредственно тебя, вашего завода. Ценой двойного напряжения здесь, во льдах, наши хотят освободить вас от поставок. Подумал, что вы там, наверное, не захотите остаться в стороне.

Надеюсь, выводы сделаешь сама. Директор твоего завода и металлурги отзовутся.

Письмо — дневник, Каюсь. Ухватился за повод. Если металлурги захотят принять участие в обсуждении, которое намечается, снова можно установить телевизионную связь. Увижу тебя, живую, двигающуюся, улыбающуюся... мне.

Кажется, только в дневниках в этом сознаются».

Федор перечитал письмо и остался недоволен. Ему хотелось написать, что он любит, любит ее, что она бесконечно близка и дорога ему, что он хочет видеть ее ежечасно, что он не хочет расставаться с ней, что постоянно хочет ощущать в своей руке ее тонкие пальцы, смотреть ей в глаза...

Но никогда таких слов не смог бы написать Федор.

Да, может быть, и не надо было их писать. Женя прекрасно умела все читать в его письмах, даже и неписанное.

Глава шестая **ПОД ВОИ И СВИСТ**

«Уважаемые товарищи!

Мы получили ваш адрес от нашего друга Майкла Никсона и считаем своим долгом переслать вам некоторые газетные вырезки. Они расскажут не только о необыкновенной судьбе нашего товарища, сделавшей его близким многим американцам, но и о тех надеждах и стремлениях, которые питает американский народ.

Нам было бы очень приятно, как рядовым представителям этого народа, пожать ваши руки.

Преданные интересам Америки друзья Майкла Никсона...»

Под письмом стояло более сорока подписей. Объемистый конверт был набит газетными вырезками.

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС

Заявление профессора Колумбийского университета Гарольда Смайлса на заседании Лиги «стального занавеса». Ледовая агрессия коммунистов против американского континента!

Лига «стального занавеса», ставящая своей целью борьбу против сближения с коммунистическими странами, заслушала заявление мистера Гарольда Смайлса, профессора, крупнейшего знатока геологической истории и климата американского континента. Почтенный ученый заявил: «Строительство коммунистического мола вдоль северного побережья Азии, помимо потепления омывающих побережье морей, вызовет в Америке геологическую катастрофу, на которую, очевидно, злонамеренно и рассчитано.

Едва мол будет закончен и ледовая кромка на сотни миль сдвинется к американскому континенту, на Аляске и в Канаде наступит резкое похолодание, которое положит начало обледенению. В течение последующих лет образовавшиеся ледники сползут через Канаду к жизненным центрам Соединенных Штатов, неся с собой опустошение и гибель цивилизации».

Профессор Смайлс приветствовал цели лиги, назвав безумием продолжающуюся политику «умиротворения» и сближения с коммунистическими странами. «Пусть коммунистический ледяной мол, который принесет разорение и горе американцам, отрезвит, наконец, недальновидных политиков, готовых терпеть мировой коммунизм, — заключил мистер Смайлс. — Земному шару нужен не только «стальной занавес», но и решительные меры пресечения возможной коммунистической агрессии».

Профессор Смайлс был единодушно избран почетным членом лиги».

Беспримерный скандал в Медисон-сквер-гардене

Вчера в гигантском зале Медисон-сквер-гардена, снятом Лигой «стального занавеса», собралось несколько тысяч ньюйоркцев, чтобы услышать почетного члена лиги профессора Смайлса, поднявшего голос против названного им агрессивным строительства мола в Северном Ледовитом океане. Мистер Гарольд Смайлс повторил перед собравшимися сделанное им недавно на заседании лиги сенсационное предупреждение о грозящем обледенении американского континента из-за изменения коммунистами ледового режима в Арктике. В заключение профессор указал на пагубность примирения с коммунистическими странами, которые покушаются даже на благословенный климат Америки.

Получивший затем слово некий Майкл Никсон, не работающий по специальности физик, выступил с ответом профессору Смайлсу. Мистер Майкл Никсон высмеял опасения уважаемого профессора и противопоставил судоходный Северный морской путь вдоль Сибири непроходимым морям Аляски и Канады, утверждая, что они не освоены из-за сопротивления капиталистических монополий, которым невыгодно столь дешевое морское сообщение между океанами. Уверая, что коммунистический мол служит лишь судоходству, Майкл Никсон заявил, что шум об агрессивном ледяном моле нужен лиге лишь для того, чтобы испугать американский народ, снова толкнуть его руководителей на путь «холодной войны» и отказаться от сближения с другими народами.

Мистера Майкла Никсона поддержали еще некоторые ораторы, в том числе инженер Кандербль, который выразил мысль о желательности совместного американо-советского строительства ледяного мола и вдоль американских берегов, что создало бы незамерзающую морскую трассу между континентами.

Члены Лиги «стального занавеса» под вой и свист собравшихся стремились помешать дальнейшим выступлениям, требуя расправы с мистером Майклом

Никсоном. Оживленный обмен мнениями между членами лиги и собравшимися привел к беспрецедентному скандалу и потасовке».

«Сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс

Газета «Дайтон ньюс» в штате Теннесси опубликовала письмо члена Лиги «стального занавеса» мистера Джорджа Никсона, специального корреспондента газеты, который первый сообщил о начавшейся против Америки коммунистической агрессии. Мистер Джордж Никсон, как член лиги и патриот, публично отрекся от своего кузена Майкла Никсона, осмелившегося взять под защиту коммунистический мол, угрожающий американскому континенту. Мистер Джордж Никсон назвал своего бывшего брата, занимающегося коммунистической пропагандой, американским отступником, выразив надежду, что его покарает рука Всевышнего. Мистер Джордж Никсон, стараясь смыть с себя грех близкого родственника, проводит большую часть времени в исповедальне. Со слезами на глазах он возносит молитвы о предании его брата-отступника страшному Божьему суду, на котором он, Джордж Никсон, готов выступить свидетелем, как готов он выступить свидетелем и на всяком другом суде, если такой будет организован над Майклом Никсоном.

Мистер Джордж Никсон располагает неопровержимыми доказательствами того, что Майкл Никсон с детских лет состоял в предосудительной переписке с русскими коммунистами, получая от них крупные деньги».

«САН

Письмо мистера Майкла Никсона редактору газеты «Сан»

«Уважаемый сэр! Сочту за проявление вами величайшего такта и беспристрастности опубликование этого моего письма. Во имя открытой борьбы с вредной американскому народу деятельностью Лиги «стального занавеса» я готов предстать перед любым судом по обвинению в том, что я опровергаю антина-

учные выводы уважаемого профессора Колумбийского университета мистера Гарольда Смайлса, сделанные им в угоду тем, кто заинтересован в новом разжигании военной истерии и антикоммунистическом психозе.

С упомянутой выше готовностью

Майкл Никсон, физик».

«ЧИКАГО ПРОГРЕСС

Мечты Лиги «стального занавеса»

За последние дни члены Лиги «стального занавеса» развили завидную деятельность пророков близкой гибели американского континента.

Подобно тому как при лесном пожаре или наводнении рядом бегут, спасаясь, тигр и олень, волки и кролик, члены лиги хотели бы на якобы замерзающем американском континенте видеть бегущими рядом мулов и слонов. Полезно вспомнить, что именно эти животные украшают гербы двух главных политических партий Америки — республиканцев и демократов. Члены лиги, улюлюкая, свистя и воя, хотели бы гнать всех в совершенно определенном направлении — в пустыню Страха, Злобы и Ненависти. Члены лиги хотели бы, чтобы и республиканцы и демократы, забыв бывшие партийные распри, снова высказались за «холодную войну», во имя спасения американского континента, последнего оплота цивилизации частной инициативы.

Многим здравомыслящим кажется, что Лига «стального занавеса» по примеру главных наших политических партий могла бы украсить свой герб полезным животным, например ослом».

«ДАЙТОН НЬЮС, ШТАТ ТЕННЕССИ

Патриоты Теннесси, члены Лиги «стального занавеса», вправе требовать, чтобы суд над великим американским отступником, задумавшим заморозить американский континент, произошел в Дайтоне, где, на несчастье Америки, родился опасный Майкл Никсон.

Благочестивые жители штата Теннесси помнят

справедливый «обезьяний процесс», когда американское правосудие еще в 1925 году встало на защиту религии от богохульных теорий, утверждавших происхождение человека от обезьяны. Нарушитель законов штата, школьный учитель Джон Скопс за преподавание эволюционной теории был тогда оштрафован на сто долларов, а всему миру была доказана приверженность американцев Библии, утверждающей, что мир был создан в 4004 году до Рождества Христова.

Пусть и сейчас в Дайтоне произойдет суд над американским отступником, старающимся вместе с заокеанскими коммунистами низринуть на головы американцев всемирный ледяной потоп. Пусть на весь мир прозвучит голос Лиги «стального занавеса», который сольется с голосом американского правосудия, защитника цивилизации!»

**«Сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс
(напечатано всеми газетами)»**

Председатель Верховного суда США мистер Лоуден заявил: решение судить Майкла Никсона может быть принято судом любого штата, который найдет основания для обвинения. Сам мистер Лоуден не видит оснований избегать публичного процесса, тем более, что в нем стремятся принять участие обе стороны. Он с удовольствием будет следить за процессом по газетам и радио.

Генеральный прокурор штата Теннесси, почетный член Лиги «стального занавеса» мистер Тьюард объявил, что представит суду штата обвинение американца Майкла Никсона, родившегося на территории штата, в покушении на имущество частных лиц и фирм с помощью замораживания посевов и ухудшения климата штата.

Судья Паульсен заверил своих собратьев по лиге, что он будет судить отступника Майкла Никсона по всей строгости законов и своей совести.

Свидетель Джордж Никсон прибыл в Дайтон, доставив себя в распоряжение суда.

Мистер Гарри Цент, почетный президент Лиги «стального занавеса», несмотря на свой преклонный

возраст и отход от дел со времени, когда он занимал высокий политический пост, предложил свои услуги в качестве добровольного прокурора. Его прежняя деятельность в качестве судьи (до бакалейной торговли), а также последующая после пребывания в Капитолии (частный юрист Джона Пирпонта Моргана-младшего) обеспечит, как полагают члены лиги, обвинение, построенное на высоком моральном и юридическом уровне.

Обвиняемый мистер Майкл Никсон телеграфировал председателю суда, что отнюдь не скрывается и прибудет точно к назначенному сроку в зал заседаний.

В Дайтон съезжаются тысячи американцев. Железнодорожные и автобусные компании временно повысили проездной тариф.

«Радиокорпорейшен» сооружает в Дайтоне специальную радиостанцию, которая будет передавать информацию о «рыжем процессе», как американцы называли предстоящий процесс, имея в виду, возможно, не только цвет волос мистера Майкла Никсона, но, быть может, и цирковую арену.

«Рыжий процесс» начался!

Здание суда не вмещает зрителей. Под деревьями растянут полог, защищающий зрителей от дождя. Судья Паульсен, прокурор мистер Гарри Цент и адвокат от Союза защиты гражданских свобод инженер Герберт Кандербль разместились на подмостках. Защищенные от дождя зонтами, подчеркивая подлинно деловую обстановку, все они сидели без пиджаков. Зрители могли убедиться, что в выборе цвета подтяжек они строго следуют моде.

В 11 часов 32 минуты на площадь суда был введен подсудимый Майкл Никсон.

Зрители встретили его появление воем и свистом, что было истолковано не только обвиняемым, но и составом суда как одобрение. Полиция призвала к тишине.

Начался допрос свидетелей обвинения.

Первым, поклявшись на Библии, дал свои показания почетный член лиги профессор Гарольд Смайлс из Колумбийского университета. Он заявил, что коммунисты проводят дьявольский план замораживания американского континента, сдвигая полярные льды в его сторону.

Защитник инженер Кандербль задал свидетелю вопрос: «Какие свидетель может привести доказательства в пользу того, что узкая полоса незамерзающей воды близ сибирских берегов вызовет обледенение американского континента?»

Профессор Гарольд Смайлс презрительно ответил, что не уверен, сможет ли мистер Кандербль с его техническим образованием разобраться в научной терминологии чуждой ему области знания. Всякому ребенку известно, что с приближением льда становится холоднее. А лед, отодвинутый от берегов Азии, должен приблизиться к берегам Америки, ибо Бог, создавая землю, строго рассчитал равновесие льдов.

Мистер Кандербль задал вопрос: «Сколько лет назад был ледниковый период?»

Профессор Смайлс ответил, что были разные ледниковые периоды — и сотни тысяч и миллионы лет назад.

Мистер Кандербль спросил: «Сколько лет назад Бог, на которого ссылается профессор, создал мир?»

Профессор ответил, что верит Библии — в 4004 году до Рождества Христова.

Защитник спросил: «Как это сочетается с утверждением профессора, что ледниковые периоды на земле были раньше, чем Бог ее создал?»

Прокурор мистер Гарри Цент потребовал от судьи прекращения издевательского допроса свидетеля зашитой.

Судья удовлетворил просьбу прокурора.

Следующим был допрошен свидетель обвинения, брат подсудимого мистер Джордж Никсон.

Мистер Джордж Никсон поклялся, что видел на столе у брата конверты с московским штемпелем.

Представитель защиты мистер Кандербль спросил: «Сколько таких конвертов видел свидетель?»

Мистер Джордж Никсон ответил, что каждый из присутствующих мог бы взять себе на память по конверту. Потом свидетель добавил, что его кузен, несомненно, получил от своих московских корреспондентов большие деньги.

Защитник спросил: «Какие этому доказательства может представить свидетель?»

Прокурор прервал защитника, указывая, что свидетель должен давать показания, а не представлять доказательства.

Мистер Джордж Никсон заявил, что доказательством получения его кузеном денег от коммунистов может служить то обстоятельство, что он заносчиво отказывается от работы по специальности в секретных физических лабораториях.

Защитник мистер Кандербль спросил свидетеля, как вяжется это показание с его письмом кузену, в свое время опубликованном в печати, где он, Джордж Никсон, призывал к осуществлению преступного человеконенавистнического проекта, одновременно предлагая кузену участие в его аванюре избавиться от нищеты?

Прокурор мистер Гарри Цент потребовал от судьи, чтобы свидетель не отвечал на этот вопрос.

Судья удовлетворил его просьбу.

После допроса многочисленных свидетелей, в числе которых были видные промышленники, журналисты, служители церкви, высшие офицеры и другие члены лиги, заявившие о своем беспокойстве за судьбу американского континента, судья объявил прения сторон.

Речь прокурора мистера Гарри Цента напомнила лучшие страницы его жизни и «холодной войны», когда он провозглашал политические доктрины и ратовал за направление долларов и войск в далекие от американского континента страны.

Мистер Гарри Цент требовал насильственного разрушения коммунистического агрессивного мола, создания на Аляске атомно-реактивных баз, отказа от преступной политики «умиротворения» и сближения с коммунистическими странами.

Мистер Гарри Цент, сорвав во время речи голос, шепотом потребовал Майклу Никсону смертной казни на электрическом стуле. Он опустился на свое место под вой и свист присутствующих.

«Рыжий процесс» продолжается

Слово взял защитник подсудимого инженер Кандербль.

Речь защитника была скандальной и неоднократно прерывалась прокурором мистером Центом, требовавшим удаления защитника из зала суда, и судьей Паульсеном, грозившим защитнику лишением слова.

Наиболее скандальными были следующие места речи защитника.

Мистер Кандербль назвал суд комедией, которая могла сравниться только с происходившим здесь когда-то «обезьяньим процессом». Он заявил, что члены Лиги «стального занавеса» поставили себя в смешное положение, стряпая повод для страха из антинаучного бреда почтенного профессора Колумбийского университета. Нужно не уважать американский народ, допустив хоть на минуту предполагаемое его легковерие. Американский народ прекрасно разбирается, кто и во имя чего затеял этот процесс. Процесс не повлияет ни на конгрессменов, ни на руководителей нации, которые едва ли пойдут вспять, снова к болезненному напряжению нервов. В заключение мистер Кандербль посоветовал профессору Смайлсу и мистеру Центу сотрудничать в юмористических журналах. В этом месте защитник был лишен слова и выведен из зала заседания.

Последнее слово было предоставлено обвиняемому.

Перед своим последним словом обвиняемый, которому прокурор грозил смертной казнью, улыбался.

Он начал свою речь также с воспоминания о судебном процессе, прозванном «обезьяньим». Он сказал, что, подобно обвинявшемуся тогда мистеру Скопсу, так же охотно пошел на организацию процесса, поскольку это предоставило ему международную трибуну. И как в свое время на «обезьяньем процессе»

было разоблачено беспримерное ханжество ретроградов, так и сейчас подлинным разоблаченным здесь обвиняемым стала Лига «стального занавеса», готовая во имя чьих-то корыстных интересов ввергнуть страну в «холодную», «горячую», наконец в «термоядерную» войну, используя для этого все средства.

Прокурор Цент усмотрел в словах подсудимого оскорбление Библии, о которой на процессе шла речь, и прервал обвиняемого.

Заканчивая свое последнее слово, Майкл Никсон заявил, что почетным и непочетным членам мрачной Лиги «стального занавеса» не разделить вновь мир на две части и не стереть со своих лбов клейма поджигателей войны.

Вопреки ожиданию речь обвиняемого, который вполне мог бы поменяться местами с прокурором, была выслушана с напряженным вниманием.

Судья в явном замешательстве удалился для подготовки приговора.

«Дайтонский приговор становится традицией!

Судья Паульсен вынес точно такой же приговор, как и его предшественник на «обезьяньем процессе». Обвиняемый мистер Майкл Никсон, а также и защитник мистер Герберт Кандербль оба оштрафованы по сто долларов каждый за нарушение закона штата, воспрещающего публичное опровержение начал христианской религии.

Многочисленные зрители встретили приговор свистом и отправились встречать подлежащего освобождению Майкла Никсона.

Но Майкл Никсон не был освобожден.

Сенсация! Новый процесс против рыжего Майка! Майк — убийца!

Съехавшиеся на «рыжий процесс» американцы были потрясены сообщением, что против Майкла Никсона возбуждено уголовное дело по обвинению его в убийстве мисс Мэри Кэй, считавшейся «его девушкой».

В отличие от «рыжего процесса» новый процесс проходил при закрытых дверях. Нашему корреспонденту удалось лишь узнать, что подсудимый не мог доказать свое алиби. Перед отъездом в Дайтон он катался со своей девушкой на лодке и по рецепту, подсказанному писателем коммунистом Драйзером, вернулся с прогулки один. Найденный при обыске его квартиры фотоаппарат был испорчен и заржавел, очевидно из-за попавшей в него воды. Угол металлической камеры поврежден, по-видимому смятый во время нанесенного тонущей девушке зверского удара.

Почетный член Лиги «стального занавеса» судья Паульсен удалился для подготовки приговора.

**Прокурор Цент может быть удовлетворен.
Суд вынес рыжему Майку смертный приговор —
казнь на электрическом стуле**

Защитник Майкла Никсона инженер Кандербль апеллировал в высший суд.

Федеральный суд не в состоянии отменить приговор судьи Паульсена, поскольку обвиняемый не может доказать свое алиби!

Приговор будет приведен в исполнение!

Член лиги Джордж Никсон молится за душу своего погибшего брата».

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» (собственный корреспондент)

**Сенсация на тюремном дворе. Шествие на казнь.
«Вознесение» рыжего Майка**

Казнь Майкла Никсона была назначена на 12 часов 07 минут пополудни.

Нас поразило, что у электрического стула, похожего на дедушкино кресло с высокой прямой спинкой, были потерты подлокотники.

Мы осмотрели его в 11 часов 30 минут, посетив небольшое здание в глубине тюремного двора, куда предстояло совершить свой последний путь рыжему Майку.

На мраморном щите в большой, казенного вида комнате поблескивали три желтых рубильника. Их должны были включить три человека, в том числе представитель местной организации Лиги «стального занавеса». Никто из этих трех не будет знать, от чьей руки принял смерть осужденный, и призрак казенного не нарушит их покоя.

Пастор показал нам молитвенник, который будет вручен осужденному перед казнью.

В комнате пахло известью. Стены наспех побелили, но не смогли скрыть старых потеков. Окна заботливо открыли, чтобы осужденному перед смертью дышалось легче.

В 11 часов 50 минут из тюремного здания конвойные вывели приговоренного к смерти Майкла Никсона. В этот час, как известно, по всей стране проходили демонстрации протеста, требующие оправдания рыжего Майка.

Смертника сопровождали печальные врач, пастор и начальник тюрьмы. Тюрьма охранялась снаружи крупными отрядами полиции.

На осужденном был пестрый арестантский костюм. Его знаменитые рыжие волосы были острижены, а на макушке выбрита своеобразная тонзура, чтобы обеспечить хороший контакт кожи с металлическим шлемом, который в последнюю минуту наденут на голову севшему в электрическое кресло.

Смертник, словно не ему предстояло обрести этот «сидячий покой», беззаботно улыбался, охотно позволяя себя фотографировать.

Как нам сообщили, он утром проделал свою обычную гимнастику, огорчив тем тщетно взывавшего к его душе пастора.

Фоторепортеры и кинооператоры снимали рыжего коренастого человека со всех сторон, даже сверху. Над двором тюрьмы висел вертолет, принадлежавший компании кинохроники, получившей на то разрешение.

Несколько человек подскочило к процессии, чтобы взять у Майкла Никсона, в этот день самого известного человека в Америке, автограф.

Осужденный попросил снять с него для этой цели наручники. Начальник тюрьмы стал совещаться с влиятельным членом лиги.

В этот момент произошло то, что скоро американцы смогут увидеть на экране кинохроники. Кинооператоры — люди с железными нервами. Они могут крутить ручки аппаратов, даже падая с Бруклинского моста.

Внезапно сверху упала веревочная лестница, сброшенная с парящего в воздухе вертолета. Последняя ее перекладина пришлась на метр от земли.

Словно рыжий вихрь, сшибая людей с ног, пронесся среди репортеров и конвойных.

Человек в полосатом костюме вцепился скованными руками в лестницу и, перехватываясь с перекладины на перекладину, стал взбираться по ней, как обезьяна. Поднималась и сама лестница.

Загремели револьверные выстрелы. Стреляли конвойные, стреляли репортеры, стрелял врач, даже пастор выпустил обойму из своего миниатюрного автоматического пистолета, который он носил, страдая, по его словам, манией преследования.

Не стреляли только одни кинооператоры.

Цель была трудноуязвимой. Пестренка фигурка раскачивалась на лестнице, как цирковой акробат на трапеции.

Вертолет нашей лучшей авиационной фирмы показывал рекордную скорость подъема. Через секунду пестрая фигурка была уже выше тюремных стен, через вторую ее можно было только угадывать в вышине.

Судя по тому, что осужденный не свалился, пули не достигли цели.

Вскоре летательный аппарат скрылся в облаках.

Американская тюрьма знает самые экстравагантные побег. Она защищена ныне самыми совершенными способами охраны с помощью токов высокого напряжения и фотоэлементов. Но защищать тюрьму с неба никому в голову не приходило. Разумеется, тюремное начальство не располагало соединением истребителей, которые могли бы догнать вертолет.

Так Майкл Никсон «вознесся» на небо.

Начальник тюрьмы подал в отставку.

Прокурор Цент слег в постель.

В тот же день компания кинохроники заявила, что не имела в районе Дайтона никаких вертолетов».

«ЧИКАГО ПРОГРЕСС.

Интервью девушки рыжего Майка

Наш репортер первым получил интервью от мисс Мэри Кэй, едва она была выпущена гангстерами на свободу. По условию, они, оказывается, похитив мисс Мэри Кэй, должны были продержать ее еще неделю после казни Майка, но наши чикагские бандиты, восхищенные бегством Майка на вертолете, выпустили его девушку раньше.

Невиновность Майкла Никсона установлена нашим репортером!»

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС

Федеральный суд отменил приговор Майклу Никсону, который после выплаты ста долларов штрафа может считать себя свободным».

«САН

Президент Лиги «стального занавеса» мистер Лоренс объявил о самоликвидации лиги. Некоторые члены скомпрометированной организации намерены создать Общество борьбы с мировым коммунизмом. Гарри Цент согласился быть почетным президентом нового общества».

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС

Реакция американской общественности на так называемый «рыжий процесс» не может не внушить серьезной тревоги. Самоликвидация обанкротившейся лиги не приносит успокоения. Подобные лиге общества могут появляться, как грибы с отнюдь не питательными свойствами. Биржа нуждается сейчас совсем в других средствах для оздоровления деловой конъюнктуры. Возможно, что сейчас своевременно обсудить высказанную инженером Кандерблем мысль

о совместном американо-советском строительстве ледяного мола в американских полярных морях. Незамерзающий короткий морской путь между континентами послужил бы тем мостом, в котором будут нуждаться и Европа и Америка в связи с возможным более тесным экономическим сотрудничеством, сулящим, по мнению дальновидных бизнесменов, больше выгод, чем возврат к мрачному времени «холодной войны».

Глава седьмая **ПРИНЯВ РЕШЕНИЕ**

Виктор тщательно раскладывал на столе газетные вырезки. Он собирался воспользоваться ими сегодня во время выступления на открытом партийном собрании.

Денис мрачно сидел на койке в одной майке, растирая могучие мышцы.

«Бис меня дернул вылезти со своим предложением. Раскол между руководителями стройки получился. Теперь строители должны соображать, а я сам ничего придумать не могу. Оно, конечно, металл жаль. Тут спору нет. Так ведь и людей надо беречь...»

Денис поднялся и стал расхаживать по комнате.

...Предстоящее открытое партийное собрание волновало многих. К нему готовились; строители спорили между собой, что-то вычисляли, писали пояснительные записки к своим выступлениям. Предложение Дениса было заранее широко обнародовано, чтобы все могли продумать выгоды и недостатки нового метода строительства.

Особенно волновался перед собранием Алексей. В этот день он должен был не только отстоять свое мнение и доказать, что предложение Дениса дает огромные преимущества, но и предстать перед собранием как кандидат партии, которого в этот день должны принимать в партию. Алексей считал, что дядя Саша неспроста соединил эти два вопроса в одной повестке дня. Он хотел, видимо, чтобы руководитель строительства и автор замысла ледяного мола был принят в партию собранием, на которое придут все

без исключения строители, и, кроме того, чтобы Алексей держал перед ними свой жизненный экзамен, выбирая позицию в вопросе о дальнейшем методе строительства.

И Алексей еще раз проверял себя. В разговоре с Ходовым он был излишне горяч. Доводы Василия Васильевича были очень основательны. Мог ли он отмахнуться от них?

Он много думал, вспомнилась былая самонадеянность, упрямство, тщеславие. Ни одна из этих ненавистных ему черт не должна была проявиться сейчас, когда принималось такое важное решение. Не влияет ли на его позицию стремление сделать выдвинутую им когда-то идею еще более совершенной? Строить ледяной мол не только без затраты энергии, но и без металла! Заманчиво! Еще как заманчиво! Но можно ли руководствоваться только этим соображением? Не будет ли это противоречить подлинно партийному, государственному подходу к решению вопроса? Не должен ли он побороть себя, не обязан ли взглянуть на дело действительно по-государственному?

И главное, это ответственнейшее решение он вынужден принять сам лично! Он даже не имеет права посоветоваться с близкими друзьями. Федор, дядя Саша сами будут участвовать на равных правах в обсуждении. Ах, если бы он мог посоветоваться сейчас с отцом!..

Он представлял себе отца, всегда выдержанного, спокойного, его манеру говорить тихо, никогда не повышая голоса, заставляя собеседника прислушиваться, дорожить каждым услышанным словом.

Что бы сказал сейчас отец? Он занят грандиозной идеей комплексного изменения климата Арктики и зоны пустынь! Он будет говорить об этой идее, вероятно, с самим Николаем Николаевичем! Вот если бы Алексей мог посоветоваться с таким человеком, как Волков!

Легко сказать! Как раз Волков и будет одним из тех, кто должен решать!..

И все же есть человек, с которым можно было бы посоветоваться! Есть!

Алексей вздохнул. Он думал о Гале. Если бы он постарался объяснить, почему его мысли обращаются в этот момент к ней, он, конечно, ответил бы, что преклоняется перед нею, как перед героиней. Но он не задавал себе таких вопросов. Он был застенчив даже наедине с собой. Он только острее почувствовал одиночество.

«Да, сейчас он должен принять решение один. Быть может, сила не в том, чтобы противоречить Ходову, а в том, чтобы понять его и согласиться с ним. Что ж, он постарается поступить так, как если бы он руководил не технической стороной строительства, а всей страной. Только так может поступить коммунист Карцев, кем сегодня он станет. И он покажет себя не менее холодным и логичным, чем Ходов».

Сев к столу, Алексей стал собирать сделанные за ночь эскизы.

Галя, приехавшая на вездеходе для участия в собрании, не повидавшись с Алексеем, побежала переодеваться. Когда же она в изящном платье, в туфлях на высоких каблуках, волнуясь, подошла к Алешиной каюте, дверь уже была заперта.

Галя мимоходом взглянула в зеркало, задержалась, поправляя волосы. Лицо обветрено, и пятно с обмороженной щеки никак не сходит. Но это пустяки! Главное, знать, как Алеша? Поддержит ли Алеша новую идею, ведь она выдвинута не им?.. Почему у нее такие гадкие, низкие мысли? Почему она сама безоговорочно выбрала позицию? Как может она сомневаться в Алексее?

Вспомнилась сцена у телевизора. Алеша так замкнулся в себе после этого.

Сколько было встреч на гидромониторе, но всегда дружеская улыбка, наспех сказанные фразы — и все.

Галя тряхнула волосами и пошла вниз, в кают-компанию — огромный зал с дубовыми панелями и металлическими серебристыми полосами, подчеркивающими строгость отделки.

Парторг Петров, решив посоветоваться со строителями по вопросу о дальнейшем ведении стройки, созывал открытое партийное собрание одновре-

менно на всех ледоколах, разбросанных в Карском море.

Позади стола президиума полукругом стояли телевизоры. На экранах должны были появиться кают-компании, в которых собрались строители далеких участков. Радисты внесли еще один телевизор.

Ходов подошел к Александру Григорьевичу и сказал, что дал указание установить телевизионную связь с Барханским заводом, — металлурги хотят принять участие в обсуждении вопроса.

Председатели далеких собраний, видимые на первом плане, выжидательно смотрели на парторга строительства. Его густая борода спускалась на грудь, полуседы волосы были закинута назад, продолжая четкую линию лба.

— Товарищи! — начал парторг. — По инициативе одного из рядовых коммунистов строительства перед всем коллективом полярной стройки выдвинут вопрос: как дальше строить мол? Все вы были предупреждены по радио о предложении Денисюка и могли подумать. У руководителей стройки нет единого мнения. Необходим совет самих строителей, партийных и непартийных. В нашем обсуждении принимают участие и металлурги, поставляющие нам трубы, — Александр Григорьевич указал на экран одного из телевизоров, где был виден кабинет директора завода и сидящие там люди.

Александр Григорьевич объявил, что первым просил слова капитан гидромонитора Федор Иванович Терехов.

Федор посмотрел на Женю, улыбающуюся ему с экрана, и пошел в президиум.

Одной рукой он оперся на край стола и смотрел прямо перед собой, чуть хмурия брови и наморщив лоб.

— Подойти к вопросу реально. Экономия металла заботит всех. Менять проект на ходу трудно. Корабли не помогут в переброске вытасненных труб. Автотранспорту не справиться. Ставить под удар сроки окончания мола нельзя. Лучше достроить мол в Карском море по старому проекту. Возможность экономии металла учесть при строительстве мола в остальных морях.

Федор сел. Ходов одобрительно кивнул ему.

Заговорил крайний телевизор. На экране виднелось лицо загорелого, полного человека в тубетейке на бритой голове.

— Слова просит директор Барханского металлургического завода, — объявил Александр Григорьевич.

— Товарищи полярные строители! Жаркий привет вам от металлургов бывшей пустыни. Вы на севере продолжаете великое дело преобразования природы. Ваша стройка — это наша стройка, общенародная стройка. Сотни заводов поставляют вам свою продукцию. Мы, металлурги, с волнением узнали о вашем желании вернуть обратно тот металл, который вам выделила страна. Но мы отлично понимаем, какой ценой можете вы это сделать. Нам легче, товарищи, взять на себя этот груз. Металлурги обещают возместить стране то количество металла, какое вы хотите ей сберечь. Мы переведем наши домны на кислородное дутье с добавкой водорода, чтобы сделать процесс интенсивнее. Добьемся большего обогащения руды, пустим в ход резервные агрегаты, обязавшись сохранить основные без ремонта более долгий срок. Это предложение наших рабочих и инженеров. Примем принять этот дружеский вклад металлургов в ваше дело. У нас здесь тепло. Скоро начнут цвести маки. Приглашаем вас, полярные строители, после окончания мола приехать в наши санатории. Нет более благодатного места, чем орошенные Черные барханы, чем зеленые берега древнего русла, чем голубая гладь среднепустынного моря. Работайте, товарищи! Не заботьтесь о металле. Трубы у вас будут. Сверхплановый металл страна получит.

Слова эти были встречены аплодисментами.

Алексей взглянул на непроницаемое лицо Ходова: «Надо отдать ему справедливость — умеет подкреплять делом свое мнение. Это он связался с металлургами. С ним нужно спорить, но надо и учиться. И я буду учиться!»

— У экрана еще один наш далекий друг из бывшей пустыни, один из авторов метода, которым изготавливаются для нас трубы, инженер Евгения Ми-

хайловна Омудева, — объявил Александр Григорьевич.

«Женя! — Алексей украдкой взглянул на Федора. — Вот она! Все такая же серьезная, чуть холодная, строгая...»

— Предложение Денисюка несвоевременно, — звенел в репродукторе безапелляционный голос Жени. — Нельзя предложить дивизии, ведущей тяжелый бой, выкапывать картошку из-под гусениц танков. Дорогие полярные бойцы! Не думайте о трубах, которые вы опускаете под лед. Мы их дадим столько, сколько нужно стране. Здесь, на Барханском металлургическом заводе, мы подсчитали возможности. Трубный цех-автомат может удвоить свой выпуск. Опыт промышленного применения новой машины непрерывного литья показал, что она может дать много больше труб, чем рассчитывали мы, ее проектировщики. Директор завода уже говорил, что металлурги берутся дать больше металла, улучшая методы производства. — Женя смотрела на Федора и Алексея. Лицо ее уже не было холодным и строгим. Она дружески улыбалась им. — Стройте мол! Не меняйте проекта!

Алексей подумал, что она считает его заинтересованным в сохранении старого проекта, и краска прилила к его лицу. Он хотел сорваться с места, попросить слова. Но дядя Саша сделал ему глазами знак сдержаться, быть спокойнее.

Из задних рядов к столу президиума пробиралась Галя. Ее брови сошлись в одну черту. Глаза горели.

— Товарищи! Мне стыдно слушать, как нас хотят отговорить от выполнения коммунистического долга! Мы тут слышим с экрана о картошке, которая валяется под ногами. Не надо, дескать, нагибаться за ней. Неверно это! Пусть все это сказано из самых хороших чувств. Мы не примем таких советов. Хотите дать стране больше металла, товарищи металлурги? Честь вам! Слава! Протяните вашу руку! Мы жмем вам ее. Давайте ваш металл! Делайте все, что вы сейчас придумали! Страна требует от вас этот металл, раз вы его можете дать. Я геолог. Когда я узнала

о предложении Дениса, меня в жар бросило. До сих пор считалось, что бывают самородки золота, но не бывает самородков стали. А тут вдруг Денисюк, не будучи геологом, открыл на трассе мола залежи стальных самородков, имеющих форму труб!..

Собрание прервало Галю. Строители аплодировали ей, ее удачному сравнению, ее страстному голосу. Алексей аплодировал стоя, переводя взгляд с Гали на экран, и Галя показалась ему ярче Жени и чем-то ближе.

— Какое мы имеем право пройти мимо этих удивительных стальных самородков? Да я жажду добывать их вместе со всеми, кто собрался здесь! Ведь само появление мысли о ледяном моле, ее осуществление силами всей страны, наконец ее усовершенствование нами самими — все это шаги на пути к коммунизму. Мы можем идти только вперед!

Под гром аплодисментов Галя отошла от стола и, увидя Алексея, села с ним рядом.

— Как ты хорошо сказала! — шепнул Алексей.

Глава восьмая

ВЫБРАТЬ ПУТЬ

Галя любовалась Алексеем. «Какие у него яркие глаза! Он стоит у стола президиума и кажется выше ростом, шире в плечах».

— Мы можем строить мол дешевле, чем железную дорогу! Мы можем обойтись без труб. Как же пройти мимо такой возможности? Мы обязаны строить по-новому. Метод строительства должен быть пересмотрен! И в этом пересмотре должны принять творческое участие все строители. Я уверен, что их энергия, смелая мысль, смекалка, знания, опыт, изобретательность перевернут все вверх дном, как перевернут был когда-то сам замысел арктического мола. Ведь я, товарищи, хотел весь мол целиком замораживать искусственно, затратив на это шестьсот миллиардов киловатт-часов энергии!

Гул прошел по залу. Строители переглядывались. Им казалось, что инженер Карцев шутит.

— Меня поправил житель тундры, учитель, ныне наш радист Ваня Хорхай, и, как видите, ледяной мол стал сооружением вполне реальным и рентабельным. И сейчас, когда есть возможность построить мол без труб, дело не в одном только Денисюке, который высказал блестящую мысль, — дело во всех нас, которые должны найти технический способ завершения к весне строительства по новому методу. — И Алексей рассказал, вытащив сделанные эскизы, как с имеющимися уже средствами можно начать строить по-новому.

Вслед за Алексеем выступал Ходов. Он обдал собрание холодом:

— Мой заместитель, инженер Карцев, звал к полному пересмотру методов стройки, а как руководитель стройки не предложил ничего конкретного, кроме использования уже существующих средств. Как можно очертя голову бросаться в бой ради одного только героизма? Мы ведем бой для того, чтобы его выиграть. Мы можем его выиграть и выиграем, если не будем заниматься посторонними делами. Вспомните: наши войска под Берлином не жалели снарядов!

У стола появился Андрей Корнев, машинист дизельной станции, выступавший когда-то на комсомольском собрании.

— Я предлагаю... я предлагаю, — кричал он, — работать по-коммунистически! А что такое коммунизм, по-моему? Я когда-то еще перед началом стройки выступал на собрании и предлагал всем строителям отказаться от зарплаты, думал, в этом и есть коммунизм. Надо мной посмеялись, меня поправили. Теперь я хорошо знаю, что такое коммунизм. И вот что это такое, по-моему: коммунизм — это не только справедливость, изобилие... ну, там еще отдых и благоденствие... Я вот тут записал когда-то: «Коммунизм — это прежде всего страстное служение народу, невиданные трудовые подвиги во всю силу талантов, подвиги, подобные тем, которые совершали наши отцы, защищая Родину!» Металлурги хотят нас заменить, хотят вместо нас дать стране ту сталь, кото-

рую мы могли бы вынуть из льда! Так пусть они увеличивают свою производительность, пусть дают дополнительную сталь. Коммунизм — это еще и непрерывный рост производительности труда. Так нас учили. А мы добавим к их стали свою! Мы будем первыми металлургами Арктики, которые будут добывать стальные самородки из морской воды! Пусть для этого потребуется подвиг! Пусть будет больше работы! Разве мы не помним, как восстанавливались города-герои? Все люди после трудового дня поднимались на строительные леса и клали кирпичи. Вот и мы после своей обычной смены выйдем на лед, чтобы достать трубы! Да мне радостно будет вытаскивать трубы из льда! И кто посмеет отнять у меня эту радость — радость служения коммунизму? Подумайте, насколько богаче металлом станет наша страна! Тут хорошо сказали о движении вперед! Мы можем идти только вперед!

Из всех телевизоров, из отделанного дубом зала гидромонитора неся шум одобрения.

На экране одного из телевизоров появился пожилой рабочий.

— Горячо говорит молодежь, — слышался его хрипловатый голос из репродуктора. — Но не прислушаться ли нам к Василию Васильевичу? Человек он огромного опыта. Не думаете ли вы, товарищи дорогие, что трубы из льда можно вынуть, когда мол закончим? Что с ними делается? Да ничего! Сделаем мол, а потом не спеша, поманенечку и достанем их, употребим на другое дело. И технологический процесс пересматривать не надо.

— Нет, надо! — крикнул с места Виктор и пошел к столу слишком тяжелой для его возраста походкой. Склонившись над столом, он некоторое время деловито перебирал принесенные газетные вырезки. Потом выпрямился и оглядел зал. — Поднять такой спор, какой ведется здесь, могут только люди, строящие в своей стране коммунизм. А строить коммунизм — это в первую очередь «строить» самих себя, становиться достойными нового общества. Еще недавно я очень отставал в этом строительстве собствен-

ного «я». Сегодня мне хочется проверить себя. Как отвечу я на поставленный здесь вопрос? Пусть я геолог, но разведывательные работы заканчиваются. Завтра я уже смогу прийти к товарищу Ходову и просить, чтобы меня направили на какой-нибудь строительный участок. И я прошу вас, Василий Васильевич, пошлите меня туда, где будет вдвое труднее, но где, помимо сооружения мола, из воды будет добываться металл, который я всю жизнь искал в тундре. Пусть я не выгляжу спортсменом, но, честное слово, я готов вдвое напрячь свои мускулы, готов выполнить двойную работу, и я знаю, что поступать так должен любой советский человек.

Слова Виктора звучали неподдельной искренностью. Но строители переглядывались. Во всем ли он был прав? Важнейший государственный вопрос он все-таки свел к его, Омулева, личному поведению; пересмотр технологического процесса свел к перенапряжению мускулов.

Может быть, поэтому Виктор не услышал тех горячих аплодисментов, на которые рассчитывал.

Смушенно улыбаясь, он собрал свои вырезки, которые так и не использовал, увлекшись своей ролью в сенсационной перестройке, и прошел в задние ряды.

Говорил Александр Григорьевич, парторг стройки:

— Товарищи! Романтично, но не очень практично искать радость в лишениях и трудностях. Героично, но не в духе времени рассчитывать на двойное напряжение мускулов, о чем говорил наш геолог Виктор Омулев. Так мы поступили бы в былые годы, когда на развалинах старой России строили основы нового общества, не имея еще необходимой технической базы. Когда же мы приступили к первым грандиозным стройкам, то взялись за это не с помощью лопат, а имея уже электрические ковши-великаны, стальные экскаваторы, бульдозеры, скреперы, земснаряды и другие специальные механизмы.

Мы строим ныне в Арктике грандиозное сооружение, в нем участвует весь советский народ и шлет сюда, помимо материалов, много замечательных машин. Нельзя представить себе, что мы, командиры

этих машин, покинув свои кабины и пульты управления, взялись теперь за лопаты или голыми руками стали бы хватать на морозе железные трубы. Задача экономии труб — подлинно государственная задача. Она требует пересмотра технологического процесса строительства. Но новый технологический процесс должен быть столь же механизированным, как и старый, как и любой другой процесс на строительстве или на заводе нашего времени. Пусть не покажется присутствующим, что я отвергаю строительство мола без труб.

Напротив, я считаю своим партийным долгом бороться за новый метод, но бороться так, чтобы он был методом коммунистическим, не старым штурмовым методом былых лет. Возможно ли создать такой метод стройки? Возможно. Но для этого действительно придется пересмотреть все, как об этом довольно нечетко говорил инженер Карцев. Нужно найти совсем новые приемы, пересмотреть старые, попробовать на деле. Для этого целесообразно выделить опытный участок и там учиться строить мол без труб.

Выступление парторга дало иное направление дискуссии. Вопрос, надо или не надо экономить трубы, как-то сам собой был снят. Все выступавшие вслед за дядей Сашей предлагали уже что именно надо сделать, как облегчить вытаскивание труб и остальную работу.

Всех обрадовала речь подводника.

— Я давно думал, как бы без кессона обойтись, — признавался он. — А теперь это особенно нужно. Ведь для чего мы опускаемся на дно? Для того, чтобы зарыть в дно патрубки. Потом водолазы должны вставить в эти патрубки спущенные сверху трубы. И все это нужно только для того, чтобы ледяной мол смерзся с дном и не всплыл. А ведь достаточно сверху спустить трубы с уже надетыми патрубками, и образовавшийся лед все равно смерзнется с дном. Если так делать, то это высвободит и рабочие руки, и механизмы, и энергию. Пожалуй, можно будет подумать и о вытаскивании труб.

Гул прошел по залу. Предложения сыпались одно

за другим. Оказывалось возможным сделать многое. Накопленный опыт подсказывал упрощения и нововведения. Многие вызывались пойти работать на опытный участок строительства. Решение о выделении такого участка было принято единогласно. Даже Ходов голосовал за него, хотя, как он сам признался, скрепя сердце.

Алексей вызвался возглавить новый участок и просил временно освободить его от руководства остальной частью строительства.

Собрание решило обратиться в Москву за разрешением разрабатывать новый метод стройки. Будущие «опытники», как называли себя желающие работать на опытном участке, вызывали на соревнования «стариков», обещая не только освоить новый технологический процесс, который, кстати говоря, далеко еще не был ясен, но и перегнуть остальные участки строительства. Конечно, обещание это давалось не без некоторой запальчивости.

Алексей недаром с такой требовательностью к себе определял свою позицию в важнейшем для строительства вопросе. В этот вечер коммунисты стройки единогласно приняли его в партию.

В перерыве, поздравив Алешу, дядя Саша с улыбкой прислушивался к шумным разговорам. Переходя от группы к группе, он сообщал о приготовленном сюрпризе: комитет комсомола задумал концерт.

Строители снова заполнили кают-компанию, снова осветились экраны телевизора. Телевизор, связывающий ледокол с Барханским заводом, был выдвинут вперед. На его экране виднелся концертный рояль.

Галя сидела между Алексеем и Федором. Она уже догадывалась, кто будет играть. Действительно, на экране появилась Женя в длинном белом платье.

— Как она хороша! — прошептала Галя.

Федор улыбался. Алексей был задумчив.

Раздались первые аккорды... Алексей вздрогнул. Он вспомнил эту музыку, вспомнил свою встречу с Федором у Жени. Он наклонился вперед, полузакрыв глаза.

И чем стремительнее, чем громче была музыка, тем интенсивнее работала его мысль. Не замечая того, он сжимал руку Гали. Очнулся он, неприятно пораженный шумом вокруг. Все аплодировали. Музыки больше не было.

Дядя Саша вел к телевизору Дениса. У рояля снова сидела Женя. Денис запел низким и могучим басом «Реве та стогне Дніпр широкий». Женя, находящаяся за тысячи километров, аккомпанировала ему.

«Днепр! — думал Алексей. — Днепрострой — первенец социализма! Ледяной мол — великое, но рядовое сооружение приближающейся эпохи коммунизма!»

Голос Дениса, простуженный, немного хрипел, но от этого он не потерял своей красоты, — просто чувствовалось, что поет не артист, а свой же товарищ, и поет чудесно. И вместе с Денисом пел весь зал.

Концерт продолжался. Алексей и Галя вышли на палубу. Галя ждала чего-то, но Алексей, озабоченный, погруженный в размышления, так ничего и не сказав, простился и ушел в свою каюту.

Галя почти с укором посмотрела ему вслед.

Глава девятая **ПО ПЕРВОМУ ЗОВУ**

Овесян не взял Машу с собой на север. До вызова в Голые скалы она должна была одна продолжать исследования по намеченной программе. Какими мучительно длинными были для Маши эти месяцы! Когда же, наконец, она снова будет с Амасом? — так мысленно звала она академика. Маша привязалась к нему, знала все его идеи, умела подхватывать брошенное слово, угадывать мысли. Овесян в шутку называл ее ясновидящей, а когда сердился — колдуньей. Правда, сразу же добавлял, что ведьм с синими глазами не бывает.

Маша часто звонила домой к академику, говорила с его женой или дочерьми, почти Машиными ровес-

ницами. Но он не писал ни родным, ни Маше. Такой уж это был человек. Наверное, сейчас для Овесяна не существовало ничего, кроме развернувшейся в невиданном размахе работы.

Может быть, он и вспоминает Машу... но скорее всего только как помощницу. Ведь бывало, сколько раз бывало!.. Он подзовет ее рукой, что-то скажет, а в лицо даже не взглянет.

Двойственное и ложное положение, какое создалось в лаборатории, никак не вязалось со взглядами Маши, но она ничего не могла с собой поделать. Его не было — и она не находила себе места. Она тосковала. Ей страшно было признаться в этом. Не так воспитала ее мать, чтобы Маша могла мечтать о человеке женатом, много старше ее, начальнике по службе. Елизавета Ивановна была строга и рассудительна с учениками. Такой же она была и с дочерью. Она растила ее одна, муж погиб в войну.

И вот радиограмма пришла. Овесян требовал немедленного вылета Маши в район Голых скал, потом в Проливы. Маша сделала последнюю запись в дневнике наблюдений. Выключила ток в лаборатории: «До свидания! Быть может, надолго...» Позвонила маме в школу, заказала по телефону билет на самолет до Голых скал — он вылетал ранним утром, потом вспомнила, что надо позвонить дяде Мите.

Дядя Митя, старый профессор, близкий друг их семьи, знал Машу с пеленок. Человек сварливый, неуживчивый, он перессорился со всеми своими детьми и, быть может, поэтому к Машеньке привязался особенно. Он взял с Маши слово, что непременно сам отвезет ее на аэродром в своей машине. Маша знала, что забыть об этом — глубоко обидеть старика.

— Сочту за милость, душечка, — обрадовался старый профессор. — На рассвете подам свой драндулет, уж не обессудь, голубушка. Мы с ним одного возраста: при царе Горохе по случаю купил и не меняю из бережливости. Такие уж мы скряги, — подшучивал он над собой.

Маша посмеялась с дядей Митей. Она готова бы-

ла развеселиться по любому поводу. Она даже пела, бесцельно расхаживая по лаборатории.

Мама всегда все чувствуют. Машина мама ничего не говорила, но вечером долго смотрела на дочь печальными глазами. Рано уложила ее спать, чтобы Машенька выспалась. Сама она так и не ложилась всю ночь.

Дядя Митя явился рано утром.

— Путь-то какой — вздыхала Елизавета Ивановна, готовя завтрак. — И по воздуху...

Дядя Митя прихлебывал кофе из чашки, смешно оттопыривал нижнюю губу и, как заядлый автомобилист, ругал регулировщиков. Дядя Митя всегда кого-нибудь ругал.

— О ваших работах не спрашиваю, — говорил он. — Ваше дело такое, атомное... Но лучше б вам с академиком в лаборатории сидеть. А в Арктике что-то там строить не ваше дело. Пусть у всяких Ходовых да Карцевых об Арктике голова болит и у вашего покорного слуги также. У него всегда за всех голова болит... Однако пора! Посидим перед отъездом.

Елизавета Ивановна с балкона наблюдала, как дочь забралась в потрепанный автомобиль профессора Сметанкина. Машина сразу не завелась, и старик открывал капот, возился с мотором. Маша выглянула из дверцы, улыбнулась матери.

Наконец тронулись. На улицах еще горели фонари, но дворники уже счищали пневматическими лопатами выпавший за ночь снег. Автопогрузчики переправляли этот снег в грузовики.

Всю дорогу, пока не выехали на шоссе, дядя Митя брюзжал, жалуясь Маше, что его не слушают, рассказывал о своих тщетных протестах против бессмысленного строительства мола в Карском море, грозя, что море теперь совсем перестанет вскрываться ото льдов. Маша участливо слушала, кивала головой, соглашалась. Дядя Митя даже рассердился:

— Что ты не возражаешь? Попробуй поспорить!

— Я плохо разбираюсь в этих делах, — оправдывалась Маша.

Дорога на Внуковский аэродром то поднималась

в гору, то спускалась. Экономя бензин, профессор Сметанкин на спусках выключал мотор. Машина с «наката» немного взбиралась на подъем, и только уже после этого бережливый водитель включал зажигание и «давал газ».

И случилось так, что мотор не завелся. Маша вышла на шоссе, беспокойно взглянула на часы и огляделась. Ни одной попутной машины!

Дядя Митя ворчал, брызгал слюной, но мотор капризничал. Прошло полчаса. Старик вконец измучился и смотрел на Машу злыми глазами, словно она была во всем виновата или в чем-то упрекала его. Положение становилось угрожающим. Маша нервно ходила по шоссе, боясь подойти к разгневанному дяде Мите.

На вершине холма, с которого спускалась лента шоссе, появился автобус. Он быстро приближался. У Маши было мучительное желание поднять руку. Автобус был служебный, из аэропорта. Ее могли бы подвезти. Но обидеть дядю Митю!..

Автобус остановился сам. Из него со смехом и криками выскочили три летчика. Один — низенький, проворный, другой тоже невысокий, но коренастый — походка с развалыцей, третий — грузный, неторопливый.

— Что, папаша? Вынужденная посадка? — спросил первый летчик. — Кого везете?

— А вам какое дело? — огрызнулся профессор. — Дочь учительницы, — пробормотал он.

— Учить всегда полезно, — глубокомысленно заявил летчик, очевидно услышав лишь последнее слово.

— Уж не меня ли учить собираетесь? — взъелся Сметанкин.

— С этими «новейшими моделями» всегда так, — примирительно заметил коренастый, насмешливо щуря узкие глаза. — Зажигание, как в кремневых зажигалках. Разрешите помочь.

— Приберегите ваши острооты и услуги для других целей. Проезжайте себе мимо, — рассердился профессор и в сердцах плюнул на остывающий мотор.

— Папаша, вы не горячитесь. Это мотор не разогреет. А Мухтар у нас классный бортмеханик, он поможет, — увещевал низенький.

Но профессор и слушать не хотел.

Третий летчик тяжеловатой походкой подошел к Маше. У него было румяное, добродушно улыбающееся лицо. Никак нельзя было ожидать, что он вдруг станет цеременно раскланиваться перед Машей, махая над асфальтом воображаемой шляпой с перьями.

— Позвольте представиться прекрасной даме, попавшей в беду. Воздушные мушкетеры! Портос к вашим услугам. Он же Шевченко, штурман экипажа Дмитрия Росова.

— Дмитрия Росова? Героя Советского Союза? — переспросила Маша и с интересом посмотрела на двух летчиков, стоявших около профессора.

Штурман понял ее взгляд.

— То ж наши дивные хлопцы Атос и Арамис, тобишь Костя Бирюков и Мухтар Аубеков. А это батяка ваш будет, любитель старины?

Маша покачала головой.

— Вы не в аэропорт? Не опоздаете ли? — осведомился штурман.

— Кажется, опоздаю, — вздохнула Маша.

— Так прошу нашу прекрасную даму. Дмитрий Росов и его мушкетеры будут рады вам. Хоть до аэродрома, хоть дальше, если, конечно, по пути.

— Право, я лучше с дядей Митей.

— Конечно, с дядей Митей! Какой тут разговор! — обрадовался штурман и закричал: — Гей! Командор! Мы тут часу не маем!

Из автобуса появился высокий плечистый летчик и широким шагом направился прямо к Маше. Маша по непонятной причине смутилась.

— Рекомендую, это наш «дядя Митя»! — представил своего командира штурман.

— Если к самолету — подвезем, — сразу же предложил Росов. — Позвольте взять ваш багаж.

— Он там, у дяди Мити, — нерешительно сказала Маша. — А как же он?

— Мухтар! Что там с машиной? — крикнул Росов.

Бортмеханик подбежал, хитро поблескивая глазами.

— Придется прислать скорую техническую помощь! — отрапортовал он.

— Портос! Бери чемодан, — приказал Росов.

Маша боялась даже взглянуть на профессора. Тот, увидев, что забирают чемодан, онемел от возмущения. Маша подбежала, хотела поцеловать дядю Митю, но он сердито отстранил ее рукой. Маша забралась в автобус. Росов, попросив разрешения, сел рядом с ней, примостившись на кончике дивана. Со смехом протискивались в дверцу «мушкетеры».

— Эстафета принята, — острил Мухтар, игравший роль лукавого Арамиса.

Маша покраснела, поняв, что это относится к ней. Тут она увидела, что машина профессора Сметанкина завелась. Маша хотела выбраться из автобуса, но профессор неожиданно развернул машину и поехал в Москву. Одновременно тронулся автобус.

— Ребята оглушили вас, наверное? — спросил Росов, заметив расстроенное лицо Маши, следившей глазами за машиной профессора.

— Получилось, что вы меня похитили, — призналась Маша.

— Славное дело мушкетеров, позвольте представиться, — вмешался низенький, самый молодой из всех.

— Вы Костя, — сказала Маша.

Она сама удивилась своей непринужденности. Это было так на нее не похоже!

— Точно! — обрадовался Костя и победно оглядел товарищей.

— Его настоящее имя Атос. Костя — это прозвище, — хитро заметил Мухтар.

— Почему? — заинтересовалась Маша.

— Целая история, — интригуяще продолжал Мухтар-Арамис. — Одно время мы жили в помещении школы и однажды должны были пойти на вечеринку, но решили сначала отдохнуть. Насчет сна он

у нас рекордсмен, — проспал, а мы его из озорства не разбудили. Проснулся он и в скорбном одиночестве стал выдумывать страшную месть. Со злобною улыбкой проник в школьный кабинет...

— И что же? — не понимала Маша.

— Дмитрий Иванович вернулся и по привычке своей с размаху на кровать — бух!.. Под одеялом у него что-то хрястнуло. Он подскочил, отдернул одеяло, а там — человеческий скелет, слегка раздавленный... из школьного кабинета.

«Мушкетеры» оглушительно захохотали, все, кроме чуть улыбнувшегося Росова. Маша тоже не удержалась, рассмеялась, осуждающе качая головой.

— Я сам свидетель, — продолжал Мухтар, — как справедливый Дмитрий Иванович решил вернуть в кабинет целый скелет.

— Целый?

— Конечно, целый. Костин скелет. Словом, сделать из Кости — кости. С тех пор Атос и заслужил «хрустящее» прозвище «Костя».

— Честное слово, я из Москвы новый скелет прислал, — оправдывался Костя.

Маша отдыхала душой. Она подумала, что совсем отвыкла от молодежи. Так можно разучиться смеяться. Она, столько слышавшая о знаменитом популярном летчике, украдкой посматривала на Росова. Решительное скуластое лицо с резкими складками у губ, мохнатые брови, серые глаза с веером морщинок в уголках. Это от привычного напряжения. Смеется вместе со всеми непринужденно и в то же время сдержан, но не молчалив. Маше нравилось, что он такой большой, сильный. Сама крупная, она не любила шуплых мужчин.

Портос, он же Шевченко, предложил спеть. И Маша, сама себе удивляясь, пела вместе с «мушкетерами». У Дмитрия Росова оказался могучий бас.

— Подумают, что навеселе, — усмехнулся Росов.

— А не бывает? — лукаво осведомилась Маша.

— Как не бывает, — широко улыбнулся летчик, — только не перед вылетом.

До чего же все они не похожи на ее товарищей

по институту! «А сама я какова? Наверное, сразу видно, что синий чулок», — подумала Маша.

Автобус подъехал к зданию аэровокзала.

— Вам сюда, а нам — на поле, — сказал Росов, крепко пожимая Машину руку.

Машу пугало, что он может спросить номер ее телефона. Ей не хотелось его давать. Но Росов не спросил, и теперь Машу это почему-то задело. «Наверное, всех подвозят», — с обидой подумала она.

Маша стояла на панели, а в открытую дверь автобуса высовывались «мушкетеры», прощаясь со своей попутницей.

«Славные ребята. Смотрит ли Росов в окно? Жаль, стекла замерзли».

Автобус уехал. Маша вошла в вокзал.

Глава десятая **В ДАЛЬНЮЮ ДОРОГУ**

Репродуктор громко пригласил пассажиров, летящих до Голых скал, выйти на поле.

Маша сидела в мягком, покойном кресле в зале ожидания — она так и не смогла вздремнуть — все думала о себе, об Амасе, о встрече на шоссе.

«До Голых скал...» — повторил репродуктор.

Маша вышла на поле. Девушка в форменной фуражке повела группу пассажиров по асфальтовой дорожке. Прошли через калитку в низенькой ограде к стоящему ближе других огромному серебристому самолету. Бросалась в глаза непривычная пропорция его частей. Коротенькие, чуть отогнутые назад крылья были так далеко отнесены к хвосту, что напоминали скорее оперение стрелы, чем обычные поддерживающие плоскости самолета. Нос воздушного корабля покоился на колесе. Хвостовое оперение было приподнято над фюзеляжем, напоминая поставленный парус.

Пассажиры подходили к самолету сзади, и Маша заметила круглое жерло, которым заканчивался словно обрезанный хвост. Дверца в самолете поме-

щалась впереди крыльев. К ней была приставлена лестница с перилами.

Маше стало тоскливо. Никто ее не провожает. Вспомнился дядя Митя. Как нехорошо получилось! Он бы посадил ее сейчас в самолет. Променяла близкого человека на людей, которых, быть может, и не увидит никогда.

Но ей привелось увидеть. И не кого-нибудь, а веселого Костю, стоявшего у лестницы и гостеприимно подсаживающего своих будущих пассажиров.

— Учительница! Наша учительница! — обрадовался он при виде Маши.

Пассажиры оглянулись на нее. Маша покраснела, приветливо кивнула головой:

— Я не знала, что это ваш самолет пойдет на Голые скалы.

— В другие места не летаем, — важно ответил Костя. — Сейчас доложу командиру.

У Маши было третье место, первое одиночное кресло с правой стороны. Едва она присела на краешек кресла, держа на коленях чемоданчик, как в пассажирскую кабину, пригнув голову, вошел Дмитрий Росов, огромный в своем пилотском одеянии, в мохнатых унтах. Тепло улыбаясь, он протянул Маше руку, чтобы поздороваться, хотя они и расстались какой-нибудь час назад. Неловко потоптался около смущенной Маши, мешая другим пассажирам устроиваться, а потом пригласил ее заглянуть в кабину пилотов. Между креслами пробежал Мухтар Аубеков. Проходя мимо Маши, шепнул:

— Эстафету-то, оказывается, сами себе передали. Маша улыбнулась.

«Интересно, кто первым поведет самолет. Вероятно, Росов?» — подумала она и попыталась представить его широкую спину, лицо вполоборота к ней, прищур пристальных глаз.

Наружную дверцу закрыли. Лестницу откатали. Сзади что-то загудело. Пол и стенки немного дрожали. Очевидно, пробовали двигатель. Маша поудобнее уселась в кресло, откинула назад его спинку. Лететь долго.

Миловидная проводница предупредила пассажиров, что впереди, около кабины пилотов, есть салон со стеклянным куполом. Там книги, газеты, радио, пианино.

Самолет двинулся по снежному полю. Он разворачивался подобно обычному автомобилю, выезжая на бетонированную дорожку, с которой снег был счищен, как с московской мостовой.

Понеслись назад бетонные плиты. Все быстрее, быстрее... Неужели можно еще скорей? Маша так и не уловила момента, когда самолет оторвался от земли. Ничто не изменилось. Она продолжала сидеть в кресле. Внизу вместо бетонных плит промелькнул забор, потом деревья, крыши домов... «Уже летим!»

Прежде, когда Маша летала, она всегда боялась, что самолет упадет, и очень стыдилась этого чувства. Сейчас же страха не было. Неужели потому, что самолет ведет Росов?

Сначала Маше было интересно смотреть вниз. Тоненькая ленточка железной дороги, игрушечный поезд на ней... Крохотные домики по обе стороны шоссе. Большой квадрат леса...

Смотреть вниз с десятого этажа страшно. Но поднимись на километр — и это чувство исчезает.

Мимо окна стали пролетать белые клочья, потом потянулись дымчатые струи. Казалось, от их прикосновения самолет вздрагивает. Маша невольно прислушивалась к реву двигателя. Не меняется ли?

Все стало туманным за окном, словно оно запотело. Маша попыталась протереть стекло, но это не помогло. Снаружи ничего не было видно.

И вдруг в глаза ударило яркое солнце. На земле был едва брезжащий рассвет, а здесь сверкающий день. Вниз уходила странная, залитая ослепительным светом страна белых вихрей, ватных холмов и долин, конических алебастровых вулканов и известковых кратеров, неправдоподобная страна снежных, сливающихся в фантастические скульптуры туманов, страна света без теней.

Маша подумала, что никто с земли не видит этой красоты облаков, освещенных солнцем сверху. Какие

они, оказывается, необыкновенные!.. Прошла в салон, но никого не застала там. Через стеклянный купол было приятно смотреть на ясное голубое небо. На горизонте, как и внизу, виднелась все та же сказочная страна клубящихся паров. Маше хотелось, чтобы кто-нибудь пришел сюда. Она стала смотреть иллюстрированный журнал. Интересные фотографии строительства ледяного мола на севере.

В салон зашел командир корабля. Маша, не поднимая головы, старательно перелистывала журнал. Летчик подошел к ней. Маша почувствовала запах табака и одеколона — наверное, утром летчик брился.

— Этого знаю, — указал Росов на фотографию руководителей строительства.

— Молодого? Не Алексей ли Карцев? Да. Здесь написано.

Росов сел рядом с Машей.

— Вы с ним знакомы? — поинтересовалась она.

— Вроде как с вами. Вез его на летающей лодке. С ним была тогда одна такая молодая, красивая...

— Я вижу, вы запоминаете молодых и красивых.

— Еще бы, — простодушно усмехнулся Росов. — Мы с ней наорали друг на друга.

— Наорали? — удивилась Маша.

— Это все Костя. Предупредил каждого из нас, что другой туговат на ухо. Вот мы и выкрикивали любезности.

— Любезности? — Маша пожала плечами. И совершенно неожиданно для себя добавила: — Здесь у вас так ревет двигатель, что невольно чувствуешь себя глуховатой.

— Кричать не будем, — твердо сказал Росов. — Я вас и так запомню.

— Почему?

— Кажется, будто давно знаю. Я работу вашу люблю. У меня сестренка учителствует. Двойки ребятам понаставит, а потом идет ко мне, сокрушается. Я всех ее учеников по именам знаю.

«Как и я маминых», — подумала Маша, но о своей работе летчику ничего не сказала. Она привыкла молчать о ней.

— А я вас действительно давно знаю, — сказала Маша. — Вы знаменитый.

Росов, немного смущенный, пренебрежительно махнул рукой.

— Чего там! Обыкновенный воздушный извозчик, самый простой человек. А вот знаменитых возить приходилось. Я тогда не знал, что Карцева везу. Вернее, не знал, что он придумал этакое. Я его тогда же в клубе острова Дикого услышал. Раздолбали его там здорово. А он мне все-таки понравился. И вот добился своего. Таких я люблю. Край теперь меняется. Мы с вами в Голые скалы летим. А не будь его замысла — кто бы стал в Голых скалах металлургические гиганты строить, город закладывать, школу для новых маленьких жителей открывать? Я за эту школу, пожалуй, Карцеву особо благодарен.

— Почему?

— Так уж, — неопределенно ответил Росов и встал. — Пойду Костю сменю. Заходите к нам. Ребята будут рады.

Росов ушел. Маша стала думать о нем. Ну что они сказали друг другу? Ничего. А оба уже чувствуют, что давно знакомы. Когда можно сказать, что знаешь человека? Если уверен, как он поступит в том или другом случае. Может она сказать, как поступит Росов? Пожалуй, да. Вообрази самое трудное положение, в которое попал Росов, и сразу ясно, как он поступит. А если представить себе не такое уж трудное положение? Трудное не для него, а для нее?.. Маша смутилась от вопроса, который сама себе учинила, и рассердилась. Столько времени рвалась к Амасу, хотела лететь к нему на крыльях, а теперь, когда летит, думает не о нем... а об экипаже самолета.

«Об экипаже самолета!» — Маше показалась смешной эта не очень хитрая формулировка.

Читать Маша не могла. Вернулась в свое кресло, заставила себя сидеть в нем. Пыталась уснуть, не позволяя себе пойти к летчикам. Но все-таки пошла.

Росов вел корабль. «Воздушные мушкетеры» были рады госте. Перед кабиной пилотов находилась еще одна кабина с койками в два этажа и столом

штурмана. Грузный Портос был занят прокладыванием курса, — только отсалютовал рукой. Костя и Мухтар усадили Машу на нижнюю койку, спустили сверху подвесной стол и стали угощать ее свежескопченным омулем. Маше казалось, что она никогда ничего вкуснее не ела. В приоткрытую дверь была видна широкая спина Росова, сидевшего за рычагами управления.

Маше хотелось пройти туда, и она сказала:

— Интересно бы посмотреть самолет.

Бортмеханик Мухтар принял это на свой счет и тотчас решил вести гостью в машинное отделение. Маше ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Они прошли через салон, где два пассажира играли в шахматы, а трое смотрели, потом между двумя рядами занятых кресел, наконец через буфет со столиками.

Мухтар открыл своим ключом освинцованную дверь, и они вошли в машинное отделение.

— Святая святых, не дышите! — возвестил Мухтар. — Атомная силовая станция!

В просторной кабине, примыкая к задней стене, стоял ряд машин уменьшающегося диаметра, связанных общим валом. Маша улыбнулась и сказала, что эти машины походят на игрушечных матрешек: они могли бы войти одна в другую.

Мухтар приосанился и снисходительно заметил:

— Придется прослушать маленькую лекцию. Пригодится. Другим рассказывать будете. Про атомную энергию немного знаете?

Маша кивнула головой.

— Атомный реактор у нас в хвостовой части, за этой стеной. В ней несколько слоев свинца, бетона, бария... Не бойтесь, надежно защищает от радиации.

— Реактор, конечно, с использованием быстрых нейтронов?

Мухтар уважительно посмотрел на девушку:

— Правильно. Подаете надежды. Там действительно легкий урановый реактор без торможения нейтронов. Но главное не в этом! Двигатель реактивный.

Отверстие в хвосте, наверное, видели? Энергия есть, но какие газы назад выбрасывать?

— Нагретый воздух, — подсказала Маша.

Мухтар наклонил голову и сощурил без того узкие глаза.

— Думаете захватить наружный воздух, пропустить его через реактор и выбросить сзади? Так просто не выйдет. В реактивной камере, где ураном нагревается воздух, огромное давление. Как подать туда свежий воздух?

— Сжигать воздух холодильной машиной, — подсказала Маша.

Мухтар сначала онемел от удивления, потом сказал:

— Можно подумать, что вы бортмеханик атомного самолета, а не я.

— Покажите, где засасывается наружный воздух? — попросила Маша.

— Нашу силовую станцию окружает кольцевая воронка. Воздух с огромной скоростью влетает в нее и по трубопроводам идет в этот турбокомпрессор. — Мухтар похлопал по кожуху самой большой из сидящих на общем валу машин. — В турбокомпрессоре воздух очень сильно сжимается и, конечно, нагревается.

— Сжатый воздух, очевидно, охлаждается в крыльях?

— И это верно. Холодный, но по-прежнему сжатый воздух идет на лопатки вот этой турбины...

— Турбодетандера, — поправила Маша. — На лопатках он расширяется, снижает давление и температуру и в конце концов становится жидким...

— Центробежный насосик подает жидкий воздух в урановый реактор, — подхватил Мухтар. — Воздух охлаждает реактор, а сам нагревается почти до полутора тысяч градусов и вылетает с огромной скоростью через хвостовое отверстие. Тем и создается реактивная сила тяги.

— Но часть горячего воздуха вы, конечно, направляете в газовую турбину, которая приводит в движение турбокомпрессор?

— Разрешите сдать вам вахту? — спросил Мухтар, застыв в церемонном поклоне.

Маша рассмеялась.

— А для взлета у вас запас жидкого воздуха в баллоне. Атомного же горючего хватит для полета вокруг земного шара много раз.

Мухтар признался, что не осмеливается еще что-нибудь показать столь просвещенной пассажирке и просит позволения с почетом проводить ее до кресла. Маша вздохнула, но согласилась.

Во время перелета Маша все же говорила еще раз с Росовым и пообещала Дмитрию Ивановичу вместе с ним осмотреть строительство в Голых скалах.

Еще на аэродроме Маше передали распоряжение академика лететь к нему в Проливы. У нее оставалось время, и она нашла Росова. Вдвоем с ним они отправились с аэродрома на стройку. Маша поражена была пейзажем Голых скал. Освещенные прожекторами стройки утесы, сверху белые, с боков черные — на обрывах снег не держался, — они казались перенесенными сюда с мертвой Луны.

Маша сказала об этом Дмитрию. Она уже так звала Росова.

— Знаете, Маша, — сказал летчик. — Мне захотелось полететь на Луну. Буду глядеть на лунные горы, о вас вспомню.

— Для этого вовсе не надо лететь на Луну, — улыбнулась Маша.

С утесов, на которые забралась Маша с Росовым, были видны рассыпанные по тундре огни. Электричество вытесняло полярную ночь.

— Здесь будет металлургический комбинат, — объяснял Маше Росов. — Говорят, к некоторым скалам тут молоток может пристать, не отдерешь. Какой-то геолог Омудев будто бы это открыл. Прямо хоть монумент ему здесь ставь. И самое интересное то, что завод будет работать не на коксе, а на атомной энергии. Тут и залежи есть. Вы, наверное, ребяташкам об этом не рассказываете. В физике-то, признайтесь, не очень маракуете?

— Нет, я физик, — тихо сказала Маша.

— Вот бы не подумал. Физику мальчишки любят. А девочки к физике, по-моему, ма́ло расположены. Маша пожала плечами.

У подножья утеса остановились нарты. Маше захотелось посмотреть оленей.

Внизу их встретил старик в кухлянке.

— Очень здравствуй, незнакомый человек! Это что, жена будет?

— Жена будет ли — не знаю, а вот завод здесь у вас будет, — смеясь, сказал Росов.

— Наша тундра, наш завод, — закивал головой старик. — Наши люди помогают. Раньше за оленями ходили. Теперь сталевары будут. Женщины тоже нужны. Не жена? — Старик присмотрелся к Маше. — Зачем не жена? Хорей держать умеешь? — и он показал Маше шест, которым управляют оленями.

Маша отрицательно покачала головой.

— Я в тундре одну вашу женщину знал. Настоящий человек. Хорей знала, машину знала. И ты жену учи, — обратился старик уже к Росову.

Молодые люди, простившись со стариком, пошли к огням тундры. Некоторое время молчали. Оба, быть может, думали о словах старика. И каждый по-своему. Маша — о переменах в тундре, а Росов...

Он неожиданно взял Машу за руку:

— Старик-то, может, правду сказал.

У Маши заколотилось сердце. Нет женщины, у которой не дрогнет оно при этом.

— В тундре нельзя одной жить. Старый закон. А я больше все тут, над тундрой да над морем летаю. Как, Маша, а?

Голос этого огромного мужчины звучал робко. Маше стало жаль его. Она растерялась. Она воображала, что знает, как Росов поступит в любом положении, а такого положения не учла. И меньше всего знала, как поступит сама.

Девушка молчала, а Росов не торопил ее. Он боялся, что она начнет говорить.

Конечно, можно было сказать, что они мало знают

друг друга, что им надо познакомиться поближе, сказать все это помягче.

Маша шла с опущенной головой. Ей не хотелось так говорить. Но не принять же в самом деле это сумасшедшее предложение? Вот ведь какой он, оказывается, человек. Сердце нараспашку.

— Я заеду к вам сюда, в школу, — сказал Росов.

— Меня здесь не будет, — тихо проговорила Маша.

— Почему? — удивился Росов.

— Полечу в Проливы.

Росов понял это по-своему. Он хотел притянуть к себе Машу за плечи, но она отодвинулась.

— За это спасибо, Машенька. Ценю, что с нами опять хотите. Только теперь не подвезешь. В Проливы особый пропуск требуется.

Маша решила, что самое лучшее — это показать сейчас пропуск и рассеять некоторые недоразумения.

Удивленный Росов долго рассматривал пропуск на имя доктора физико-математических наук Марии Сергеевны Веселовой, заместительницы академика Овесяна по руководству специальной лабораторией в Проливах. Окаменевшее лицо летчика наливалось краской стыда. Он вернул пропуск Маше и сказал сдержанно:

— Предъявите начальству в аэропорту. Меня за глупости простите. Пойду самолет готовить.

И он пошел от Маши, не говоря больше ни слова. Маше хотелось побежать за ним, остановить, но она словно приросла к снегу. Что-то уходило от нее, хорошее, ясное...

...Маша была единственной пассажиркой самолета в этом рейсе от Голых скал до Проливов.

Всю дорогу Маша думала о необыкновенном своем приключении. И, как ни странно, она совсем не думала о близкой встрече с Амасом Иосифовичем.

Когда самолет стал крениться, Маша спохватилась, что они уже прилетели, и вошла в кабину летчиков. Аубеков и Костя лежали на верхних койках. Штурман сидел за своим столом, не поднимая головы. Дверь в кабину управления, как обычно, была

открыта. Маша увидела широкую спину летчика, напряженную сильную шею, высоко подстриженный затылок. Пилот вел машину на посадку и всецело был этим поглощен. Маша тихо прикрыла дверь, никем не замеченная.

Через несколько минут самолет приземлился. «Воздушные мушкетеры» вышли проводить свою «знатную» пассажирку, но были совсем не шумными, очень вежливыми.

Командир корабля не появился. Маша очень обиделась, очень!

Она вышла из самолета и сразу попала в объятия к Овесяну. Академик усадил Машу в вездеход, закрыл пологом, сам устроился рядом.

— Используем опыт строительства мола, — с жаром объяснил он. — Ведем работу прямо со льда. Сейчас вы увидите контуры наших сооружений. Размах — космический.

Маша не смотрела вперед, где должна была увидеть эти «контуры», — ей хотелось оглянуться.

Глава одиннадцатая **НОВЫМ ПУТЕМ**

По коридору ледокола почти бежала Галя, на ходу стряхивая снег с меховой куртки. Постучала в каюту Алексея и порывисто распахнула дверь.

Алексей сидел, склонившись над столом, из репродуктора слышались шорохи и голоса. Галя застыла на пороге.

— Почему же трубы не выходят, если вы прогрели их током? — кричал Алексей. — Почему, говорю, не выходят? Нельзя послать к вам Денисюка. Не может он разорваться. У него тоже кранов не хватает. Простите, тут у меня другой вызов. — Алексей переключил какие-то рычажки. — Что? Опять срыв? Глубина больше, чем предполагали?.. Нет, и не думайте лезть в воду, к водолажным работам возвращаться не будем. Собирайте трубы на льду, а не под водой! Спускайте готовым блоком...

Алексей выключил аппаратуру, оглянулся и, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба, улыбнулся Гале. Под глазами у него были темные круги.

— Как хорошо, что ты приехала! Что-нибудь срочное? Опять срыв? Отовсюду сообщают, что срыв.

— Почему ты думаешь, что произошло что-нибудь? — спросила Галя, протягивая руку. — Здравствуй, Алеша!..

Зазвонил телефон. Алексей снял трубку правой рукой, левую протянул Гале.

— Колонну вездеходов я уже направил к вам. Вы задерживаете сводку о замораживании. С меня Ходов ее требует. Хорошо, я буду ждать, — Алексей повернулся к Гале. — Почему думаю? Ты зашла ко мне не как всегда... не переделась, — и он улыбнулся.

Галя опустила голову.

— А я думала, что ты никогда не замечаешь. Алексей встал.

— Это верно, Галя. Я не замечал... не замечал, — добавил он с особым ударением.

Галя вспыхнула.

— Что, Алеша, трудно? — совсем о другом спросила она.

— Трудно, Галя, очень трудно... Садись, рассказывай, что там у вас случилось? Так плохо идет работа на опытном участке!.. Никак не ладится, расползается все... Василий Васильевич и тот нервничает, все напоминает, что никогда не верил в новый метод.

— У нас ничего не случилось, Алеша. Мы просто закончили разведку грунтов дна.

— Как закончили? — удивился Алексей.

— Спешили, работали без сна, чтобы перейти в твое распоряжение. Нас трое, вездеход... Мы сможем помочь в наиболее трудном месте на опытном участке. Так решил наш комитет комсомола.

— Спасибо, Галя, — сказал Алексей, пристально глядя на девушку. — Дай я помогу тебе снять куртку. Здесь тепло... А тебе в последний месяц и погреться было негде.

— Как у тебя хорошо! — Галя сняла шапку, чер-

ные волосы рассыпались, она откинула их со лба. — Знаешь, я часто представляла тебя в этой каюте. Вот и не удержалась, — она виновато улыбнулась, — прибежала... Скажи, очень плохо на участке?

— Да, плохо. Мы отстаем от всего строительства. Трудно с вытаскиванием и переборской труб. Но в то же время отказ от подводных работ оправдал себя.

— И что же теперь?

— Спасибо, Галя! И за разведку спасибо... и за то, что зашла ко мне. Понимаешь, у меня все время было ощущение, что мне кого-то не хватает.

— Кого-то? — спросила Галя.

— Знаешь... должно быть, мне тебя не хватало.

— Почему меня?

— Теперь как-то сразу хорошо стало, уверенно!

Алеша усадил Галю перед собой на стул, все так же пристально глядя на нее, но не замечая ее состояния.

— Понимаешь, Галчонок, мы с тобой, наверное, настоящие друзья. Хорошо мне с тобой!.. Не могу толком объяснить. Час назад дело так плохо шло, казалось, руки опускаются. А теперь словно после отдыха. Так много хочется сделать!

Алеша рассмеялся, порывисто взял Галю за худенькие плечи и от избытка внезапно нахлынувших сил встряхнул ее.

Галя слабо сопротивлялась:

— Алешка! Ключицу сломаешь.

— Стальные прутья могу согнуть. Все преодолеем, Галчонок, все... Чем хуже — тем лучше! Большему научимся... — Он вскочил и, неожиданно задумавшись, остановился посередине каюты. — Разные с женщинами могут быть отношения. Я горжусь, необыкновенные они у нас с тобой, а вот с Женей...

Галя нахмурилась, но Алеша продолжал, глядя через иллюминатор в темноту полярной ночи:

— Может быть, так и должно быть. Любовь — я твердо в это верил, — она расслабляет. Любовь и творчество, по крайней мере техническое творчество, несовместимы! В самом деле, надо задевающие за душу слова придумывать, а тут трубы на уме. Словом,

проза. Любовь требует поэзии. Ты любишь поэзию?

Галя сидела с низко опущенной головой.

— Люблю, — тихо проговорила она.

— Женя любила Блока. Я специально учил для нее... Подожди... как это...

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко

Взор надменный и отдал поклон.

Обратясь к кавалеру, намеренно резко

Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,

Истукленно запели смычки...

Но была ты со мной всем презрением юным...

— Забыл дальше... — и Алеша развел руками.

— Любимые стихи не учат, — сказала Галя. — Захочешь — не забудешь.

— Пожалуй, — согласился Алеша. — А ты кого любишь?

Галя даже вздрогнула.

— Когда-нибудь прочту... любимое.

Резко зазвонил телефон. Алеша помедлил, потом с досадой снял трубку. Выражение лица его сразу изменилось:

— Слушаю, Василий Васильевич. Я ждал вашего звонка. Сейчас приду.

Алексей встал и выразительно посмотрел на Галю.

— Откажешься от вытаскивания труб? — спросила она.

— Отказаться... от самородков? От твоих самородков? — Алексей заглянул Гале в глаза и взял ее руки в свои. — Никогда!

Минуту они простояли молча. Потом Алексей повторил очень тихо, едва слышно:

— Никогда.

Стоя в дверях каюты, Галя, светло улыбаясь, взглядом провожала Алексея, быстро шагавшего по коридору. Лыжный костюм подчеркивал его ладную фигуру спортсмена.

...В салоне капитана собрались Ходов, Федор и дя-

дя Саша. Парторг строительства смотрел в темный иллюминатор. Федор разглядывал на столе карту. Ходов, заложив руку за согнутую спину, расхаживал по салону.

— Пришли? — обернулся он к Алексею. — Прошу прощения, если оторвал от дел. Но именно о делах хочу говорить. Я уже поставил в известность парторга ЦК партии товарища Петрова и капитана Терехова о том, что вызван в Москву для личного доклада Волкову. Надеюсь, вы понимаете, что я вынужден доложить об окончании опыта.

— Какой опыт вы считаете законченным? — нахмурился Алексей.

— Опыт затруднения строительства с помощью вытаскивания труб. Вот сводки. Полнуйте, — Ходов потряс перед Алексеем бумаги.

— Я их знаю.

— А я их выучил наизусть. Позор! Ваш участок подводит все строительство. Неужели вам еще не ясно, что порочная идея перестроить метод строительства без коренного изменения механизации провалилась?

— Вы знаете, что нам все же удалось приспособить многие механизмы, мы изменили способ опускания труб, отказались от подводных работ.

— Прошу прощения, вы тратите на новый способ больше времени, чем на старый. Монтаж трубчатых блоков на льду затруднен, требует работы на морозе. Вы совершенно не справились с переправкой труб на передний край участка. Доставленные трубы оказываются непригодными для новой глубины. Их приходится или обрезать, или надставлять. Появились новые операции! И это называется рационализация! Пока вы добились только вот чего, — Ходов опять потряс перед Алексеем злополучными сводками. — Когда же это вас чему-нибудь научит?

— Я учусь. Все время учусь, Василий Васильевич, и в том числе у вас.

Дядя Саша отошел от иллюминатора, пряча в усах улыбку.

Ходов согнул узкую спину и, заложив за нее руки, спросил:

— Вы, что же, все еще, прошу прощения, настаиваете на продолжении своего провалившегося опыта?

— Я настаиваю на завершении нашего опыта и на переходе всего строительства на новый метод, который мы разработаем.

— Это упрямство! — Ходов впился в Алексея холодным взглядом.

— Может быть, это упорство, Василий Васильевич? — вмешался дядя Саша. — И, пожалуй, хорошее упорство. А?

Ходов закусил губу.

— В Москве я вынужден буду доложить, что переброска, равно как и вытаскивание труб, не обеспечена специальными машинами. Строительство не сможет перейти на новый метод при существующей механизации. Заменять труд машин человеческими мускулами, возвращаться на десятилетия назад мы не будем. Об этом своем решении я и считал необходимым поставить вас, Алексей Сергеевич, в известность. Работы на вашем опытном участке смогут продолжаться, как я полагаю, лишь до моего возвращения из Москвы. На это время, поскольку инженер Карцев все еще будет занят только своим опытным участком, руководство строительством возлагаю на вас, товарищ Терехов. Тебя, товарищ Петров, как парторга ЦК, прошу помочь. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Душа будет болеть за всех.

Говоря это, Ходов пожал всем руки. Сутуля узкую спину, он пошел к выходу. Было слышно, как он закашлялся на палубе.

Федор, Алексей и дядя Саша остались в салоне. Дядя Саша пристально смотрел на Алексея, стараясь уловить в его взгляде растерянность. Но он заметил только решительность и упорство. Довольная улыбка снова спряталась в усах дяди Саши.

— Нашему Василию Васильевичу, Алеша, нельзя отказать ни в резкости, ни в справедливости суждений. Партийный комитет обсуждал положение на строительстве. Дела на вашем опытном участке потому идут плохо, что вопрос вы решили только наполовину.

— Да, вы правы, дядя Саша, — задумчиво сказал Алексей. — Мы еще продолжаем решать этот вопрос, вот почему было бы преждевременно прекратить опытные работы и поиски решения.

Дядя Саша сел к столу и, поставив подбородок на руку, скрывшуюся в его густой бороде, сказал:

— Боюсь, что за последнее время ты, Алеша, все свои силы отдавал не поискам новых решений, а текущим заботам: как бы не отстать еще больше на опытном участке.

— Да, это правда, — согласился Алексей.

— Самое трудное место — это транспортировка. Что же ты думаешь об этом?

Алексей немного смутился.

— Я думал... думал о том, чтобы прокладывать специальную полынью, доставлять трубы кораблем...

— Не выйдет, — прервал до сих пор молчавший Федор. — Ледоколов не хватит. Прикидывал. Из портов не доставишь.

— Пожалуй, ошиблись мы, что поручили тебе руководить опытным участком, — продолжал дядя Саша.

Алексей вспыхнул.

— Надо было оставить тебе свободу мысли, чтобы ты не подгонял своих опытников, а смотрел бы на приемы их работы со стороны, критиковал бы их, находил бы новые решения.

— Понимаю, дядя Саша, — сказал Алексей, опустив голову. — Конечно, самое трудное — критиковать себя.

— И отказываться от своего, — добавил дядя Саша.

— Алексей, мы советовались, — сказал Федор, выколачивая трубку. — Пока прав Ходов. Ты оказался в плену у своих первоначальных мыслей. Когда пробиваешься через тяжелые льды, никогда не идешь прямым путем. Все ищешь нового пути.

Дядя Саша и Федор не сказали Алексею ничего обидного, они не сказали ему, казалось бы, и ничего значительного, но они добились от него именно того, чего хотели. Алексей выскочил из салона капитана,

как из бани. Вытирая потное, красное лицо, он побегал к своей каюте.

«Ехать на участок, немедленно! На минуту представить себе, что ничего не знаешь, видишь все впервые! Критически осуждать и отвергать все, пусть даже предложенное самим. И того же потребовать от других. А то все свелось к слепому и усердному выполнению раз принятого».

Рывком открыв дверь в свою каюту, Алексей увидел там заснувшую Галю. Она сидела у стола, уронив на него голову с рассыпавшимися черными волосами.

В первое мгновение Алексей смутился. Он хотел разбудить спящую девушку и вдруг почувствовал желание поцеловать ее волосы, пока она спит. Но Галья проснулась и сразу же заметила в Алексее перемену. Его возбужденное лицо сияло внутренним светом.

Она спросила его взглядом.

— Хочешь поехать со мной на участок? — предложил он.

Гале смертельно хотелось спать, но она вскочила, счастливая, готовая ехать куда угодно.

Глава двенадцатая **ЛОМАЯ ВСЕ...**

К ночи разыгралась пурга.

В потускневшем свете прожекторов носились, то взвиваясь, то стелясь по льду, снежные струи. Стрел подъемных кранов совсем не было видно. Казалось, что канаты, зацепив трубы, свешиваются прямо с низкого неба.

Денис сам руководил вытаскиванием труб на опытном участке. Денисюком, как и его товарищами, владела одна мысль: во что бы то ни стало добиться выполнения нормы, догнать остальные участки строительства.

Снятые радиаторы лежали на льду в наметенном уже над ними сугробе.

— Вира! Вира! По-отянем! — осипшим басом кричал Денис.

Начавшаяся пурга беспокоила его. Где тут перекрыть задание, нагнать потерянное за последние дни! Лишь бы дневное задание как-нибудь выполнить. Труб из запасов Алексей не давал. Нужно было обязательно самим перебросить к полынье извлеченные изо льда трубы и там спустить под лед. А с переборской, особенно в пургу, было труднее всего. Тридцатиметровые трубы укладывали на несколько полозьев и тащили тракторами. В торосах тракторы то и дело застревали. Денис создал специальную аварийную бригаду под руководством пришедшего к нему на помощь Витяки. Эта бригада должна была вытаскивать застрявший трактор.

Витяка, казавшийся тучным в меховой одежде, но сильно осунувшийся, трудился самоотверженно, дважды поморозился, сильно зашиб ногу и все-таки не выходил из строя. Он проклинал пургу, проклинал трубы.

Все это он только что высказал Денису, вернувшись с торосов.

— Перелезать надо через них, как через стены, — жаловался Виктор.

Вверху, в снежной сетке, виднелся спускающийся вертолет. Виктор так и застыл с запрокинутой головой.

«Геликоптер... стены... перелетевший через них Майк! Эврика! Так ведь это же идея!»

— Геликоптер! — закричал не своим голосом Витяка. — Его-то мне и надо.

— Кого? Алексея? — спросил Денис.

Но Витяка, не отвечая, бегом направился к лежащим на снегу недавно вытасканным трубам.

Вертолет опустился на снег. Денис шел навстречу вышедшим из кабины Алексею и Гале.

— Дениска! В своих мехах ты совсем медведище! — смеялась Галя, снимая рукавицу и пожимая огромную руку Дениса.

— Как работа? — кратко спросил Алексей, идя рядом с Денисом.

Денис махнул рукой и крикнул:

— Собираем да разбираем, вроде как беличье ко-

лесо. То радиаторы поставим на трубы, то снова их снимаем, чтобы трубы тягать...

Алексей остановился, наблюдая за работой и мысленно повторяя слова Дениса: «собираем да разбираем...» Действительно, ведь сколько раз приходится одни и те же трубы ввинчивать и вывинчивать, притом на морозе! Так ли это неизбежно? Не в этом ли кроется решение задачи?

Алексей чувствовал, что сегодня он воспринимает все необычно. После прихода Гали в нем словно зажглись усилительные лампы, он ощущал их горение, каждая ничтожная мелочь обретала неожиданное значение. Шорох мог бы греметь.

Алеша меньше всего задумывался над причиной обострения всех чувств, он просто радовался этому и жадно пользовался своим внутренним накалом. У него еще не было какого-либо определенного решения. Но он уже отметил про себя повторность одних и тех же операций. Вчера он прошел бы мимо этого, сегодня это казалось недопустимым, уродливым...

Галя с Денисом отстали. Алексей один шел вдоль фронта работ. Перед ним появилась невысокая фигура одного из строителей:

— Не узнаете, товарищ Карцев? Мы с вами с одной трибуны выступали на подмосковном лугу.

— Здравствуй! — Алексей протянул руку, вглядываясь в паренька и не узнавая. У него была плохая зрительная память, и Женя на улицах Москвы всегда толкала его локтем, когда встречались знакомые.

— Эх, и вспоминают же сейчас ребята нас с вами, — продолжал паренек. — У нас на комсомольском комитете разговор был.

— Вспоминают? Почему?

— Я про отказ от зарплаты загнул, а вы... про радость тяжелого труда...

— Тоже загнул? — спросил Алексей, чувствуя, что краснеет, как недавно в салоне.

Андрюша Корнев сначала рассмеялся, потом сказал серьезно:

— Замысел ваш стоит того, чтобы загнуть... Я вот

все время мечтаю... Что-нибудь вроде вашего мола через океан...

— Задумал что-нибудь? — поинтересовался Алексей.

— Пока только хочется, да и не мне одному, — сказал Корнев и, крепко пожав руку Алексею, направился к работающим.

Алексей задумчиво смотрел ему вслед: «Сколько их, таких горячих ребят! Кто знает, может быть, он или другой действительно выдвинет новую техническую идею небывалого размаха? Выдвинут, потому что выполнение таких замыслов по плечу нашему народу, нашему времени. Народ и время наше неизбежно требуют появления подобных замыслов, и они не могут не появиться...»

Разговор с Корневым еще более направил мысль Алексея. Да, он обязан все время быть в творческом напряжении. Чего он стоит, если не сможет облегчить труд строителей, у которых уже зреют новые великие замыслы!

Алексей продолжал идти, приглядываясь к работе. Он старался увидеть все чужими глазами, словно очутился здесь в первый раз. Собственно, как велись работы прежде и как ведутся сейчас?

Прежде по дну моря перемещался кессон, и работающие в нем подводники закладывали в дно U-образные патрубки. Потом сверху в полынью спускали трубы, а водолазы вставляли их в концы патрубков. Потом уже на коллектор — металлическую коробку, соединяющую трубы над поверхностью льда, — монтировались радиаторы. Все эти операции были механизированы.

Теперь на опытном участке отказались от подводных работ. Трубы, смонтированные с коллектором и радиаторами, соединялись дугообразными патрубками еще на поверхности льда. Длина труб рассчитывалась на глубину моря в этом месте так, чтобы патрубки пришлись как раз над дном и после прохождения холодильного раствора примерзли ко дну. Весь собранный вверху блок спускался сразу. Ни кессонов, ни водолазов больше не требовалось. Это достиже-

ние. А в чем недостаток? В том, что трубы теперь приходится «подгонять» по глубине моря. При вытаскивании из льда прогретых труб патрубки остаются внизу. Вытащенные трубы надо вывернуть из коллектора, заменить их коротенькими трубами, которые будут стоять над поверхностью льда. Вывернутые же трубы доставить на передний край участка, там вновь смонтировать с коллектором, с радиаторами, «подогнать» по глубине.

Вот если бы не разбирать блоки, а целиком доставлять на передний край! Правильно! Но как это сделать? Переброска даже труб, не то что блоков, крайне затруднена. Все упирается в это.

Галя догнала Алексея. Они вместе смотрели теперь на строителей. Захваченные ритмом труда, те подбадривали друг друга. С места на место не перешли, а перебежали, озорно кричали Гале:

— Бабушка, поберегись!

Галя с улыбкой отходила в сторону.

— Вот они, самородки, — сказала она.

На снег падали пачки вытащенных из льда труб. Но Галя имела в виду не трубы, а людей.

Алексея смущали больше всего эти люди. Именно их не должно быть здесь! Все больше он ощущал правоту упреков Ходова.

«Если смотреть чужими глазами, то применяющиеся здесь методы действительно выглядят отсталыми. Отмени разборку блоков, и все выглядело бы по-иному. А значит, так и должно быть! Значит, надо решать вопрос о транспортировке целых блоков. Надо просить Москву прислать сюда самые могучие вездеходы, которым не страшны торосы. Нужно просить также и подъемные краны. Имеющихся и для труб не хватает».

Алексей наблюдал, как вытаскивались трубы. Заклинивающиеся захваты, которые конструировал сам Алексей, брали сразу несколько труб и вытаскивали их на высоту подъема крана. Потом приходилось «перехватываться», опускать приспособление, чтобы вытащить трубы еще на несколько метров и снова опускать его.

«Вот если бы были краны, способные вытащить сразу все тридцатиметровые трубы. Но слишком сложно доставлять сюда такие краны, да к тому же они должны быть подвижными... Высота подъема выше тридцати метров...» Алексей покачал головой.

Гая, отойдя в сторону, чтобы не мешать размышлениям Алексея, наблюдала за ним. Заметив, что один из строителей хочет подойти к Алексею, она остановила его и стала расспрашивать, как они устраиваются на ночь. Узнала, что спят здесь в теплых палатках с надувными резиновыми стенами.

— Тепло-то тепло, — сказал строитель. — Ведь воздух — лучший теплоизолятор! Только порой недосыпаем, Денис поднимает...

Эти слова услышал Алексей. Вчера он шуткой подбодрил бы строителя, сегодня он воспринял сказанное как прямой упрек. Строитель прав. Люди не должны так работать в наше время. Он сам осудил бы такие методы, если бы столкнулся с ними впервые. Конечно, это только опытный участок. Но здесь-то и должны быть выработаны передовые методы. Должны... но еще не выработаны! Не выработаны! И по вине Алексея, который слишком беспокоился о том, чтобы выполнить дневное задание, и упускал из виду главное — возможность перехода всего строительства на разработанный здесь новый метод.

— Алеша, ты поморозил себе левую щеку. Надо потереть снегом.

Алексей не обратил внимания на Галины слова.

— Надо перелететь на передний край. Как там с опусканием труб? — сказал он.

Перед Алексеем из снежного тумана выросла фигура Виктора.

— Алексей, один момент. Очень прошу подвезти.

— Куда подвезти?

— Геликоптер полетит к полынье? Захватите меня.

— Пожалуйста, Витяка.

— Еще один момент, — в нерешительности остановился Виктор. Его глаза озорно поблескивали. — Можно захватить небольшой багаж?

— Куда ты собрался с багажом? — рассмеялась Галя.

— Захватим, Витяка, захватим тебя вместе с багажом, — сказал Алексей, все еще занятый своими мыслями.

Обрадованный Виктор побежал куда-то в сторону. Галя спросила Дениса, куда летит Омулев. Денис пожал плечами:

— Не знаю. Я его к торосам послал обеспечить переброску труб.

Алексей не обратил внимания на этот разговор и пошел к вертолету. Навстречу ему попались спорящие Витяка и летчик.

— Алексей Сергеевич, — обратился к Алексею пилот, — вот тут он говорит...

— Эвоя! — перебил Виктор. — Я сам спрошу. Вот он не верит, что мне разрешено лететь на геликоптере.

— Разрешено, разрешено, — рассеянно подтвердил Алексей.

— Так ведь не только лететь! — протестовал пилот.

— Груз? Вы сами разрешили захватить груз, — доказывал Виктор.

— Да разве тут груз? — возразил летчик.

— Багаж, груз... Мне разрешено!

Алексей подтвердил. Пилот, пожав плечами, направился к машине. Виктор с видом заговорщика что-то продолжал говорить пилоту.

— Ладно, не приставай. Все сделаю, — махнул тот рукой.

Глава тринадцатая **ВЗЯВШИСЬ ЗА РУКИ**

Вертолет был готов к вылету.

Алексей и Галя ждали Виктора в кабине. Сидя на алюминиевом стуле, привернутом к полу, Алексей задумался. Галя настороженно следила за ним, чувствуя, что он занят чем-то важным.

— Я все время думаю, — наконец сказал Алексей, — что так дальше нельзя. Нельзя, как говорится,

ехать на одном энтузиазме. Надо избежать лишних операций. Блоки труб с радиаторами надо делать неразборными. И чтобы они годились для любой глубины, как твой буровой станок.

— Правильно, — обрадовалась Галя. — Телескопические трубы?

Алексей кивнул головой.

— Это можно было бы сделать. Нижняя труба, упирающаяся в дно, входит в верхнюю, как шомпол в винтовку. Длина сама собой устанавливается. Не надо трубы ни обрезать, ни надставлять.

— Как ты хорошо придумал, Алеша!

— В том-то и дело, что я плохо придумал!

— Почему?

— Разве можно транспортировать неразборный блок?

Вошел Виктор и остановился в дверях. Вертолет тотчас стал подниматься в воздух. Пол кабины чуть накренился. Слышался свистящий звук горизонтального винта. Через открытую дверь врывался ветер. Снежинки носились по кабине, садясь на алюминиевый стол и стулья.

— Что ты дверь не закрываешь, Витяка? Холодно! — недовольно сказал Алексей.

Виктор продолжал стоять в проеме открытой двери, держась руками за притолоку.

— Зацепляй! Зацепляй! С левой стороны! Вот так! Теперь вира! — Он повернулся лицом к кабине и крикнул пилоту: — Вверх пошел! Вертикально! По-маленьку!

— Закрой сейчас же дверь! — рассердился Алексей. — Зачем управлять подъемными кранами с вертолета? Сделают это без тебя.

— Никак не сделать. Не услышат, — многозначительно ответил Виктор. — Тяни вверх! Хорошо идет? Тяни! — продолжал он командовать.

Потом Виктор лег на живот и высунулся из кабины наружу.

— Перестань! — крикнула Галя. — Ты свалишься. Какой-то сумасшедший!

Виктор, не обращая внимания, продолжал лежать, смотря вниз.

Галя схватила его за концы шарфа и потянула, стараясь поднять на ноги.

— Готово! — заорал Виктор. — Есть в полете!

— Пошел! — Он захлопнул дверцу.

Виктор откинул капюшон, снял шапку, развязал шарф. Лицо его было возбуждено. Потирая озябшие руки, он лукаво поглядывал то на Галю, то на Алексея. Алексей выжидательно смотрел на Виктора.

— Ну, говори, — строго сказал он. — Что за багаж у тебя?

— Обыкновенный. Конечно, не чемоданы.

Сегодня Алексей с необычайной остротой воспринимал все. Догадка сверкнула в нем. Он схватил Виктора за рукав.

— Блок труб! — крикнул Алексей, чтобы заглушить шум винта.

— Что ты кричишь? — отступил Виктор. — Я не глухой.

— Ты прикрепил к вертолету неразобранный блок труб?

Виктор смотрел на Галю, словно искал у нее защиты.

— Отвечай, ты поднял со снега блок труб? Это ты придумал?

— Я? Ничего подобного. Просто система ассоциаций.

— Каких ассоциаций?

— Геликоптер и стены. У американской тюрьмы каменные стены, а здесь ледяные торосы. Груз переносится через непроходимые препятствия по воздуху.

— Переносится? Только переносится? — закричал Алексей, вскакивая и ударяя Виктора по плечу.

Тот даже присел, не понимая еще реакции Алексея.

— Только переносится, — осторожно подтвердил он. — Больше ничего. Легонько опустим трубы около подъемных кранов и... финита!

— Нет, это еще не все!

— Почему не все?

— Вертолет вытащил трубы из проруби?

— Вытащил.

— Так зачем же тебе подъемные краны? Не нужны они! В этом главное! Сразу вытаскивать весь блок, не разбирая, и сразу же его весь целиком опускать в прорубь вертолетом.

— Эвоя! — почесал затылок Виктор. — Это уже не только ассоциация. Жаль, я не додумался.

— Это решение вопроса. Спасибо тебе, Витяка.

— Пожалуй, не только мне.

— Не важно кому! Важно другое...

— Что блок труб будет доставлен через торосы, — договорила за Алексея сияющая Галя.

Блок действительно был доставлен и аккуратно спущен вертолетом прямо в полынью, ожидавшую труб.

Алексей тотчас решил лететь на гидромонитор к Федору. Расхрабившийся Виктор попросил было Алексея доставить вертолетом еще хоть один блок, но Алексей и слушать его не захотел.

Никогда еще Алексей не ощущал такого творческого подъема. Все в нем внутренне светилось, клокотало, рвалось наружу. Мысль была холодной, острой. Мозг был чувствителен к любому возбуждению. Он мог бы месяцами проходить мимо того, что сегодня послужило для него толчком к умозаключению, выводу, обобщению.

Именно сейчас, ни минутой позже, хотелось ему в корне пересмотреть весь технологический процесс строительства мола, именно сейчас он ощущал в себе богатырскую силу, разбуженную каким-то волшебством, дремавшую во время будничных забот.

Что же вывело его из этого состояния будничной заботы?

Алеша посмотрел на Галю. Робкая, напряженная, она сидела на алюминиевом стуле около него и выжидательно смотрела. Виктор ушел в кабину пилота. Алеша взял ее руку.

— Знаешь, о чем я думаю?

Галя отрицательно покачала головой.

— Знаешь... настоящая любовь способна пробудить все лучшее, что только есть в человеке. Немощного сделать силачом, бездарного — талантливым, завистника — благородным, слабого — героем.

— Ты говорил, что... она. — Галя не смогла выговорить слово «любовь», — что она может помешать...

Теперь Алексей замотал головой, взял в свои руки обе Галины руки, крепко сжал их.

Вертолет шел на посадку. Он опускался прямо на борт гидромонитора. Алексей тотчас вызвал Федора в свою каюту. Дядя Саша спал, и они не стали его тревожить.

Галя, молчаливая, но взволнованная, чего-то ожидающая, счастливая, присутствовала на совещании.

Алексей горел. Горел новым чувством, горел идеей, которую он смог развить из полуозорной выдумки Виктора, горел верой в великое дело, которое теперь ему под силу, под силу всем его товарищам.

Федор смотрел на друга с недоумением, не понимая, что с ним происходит. Алексей же увлеченно рассказывал ему, как надо строить мол, не разбирая блоков труб, переноса их по воздуху вертолетами. Алексей предлагал, чтобы они втроем — он, Галя, Федор, не сходя с места, за ночь подготовили эскизы, схемы и проект приказа по строительству, чтобы представить его Ходову, по возвращении того из Москвы.

Федор, дымя трубкой, выслушал Алексея.

— Не согласен, — сказал он. — Чертежи, эскизы, приказ. Мало.

— Чего же ты хочешь? — удивился Алексей.

Выцветшие брови Федора были сосредоточенно сведены.

— Соберем вертолеты со всей стройки. На опытном участке начнем работу по-новому. Немедля!

— Правильно! — воскликнул Алексей. — Спасибо, Федя. Вот это будет помощь!

— Пойду распоряжусь, — сказал Федор, поднимаясь. — Готовьте чертежи.

Всю ночь Галя и Алексей работали, склонившись над одним столом. Алексей весело насвистывал и без конца ломал карандаши. Галя время от времени

украдкой смотрела на него. Когда Алексей взгляды-вал на Галю, глаза его светились счастьем.

Закончив один чертеж, Галя откинулась на спинку стула.

— Алеша, силища в тебе, одержимость шальная! Ты и чувствовать и любить должен как-нибудь по-иному, по-своему. Это о тебе Маяковский писал, помнишь, я обещала прочесть:

Любить —
 это значит:
 в глубь двора
вбежать
 и до ночи грачей,
блестя топором,
 рубить дрова,
 силой
 своей
 играючи.
Любить —
 это с простынь,
 бессонницей рваных,
срываться,
 ревнуя к Копернику,
его,
 а не мужа Марьи Ивановны,
считая
 своим
 соперником.

Алексей поставил локти на стол и, положив на ладони подбородок, внимательно смотрел в черные Галины глаза.

— Любить? — повторил он. — Это ревновать к Копернику, к Павлову, к Мичурину. Их считать соперниками. Любить — это дорваться до любимой работы, силой своей играючи. Как ты вовремя это вспомнила, удивительная ты, Галя! — И он продолжал, все так же пристально смотря Гале в лицо: — Любить... Может быть, любить — это, взявшись за руки, идти вперед?

Галя протянула ему обе руки. Он схватил их, привлек Галю к себе и стал целовать ее:

— Люблю, люблю!

Галя отвечала ему, задыхаясь, пытаясь вырваться, чтобы вздохнуть. Только и успела спросить, сияя глазами:

— Почему... только теперь знаешь?

— Почему только теперь? Потому, что силу ты мне невиданную подарила.

— Осторожно... Алеша, любимый... — шептала Галя.

Но как ни помогала любовь взлету творческой фантазии, закончить к утру чертежи она помешала.

Федору ничего не оставалось, как прислать им в помощь уже вышедших на работу чертежников.

Глава четырнадцатая

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Радист Иван Гурьянович, как говорится, сбился с ног. Радиogramмы сыпались на него дождем. Это были сводки о весенних всходах в Кара-Кумах, обязательства нефтяников Сахалина, цифры выплавки стали по всему Советскому Союзу, сообщения о высотном рекорде самолета, о выработке электроэнергии на атомных станциях, о ходе специальных работ в Проливах, сводки и доклады с бесчисленных участков грандиозного промышленного и строительного фронта.

Весь этот поток радиogramм, обрушившихся на радиорубку гидромонитора, был адресован Волкову.

Но ни самого Волкова, ни телеграммы о его прибытии не было. Всем собравшимся в салоне капитана было ясно, что вместе с Ходовым, которого ждали с минуту на минуту, прилетит, очевидно, и сам Волков, приказавший переправлять ему корреспонденцию сюда.

Александр Григорьевич порывисто распахнул дверь в салон:

— Встречайте! Летят!

Федор и Алексей поспешно оделись и вышли на палубу. В лучах прожекторов вертелись серебристые

вихри снежинок. Матросы сметали с палубы снег. Он лежал на поручнях, на крышах ларей, в углублениях иллюминаторов. Ванты казались сделанными из толстых белых веревок.

Вскоре Волков и Ходов поднялись на борт корабля.

Галя, в ожидании притаившаяся у реллингов, бросилась к отцу. Волков поцеловал дочь, поздоровался со всеми встречавшими его моряками и строителями и распахнул пальто с меховым воротником, словно давая этим понять, что торопится снять его.

— Устали с дороги? Может быть, отдохнете? — спросил Федор на правах хозяина корабля.

— Какое там устал! — рассмеялся Волков. — Выспался. В Москве не всегда удается. Я думаю, что мы, не теряя времени, соберемся у Василия Васильевича.

— Прошу, — пригласил Ходов. — И вас также, — обратился он к Гале.

— Нет, зачем же? — смутилась она. — Я ведь не руководитель.

— Как хотите, — сухо сказал Ходов и решительно направился к салону.

Алексей шел рядом с Ходовым.

— Василий Васильевич, хочу срочно доложить вам о новых возможностях.

— Долóжите заместителю председателя Совета Министров, — оборвал Ходов.

— Но это очень важно, Василий Васильевич! — настаивал Алексей.

— На совещании, — сухо ответил Ходов и отвернулся.

Алексей пожал плечами и замедлил шаг. Его догнал дядя Саша.

— Кажется, дело плохо. Даже слушать не стал, — шепнул он. — Может быть, решение уже принято?

— Разберемся, — сказал дядя Саша Алексею, кладя руку на его плечо.

Галя шла рядом с отцом.

— Как мама?

— Письмо привез. Платок теплый прислала, — улыбаясь, ответил Николай Николаевич.

Гале очень хотелось спросить, зачем прилетел отец, но не рискнула. Она осталась у запертых дверей салона. Матросы и строители подходили к ней и почему-то шепотом спрашивали:

— Ну как?

Галя пожимала плечами.

— Итак, товарищи руководители, — начал Волков, — положение на стройке грозит срывом правительственного задания и далее нетерпимо.

Волков словно отрубал каждое слово, и в этой его манере говорить, как и в спокойной уверенности Ходова, Алексей угадывал predetermined решение. Он опустил голову. Волков продолжал:

— Я прошу руководителей строительства, начиная с товарища Ходова, назвать мне ту помощь, которую вам надо оказать людьми, материалами и машинами, чтобы выправить положение.

— Я уже докладывал, Николай Николаевич, — начал Ходов. — Для выправления положения нужно немедленно вернуться к прежнему методу работ на опытном участке. Однако время упущено. Чтобы наверстать потерянное, нужно увеличить число строителей, добавить строительные механизмы и немедленно реализовать выделенные нам фонды на трубы. У меня все.

— У вас все, — задумчиво повторил Волков и оглядел остальных присутствующих. Он встретился глазами с настороженным взглядом Алексея, заметил скованное лицо Федора, выколачивающего трубку, обратил внимание на запущенную в густую бороду руку Александра Григорьевича. — Так, — продолжал он. — Это мне ясно. А что потребуется для строительства, чтобы закончить мол в срок, строя его без труб?

Лицо Василия Васильевича потемнело. Однако он прежним, чуть скрипучим, спокойным голосом сказал:

— Можно построить мол и без труб. Для этого, товарищ Волков, необходимо: *удвоить* армию строителей, *утроить* наличный парк автомашин-вездеходов, *утроить* наши грузоподъемные средства. У меня все.

— Ясно, — Волков записал что-то себе в блокнот. — А вы что скажете, товарищ Карцев?

— Простите, можно мне задать вопрос? — встрепенулся Алексей.

Волков поморщился. Алексей смутился.

— Я, кажется, ясно сформулировал свой вопрос, — холодно сказал Волков. — Присоединяетесь ли вы, заместитель главного инженера, к требованиям, выдвинутым начальником стройки?

— Нет, не присоединяюсь, — ответил Алексей.

Ходов медленно повернулся к Алексею.

— Я думаю, что, перейдя всем строительством на метод стройки без труб, мы можем примерно вдвое уменьшить существующую армию строителей, — закончил Алексей.

— Уменьшить? — Волков пристально посмотрел на Алексея, потом мельком взглянул на напряженные лица Федора и Александра Григорьевича.

Ходов едва сдерживал себя, барабанил пальцами по столу.

— Да, уменьшить, — подтвердил Алексей. — Нам также не потребуется значительной части оборудования, если...

— Товарищ Карцев! — прервал Ходов. — Я прошу вас быть серьезнее. На нашем совещании председательствует член правительства.

— Подождите, — остановил его Волков. — Я не сомневаюсь в серьезности товарища Карцева. Очевидно, у него имеются какие-то основания так говорить, тем более, что и другие товарищи, надо думать, осведомлены о планах товарища Карцева.

Федор и Александр Григорьевич кивнули. Хмурый Ходов, сидя на стуле, выпрямился, как по команде «смирно».

— Мы сможем перейти всем строительством на быстрый метод стройки мола без труб, — пояснил Алексей, — если правительство выделит нам нужное количество вертолетов.

— Опять проекты! — не сдержался Ходов. — Когда, наконец, вы поймете, что у нас тут, прошу прощения, не экспериментальные мастерские, а стройка!

Стройка в чрезвычайно тяжелых условиях! — вышел из себя Ходов, продолжая, однако, сидеть на стуле в неестественной позе, не касаясь спинки.

— Подождите, — снова остановил Ходова Волков. — Могу я узнать детали вашего плана, товарищ Карцев?

— Конечно, — обрадовался Алексей. — Мы разработали схему нового технологического процесса. Моя вина, что я не успел доложить ее начальнику строительства.

Ходов быстро взглянул на Карцева.

— Я сейчас попрошу Волкову принести все чертежи, — Алексей поднялся.

— Можно посмотреть не только чертежи, — вставил Федор.

Волков повернулся к нему:

— Что вы имеете в виду, Федор Иванович?

— Проехать на опытный участок, — ответил Федор, кладя на стол трубку.

— Наши комсомольцы успели реализовать новый технологический процесс на своем участке, — разъяснил парторг.

— Вот как! — сказал Волков, поднимаясь. — Подождите, товарищ Карцев. Можете не ходить за чертежами. Посмотрим, как это выглядит в натуре. Жаль, что вы не успели доложить Ходову.

— Прошу прощения, товарищ Волков, — мрачно вставил Ходов. — Это я виноват, не выслушал товарища Карцева, потому что не хотел задерживать начало заседания.

— Хорошо. Поедем, — решил Николай Николаевич. — Далеко это?

— Не очень, — ответил Александр Григорьевич. — Но вы замерзнете, Николай Николаевич. Надо одеться потеплее.

— Найдется ли одежонка впору? — рассмеялся Волков.

Волкову принесли доху, которая человеку обычного роста доходила до пят. Николаю Николаевичу она была чуть ниже колен.

Николай Николаевич вышел на палубу и увидел Галю.

— Вот и хорошо, поедем с нами!

Галя села в вездеход с Николаем Николаевичем. Ходов неприветливо пригласил Алексея в свой вездеход. Федор и Александр Григорьевич уехали вперед.

— Ну как, Галчонок, дела? — спросил Волков, кладя руку на Галин рукав, когда они уселись рядом на сиденье. — Говорят, закончила разведку грунтов?

— Папа, — тихо сказала Галя, — я так счастлива! — и она уткнулась лицом в мягкий мех дохи.

Отец гладил ее по голове. Ему показалось, что дочь плачет.

— Ну вот! — с укоризной говорил он. — Небось на острове Исчезающем не ревела.

Плечи девушки стали вздрагивать еще сильнее.

— Ты мне хоть о новом методе расскажи, наверное, над ним тоже работала, — спросил отец.

Галя только выговорила:

— Увидишь, все увидишь, — и опять уткнулась лицом в мех.

Вездеход остановился. Отец с дочерью вышли на снег. Надо льдом поднималась ребристая стена радиатора, около которой, ожидая Волкова, стояли все руководители стройки.

Снегопад не прекращался, ветра не было. Снежные хлопья, искрясь в лучах прожектора, не падали, а летали над ребристой стеной. Подойдя ближе, Волков заметил, что от стены вверх тянутся стальные тросы. Алексей указал на них рукой:

— Там вертолет. Он превращен нами в летающий кран. Денис, давай команду.

Стоящий рядом Денис казался еще более громоздким, чем обычно, из-за походной рации, видневшейся у него за спиной. Держа в мохнатой рукавице телефонную трубку, он сипло скомандовал:

— А ну, давай, хлопец! Вира! Вира! Помаленьку! Чуть лево. Легче! Погнешь трубу, жалеть будешь. Трошки еще! Себя жалеть будешь. Ползи, ползи, голубушка! Вверх ползи!

Волков видел, как кабина вертолета, которую он скорее угадал, чем увидел в вышине, стала удаляться. Тросы натянулись, часть ребристой стены длиною около десяти метров поползла вверх. Частокол труб, похожих на прутья, стал расти на глазах. Трубы, прогретые электрическим током, легко выходили из льда. Алексей объяснял:

— Вертолет для нас не только кран, — мы используем его и как транспорт. Вытащив целиком неразборный блок, вертолет несет его к полынье, где сразу опускает в воду. Трубы у нас как бы двухъярусные. Нижняя часть трубы — более тонкая — входит в верхнюю, большего диаметра. Поэтому при спуске нижняя труба упирается в дно и начинает вдвигаться в верхнюю, пока радиаторы не встанут на нужном уровне. Таким путем мы избегаем всех лишних операций сборки и разборки.

— Стоп! Так держать! — закричал Денис.

Поднятых радиаторов уже не было видно. Казалось, что трубчатый забор уперся в самое небо, оторвавшись в то же время от земли. Во льду под ним стали заметны отверстия.

— Хлопцы! Надевай патрубки! — скомандовал Денис.

— Соединяющие патрубки остались на дне, ими мы жертвуем, — объяснял Алексей. — Сейчас на трубы снизу наденут новые дугообразные патрубки, и блок будет готов к спуску. Кстати, будем их отливать из льда.

Через несколько минут вертолет со своей ношей улетел.

— Орел! — с довольным видом заметил Денис. — В торосах не застрянет!

Сверху все еще слышался характерный свистящий звук горизонтального винта.

— Вернулся? — спросил Волков.

И как бы в подтверждение его слов, из снежной сетки стал спускаться блок радиаторов, но трубы были не длинные, а коротенькие, словно их успели обрезать.

— Этот новый блок, доставленный вторым вертолетом, останется здесь стоять навечно, чтобы под-

держивать ледяной мол в замороженном состоянии. Все блоки мы собираем теперь в теплых трюмах, их приносят по воздуху, чтобы установить здесь, — Алексей показал ногой на дырки во льду.

Блок опускался. Галя тронула отца за рукав, чтобы он отошел в сторону. Волков подошел к Ходову и вопросительно посмотрел на него. Меховой капюшон обрамлял его худое темное лицо. Он закашлялся.

Подошли Алексей, Федор и дядя Саша.

— Я выслушал доклад о новом методе, примененном на опытной участке, — с обычным спокойствием начал Ходов и внезапно замолчал, стараясь взять себя в руки.

Волков распахнул доху, наблюдая, как устанавливают радиаторы. Подъехала автоцистерна для заполнения блока раствором.

— Я как инженер должен признать решение удачным, — сказал Ходов, кладя руку на плечо Алексея.

— Не скупитесь, не скупитесь, Василий Васильевич! — подбадривал его Волков. — Не только удачным...

— Я должен признать это техническое решение блестящим и полностью снимающим все возражения... — он закашлялся, — все мои возражения против строительства мола без труб. Я был не прав в занятой мной позиции. Этот способ оказалось возможным механизировать.

Гале казалось странным, что в голосе Ходова не слышалось привычного скрипа. Он звучал почти взволнованно, и она подумала, что, быть может, Ходов этой нарочитой скрипучестью всегда смирял свою страстность.

— Василий Васильевич! — сказал Алексей. — Если бы не вы, мы ничего бы не придумали. Вы заставили нас искать это техническое решение и в нужном направлении — в направлении механизации.

— Но я не искал этого технического решения, а должен был искать.

— Вы признаетесь в ошибках, — сказал Волков, — признаетесь прямо и открыто. Иначе не может

поступить ни один настоящий коммунист. Но вы еще раз ошибаетесь, говоря о техническом решении.

Ходов, смотревший в землю, поднял глаза.

— Почему? — живо спросил Алексей.

— Задачу вы решили, товарищи, не только технически верно, но и коммунистически правильно. И это главное!

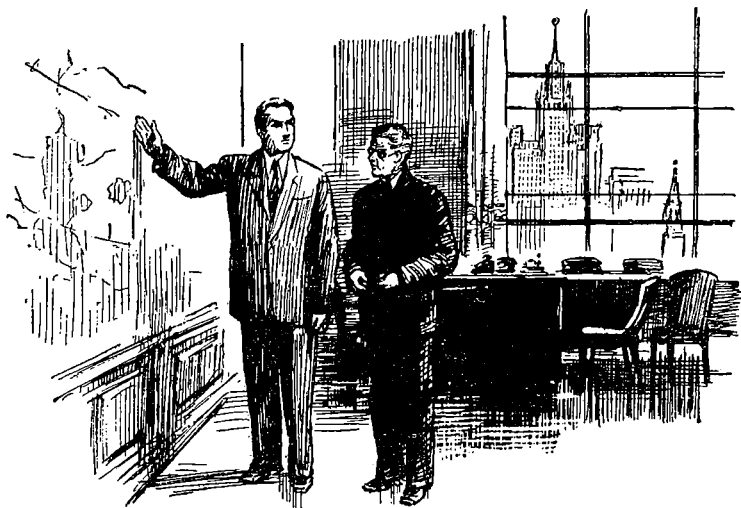
Волков вместе с группой сопровождающих его строителей медленно шел вдоль ребристого забора. Обняв Алексея за плечи, он продолжал говорить:

— Ты, Алеша, правильно решил задачу и сам же опроверг все свои лихие высказывания, звавшие строителей искать радость в лишениях... — Николай Николаевич улыбнулся и, сняв рукавицу, стал оттаивать пальцами ледышки на усах. — Радость коммунистического труда, — сказал он, обращаясь уже не только к Алексею, — в его великих задачах, в его совершенной организации, в его новом, особенно высоком уровне механизации. Строя коммунизм, мы во всем, именно во всем, движемся только вперед!

Волков остановился и стал смотреть на быструю работу вертолетов. Людей почти не было видно, казалось, что всю тяжелую работу здесь, на льду, выполняют только эти крылатые машины.

Алексей смотрел на ребристый забор и уже представлял себе, что он тянется на тысячи километров на восток — до самого острова Врангеля, славного традициями своих первых жителей, и дальше — к Берингову проливу. Он видел ледяной мол уже законченным.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВЕСНА

«...Ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...»

Н. Г. Чернышевский, «Что делать?»

Глава первая

В ОЖИДАНИИ

По всей земле прошла весна, прошла бегущими с юга волнами. Удивительные синие тени, каких не было зимой, ложились на снег от потемневших деревьев, от фигурки лыжника, от зверя на полянке.

Осели, подтаяли сугробы. В поле до самого окаёма — глазурный наст, а по нему тянутся золотые дорожки — пути к яркому, веселому солнцу. Из-под зимнего спуда вырвались ручейки, забили несчетными ключами, зажурчали раньше птиц весенними песнями.

Не сошли снега, а уже прилетели неугомонные грачи — галдят, шумят, сидя на голых ветках.

И шла с юга на север волна загадочного запаха весны, который не могут объяснить ни физики, ни поэты. Втянешь в себя обновленный воздух — и набираешься неведомых сил, а в ушах звенит неумолчный зов.

Идет еще одна волна весны и смахивает прочь с проснувшихся полей скучный их белый покров. Деловито чернеет влажная земля и свежей травкой одевается луг.

Постоят в золотисто-зеленой дымке леса — и вдруг белыми взрывами начнут распускаться там и тут первые яблони или кусты черемухи, пьянящие, горькие, нежные.

А порой цветут уже сады на крутом берегу, но все еще спит скованная льдом река. Только вместе с холодным, словно от цветенья черемухи, остывшим ветром придет запоздалый ледоход. Берега тогда полны народу: мальчишки и старики, девушки и парни...

Идут широкой массой льдины, едва втиснулись меж берегов: то гладкие, еще белые, то уже пористые, почти без снега. Плывут, натываясь одна на другую или образуя разводья и прогалины. Вот ползет мимо кусок санной дороги с рыжей колеей. Откуда только добралась она сюда? Лежит на одной льдине бревно, а на другой стоит — и ахнул весь народ! — продрогшая собака с поджатым хвостом. Пойдут, пожалуй, прыгать смельчаки с льдины на льдину, а другие сядут в лодку, чтобы спасти и смельчаков и незадачливого пса.

Лед идет. Ледоход!

Так шла весна с юга на север, и докатилась она за Полярный круг, до Голых скал, до Проливов.

Поднялся по всей тундре, колышась на ветру, тучный и пряный зеленый ковер. Словно знали травы, что недолго им цвести и зеленеть здесь, на чуть оттаявшей земле, и, ненасытные, сутками напролет готовы были пить тепло и свет незаходящего солнца.

Дивилась Маша Веселова на здешнюю неистовую, торопливую весну, и казалось Маше, что и она должна спешить, не то упустит свою девичью долю тепла и света.

Собирала девушка в тундре крохотные цветочки с дурманящим ароматом и вспомнила первую встречу с неугомонным человеком, с кем вместе мечтала открыть тайну запаха.

А собирала она эти цветочки близ аэродрома и смотрела на небо.

В синеве виднелись косяки перелетных счастливых птиц, что могли лететь еще дальше на север к любимым своим островам!

Знала Маша, что туда же на север, над скованным морем летит сейчас еще одна птица с застывшими в полете крыльями, летит, и кто-то, привычно прищуря глаза, высматривает с нее места, где вскрылись льды, где появились полыньи, где начался, наконец, «полярный» ледоход.

И овладевала Машей непонятная тоска по неизвестному, упущенному, тоска такая же горькая и пьянящая, как запах никогда не цветущей здесь черемухи.

Маша, всегда спокойная и выдержанная, сейчас готова была плакать, сама не зная отчего.

Впрочем, это неверно. Она прекрасно знала, с чего все это началось. Напрасно старалась она, прилетев в Проливы, окунуться с головой в работу, забыть свое маленькое дорожное приключение.

Если бы год назад ей сказали, что она будет осматривать установку «подводного солнца» и думать о чем-то другом, она не поверила бы.

Овесян гордился достигнутыми успехами. Маша приехала как раз к началу монтажа точной физической аппаратуры. Монтировать ее надо было на дне Карского моря. Но для этого не требовалось облачаться в водолазный костюм или привыкать к высокому давлению кессона. Овесян сумел использовать опыт строительства ледяного мола. Место, где нужно было соорудить установку «подводного солнца», он решил окружить ледяной стеной. Под лед Проливов были спущены трубы, точно такие, как и на строительстве мола, по ним проходил холодильный раствор. Трубчатый частокол расположился по огромному кругу диаметром в двести метров. Частокол был двойной.

Внешняя его часть отступала от внутренней метров на пять. Вода между трубами промерзла до самого дна. Получилось что-то вроде бассейна в море. Могучие насосы выкачивали воду из образовавшегося гигантского резервуара. Дно Карского моря обнажилось, на нем появились сначала палатки, потом домики. Насосы, которые выкачивали воду, теперь встали на дно. Им предстояло с невиданной силой направлять струи воды на раскаленный шар «подводного солнца», чтобы пробить его паровую оболочку. Паровая оболочка возникнет при соприкосновении «подводного солнца» с морской водой и будет мешать новым массам воды поступать к раскаленному шару.

В том месте, где вспыхнет шар, стояло большое деревянное здание. Оно отапливалось, в нем можно было нормально работать, монтировать знакомую Маше аппаратуру.

Прежде чем подводная установка заработает, ледяные стены будут уничтожены и вода зальет место работ. Уже под водой на дне произойдет первоначальный атомный взрыв. Он создаст ту огромную температуру, при которой сможет начаться «солнечная реакция» Овесяна и Веселовой. В глубине полярного моря зажжется искусственное солнце, которое не потушить, не залить ни рухнувшим на дно водяным стенам, ни пробивающим паровую рубашку струям. Установка была закончена еще до наступления весны. Сошел снег с тундры, стал упругим, вязким зеленый ее ковер. По оттаявшей почве прошли тракторы. Они не вспахивали целину, хотя моторы их работали на предельной мощности. За ними не появлялось ни борозд, ни канав. Они тащили за собой странные салазки, оставляя примятый след. К салазкам приделан был вертикальный нож, глубоко уходящий в землю. На конце ножа находился механический стальной крот — стальной снаряд, формой своей напоминавший крота. Он прокладывал под землей кротовины — норы, вдавливая землю в стенки. По этим трубам-норам Овесян предполагал пропустить перегретый пар установки, чтобы оттаял слой вечной мерзлоты. Кротовины потом прокладывались бы на все большей и большей глубине.

Все было готово и под водой и в тундре. Предстояло только дожждаться, когда растает лед в Проливах, чтобы установить на понтонах плавающую трубу. После взрыва, когда зажжется «подводное солнце» и в небо будет вырываться столб пара, к нему подведут трубу, кончающуюся зонтом. Захваченный им пар направится по трубе к берегу, а потом в скважины, пронизывающие слой вечной мерзлоты.

Тут-то и начались неприятности. Все сроки срывались. Ледяной покров в Проливах не исчезал, не таял. Ветер не мог оторвать его от берегов, унести в открытое море — мешал ледяной мол, построенный в Карском море.

Маша вспомнила дядю Митю, даже написала ему письмо, — хоть все и не любят, ругают его, а он оказался прав, всенародный скряга, профессор Сметанкин. Работы задерживались. Овсян неистовствовал. Маша тосковала, бесцельно бродя по тундре, не делая задуманного шага.

Для Гали Волковой эта полярная весна была порой, когда впервые делили они с Алешей и самое большое счастье и самое глубокое горе.

Недавно заметила она у Алеши — голова его лежала у нее на коленях — седой клочок волос. Галя благоговейно прикоснулась тогда к этой пряди губами.

Она полюбила человека, дерзнувшего замахнуться на полярную стихию, она полюбила героя, великана, а бережно держала на коленях голову на миг уснувшего, исхудавшего неудачника. Тяжелые веки Алеши были совсем синие, щеки запавшие, колючие... И этот человек, совсем уже не герой и не великан, был для Гали дороже всех на свете. Прикасаясь кончиками пальцев к его спутанным волосам, она испытывала щемящее чувство счастья и жалости.

Галя видела через иллюминатор, как прошел по палубе Ходов, сгорбясь, положив на поясницу левую руку. И ему нелегко! И он не спит светлыми ночами, все горько смотрит на мертвые, белые и безмолвные льды, словно лежащие не на море, а на твердой земле.

Двадцать дней назад уже должны бы вскрыться льды в прибрежной, отгороженной части мола. В прошлые годы в такое время ветры уносили береговой припай, открывали кораблям путь. А сейчас море стоит все такое же, как и зимой, словно не чувствуя тепла весны, солнца, тепла течения, на которое так надеялся Алеша, в которое верил сам дядя Саша.

Виктор Омулев вдруг заговорил вчера с Галей в забытом уже им тоне. Острил о необычайной «лаборатории с тысячекилометровым стендом», изучающей баланс тепла Карского моря. Усмехаясь, он говорил, что никогда еще не обогащалась так географическая наука, как ныне, и звал Галя перебираться на материк, где придется теперь разведывать трассу для железной дороги к Голым скалам, поскольку транспорт к горнорудным районам Заполярья все же необходим. Он вздыхал о прошлом, когда открывали они с Галей эти районы и когда никто не стоял между ними.

Жестокий и бестактный человек! У него хватило еще духу сказать, что опытный мол в Карском море всего лишь эксперимент, который одинаково ценен, дал он результат или нет!

Дверь осторожно открылась. Появилось заросшее щетиной лицо радиста Ивана Гурьяновича. Галя приложила палец к губам. Щеголеватый китель радиста был застегнут не на все пуговицы. Сам он, худой, неуклюжий, казалось, качался от усталости на своих длинных ногах. Галя знала, что он бессменно, никому не уступая, держал во время ледовой разведки связь с летающей лодкой Росова.

«Будить?» — одними глазами спросила Галя.

Радист мрачно кивнул. Галя сняла с Алешиной головы руку, он тотчас проснулся и сел, стремясь прийти в себя.

— Вскрылись льды, — сказал радист.

— Где? Где? — Алеша крепко сжал Галину руку.

— Севернее мола вскрылись... Куда севернее! Около мыса Желанья.

Около мыса Желанья! Какая ирония! Когда-то Баренц назвал так северную оконечность Новой Земли в знак своего страстного стремления пробиться через

льды. У Алексея, у Гали, у Ходова, у всех моряков и строителей ледяного мола было одно желание, чтобы лед вскрылся не на севере в далеком море, а у берегов, защищенных теперь с севера молом.

Однако природа поступила по-своему.

Перечитывая донесения Росова, Алексей упрямо думал: «Какой это Росов?» Но не мог вспомнить, хотя и летел с ним когда-то из Усть-Камня.

Галя наносила на карту замеченные Росовым изменения.

«В открытом море, в го́ломяне нет льдов, — думала Галя. — Еще Ломоносов писал об этом. Вот где проявляет себя атлантическое тепло, что по глубокому дну подкрадывается в море с севера. Наверное, Росов, глядя сверху на чистую воду, думал, что вот бы сюда и двинуться теперь прибрежным льдам, а мол не пускает», — и Галя украдкой взглянула на Алексея.

Радист ушел. Алеша сидел, оглушенный известием. Теперь было совершенно ясно, что мол не дает вскрываться льдам в отгороженной части моря, ветры не могут оторвать стоящие у берегов ледяные поля. Как торжествует сейчас профессор Сметанкин в Москве! Да и Федор, строивший мол вместе со всеми, все-таки может напомнить о своей правоте.

Алеша посмотрел на сосредоточенную Галю. Черный локон спадал с ее лба на карту.

Защита диссертации, позорный провал... Арктика и полярный клуб, разгром... Растерянный человек, заблудившийся в тундре... Женщина не может любить слабого, побежденного. Именно тогда отвернулась от него Женя. Пусть это было к лучшему, он нашел Галю. Но разве не тот же вывод должна сделать теперь Галя? Она увлеклась человеком, который, как ей показалось, вступал в бой с самой природой, был сильнее этой природы. Знала ли она, что он чувствовал, когда впервые попал на корабле в шторм, когда ужаснулся собственному замыслу? Можно ли идти против стихии? Это было первое сомнение, а теперь... Теперь уже сознание бессилия. Нужен ли женщине такой человек?

Галя, словно отвечая на немой вопрос Алеши, встала, подошла к нему и прижала его голову к себе.

Они долго молчали, потом Алеша сказал:

— Это несчастье, Галя. Огромное несчастье. И не только в том, что я и все те, кто поддерживал меня, поправил и дополнил, ошиблись, и даже не в том, что затрачено много государственных средств, как говорит Денис... Несчастье совсем в другом, Галя.

— В чем же, милый?

— В том, что Арктика осталась непобежденной, непреобразованной.

— Мне нравится, что ты именно в этом видишь несчастье.

— Прежде инженеры, когда в горé прорывали тоннель с двух сторон, если штольни не сходились...

— Как ты смеешь? — в гнев воскликнула Галя, отталкивая от себя Алешу. — Как ты смеешь об этом говорить! Уж не мечтаешь ли ты гордо принять на себя всю ответственность и тем горю помочь? Я думала, ты отделался от бывшей своей мании величия, а ты снова рядишься в «рогожную мантию».

— Нет, Галя, ты не права. Я не трус. Выстрел... это было бы трусостью.

Мгновенно гнев в Гале сменился страстным желанием помочь любимому. Она с тоской посмотрела в иллюминатор на унылую ледяную равнину. Алексей проследил за ее взглядом.

— Торосов даже нет, — с усмешкой сказал он. — Паковые льды с севера пройти не могут, не торосят годовалый лед.

— Годовалый лед! — подхватила Галя. Щеки ее пылали, глаза горели. — Подожди, Алеша... дай понять... С севера не придут паковые льды. А здесь лед годовалый. Так ведь это же *самое главное!*

Галя вовсе не подозревала в себе каких-либо творческих способностей, она вовсе не думала, что может увидеть дальше Алеши или других руководителей стройки, — она лишь страстно хотела помочь любимому человеку. Она не меньше всех других строителей была предана общему делу, не меньше, а может быть и больше многих, переживала всю глубину общего не-

счастья, но все то, что логически должно было заставить других, и ее в том числе, искать какой-то выход, не могло бы подсказать ей тех мыслей, которые неожиданно появились у нее совсем не в логическом порядке.

— Подождем до осени, — ласково сказала она. — Может быть, льды в отгороженном канале растают без остатка.

— Ну и что? Что? — уныло спросил Алексей.

— Как ты не понимаешь? — вдруг вспыхнула Галя. — Если льды растают к осени, это значит, что лед в нашем канале никогда не будет толще годовалого. Это значит, что по нему круглый год смогут плавать современные ледоколы. Судоходство все-таки будет! И зимой!

Алеша с удивлением смотрел на Галя. Какая неожиданная, почти спасительная мысль! Она не могла прийти ему в голову, потому что прежде он никогда не удовлетворился бы такой ролью мола. Но теперь, теперь, когда выбирать не приходилось... Все-таки Арктика уступит, все-таки усилия окажутся затраченными не зря!

Алексей хотел поцеловать Галя, но она резко отстранилась. Никогда Алеша не научится угадывать смену ее настроений. Потом она внезапно спрятала голову у него на груди. Ему же еще и пришлось ее утешать, и он говорил, глядя ее волосы:

— Лишь бы льды растаяли к осени.

И оттого, что прильнувшая к нему Галя была такой слабой, и оттого, что лед у берегов мог оказаться для ледокола совсем не страшным, поскольку мол существует, Алексей почувствовал себя огромным, сильным, за все отвечающим. И когда позвонил телефон, вызывающий его на экстренное совещание к Ходову, он был готов принять любой бой.

Галя, обессиленная, словно Алеша уносил большую часть ее сил, привалившись плечом к стенке, смотрела ему вслед.

На палубе Алеше встретился Федор, привычно спокойный, с трубкой в зубах. Алеша весело обнял его за плечи:

— Мол благодарить будете, полярные капитаны! Федор недоуменно посмотрел на беспричинно веселого друга.

— Как ты смотришь на то, чтобы и зимой и летом по годовалому льду караваны судов водить? Разве не скажешь спасибо?

Федор задумался.

— Ответ уже есть. На практике, — сказал он.

— Какой?

— Сообщение получено. Навигация открылась.

— Как открылась?

— Северным вариантом пошли корабли. Мимо мыса Желанья. В обход нашего мола.

— Так ведь там же паковые льды могут встретиться!

— Зато чистая вода.

— Неверно это! — возмутился Алеша. — Надо убедить капитанов, что тонкий лед на нашем канале — это все равно что мостовая, шоссе, улица!..

Федор пожал плечами:

— Если к осени льдов не останется... — Он взглянул на ледяные поля. — Иначе наслаиваться начнет.

— Значит, до осени, — сказал Алеша и так крепко сжал зубы, что деснам стало больно.

Этой весной здоровье Ходова резко ухудшилось. Немногие знали о тяжелом его недуге. Врачи думали, что сам он не догадывается об истинном диагнозе, но Ходов знал все, знал, что рак не даст ему пощады. Если медицина бессильна, то заменить ее может только воля. Так думал Ходов и, не разрешая болезни словить себя, держался, молчал.

Всю зиму Ходов работал, и никто не подозревал, какие боли он переносил, какого напряжения ему стоило быть всегда четким, ровным, сухим.

И воля если не побеждала болезнь, то отвоевывала у нее дни. Общий порыв строителей ледяного мола был для Ходова тем кислородом, который поддерживал силы больного.

Пришла весна с тяжелыми ее тревогами. Не вскрывалась полынья, падал дух помощников Ходова, готова была надломиться и его воля. Он понял, как близок конец. Но Василий Васильевич все еще не сдавался, крепился, скрывал.

Корабли пошли в обход ледяного мола, мимо мыса Желанья. Ходов собрал своих помощников, чтобы объявить им об этом. В присутствии других он никогда не морщился от боли. Лишь спазмы перехватывали горло, и голос тогда был особенно скрипуч.

— Профессор Сметанкин выступил в печати, — говорил Ходов. — Требуется уничтожения нашего сооружения, поскольку оно уже выполнило свою экспериментальную роль. Как ни тяжело, но надо быть готовым к тому, что нам не разрешат и дальше служить препятствием для нормального судоходства в полярных морях.

— Уничтожить мол? Это преступление, — вскипел Алексей. — Пусть профессор Сметанкин поймет, что если лед вскрыется хоть осенью, то по годовалому льду в нашем канале ледоколы смогут водить суда круглый год!

Ходов махнул рукой.

— Новое обоснование к осуществленному проекту. Применение ледоколов обходится дорого. Мы имели задание построить опытное сооружение — провести грандиозный опыт по созданию незамерзающей полыньи. Только наша страна могла позволить себе эксперимент такого масштаба. Опыт, к сожалению, не дал желанных результатов.

— Еще рано судить! — протестовал Алексей. — Все-таки ледоколы смогут... Александр Григорьевич! — обратился за поддержкой к океанологу Алеша.

Дядя Саша сидел, задумавшись, опершись лбом о пальцы руки.

— Не для того делали мол, — спокойно заметил он.

Алеша не ожидал, что даже дядя Саша не поддержит его. Он упрямо закусил губу.

— Опыт не удался, — продолжал Ходов. — Такую возможность учитывали. Однако не следует думать, что это обстоятельство уменьшает ответственность

всех нас, строителей, проектировщиков и некоторых, несущих ответственность особую...

Алексей резко повернулся к Ходову, готовый с вызовом встретить его взгляд, но Ходов смотрел не на него, а на Александра Григорьевича Петрова. Алеша только что рассердился на дядю Сашу, но теперь он встревожился. Он вдруг впервые заметил, сколько прибавилось у того седины в бороде.

— Я имею в виду себя, начальника строительства, и вас, Александр Григорьевич, но не как парторга стройки, а как ученого-океанолога, своим заключением повлиявшего на решение строить мол вопреки некоторым другим мнениям.

Александр Григорьевич откинулся на спинку стула и ровным, спокойным голосом сказал:

— Решайся сейчас вопрос о строительстве мола, я снова бы дал точно такое же заключение.

Ходов едва сдержал себя.

— Нам с вами представится случай дать разъяснения по этому поводу, — жестко сказал он. — Получена радиограмма, вызывающая научного консультанта стройки океанолога Петрова в Москву, к товарищу Волкову. Там же спросят ответ и с меня.

— Добро, — удовлетворенно сказал Петров, неторопливо поднимаясь.

Алеша вскочил. Ему хотелось защитить дядю Сашу, взять ответственность на себя, только на себя одного.

— Вылететь надо немедленно, — все так же жестко добавил Ходов. — Наш летчик Росов, обслуживающий стройку, доставит вас. Постарайтесь получить все необходимые инструкции. Росова не задерживайте.

Дядя Саша пожал плечами. Ходов долгим взглядом провожал его широкую спину, пока за ним не закрылась дверь. Выйдя на палубу, Александр Григорьевич увидел настороженно смотрящую в небо Галю.

— Весну чуешь? — спросил он. — Даже птицу перелетную заметила?

В голубом небе, распластав застывшие в полете крылья, шла летающая лодка Росова.

Сергей Леонидович Карцев родился в Казалинске, на границе пустыни, близ Аральского моря.

Еще в детстве он узнал цену воде. Он видел слезы матери, когда в безводный год вода не поднималась по каналам, и убогий участок за их домом выгорал. Вода означала жизнь. Недаром киргизы говорили: «Земля кончается там, где кончается вода», а туркмены — «Вода дороже алмаза». Сергей Леонидович с детства привык относиться к воде, как к величайшей драгоценности. Он прошел суровую школу борьбы. Вступив в партию сразу же после Великой Октябрьской революции, он воевал в сухих астраханских степях, позднее бил басмачей в песках среднеазиатских пустынь. Жизнь все время сталкивала его с огромными просторами плодороднейшей земли, лишенной воды. Мечта дать земле воду владела им, рядовым красноармейцем.

Нужны были знания, но не сразу нашел к ним путь Сергей Карцев. Лишь после окончания гражданской войны, после ликвидации басмачества попал он, кавалер ордена Красного Знамени, на рабфак.

В студенческие годы Карцев заинтересовался смелыми мыслями русского инженера Демченко, еще в прошлом веке говорившего о возможности «использования воды сибирских рек для изменения климата Арало-Каспийской низменности». В царское время эта мечта инженера казалась бредом.

В других условиях вернулись к этой мысли советские инженеры. Карцев ознакомился с проектом Букенича, предлагавшего в 1920 году повернуть Иртыш, чтобы он прошел через Тургайский перевал. Тысячелетия назад поднялся этот перевал и изменил ток сибирских рек. За новым водоразделом остались сухие древние русла, которыми можно воспользоваться.

Узнал вскоре Карцев и о проекте Монастырева, предложившего в 1924 году повернуть Обь и Енисей, чтобы они впадали в Каспийское море.

Мечта о грандиозных преобразованиях овладела

молодым инженером. Он работал на Днепрострое, потом в Ферганской долине на народной стройке канала. Особенной радостью для него было участие в экспедиции, исследовавшей бассейны рек Оби и Енисея.

Он мечтал принять когда-нибудь участие в невиданном проектировании — разработать грандиозный замысел поворота сибирских рек.

Началась Великая Отечественная война. Инженер Карцев тщательно смазал именной маузер, полученный за храбрость, и явился в военкомат. Однако пришлось вернуться домой. Его боевой пост был там, где он работал.

И когда гитлеровские полчища докатились до Волги, топча сапогами приволжские степи, карандаш инженера Карцева чертил на карте, похожей на штабную, линии каналов, которые должны были напоить водой эти степи. Когда бои шли за Днепр и гитлеровцы, поспешно отступая, взрывали плотину первенца социализма — Днепрогэса, Карцев преграждал реку Обь сорокакилометровой плотиной высотой в семьдесят восемь метров. Там должна была возникнуть мощнейшая в мире гидростанция, равная десяти Днепрогэсам. Поднятая плотиной Обь разливалась по карте, затопляя болота и тундры. Карцев обводил контуры будущего Сибирского моря, площадью больше, чем Азовское и Аральское моря, вместе взятые, где должно было появиться рыбы больше, чем в Каспии. Другая плотина намечалась на Енисее. Ей предстояло на сто десять метров поднять уровень Енисея, повернуть великую реку вспять, чтобы воды ее по девяти-соткилометровому каналу, четыреста метров шириной по дну и сто метров глубиной, прошли через Тургайский перевал и по древним руслам и поймам, шириной от восьми до восьмидесяти километров, дошли до Аральского моря. Эти воды должны были принести жизнь в пустыни.

И Карцев, склонясь над картой, проводил воды Енисея по реке Кеть и древним узбоям через Аральское море, направляя их к устью Аму-Дарьи. Отсюда будет прорыт канал, по которому часть вод Аму-Дарьи направится в пески Черных барханов. Но с приходом

вод Енисея Аму-Дарья может отдать все свои воды Хорезму. По каналу потечет Енисей, который будет впадать в Каспийское море, не давая ему высыхать. По пути он будет орошать Черные барханы. Но для этого его вода, пройдя через Аральское соленое море, должна остаться пресной. И Карцев перечеркивал Аральское море. Его или перепашут, отведя енисейскую воду в сторону, или превратят в пресное проточное озеро. Море становится соленым из-за солей, которые несут в него реки. Вода испаряется с поверхности моря, а соль остается. Если Арал станет проточным, соленость его не будет расти, — надо лишь удалить старую соленую воду. Уровень Арала выше Каспия. На карте проводится канал из Арала к северу Каспия. По этому каналу вся вода Аральского моря будет спущена в Каспий. В котлован бывшего моря направят воду Енисея, чтобы «промыть» бывшее море, затем высушить, едва не протереть тряпочкой и снова наполнить енисейской водой, превратив Арал в огромное проточное водохранилище с многолетним запасом пресной воды для орошения.

В дни, когда Гитлеру клались на стол сводки о потерях его отступающих армий и оставленных ими разрушениях, в расчетной записке, составленной Карцевым вместе с другими инженерами, фигурировали цифры, дышавшие подлинной поэзией жизнеутверждающей мечты. Чтобы создать для енисейских вод реку-канал, более мощную, чем Волга, способную перебросить на четыре тысячи километров (в том числе тысячу двести пятьдесят километров по прорытым каналам) триста кубических километров воды в год, нужно вынуть грунта пятьдесят миллиардов кубических метров. Каждый этот вынутый кубометр земли, приведя в пустыню воду, обеспечит при двух-трех урожаях в год шесть килограммов ценнейшего хлопка, тридцать килограммов сахара, сто килограммов шерсти, двести килограммов мясопродуктов. Эти цифры следовало помножить на пятьдесят миллиардов, чтобы представить себе несметное богатство, которое получит страна, способная выполнить эти титанические работы.

Если слить вместе все молоко, которое можно получить там, то молочная река, полноводнее Дона, ежегодно не иссякала бы в течение месяца.

Бывшие пустыни, орошенные сибирской водой, способны будут дать труд пятидесяти миллионам и прокормить полмиллиарда человек!

И для этого нужно вынуть пятьдесят миллиардов кубометров земли. На Днепрострое за тысячу пятьсот дней было вынуто только три миллиона. Но с помощью новейшей техники — исполинскими скреперами или гигантскими экскаваторами — пятьдесят миллиардов кубометров можно вынуть всего лишь за пять лет, а взорвать и того быстрее — за два года.

Мечта — первый этап проектирования!..

Победоносно кончилась война.

Проектирование великих гидросооружений перешло в новую фазу.

Шли годы. Волга преградилась плотинами, появились грандиозные гидростанции на нижней и средней Волге, вслед за ними Чебоксарская, наконец Братская на Ангаре. Волжские воды дошли до реки Урала, а с другой стороны в приуральские степи пришла сибирская вода Енисея и Иртыша. Морские суда плыли из Каспийского моря вверх по Енисею, через Тургайский канал, через Аральское пресное море в Каспий и оттуда поднимались до самой Москвы.

Полосы лесов изменили облик страны, создали новый климат. В центре континента возник как бы новый материк, материк плодородия. Перемены на поверхности земли могли бы увидеть наблюдатели с Марса. С каждым годом все богаче становилась страна.

А инженер Сергей Карцев, верный единой линии жизни, склонив седую уже голову над картами, задумывался над выполнением новых заданий.

Сибирская вода могла оживить все западные пространства среднеазиатских пустынь, но на восток от них простирались мертвые, голодные степи и каменная пустыня Гоби, которую ничем нельзя было оросить: не было ни рек, ни снеговых вершин. А между тем и там можно было бы выращивать ценнейшие культу-

ры, если бы удалось добиться сочетания богатства солнечных лучей с живительной влагой.

Как известно, гипотеза Сергея Леонидовича Карцева об исчезновении «незаконно» существующих пустынь после орошения Черных барханов потерпела крушение.

Но Карцев не сложил оружия и продолжал искать пути к уничтожению всех пустынь. Письмо сына об указании Волкова комплексно решать вопрос изменения климата пустынь и Арктики повернуло искания Карцева в новую сторону. Если воду нельзя привести по земле, то нельзя ли принести ее по воздуху?

Осенью Сергей Леонидович вернулся в Москву и начал работать над новой идеей. Он направил правительству докладную записку «О влиянии незамерзающей полыньи в полярных морях на состояние земной атмосферы и на возможное образование воздушных потоков».

Сергей Леонидович взял в Гидропроекте отпуск и занялся приведением в порядок своих архивов. Его загорелое лицо, покрытое похожими на рубцы морщинами, было теперь более сковано, чем обычно. Несмотря на внешнее спокойствие Сергея Леонидовича, его жена Серафима Ивановна отлично понимала внутреннее состояние мужа.

Как всегда, супруги виделись мало. Серафима Ивановна была директором одного из вузов столицы и встречалась с Сергеем Леонидовичем или поздно вечером, или рано утром.

У супругов Карцевых было заведено утренний кофе пить вместе. В эти часы они всегда вспоминали о сыне, переживали его невзгоды. Вместе радовались они, когда с полярной стройки сообщили, что ледяной мол готов и перерезал Карское море на две части.

Потом долго ждали вскрытия льдов. И чем дольше ждали, тем тревожнее им было. Выступление профессора Сметанкина в центральной газете, потребовавшего уничтожить мол, поразило стариков. С еще большим волнением ждали они новых известий.

Сергей Леонидович, ожидая Серафиму Ивановну, сидел за столом. Перед ним лежала газета, только что вынутая из почтового ящика.

Высокая, полная, почти совершенно седая, но быстрая в движениях, — чем-то напоминала сына, — Серафима Ивановна вошла в столовую.

— Опять налил кофе сам? Ждешь меня, а потом будешь пить холодный кофе. Дай я тебе налью крепкого и горячего. Газеты вынул? От Волкова тебе ничего нет? — Ее низкий, громкий голос звучал сегодня несколько необычно. Она решительно выплеснула остывший кофе из стакана мужа в полоскательницу, налила горячего.

— Конечно, цикория не положил, — ворчала она. — Ты поедешь в Гидропроект? Нет? Будешь книгу кончать? Кто бы мне такой творческий отпуск предоставил? Вертишься как белка в колесе. Ну, читай... Как там у Алеши? — решила она, наконец, задать главный вопрос.

Сергей Леонидович прекрасно знал, сколько материнской тревоги скрыто за привычными интонациями и фразами. Он начал читать тем всегда намеренно тихим голосом, который заставлял собеседника переспросить и потом внимательно слушать следующие фразы.

— «Льды вскрылись севернее ледяного мола... Корабли вышли в обход мола... Неутешительные прогнозы океанологов. Изучение льдов Карского моря в новых, созданных молом условиях обогащает науку...»

— Приговор судебный сыну родному вот так же, наверное, читают, таким же голосом, — сердито сказала Серафима Ивановна и полезла в карман за платком, чтобы вытереть глаза.

Сергей Леонидович отложил газету:

— Приговор не только ему.

— Знаю. Всем, кто в заблуждение его ввел, уверил, что хватит тепла у течения...

У матери сын никогда не бывает виноват. Серафима Ивановна во всех других вопросах умела быть объективной, но здесь, когда дело касалось ее Алеши,

она оставалась прежде всего матерью, готовой, взъерошив перья, кинуться хоть на льва. И сейчас в том, что не вскрываются в отгороженном канале льды, виноваты были у Серафимы Ивановны все, кроме Алеши.

— Приговор, Сима, еще и мне, — печально закончил Сергей Леонидович.

— Тебе? Это еще что за новость! Ты-то тут при чем?

Сергей Леонидович стал аккуратно складывать газету. По его виду жена поняла, что он скажет сейчас что-то очень важное. Она никогда не спрашивала мужа, если он чего-то не договаривал, а не рассказывать о некоторых своих делах он мог месяцами. И уж она-то знала, что если он начнет говорить, то...

— Ты знаешь, Сима, — ровным голосом сказал Сергей Леонидович, — я подал докладную записку в Совет Министров.

Серафима Ивановна кивнула головой.

— Но ты не знаешь, что было в этой записке.

— Ждала, когда скажешь.

— И я ждал... ждал, когда меня позовут. Только после этого хотел тебе все рассказать.

— Благодарю за внимание и доверие, — с укором сказала Серафима Ивановна.

В соседней комнате зазвонил телефон. Серафима Ивановна вышла из столовой.

— Кто говорит? — громко кричала она в трубку. — Что? Кто? Позвать его? Может быть, что передать? Как? Волков просит приехать? В котором часу? Спасибо, спасибо, не беспокойтесь, обязательно передам.

Она показалась в дверях, высокая, громоздкая. Сергей Леонидович все слышал сам. Он уже поднялся со своего места, слегка побледневший.

— Чистая глаженная рубашка на верхней полке. Ты опять перепутаешь. Я сейчас тебе ее достану. Ордена наденешь?

— Зачем ордена? Не торжественный прием ведь.

— А ты говорил — приговор.

— За тем и вызывает, чтобы объявить. Объявить, что Алешина полынья не вскрывается.

— Значит, из-за Алеши вызывают?

— Нет, из-за меня.

— Никогда, Сережа, не прошу... Рассказывай сейчас же.

— Хорошо, — согласился Карцев.

— Я тебя сама отвезу и стану ждать в машине. По дороге все и расскажешь.

— А как у тебя в вузе?

— Да обойдутся один раз без меня, если и у сына и мужа... такое дело... — Серафима Ивановна махнула полной рукой, отвернулась и стала опять искать платок по карманам своего жакета мужского покроя.

Сергей Леонидович, сразу осунувшийся, постаревший, подошел к зеркалу, чтобы посмотреть, достаточно ли чисто он выбрит.

Глава третья

ЗАДУЮТ ВЕТРЫ

Серафима Ивановна Карцева была настолько же по-женски чуткой и сердобольной, насколько по-мужски энергичной и деятельной. Относиться пассивно к неудаче или несчастью, своему или чужому — все равно, она не могла. Алешину беду она переживала особенно глубоко еще и потому, что она означала крушение надежд Сергея Леонидовича.

Карцев сел в машину рядом с женой.

— Извини уж, — сказала она, — кружным путем повезу.

Машина плавно покатилась по мостовой. По обе стороны тянулись гранитные стены парапета отделявшего от мостовой приподнятые тротуары. Над головой один за другим проносились мосты поперечных улиц.

— Не могу поверить, чтобы полынья не вскрывалась, — сказал Сергей Леонидович. — Подумал, с че-

го же начать рассказывать, а сам так и вижу полынью вдоль всех сибирских берегов.

— А ты верь, что еще вскроется, — осторожно сказала Серафима Ивановна.

Машина мчалась по широкой магистрали. С обеих ее сторон просвечивала зелень бульваров. Поперечные улицы здесь ныряли в тоннели. Серафима Ивановна уже не обгоняла идущие впереди машины. Спрашивать мужа она больше не стала. Все равно бесполезно.

Он начал сам:

— Большое дело, Сима, задумал.

Машина свернула к порту.

— Ну, ну! — Серафима Ивановна локтем подтолкнула мужа, чуть наклоняя к нему голову, чтобы лучше слышать.

— Помнишь мой провал с гипотезой «о незаконных пустынях»?

Серафима Ивановна вздохнула.

— Алеша письмо мне прислал... Ему сказали, что решать проблему изменения климата зоны пустынь и Арктики надо комплексно.

Слева, за фасадами домов, за зеленью парков поднимались мачты морских кораблей, казавшихся здесь, в Москве, огромными.

— Вот видишь, — указал Карцев, — ледокольный корабль. Каков красавец!

Виднелись только мачты и труба корабля, но Серафима Ивановна кивнула головой, соглашаясь, что это действительно красавец.

— Пойдет он отсюда по Волге, через Каспий, поднимется вверх по Новому Енисею.

— Знала, куда тебя везти, чтобы удовольствие доставить.

Карцев продолжал негромко, словно его не прерывали:

— Пройдет через Аральское море, выйдет через Тургайский канал в Старый Енисей и спустится в Карское море.

— Мол Алешин вспомнил?

— Да, Алешу вспоминаю, потому что он как

бы мой соавтор, только об этом и не подозревает.

— Как же это он соавтором стал?

— Дело в полынье, которая должна появиться южнее Алешиного мола.

Серафима Ивановна заметила, как оживился Сергей Леонидович.

— Полынья протянется вдоль берегов Сибири на четыре тысячи километров, — говорил Карцев. — Над ней зимой будут туманы. И это замечательно.

— Что тут замечательного? Плавать как?

— Плавать в тумане с помощью радиолокаторов легко. На экране все видно. Замечательно то, что воздух над полыньей будет теплее. Он поднимется вверх, а с севера и с юга полыньи на его место устремятся более холодные массы воздуха. Они столкнутся и получат общее движение в направлении вращения Земли, с запада на восток. Вдоль полыньи всю зиму будут дуть устойчивые ветры, нечто вроде искусственно созданных пассатов. Понимаешь, от Новой Земли и до Берингова пролива.

— Грандиозно!.. И что же?

— Слушай, Сима! Раз в атмосфере появится движение воздуха вдоль полыньи на севере, то на юге, — я подсчитал, где именно, — появится встречное движение воздуха.

— И где же это будет? — Серафима Ивановна остановила машину.

— Севернее Гималайской горной гряды, то есть над зоной пустынь, — торжественно сказал Карцев и откинулся на спинку сиденья.

— И что же? — осторожно спросила Серафима Ивановна.

— Не поняла? — Карцев улыбнулся и продолжал, по-прежнему не возвышая голоса. — Эти два потока замкнутся, Сима. Замкнутся, образовав гигантское «Кольцо ветров». И это «Кольцо ветров» без всякой затраты энергии вынесет в Арктику нагретые в пустынях массы воздуха, а из Арктики принесет в пустыни, — да еще в какие пустыни: в Монгольскую Гоби, в Китайскую Гоби, которые нечем оросить, в голодные

степи, в наши восточные неорошенные пустыни — принесёт туда массы прохладного воздуха, напоенного арктической влагой!

— Да что ты! — едва не всплеснула руками Серафима Ивановна.

— И в пустынях начнут выпадать дожди! Потекут реки, найдут свои старые, забытые русла и превратят весь тот край в сад, Сима. И не понадобится никаких новых ирригационных сооружений. Все получится само собой!

Сергей Леонидович вынул платок и вытер лоб.

— Ну, знаешь, Сергей Леонидович, действительно чугунным человеком надо быть, чтобы про такое дело молчать, мне ни слова не сказать! — и Серафима Ивановна возмущенно включила мотор.

— Правда, грандиозно? — спросил Карцев, и вопрос его прозвучал по-смешному робко.

— Ну вот что, — Серафима Ивановна внезапно остановила турбобиль. Шедшая сзади автомашина с шумом пронеслась слева. — За такую идею... — она резким движением притянула обеими руками к себе седую голову Сергея Леонидовича и поцеловала его прямо в губы.

Двое пешеходов изумленно переглянулись. Странно было видеть целующихся в машине стариков.

— А за то, что молчал, — продолжала Серафима Ивановна, — сама молчать буду. Пока не доедешь, слова от меня не услышишь.

Но Серафиме Ивановне не удалось выполнить свою угрозу. За ее спиной послышались настойчивые телефонные звонки. На задней стенке турбобилля висел с виду самый обыкновенный автоматический телефон. В машине, так же, как и в вездеходе, на котором Сергей Леонидович блуждал по пустыням, был радиоаппарат, включенный параллельно с квартирным телефоном Карцевых.

Сергей Леонидович протянул руку и взял трубку:

— Что? Радиogramма с гидромонитора? Очень прошу, передайте по телефону.

Серафима Ивановна остановила машину.

— Повторяй, записывать буду, — сказала она.

Сергей Леонидович размеренным голосом произносил текст, Серафима Ивановна неразборчиво, дрожащими от волнения руками записывала его:

«Как известно, льды вскрылись не южнее, а севернее мола. Отвергаю требование уничтожения мола. Крепко стою на том, что он оправдывает себя, если даже полынья не вскрыется...»

Старики Карцевы переглянулись. «Полынья не вскрыется»? А ведь «Кольцо ветров» основывается на предположении, что полынья существует вдоль всего сибирского побережья!

— Диктуй, диктуй дальше, — сердито заторопила Серафима Ивановна.

«...Если даже полынья не вскрыется, поскольку лед в отгроженной части моря, защищенной от паковых льдов, будет тонким, проходимым для ледоколов и летом и зимой. Хочу, чтобы вы не потеряли веры в своего сына. Не отступлю. Крепко обнимаю, ваш Леша».

Старики долго молчали.

— Кажется, настоящий человек получился, — сказал, наконец, Сергей Леонидович.

— Да, не сдается. Но только не о том мечтал.

— Он не о том мечтал, а я не на то рассчитывал.

— Да, правда, Сергуня, — печально сказала Серафима Ивановна. — Заворожил ты меня. Мне уже показалось, что и полынья вскрылась и «Кольцо ветров» появилось...

— Поедем, Сима, пора. Сейчас мне напомнят, что полынья не вскрыется. Рад, что хоть сын наш молодцом стоит.

— Леша наш... — задумчиво повторила Серафима Ивановна.

Больше супруги Карцевы, погруженные в глубокие невеселые думы, не разговаривали. Только остановившись, Серафима Ивановна сказала мужу растроганным голосом:

— Ну, Сергуня... сердце мое с тобой будет, — она вынула платок и вытерла уголки глаз. — Если сердцу этому беспокойному верить, то...

— То? — выжидательно спросил Сергей Леонидович.

— Будто в ледовую разведку оно у меня ходило и больше летчика Росова увидело.

Сергей Леонидович благодарно улыбнулся.

Серафима Ивановна нахмурилась.

— Машину напротив дома поставлю. Ждать буду. Не вздумай в метро отправиться. Я ведь тебя знаю. Забудешь про меня.

— Не забуду, — очень серьезно сказал Карцев и пожал большую, сильную руку жены выше локтя.

Через десять минут он вошел в приемную.

— Совещание океанологов у товарища Волкова несколько затянулось, — встретил его секретарь. — Николай Николаевич просит извинить его и, если вы найдете это возможным, подождать несколько минут.

«Совещание океанологов?» Сергей Леонидович почувствовал легкое головокружение и боль в сердце. Он сел на диван и принял нитроглицерин, с которым никогда не расставался. Через некоторое время сердце успокоилось, дыхание пришло в норму. Сергей Леонидович вынул платок и вытер влажный лоб. «Начал сдавать», — подумал он.

Дверь кабинета открылась. В приемную, мирно беседуя, вышли хорошо известный Карцеву друг Алеши океанолог Петров и враг ледяного мола профессор Сметанкин. Они остановились у окна и стали что-то обсуждать вполголоса. Маленький лысый профессор смеялся и хлопал бородача Петрова по плечу. Тот крепко пожал руку Сметанкину и о чем-то снова оживленно заговорил с ним.

Из кабинета стремительно вышел худощавый ученый с темными выющимися волосами, разделенными седой прядью. Вместе с ним появилась статная, красивая женщина с кольцом кос на голове. Она решительно подошла к профессору Сметанкину. Тот сначала сердито погрозил пальцем, а потом вдруг расцеловался с ней. Петров почтительно пожал ей руку. «Кажется, академик Овесян со своей помощницей», — подумал Сергей Леонидович. Из кабинета вышла целая группа ученых и вместе с ними академик Омудев.

Потом в двери показалась высокая фигура Николай Николаевича Волкова.

— Прошу вас, товарищ Карцев, — громко и отчетливо сказал он.

Все присутствующие услышали имя Карцева и оглянулись. Быть может, они рассчитывали увидеть строителя ледяного мола. Сергей Леонидович, провожаемый взглядами, неторопливо прошел в кабинет. Николай Николаевич сам запер за ним дверь.

— До сих пор знал только вашего сына, — радушно сказал он.

— И я с вами, Николай Николаевич, через сына знаком, — просто ответил Сергей Леонидович. — От Алексея я узнал о задаче менять климат пустынь и Арктики комплексно.

Волков чуть нагнулся, вслушиваясь в негромко сказанные слова. Он все еще стоял, хотя гость по его приглашению уже сел в кресло.

— Задача может решиться только так. Ваша записка внимательно изучена. Ученые дали свои заключения. — Николай Николаевич сел за стол и придвинул к себе бумаги. — Ученые подтвердили ваше предположение о возникновении «Кольца ветров», как только появится незамерзающая полынья в Арктике.

Карцев опустил голову. Вот когда ему будет сказано, что такая полынья в Арктике не появится. Но Николай Николаевич, к удивлению Карцева, ничего об этом не сказал. Он продолжал все в том же доброжелательном тоне:

— Ваша гипотеза, Сергей Леонидович, привлекла внимание партии и правительства: задача улучшения климата Земли и в первую очередь того полушария, где уже строится коммунизм, в ближайшее время неизбежно должна была встать перед нами. Вы указываете один из возможных путей решения задачи. Роль ледяного мола неизмеримо возрастает. Это вполне закономерно. Однако я должен разочаровать вас. Идея, как она изложена вами, не может быть принята.

— Не может быть принята? — тихо переспросил Карцев. Ему вспомнилась Серафима Ивановна, ждущая его у ворот.

— Не может быть принята в том виде, как вы ее представили.

— Я понимаю... — начал было Карцев, но замолчал.

Николай Николаевич вежливо подождал, но, видя, что гость молчит, снова заговорил:

— Мне поручено, — Волков оттенил эти слова, — передать вам критические замечания, которым была подвергнута здесь ваша идея. Первое: какие у нас с вами основания безоговорочно утверждать, что южная часть «Кольца ветров» пройдет именно над зоной пустынь?

— Зона пустынь проходит севернее высочайшей горной гряды. Это дает основание предполагать...

— К проблеме управления климата нашего полушария мы хотим подойти реально. Нас не устроят только предположения. Трасса «Кольца ветров» должна быть строго запланированной и управляемой.

— Запланированной? Управляемой? — переспросил Карцев, думая, что он не понял.

— Запланированной, потому что нам нужно провести поток арктического воздуха именно над пустынями. Управляемой, потому что мы не можем допустить, чтобы в жаркое летнее время раскаленный воздух пустынь пронесся с юга на север через наши плодородные равнины и иссушил бы поля.

Карцев провел рукой по зачесанным назад волосам, лишь этим жестом выдав, что он поражен таким необычным заданием.

— А потому «Кольцо ветров» должно действовать тогда, когда мы захотим, и проходить по тем местам, где мы пожелаем, — закончил Волков.

Карцев с молчаливым вопросом смотрел на него. Николай Николаевич встал и подошел к стенной карте. Сергей Леонидович тоже поднялся. Он доставал Волкову чуть до плеча, но что-то в сдержанной неторопливости каждого из них, в глубоких складках у губ, в прямом, открытом и уверенном взгляде роднило их.

В словах Волкова звучала непреклонная уверенность, в позе Карцева было напряженное внимание.

— В наше время атомная энергия становится обыденностью. Для уравнивания климата полушария мы и привлечем атомную энергию. Но не для того,

чтобы, как думали некоторые горячие головы, подогревать атомной энергией холодные места Земли, — это было бы крайне неэкономично. Значительно целесообразнее «перемешивать» земную атмосферу, равномерно распределяя по Земле бесплатную энергию солнечных лучей.

— Но вы говорите, что атомная энергия все же нужна...

— Проблемой искусственных ветров занялись не вы первый, Сергей Леонидович. Есть предложения для той же самой цели создать на трассе ветров искусственные тепловые очаги. Такими очагами могут быть массы нагретой атомной энергией воды. Атомные установки можно построить с таким расчетом, чтобы подогретые ими воды вызвали устойчивые ветры.

— Это правильная мысль, — согласился Сергей Леонидович, внимательно всматриваясь в карту, словно он видел уже на ней места расположения будущих атомных установок.

— Мы построим такие установки, скажем, вот тут, на реке, — показал Волков. — Пусть отепленная река поведет ветвь «Кольца ветров» на север, к Карскому морю, где начинается великая северная полынья. На востоке, — об этом еще предстоит подумать, — мы создадим установки с таким расчетом, чтобы повернуть ветры на юг, доводя их до той самой параллели, где начинаются пустыни, но так, чтобы ветры не погубили местных урожаев излишней влагой и прохладой.

Волков походил на полководца, разъясняющего полученный свыше план боевой операции.

— Стоит вам прекратить работу атомных установок в определенное время года, и созданное нами «Кольцо ветров» выключится. Спящие сельскохозяйственные культуры могут не бояться наших «искусственных суховеев».

— Выключать ветры? — деловито переспросил Карцев.

— Именно выключать. Как электрические фонари. Впрочем, аналогия не вполне точная. «Выключать» в том смысле, что «Кольцо ветров» не пройдет в ненужном нам месте: О том, как оно пройдет, пока можно

говорить лишь гипотетически. Это еще предстоит изучить. Вероятнее всего, что само по себе оно пройдет не так, как вы предполагали, а замкнется в верхних слоях атмосферы, — будет «стоять ребром». Когда же будет искусственно создана тепловая трасса, «Кольцо ветров» ляжет на землю именно так, как вы того желали. Таким путем мы сможем управлять погодой. Американцы тоже претендуют на управление ветрами. Но это им, по их же словам, пока не под силу. А вот нам с вами, Сергей Леонидович, нашему народу управлять земной атмосферой будет как раз по плечу. Улучшение климата Земли — одно из условий достижения всеобщего изобилия. Мы начали и с малого и с великого: с удобрения полей и грандиозного лесонасаждения, с осушения болот и освоения просторов целинных земель, наконец с похода на голодные степи и пустыни. И вполне естественно приняться сейчас за управление земной атмосферой, за отопление Арктики, за ликвидацию всех — и знойных и холодных — пустынь полушария. «Кольцо ветров» может стать символом дружбы и единения народов, строящих коммунизм, символом их силы, направленной на достижение счастья всего человечества, — и Волков крепко пожал жесткую, сильную руку инженера.

Около ворот по площади медленно прогуливалась грузная седая женщина. Она, близоруко щуря глаза, пристально вглядывалась в каждого человека, выходящего из ворот.

Глава четвертая **НА СЕВЕР**

Эта ночь далась Маше тяжело. Еще на совещании у Волкова она с трудом овладела собой, узнав, что они с Овесином должны вернуться в Проливы на летающей лодке Росова.

«Росов!..» — и Маша не могла уснуть всю ночь.

Как все нелепо, глупо, досадно!.. Зачем только она захотела еще раз увидаться с Росовым? Что это?

Любопытство, женское тщеславие или еще что-нибудь? Зато как была наказана!..

И Маша, кусая подушку, еще и еще раз во всех подробностях вспоминала.

Она пошла на аэродром, когда узнала, что в Пролиты пришел самолет Росова. Она нашла «воздушных мушкетеров» в буфете. Какое счастье, что хоть Росова с ними не оказалось! Летчики были навеселе и шумно встретили свою пассажирку. И хотя Маша сразу же почувствовала неловкость, она все же, набравшись смелости, попросила Костю передать Росову записку. Она помнит ее наизусть:

«Мне бы хотелось послать эти строчки со стариком оленеводом, которого мы повстречали с вами. Но, кажется, мне не встретить его еще раз...

Маша».

Да, она подписала записку так, как он начал называть ее тогда.

Самолет Росова улетел. Ответа не было. Он пришел по почте.

«Уважаемая Мария Сергеевна!

Вот как получилось. Не за ту вас принял. Думал, обычное приключенье. Неожиданное предложение в таких случаях безотказно действует. Проверено! Потом, конечно, признаешься: женат, дескать, и все такое прочее... Брачное свидетельство покажешь, фотографию жены и детишек... Оно и к лучшему. Приключенье не должно затягиваться.

Можете считать меня кем угодно, будете правы. Но оцените хотя бы то, что не таюсь перед вами, а потому старика с хореем еще раз не ишу.

С сожалением Д. Росов».

Маша изорвала письмо в мелкие клочки и поклялась, что о Росове никогда больше не вспомнит и не встретится с ним никогда, никогда... И вот теперь это неизбежно.

Елизавета Ивановна, всю ночь слышавшая, как Машенька ворочается в постели, на рассвете вышла провожать дочь на балкон. Строгая, с горько опущен-

ными уголками рта, она ни о чем ее не спросила, почти уверенная, что виновника девичьих слез видит перед собой. «Женатый ведь...» — гневно подумала Елизавета Ивановна и даже не махнула рукой заехавшему за Машей Овесяну.

Состояние Маши не ускользнуло и от академика. Когда он уезжал в Проливы, Маша смотрела на него слишком печальными глазами. Он улетел в некотором смятии и, несмотря на увлеченность работой, много думал о себе и Маше. И он решил покончить все разом, едва «это» проявится снова, но Маша, прилетев в Проливы, была по-старому приветливой и спокойной, правда чуть рассеянной. Амас Иосифович не нашел повода для объяснения. Но сейчас состояние девушки чем-то напоминало Амасу Иосифовичу их прощание год назад.

— Вы словно поднимались на шестой этаж, а не спускались, — сказал академик.

— Торопилась.

— Не уверены в «подводном солнце»?

Маша задумчиво покачала головой.

— Так что же?

— Лучше не спрашивайте, — Маша покраснела и, почувствовав это, отвернулась.

«Может быть, сейчас и надо все выяснить?» — подумал академик. Он нахохлился и сразу же приобрел какое-то сходство с ястребом.

— Сашоль видели? — спросил он, словно призывая сюда «на помощь» дочерей.

— Вы не знаете, Амас Иосифович, как приходит...

— Что? Любовь? — перебил академик.

Маша испуганно посмотрела на академика.

— Любовь ко мне пришла в блиндаже. Рвались снаряды, а связистка рядом кричала в трубку: «Волга, Волга, я — Кама!» Снаряд попал в накат. Нас завалило. Я выбрался первый, откапывал ее. Бледная была и чем-то родная, близкая. А когда вскоре она потеряла руку, я почувствовал, что стала мне еще дороже. Так приходит любовь.

Маша не поняла, почему Амас рассказывает ей об этом. Случись это год назад, она, может быть, не-

сдержала бы слез. А сейчас она думала, что у любви тысячи, миллионы путей!..

— Нет, я хотела спросить, как приходит летающая лодка к Кремлевской набережной? По воздуху или по воде?

— А! — сказал Овесян и рассеянно замолчал, так и не ответив на Машин вопрос.

По пустынной Кремлевской набережной, размахивая руками, мчался низенький летчик в одеянии, несколько неожиданном в таком месте: на нем был комбинезон, шлем и унты. У низко сидящей в воде, специально пригнанной сюда баржи-причала стояла летающая лодка с высоко приподнятыми, отнесенными к хвосту крыльями.

Около парашута набережной летчик столкнулся с товарищем по экипажу:

— Мухтар, слушай! Сейчас узнал. Она летит с нами.

— Кто она? Балерина Фетисова, которая вчера танцевала в «Ромео и Джульетте»? — ехидно осведомился бортмеханик.

Костя, — это был он, — махнул рукой:

— Сама Джульетта! Учительница наша с дипломом доктора наук! Понял?

Аубеков свистнул. Оба посмотрели на летающую лодку. В полуоткрытом стеклянном куполе виднелась плечистая фигура командира корабля.

— Докладывай Ромео, — многозначительно кивнул в его сторону Мухтар.

Костя сбежал по трапу на баржу.

— Разрешите доложить? — вытянулся он перед удивленным Росовым. — Имею список пассажиров.

— Волков? Знаю, — твердо сказал Росов.

— Нет. Еще некоторые...

Росов пожал плечами и взял протянутый Костей список. Прочел, нахмурился. Взглянул на Костю, но тот уже исчез...

Около командира вырос штурман Шевченко:

— Разреши, Дмитрий, гостей встретить. Командир, дескать, занят.

— Нет, — отрезал Росов. — Сам встречать буду.

Скоро появились пассажиры. Почти одновременно подошли академик Омuleв и профессор Сметанкин. Ученые очень вежливо раскланялись друг с другом, но, идя вместе по набережной, от самой Красной площади, не произнесли ни слова.

Знакомясь с Росовым, которого он, вероятно, забыл, профессор Сметанкин сказал:

— Не люблю летать. Тошнит всю дорогу. Я и море ненавижу. Так всю жизнь и поступаю себе наперекор: летаю и изучаю моря, чего вам не желаю, молодой человек.

Росову этот неприятный с виду старик понравился своей прямоотой и какой-то горькой насмешкой над самим собой.

— Старье, — презрительно указал Сметанкин на летающую лодку.

Только сейчас Росов узнал в старике незадачливого водителя старой машины, застрявшего с Машей Веселовой на шоссе.

— На этой лодке — урановый реактор, — веско заметил Росов.

— Разве это самолет, если ему для посадки непременно вода нужна? — продолжал Сметанкин.

Росов чуть покраснел от злости.

— Зимой, профессор я на самолете, а летом — на лодке, — отчетливо сказал он, — у нас летом в Арктике вода повсюду. На своей лодке я в тундре где хотите сяду и снова в воздух поднимусь. Мне аэродромов не надо.

Показалась группа людей. Впереди шла статная женщина. Росов узнал в ней Машу и заставил себя остаться. Позади шли Волков, Александр Григорьевич Петров и академик Овесян.

Александр Григорьевич говорил Волкову о Ходове:

— Человек обречен. Врачи признались мне, что помочь нельзя. Раковая опухоль...

— Очень жаль Василия Васильевича, — сказал Волков. — Замечательный строитель, настоящий коммунист.

— Облучение искусственными изотопами пробовали? — вмешался Овесян. — Я знаю работы многих

научных институтов. Атомная энергия может победить рак.

— К сожалению, опухоль задела внутренние органы. Врачи говорили, что могли бы справиться, будь опухоль доступна.

— Ах, ваши врачи! — махнул рукой Овесян. — Самое простое, если опухоль доступна и ее можно вырезать или облучить. Я понимаю, что нельзя для облучения вспаривать живот или вводить в клетчатку радиоактивное вещество, которое потом останется в теле, как неизвлеченная пуля. Впрочем, кажется, стоит вспомнить средневековую алхимию.

— Алхимию? — поднял брови Волков.

— Именно! — живо отозвался Овесян. — Срочно поручу своим лаборантам получить побольше золота. Я pošлю его в различные медицинские институты, чтобы они «озолотили» всех своих подопытных кроликов.

Маша подошла к причальной барже. Росов все еще стоял там.

— Воздушные мушкетеры! — приветливо сказала Маша, протягивая Росову руку. Глаза ее сияли. Они были именно такими, синими с радужными лучиками к зрачкам, какими помнил их Росов.

Сметанкин стал целоваться с Машей. «Пренеприятнейшая личность», — вдруг подумал о нем Росов.

— В путь! — скомандовал Волков.

В отсек пилотов Росов прошел, нагнув голову, стараясь ни на кого не смотреть. С баржи отдали чалки. На «малом воздухе» заработал реактивный двигатель. Лодка медленно отделилась от мостков и поплыла, как глиссер, вверх по течению к Каменному мосту.

Изящная, словно настороженно приподняв отогнутые назад крылья, она вышла на середину реки. Редкие в такой ранний час прохожие останавливались, — не так часто увидишь на Москве-реке летающую лодку! С приглушенным ревом лодка прошла под аркой моста.

Два буруна высоко взлетали у ее носа, волны разбегались к гранитным набережным.

Шпили высотных зданий поблескивали золотом

в лучах еще не взошедшего солнца. Прохожие на Крымском мосту видели, как пронеслась лодка по глади мимо Парка культуры и отдыха, мимо многоэтажных, еще спящих громад домов, помчалась к ажурной дуге одним взмахом переброшенного через реку моста Окружной железной дороги. Было страшно, что лодка не успеет подняться, заденет за железную ферму. Но лодка прошла под мостом и взмыла вверх уже у Ленинских гор, там, где река делает излучину.

Маша с волнением смотрела на здание родного университета, на целый город этажей дворца молодости и науки.

Юноши и девушки, с самого раннего утра готовясь к приемным испытаниям в университет, отбросили книжки и, запрокинув голову, провожали глазами серебряную стрелу с легким оперением. Она делала вираж, ложась на северный свой курс.

Глава пятая **ОТ ПОЛЯРНЫХ ВОРОТ**

Командир летающей лодки Росов, доставив правительственную комиссию в Проливы, получил очень неприятный приказ. На время предстоящих испытаний атомной установки он «поступал в распоряжение доктора технических наук Веселовой».

В тундре после таяния снегов появилось множество разноцветных озер: то голубых, то зеленоватых, то мутных. На одном из них, достаточно длинном для разбега, и стояла готовая к полету лодка. Росов хотел послать Костю, чтобы тот явился к Веселовой на пост управления, в небольшой домик на морском берегу, километрах в двух от озера, но члены экипажа убедили командира, что он должен пойти сам.

Росов долго собирался, вздыхал, чертыхался. «Воздушные мушкетеры» молча переглядывались между собой. Они отлично понимали состояние своего друга и начальника.

Наконец Росов крикнул, решительно перебрался на

мостик, к которому была причалена лодка, и, шагая вразвалку, отправился в тундру. Росов знал, что атомная установка должна дать пар для оттаивания слоя вечной мерзлоты, но не представлял, зачем Веселовой понадобится самолет.

Густой и сочный травянистый покров тундры пружинил под ногами, и Росову казалось, что его подбрасывает при каждом шаге. Поэтому, вероятно, он и идет слишком быстро.

Невдалеке от поста управления он заметил на берегу членов комиссии, которых недавно доставил из Москвы. Росов был рад поводу задержаться и подошел к ним.

Низенький профессор, увидев летчика, схватил его за рукав.

— Видите? — злорадно сказал он. — Кто был прав? Ваш покорный слуга, профессор Сметанкин. Вы, осмелюсь вам напомнить, полярный летчик! Вам ли не очевидно, что тепла Нордкапского течения заведомо не хватает, чтобы растопить льды? Вот оно, скованное льдом море, которому давно пора вскрыться. Поневоле приходится придумывать всякие фокусы, вроде того, чтобы «поменять местами ледяной покров моря и слой вечной мерзлоты».

Росов не понял, о чем говорил сердитый старик, и ничего не ответил.

Буйная зелень тундры доходила до самого берега. На крутом обрыве стояли Волков, Омулев и Овесян. Их темные силуэты отчетливо выделялись на белом фоне ледяной равнины, начинавшейся внизу от песчаного пляжа.

Резкая граница между двумя соприкасающимися мирами — зеленой тундрой и замерзшим морем — бросилась сейчас в глаза Росову. Вдоль всего берега лежали огромные трубы, уходя вдаль, насколько хватает глаз. Росов знал, что они предназначались для перегретого пара, однако не мог представить, как же пар попадет в трубы.

Не найдя больше предлога для задержки, он вздохнул и отправился на пост управления. К железобетонному домику с неимоверно толстыми стенами по неглу-

бокой открытой канаве тянулись высоковольтные кабели. Из-за ближнего холма виднелась крыша большого, тоже прочного железобетонного здания. Там помещалась атомная электростанция. Она пока еще, как слышал Росов, работала на расщепляющемся уране, ядерная энергия которого поднимала пар высокого давления. Впоследствии, когда появится «подводное солнце», пар для этой станции будут брать, как говорили члены комиссии, с «поверхности моря».

Маша Веселова стояла на крыльце пункта управления в одном платье, хотя на ветру было холодно. Она смотрела на летчика, и нельзя было понять, о чем она думает.

Росов остановился в нескольких шагах от крыльца и отрапортовал по-военному:

— Летящая лодка и ее экипаж находятся в вашем распоряжении. Докладывает командир лодки Росов.

— Спасибо, Росов, — кивнула Маша.

— Разрешите узнать, какая будет поставлена задача?

— Обычная для вас ледовая разведка, — улыбнулась Маша.

— Слушаю, — невозмутимо отозвался летчик.

— Нужно будет изучить с воздуха, как повлияет «подводное солнце» на ледяной покров моря.

— Разрешите идти?

— Нет. Сейчас передан сигнал тревоги. Я ждала, пока вы подойдете. По второму сигналу я взорву атомную бомбу.

— Атомную бомбу? — насторожился Росов, невольно оглядываясь на озеро, где осталась его лодка.

— В море, под водой. И достаточно далеко отсюда, — успокоила его Маша. — «Подводное солнце», надо зажечь. «Спичка» должна дать температуру в десять миллионов градусов.

— Жарковато, — усмехнулся Росов.

— Будет эффектное зрелище. Вы увидите его из нашего укрытия. Расскажите своим... ребятишкам, — Маша и бровью не повела, сказав это.

Росов не заметил подвоха:

— Непременно расскажу, если разрешаете. Сестренка из школы самых отчаянных приведет.

— Пойдемте в укрытие. Члены комиссии уже прячутся, — скрывая улыбку, сказала Маша.

Росов оглянулся и увидел, что ученые, около которых он только что был, один за другим исчезают, очевидно куда-то спускаясь.

Маша повела Росова в железобетонный домик. Оказывается, здесь тоже нужно было спускаться по лестнице. Основная часть пульта управления помещалась под землей. В совершенно круглой комнате на стенах укреплены были незнакомые Росову приборы с циферблатами. Сам пульт управления был очень прост. Черная эбонитовая панель, расположенные в один ряд кнопки с надписями, в два ряда над ними — сигнальные лампочки.

Через узкие бойницы как раз на уровне земли видно было покрытое льдами море.

Маша заняла место за пультом рядом с оператором и скомандовала:

— Всем надеть темные очки!

Откуда-то послышался голос Овесяна:

— Мария Сергеевна! Все ли у вас готово?

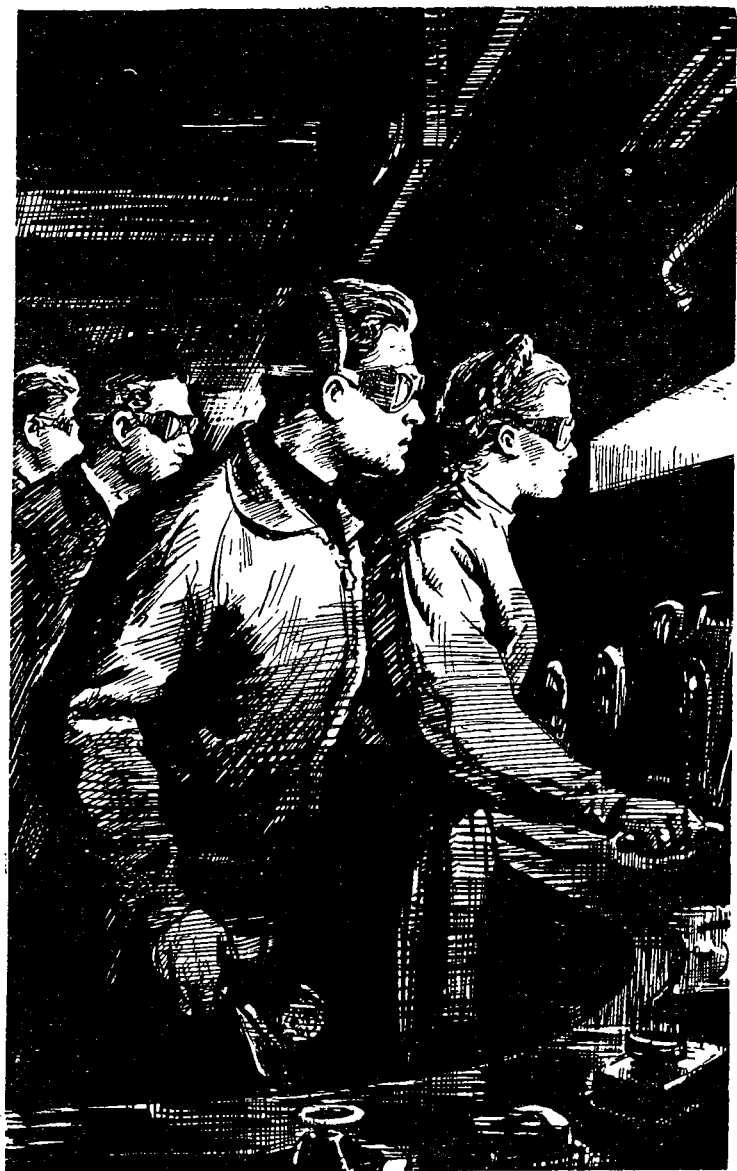
— Все готово, Арамаз Иосифович, — ответила Маша, торжественно произнеся полное имя академика.

— Даю предупреждение на электростанцию, на летающую лодку, в поселок строителей... по тундре... Внимание!

— Внимание! — раздалось теперь снаружи, очевидно из репродукторов, установленных в тундре. — Внимание! Через несколько минут в море будет произведен атомный взрыв. Рекомендуется пройти в укрытия и не смотреть в сторону моря без темных очков. Внимание!

Голос смолк. На руке у Росова тикали часы. В такт им напряженно билась жилка на виске. В ушах звенело, как бывает при подъеме на большую высоту или в полной тишине. Через бойницу была видна пригнувшаяся к земле трава. Она шуршала на ветру.

Росов оглянулся на Машу. Темные очки скрывали

ее глаза. Наверное, он сейчас не существовал для нее. Он переступил на другую ногу и невольно затаил дыхание.

Раздались один за другим короткие сигналы, какие дают по радио при проверке времени. Один, другой, третий, четвертый, пятый...

Оттого, что Росов не знал, сколько их будет, он непроизвольно напряг мускулы, сжал челюсти, сощурил глаза.

— Шесть, семь, восемь девять...

Последний сигнал был длиннее.

За спиной Росова что-то щелкнуло, но он не обернулся.

В первый момент ему показалось, что в море ничего не изменилось, — та же спокойная, белая равнина. Но в следующее мгновение почти у самого горизонта над поверхностью льда словно вырос или появился прежде невидимый яркий и толстый столб. Вверху он стал расплываться, клубиться, и скоро на гиганском стволе толщиной в полкилометра будто выросли покрытые облачной листвой ветви. Надо льдом теперь на высоту не менее полутора километров, — летчик определил это безошибочно, — поднимался развесистый дуб-коLOSS, раскинув над морем свою клубящуюся, живую крону. У воображаемых корней море как бы приподнялось, образовав не то белый холм, не то постамент. Вскоре сходство с исполинским деревом исчезло. Крона его расплылась, превратилась в грибовидное облако. Точно судить о его цвете Росов не мог, поскольку был в темных очках.

И только теперь докатился звук. Голову словно сжало с двух сторон, тряхнуло, в глазах потемнело. Гул продолжался, и Росов не мог понять, гудит у него в голове или гремят раскаты.

Он снял очки и оглянулся. Маша, положив перед собой очки, смотрела мимо него. Лицо ее было взволнованно, глаза расширены. Она стояла в напряженной позе, закусив губы и всматриваясь в даль, как будто стараясь увидеть такое, чего никто, кроме нее, не увидит. Руки ее лежали на панели. Пальцы нажали одну за другой три кнопки.

Чудовищный гриб висел над горизонтом. Основание его стержня стало ослепительно белым.

— Это пар... наш пар, — радостно сказала Маша. — «Подводное солнце» зажглось.

Ледяное поле под расползающимся грибовидным облаком стало темным.

— Теперь можно выйти на берег. На таком расстоянии радиоактивность не опасна, — сказала Маша, вставая.

Росов поднялся и вышел следом за нею.

В тундре ничего особенного не произошло, только над морем нависла темная штормовая туча.

— Чистая вода... полынья, — указала Маша на горизонт. — Вы не представляете, сколько там выделяется сейчас тепла. Скоро теплая волна дойдет до берега.

Росов шел за Машей к укрытию, где находились члены комиссии. Ледяная равнина менялась. Ее пересекли трещины, она не была теперь такой мертвенно безмятежной, как несколько минут назад. Росову даже показалось, что кое-где из трещин поднимается пар.

Члены комиссии тоже вышли из укрытия. Они стояли на берегу, наблюдая за поведением льдов. Прибрежное ледяное поле оживало на глазах, вспучивалось, трескалось. Над ним клубился пар.

Росов переводил восхищенный взгляд с моря на Машу.

Маша не замечала Росова, может быть забыла о нем. Со стороны моря неся гул, какой бывает при сдвиге льдов. Лды действительно двигались, расходились, образуя разводья. Между льдинами вода клокотала. Обломки льдин плясали в кипящей воде. Над морем стелился туман, горизонта уже не было видно. Скоро пляску льдин можно было видеть лишь у песчаного пляжа.

Росов вспомнил, как забавлял он ребят, учеников сестры. В кипятке опускались кусочки сухого льда, твердой уголекислоты, добытой у продавщицы мороженого. Эти кусочки носились по тарелке с горячей водой, выпуская клубы пара. Нечто подобное происходило и в море. Лед клубился, вода клокотала, туман надвигался на берег.

Люди с трудом различали друг друга. Росов только знал, что Маша стоит неподалеку, угадывая ее фигуру. Чтобы услышать ее голос, он сказал:

— Неужели все льды растопило, до самого берега?

— Скоро растопит, — заверила Маша.

— Это что же?.. Сколько энергии понадобится?

— Вода подогревается своей собственной энергией.

— Черт возьми! — восхитился Росов. — Впору хоть все арктические льды растопить, Арктику ликвидировать.

Маша рассмеялась:

— Такие предложения уже делались. Это невыполнимо. Но не по вине физиков. Знаете, что произойдет, если растопить все льды Арктики?

— Тепло будет? — предположил Росов.

— Не только тепло. Поднимется вода в морях. Затопит порты и города... Кажется, в Европе из всех столиц на суше останется только Москва.

— Да, почтенный мой коллега, — говорил Петрову профессор Сметанкин. — Наши физики действительно могутнее ваших строителей. Конечно, нельзя растопить все арктические льды, но очистить от них побережье с помощью атомной энергии, очевидно, вполне возможно. Вот тогда и будем плавать здесь зимой. А ледяной мол ваш, батенька, вы уж не сердитесь, не нужен. Всегда утверждал, что он не нужен, и, как видите, прав.

— Ошибаетесь, Дмитрий Пафнутьевич, — заметил Петров. — Забываете, что льды дрейфуют. Зимой ветры с севера двинут льды в отогретую полынью, и снова не будет кораблям пути. Одни физики такую проблему не решат.

— Новое в науке и технике рождается на стыке различных областей знания, — вмешался Волков, слышавший разговор океанологов. — Мы именно это имели в виду, когда решали вопрос о стройке опытного мола в Карском море, когда решали вопрос об экспериментальной установке «подводного солнца» в том же районе. Ледяной мол надежно защитит прибрежную морскую полосу от дрейфующих с севера льдов. «Подводное солнце», давая пар для оттаивания слоя

вечной мерзлоты, подогреет течение и не даст полынье замерзнуть. Вопрос преобразования Арктики решать можно только комплексно.

— Именно комплексно! — рассмеялся академик Овесян. — Какая уха получилась, и в меру соленая. Море вареной рыбы! Великолепный комплекс! Кстати, не пугайтесь за всю рыбу. Во всей полынье температура будет умеренно теплой.

— Пожалуй, можно будет радовать нашим строителям. Измучились они на ледоколе. Опыт, несомненно, удался, — заметил Петров.

— Конечно, — подтвердил Волков. — Теперь надо проследить за движением теплой волны в полынье. Кажется, наш летчик здесь?

Волков всматривался в плотный туман, но разглядеть Росова и Машу не смог.

Росов в это время тихо говорил:

— Посмотришь на такое чудо, и стыдно становится...

— Это хорошо, что стыдно, — отозвалась из тумана Маша.

— Вы о письме моем? — спросил Росов.

— Я ведь знаю, что там все неправда.

Глава шестая **ВЗБУНТУЮТСЯ ЛЬДЫ**

Все изменилось на гидромониторе. Вернулся Александр Григорьевич Петров.

Ходов, узнав о начале работы термоядерной установки в Проливах, встал, прошелся по салону, согнув свою узкую спину и положив на поясницу левую руку, сказал:

— Так и должно было быть. Правительство сразу поступило дальновидно и мудро. Опытное строительство мола было начато в Карском море, на его же побережье перенесены опыты оттаивания вечной мерзлоты. В резерве было предусмотрено термоядерное тепло.

— Почему же нам не сказали об этом? Почему? — горячился Алексей.

Федор Терехов выколотил трубку и заметил:

— В таких делах у нас принято сообщать результаты.

— Правильно принято, — остановился посредине салона Ходов, выпрямляясь. Он с удивлением потер поясницу. Видимо, привычная боль прошла. Он покачал головой. — Не беда, если и поволновались. На себя должны были рассчитывать.

— Полынья вскрывается! — пронеслось по всему ледовому строительству.

Галя ждала Алешу в каюте. Она схватила его руки и заплакала счастливыми слезами.

— Разве могло... разве могло такое грандиозное дело в нашей стране окончиться неудачей! — сказала она.

— Да, Галя, — задумчиво сказал Алеша. — Вот оно, сложение всех усилий, направленных твердой рукой. Мне уже казалось, что я постиг коллективность творчества. А когда стало трудно, едва не усомнился. И, оказывается, ошибся снова.

— Теперь все хорошо, Алеша?

— Теперь хорошо. Но теперь начинается испытание.

— Какое испытание?

— Нас... и мола на прочность.

С этого дня радио по несколько раз в сутки приносило известия о распространении полыньи. Стали наблюдать подвижки льдов. Береговой ветер отрывал от берегов припай, гнал льды на мол.

За последние дни вокруг леодокола началось сжатие льдов. Беспокоясь за судьбу леодокола, Федор не ложился спать. Внушали ему тревогу и остальные корабли флотилии.

Полынья пока не дошла до гидромонитора, но мертвая ледяная равнина преобразилась. В солнечных лучах то здесь, то там слепящими звездами вспыхивали зеркальные грани вздыбленных, нагроможденных в торосы льдин. Слышались раскаты грома, ухали пушечные выстрелы, сливаясь в гул канонады. Казалось, где-то близко идет бой.

Войной друг на друга шли ледяные поля. Ветер

с посвистом гнал их, чтобы столкнуть. Льды упирались кромками, со скрежетом напрягались, давя, поднимая друг друга. Трещины разверзались по километру длины. Ровная поверхность ледяных полей от перенапряжения вспучивалась складками, как земля во время землетрясения. Поднимались зубчатые хребты и, словно ожив, начинали двигаться ледяными валами, готовыми все смести на пути.

Стоя на мостике, Алексей наблюдал за ближним ледяным валом, внушавшим Федору особенные опасения. Вал этот двигался прямо на корабль. Ему осталось пройти метров пятьдесят. Стихийная, толкающая ледяной хребет сила способна была сжать корабль, раздавить, как яичную скорлупу.

С утра вал приблизился еще на несколько метров. Льдины у его подножья трескались, потом начинали подниматься, словно какое-то чудовище выпирало их снизу спиной. При этом льдины на гребне вала шатались и сползали вниз, на их место поднимались новые, поблескивая гранями изломов.

Вал походил на гигантскую морскую волну, подчиняясь всем законам ее движения, но лишь в другой мере времени, в чрезвычайно замедленном темпе. Он повторял движение волны, как повторяет бег секундной стрелки часовая, незаметно переползая от цифры к цифре.

Федор вышел на мостик.

— Темное небо, — он указал Алексею на затянутый облаками горизонт.

— Темные облака?

— Чистая вода за горизонтом. Отражается на облаках.

Алексей схватил Федора за руку:

— Федор! Это первая вода, очищенная ото льдов. Атомная энергия, сложенная с теплом Гольфстрима! Первая чистая вода в части Карского моря, отгороженной нашим молотом! Ты только посмотри на нашего красавца! Взгляни на ледяные поля за ним!

По сверкающему снежному насту тянулись две линии радиаторов, вдаль превращаясь в параллельные исчезающие нити. Они напоминали гигантский рель-

совый путь, пересекающий ледяную равнину от Новой до Северной Земли.

Вдоль этого «рельсового пути», стоя как бы на невидимых его шпалах, высились ажурные мачты с крутящимися лопастями ветряков. Потеплевший весенний ветер уже не мог охлаждать радиаторы, но через ветряки он отдавал теперь свою силу холодильным машинам, способным охладить раствор и предохранить сооружение от таяния под влиянием теплых вод полыньи.

За линией ветряков до самого горизонта тянулась нетронутая снежная гладь.

— Разве не радостно, Федя, думать, что эта граница, — указал Алексей на мол, — проведена нашими руками? Вот она, переделанная нами природа! — и он сделал широкий жест рукой.

Федор вынул из кармана трубку и, не раскуривая, взял ее в зубы.

— Беспокоит красавец, — процедил он, смотря на линию ледяного мола.

— Все тревожишься, полярный капитан? — сказал Алексей, кладя руку на плечо Федора. — В моем представлении ты — воплощенная забота. И я знаю, о чем ты сейчас больше всего тревожишься. Это, вероятно, единственный случай в твоей жизни моряка, когда ты беспокоишься не только о корабле.

— Угадал. Пока льды с обеих сторон мола стояли, спокойнее было.

— Ничего! — сказал Алексей, с вызовом смотря на север, где необозримой равниной раскинулись кажущиеся такими мирными спящие еще льды. — Выдержим! Пусть движется на нас вся эта громада!

— Ты уверен? — спросил Федор, наклоняясь, чтобы защититься от ветра трубку, которую он раскуривал.

— Уверен? — переспросил Алексей и стал сразу серьезным. — Расчет, Федор.

— Точный?

— За это пока поручиться нельзя. Никто из нас, инженеров-проектантов, никто из консультантов-ученых не мог точно назвать ту чудовищную силу, с какой северные льды нажмут на сооружение. Если бы

ты знал, Федя, каких трудов, сомнений и споров стоил нам выбор ширины мола!

— Сто метров! — с заботой сказал Федор и еще раз посмотрел на две сходящиеся вдаль линии радиаторов.

Они были на расстоянии ста метров одна от другой, но по сравнению с белым простором льдов полоска, ограниченная ими, казалась узенькой и хрупкой.

— Поля, — Федор указал на север, — вроде паруса размером во все Карское море. Штормовой ветер потащит на мол весь ледяной покров моря. Раньше мол с юга полями был укреплен. Теперь на них не надейся. Термоядерная энергия растопила «подпорку», — Федор кивнул в сторону взломанных льдов и темного неба, отражающего чистую воду. — Как бы мол не сдвинуло. Всплывет он, как обыкновенная разбитая льдина.

Алексей долго молчал, смотря на север, на грозную ледяную равнину, которая еще ничем не проявляла своей силы, словно накапливая ее.

— И мы этого боимся, Федя, — сказал Алексей. — А больше всех боится Василий Васильевич. — Он помолчал. — Правительство понимало эту опасность, и поэтому нам разрешили соорудить в Карском море лишь опытный мол, чтобы проверить на нем все условия работ и уточнить его размеры. Но не думай, что мы слепо подходили к этому вопросу. Сила сжатия льдов не может превышать каких-то определенных усилий.

— Каких?

— Хотя бы прочности льда, через который передается это усилие. Определить силу, которая поднимает вот эти ледяные хребты, мы, инженеры, можем. Мы рассчитываем, исходя из этого, и прочность твоего корабля, о котором ты всегда так тревожишься.

Федор вынул изо рта трубку и, глядя на близкий ледяной вал, сказал:

— Льды порой раздавливают корабли. Полярный корабль проектируется так, чтобы его выпирало из льда при сжатии.

— Это все верно, Федя. Я не хочу тебя заверить, что все уж очень благополучно. Враг, осаждавший

нас с юга, побежден. Враг, грозящий нам с севера, силен. Но и наша преграда достаточно крепка.

— Покрепче бы надо.

— Нельзя, Федя. Увеличение ширины — это затруднение замораживания, удорожание строительства и удлинение его срока.

Федор выпустил клуб дыма.

— Инженеры-экономщики.

— А что, Федя! Подумай, сколько металла, сколько труб сэкономили наши ребята! Водопровод на Луну, в самом деле, десять раз хватило бы построить, — и Алексей рассмеялся.

По трапу на капитанский мостик тяжело поднимался Ходов. На последней ступеньке он сухо закашлялся, вынул платок, вытер губы и, чуть горбясь, подошел к Алексею и Федору.

— Прошу прощения, если отрываю от беседы. Есть новости.

— Новости? — насторожился Алексей.

— Худые? — деловито осведомился Федор.

— Прогноз погоды очень плохой, — Ходов протянул капитану радиogramму и, обернувшись к Алексею, сказал: — Ожидается северный ветер... — многозначительно помолчав, добавил: — предельной силы.

— Я пойду распоряжусь, — сказал Федор, пряча трубку в карман. — Нужно подготовиться на кораблях.

— Не только на кораблях, не только... — проскрипел Ходов. — Подождите уходить, капитан.

Алексей стоял, вцепившись в поручни и повернув лицо на север. Ветер уже стал ощутимым, он с силой хлестал в лицо, но Алексей не хотел отворачиваться.

— Я получил радиописьмо от товарища Волкова. Вам, Алексей Сергеевич, есть весточка от отца. Думаю, что это по одному и тому же вопросу.

— Что может быть общего в письмах Волкова и отца? — удивился Алексей.

— Дело в том, что наше сооружение приобретает еще одно совершенно новое значение. Незамерзающая полынья вдоль берегов Сибири может быть ис-

пользована для создания воздушных течений, которые уравнивают климат полушария, отепляют Арктику, ликвидировывают все пустыни.

Алексей сразу понял все. Он почувствовал, что у него перехватило дыхание. Федор почему-то посмотрел на небо.

Ходов все тем же деревянным голосом продолжал:

— Я поставлен в известность Волковым о решении правительства создать «Кольцо ветров» и должен ознакомить с этим решением коллектив строителей. Я уже рассказал обо всем Александру Григорьевичу. Он сейчас готовит экстренный выпуск газеты. Ответственность наша, товарищи, неизмеримо возрастает. Весна пришла, полынья только впервые начинает образовываться, а ледяной мол уже должен выдержать...

— Двенадцатибалльный шторм, — вставил Федор.

— Сильнейший нажим льдов, — закончил Ходов.

Алексей разорвал конверт и торопливо пробежал письмо отца.

Он поднял глаза на Федора, посмотрел на Ходова.

— Что же это? — сказал он, вытирая лоб рукой. Глаза его заблестели. — Мы хотели создать только водяную дорожку, а теперь получается, что мы, строя ледяную стенку, перевернем весь мир!

— Вы сказали слишком увлеченно, — расхолил Алексея Ходов. — Во-первых, мир не перевернется...

— Но перевернется климат! На целом полушарии! — перебил Алексей.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжал Ходов, — сделаем это далеко не мы одни.

— Но «Кольцо ветров» будет начинаться здесь, над теплой полыней Карского моря, отгороженной ледяным молом!

— Который надо еще отстоять, — добавил Федор.

— Подумай, Федя, — обернулся к нему Алексей. — Как все чудесно в нашей стране! Ты начинаешь, пусть даже маленькое, дело... К нему прикасается рука народа, и оно вырастает, становится таким же огромным, как сам народ. Вот сейчас я чувствую, что иду в сомкнутом ряду и ощущаю лок-

тем не только твой локоть или локоть Василия Васильевича, но и всех идущих по Большой земле людей! И мне не страшно смотреть на эти северные льды, которые погонит на нас двенадцатибалльный шторм.

— Чувство локтя, — повторил Федор. — Думаю, надо опять просить помощи, — Федор показал на грозную снежную равнину, над которой теперь крутились облака поднятого снега.

— Нет, — решительно возразил Ходов. — Мы не будем еще раз просить помощи, не будем надеяться на термоядерные или другие средства. И не потому, что научные институты не помогли бы нам уничтожить угрожающие поля, а потому, что ледяной мол предназначен для длительной эксплуатации. Как бы могла работать железная дорога, если бы по всякому поводу для ее защиты пришлось вызывать, скажем, самолеты? Мы строили опытный ледяной мол, чтобы убедиться, что он может сдерживать льды, образовывать полынья, которая, как это теперь выясняется, будет иметь гораздо большее значение, чем мы это первоначально предполагали.

— А если мол не устоит? — спросил Федор.

— Значит, мы не справились с задачей, неправильно его запроектировали. Значит, проиграем сражение, начнем его с этой же навигацией снова.

— Дать льдам снести мол? — Алексей гневно повернулся к Ходову.

— Прошу прощения, не совсем вас понимаю. Вполне возможно, что нам, строителям, с этой силой не справиться, — он указал рукой на север.

Алексей, нахмурясь, замолчал.

Режущие лицо снежные струи летели над палубой корабля. Людям пришлось повернуться спиной к ветру. Им стали видны взломанные льды южнее мола.

— Ледяной вал отодвинулся, — сказал Алексей.

— Хоть этой напасти не будет, — задумчиво произнес Федор.

Льды южнее мола пришли в движение. Пока была хоть какая-то видимость, можно было различить, как налезавшие недавно одно на другое ледяные поля разделялись полыньями.

— Эти отступают, — сказал Федор.

— Скорее, бегут в панике, — поправил Ходов.

Спускаясь по трапу, приходилось крепко держаться за поручни. Ветер грозил сорвать Алексея и Ходова с трапа, бросить за борт. Слов не было слышно. Алексей едва догадывался, о чем говорит ему Ходов. Речь шла о сводках давления на мол, которые поступали каждые десять минут.

Корпус ледокола вздрогнул. Заработала машина. Капитан Терехов не желал дрейфовать вместе с отступающими разбитыми льдинами. Он поворачивал корабль, чтобы находиться вблизи мола.

Подбежал радист с очередной пачкой радиограмм. Ветер вырывал бланки из рук Ходова. Ходов кричал Алексею:

— Жмет... Повсюду! Повсюду, говорю, жмет! — Он кашлял. — На тридцать пятом особенно плохо! Тут недалеко, говорю, плохо!

Алексей обернулся назад и, стоя против ветра, смотрел на возникавший мгновениями из снежной пелены ледяной мол.

Ветряки продолжали крутиться как ни в чем не бывало. Одна линия радиаторов теперь граничила прямо с темной водой. Южные льды оторвались и уходили от ледяного мола, бросая его на произвол судьбы.

Зашипели струи гидромонитора. Корабль пробивался к молу, словно спеша к нему на помощь.

— Полный вперед! — командовал Федор, переводя ручку машинного телеграфа.

Корабль выходил на чистую воду. На него обрушились первые в это лето волны.

Глава седьмая

СКВОЗЬ ГРОХОТ

Словно грохот артиллерийской пальбы доносился с севера. Встревоженная Галя вышла на палубу в надежде встретить Алексея.

Непроницаемая снежная сетка, ощутимая, тяжелая, неслась, сбивая с ног. Гале пришлось наклонять-

ся вперед и хвататься за переборки, чтобы продвигаться против ветра. Палуба уходила из-под ног. Волны били в борт. Очевидно, Федор, чтобы держать ледокол вблизи мола, вынужден был встать к нему бортом. Корабль шел вдоль сооружения.

Галя могла спрятаться от ветра за палубные надстройки, но, подчиняясь безотчетному чувству, она стремилась быть ближе к молу, словно могла его защитить.

В далекий гул ледового боя вмешивался близкий грохот. Галя оглянулась и с удивлением увидела, что подъемная стрела выносит за борт катер. Следуя крену корабля, катер раскачивался, то оказываясь над палубой, то повисая над волнами. Как осторожный Федор мог допустить спуск катера в шторм? Кому понадобилось плыть в такую бурю?

Сердце Гали сжалось от догадки. Конечно, только Алексей мог решиться отправиться на мол!

Страх за Алексея охватил девушку, оттеснив тревогу за сооружение. Еще год назад она готова была любить Алексея, одержимого идеей, отрешенного от жизни, не видящего ни ее красоты, ни полноты. А за последние месяцы она узнала Алешу трогательно застенчивого, чуткого. Сколько новой прелести открылось ей в полярной ночи, когда бродили они вместе во льдах! Алеша умел увидеть в трепетных всполохах полярного сияния энергию далеких, неведомых миров, принесшуюся из глубин вселенной; он уверял ее, что и при свете звезд бывают тени. Чтобы увидеть их, они уходили вдвоем далеко от света электрических прожекторов, в тишину полярных льдов. Глаза привыкали к серому свету, к серому снегу. И на этом снегу можно было заметить едва уловимые тени при свете сияющей в небе красной звезды. Алеша рассказывал об этой планете, на которой советские астрономы открыли жизнь и, быть может, жизнь разумных существ. В свободные минуты они вместе читали, и это были едва ли не самые радостные минуты. Все это было в часы досуга, а их было мало. В остальное время Галя, освободившаяся от разведки грунта морского дна, помогала Алеше, наблюдала за вытас-

киванием труб, чертила эскизы. Алексей говорил, что не может обойтись без нее, а Галя чувствовала себя счастливой.

Сейчас, увидев повисший над волнами катер, Галя испугалась, испугалась за Алешу, которого могла потерять. Решив во что бы то ни стало помешать отъезду Алексея, она стала пробираться к салону.

Ей встретилась группа людей. Первым в меховой куртке с капюшоном шел дядя Саша. Ветер сбил его бороду к левому плечу. Не разобрав, кто идет за ним следом, Галя бросилась к дяде Саше.

— Алеша не должен плыть, не должен! — крикнула она ему в ухо.

— Без меня никуда не поплывет, — с улыбкой ответил парторг.

За плечом дяди Саши Галя увидела сильно осунувшееся, хмурое лицо Витяки. Подошел огромный, сосредоточенный Денис и хрипло закашлялся.

«Может быть, Алеши нет?» Она и радовалась, что Алеши не было с этими людьми, и стыдилась этого чувства.

Но он был здесь. Подойдя к ней сзади, он обнял ее за плечи. Галя обернулась.

— Ледовая артиллерия. Слышишь? — и он постарался улыбнуться.

Галя обеими руками вцепилась в рукав Алешиной куртки. Она хотела крикнуть: «Ты не поедешь, я не пущу тебя!», но не крикнула, сжала губы, прислушалась. Взрывы доносились один за другим, сливаясь в грохот горной лавины, смолкали, сменяясь воем ветра.

Галя взглянула в сторону этих звуков. Снежная, поредевшая на короткий миг сетка стала прозрачной. Галя увидела льды. Она сразу не поняла, где мол. Перед ней был странный ледяной берег, граничащий с чистой водой. Берег показался Гале высоким, холмистым, зубчатым.

Льды штурмовали мол. На переднем крае вздыбленные льдины заползали на ледяную стену, как на крепостной вал. Напиравшие сзади полчища не давали им отступить, и они, раздавленные, исковеркан-

ные, падали на мол, не добравшись до радиаторов. Новые льдины заползали на первые, словно перебираясь через гору павших. Ледяной хребет поднялся на всем протяжении мола белой зубчатой грядой.

Галя передернула плечами, представив себе чудовищную силу, с какой все северные льды моря ринулись на преграду, вставшую на их пути.

Она взглянула на Алексея. Как и все стоявшие на палубе, он тоже смотрел на ледяную стихию.

«Надо быть там»? — глазами спросила Галя. Алексей тоже ответил взглядом: «Да».

Галя крепко, по-мужски пожала Алеше руку, но он, не стеснясь присутствующих, нежно обнял и поцеловал ее.

Галя не могла удержать слез. Чтобы скрыть их, она, не вытирая глаз, лишь наклонила голову.

Подошел Ходов.

— Прошу прощения, — обратился он к Алексею. — Донесение с тридцать пятого участка. Давление льдов превосходит все расчеты. Плывите прямо туда. Но на тридцатом то же самое... Капитан Терехов будет на мостике. Я стану держать связь со всеми участками и с вами, — прерывисто говорил Ходов.

— Связь? — переспросила Галя. — На моле есть люди?

— Нет, — улыбнулся Алексей. — Только автоматическая аппаратура. Людей в нашу группу, — он кивнул на катер, — мы берем как можно меньше.

Гале хотелось войти в эту группу, быть в трудную минуту вместе с Алексеем. У нее есть опыт. Она не раз бывала в переделках. Но если бы она была нужна, он сам бы сказал ей об этом.

Галя промолчала.

— Прощайте, — Алексей обернулся к Ходову.

— Нет, до свидания, — болезненно поморщился Ходов.

Галя посмотрела на Алексея с упреком.

— Я буду ждать... Я буду ждать, — сказала она.

Широко открытые глаза ее были теперь сухими.

— На катер! — осипшим голосом позвал Денис. С борта ледокола бросили штормтрап. По этой ве-

ревочной лестнице нужно было спуститься на катер, в котором уже стоял дядя Саша.

Виктор неуклюже висел на одной из ступенек лестницы, стараясь улучшить мгновение, чтобы спрыгнуть на катер. Денис своей огромной ногой в мохнатом унте искал первую ступеньку.

Катер то поднимался чуть ли не до самых реллингов, то проваливался вниз, словно сорвавшись.

Последним спустился Алексей. Денис скрылся в машинном отделении. Бородатое лицо дяди Саши виднелось через стекло рубки, у штурвала. Виктор, выполняя роль матроса, отдавал чалки.

Перегнувшись через реллинги, Галя следила за удалявшимся катером. Снова налетел снежный заряд. Нос катера исчез, виднелась только его корма с двумя туманными фигурами Алексея и Виктора. Галя махала рукой, хотя Алексей, наверное, уже не видел ее.

Снег бил Гале в лицо, порошил глаза, ресницы смерзались от слез. Стараясь взять себя в руки, Галя ходила по палубе. Ее бросало то на реллинги, то на переборки. У Гали было ощущение, что она, пересиливая головокружение, идет по канату. Голову разламывало от зловещего грохота, похожего на чрезмерно усилившийся рев морского прибора.

Галя не знала, чем могут Алексей и его товарищи помочь ледяному молу, который каждое мгновение готов был треснуть, оторваться ото дна, всплыть.

Ходить без дела по палубе Галя больше не могла. Она взбежала по трапу на капитанский мостик. Там стояли Федор и Ходов. Оба тревожно вглядывались в несущуюся снежную пелену, но увидеть за ней они ничего не могли.

Галя подошла к Федору:

— Федя, что?

Федя не расслышал, но понял ее вопрос. Он пожал плечами. Лицо его было хмурым и решительным.

— Лево на борт! — скомандовал он рулевому.

Корабль менял курс, чтобы лавировать вблизи ушедшего катера. Брызги волн долетали до мостика. Галя ощущала вкус соли на губах.

— Волны не разгулялись. Воды мало, — указал Федор на море. — Катеру безопасно. — Он словно оправдывался перед Галей.

Со стороны мола слышались особенно сильные взрывы.

По трапу бежал радист без шапки, в расстегнутом кителе:

— Товарищ Ходов, связь потеряна. С катером связи нет!

— Как нет? Прошу прощения, как нет? — повысил голос Ходов.

Галя почувствовала, что руки и ноги у нее похолодели. Она хотела что-то спросить, но не смогла. Когда она стояла на льду около полыньи, в которую провалился ее вездеход, она не ощущала такого страха.

Ходов, горбясь, ушел вслед за радистом. Федор подошел к Гале и сжал ей руку выше локтя. Он хотел сказать этим многое: о дружбе, о вере в Алексея, о силе, которую они, стоя тут на мостике, представляют. Галя благодарным взглядом ответила Федору.

У ног она заметила Гексу. Собака нашла свою хозяйку, угадала ее тревогу. Коснувшись рукой мохнатой шерсти, Галя стала смотреть вниз, на волны. Их гребни казались покрытыми снегом, скаты были рябыми, походили на выщербленный мрамор.

Ни одной льдины не было видно. Все они давно ушли на юг.

Снег запорошил капитанский мостик. Ветер сметал снежный слой, но мостик белел снова. Галя ощутила глухой удар, словно ледокол налетел на препятствие. Корпус корабля содрогнулся. Гекса тихо зарычала.

— Право руля, — спокойно скомандовал Федор. Галя взглянула на него и увидела, что он сунул в зубы трубку раструбом вниз. Табак высыпался на палубу.

Испуганная этим, Галя проследила за его взглядом и увидела осколки разбитой льдины, скользившие вдоль борта. А впереди перед ледоколом плыли еще льдины... Одна... другая... много льдин!..

Корабль ударял их носом. Они ныряли под воду, переворачивались, показывая острые углы.

— Айсберг! — крикнула Галя, не веря своим глазам.

Действительно, впереди, над льдинами, возвышалась ледяная гора, с зеленоватым отвесным срезом и снежной верхушкой. На самом ее гребне Галя различила покосившуюся ажурную мачту со все еще вертящимися крыльями.

— Ледяной мол?!

Это был кусок ледяного мола, разбитый, отломанный, всплывший...

Галя закрыла глаза рукой. Она ощутила легкую тошноту, как во время приступа морской болезни. Все было ясно. Мол был прорван.

— Право на борт! Вперед, до полного, — командовал Федор, уклоняясь от встречи с обломком мола.

Федор вел корабль в прорыв, чтобы увидеть размеры катастрофы.

Впереди и вокруг корабля все забелело. Лдины выскакивали из тумана. Судно содрогалось от ударов.

Появился Ходов, тяжело дышащий, в расстегнутом пальто.

— Паковые льды, — указал ему Федор на море. — Еще осенью у ледяных островов встали. Теперь провалились. Хотел подойти к молу... вернее, к тому месту, где он был. Не одолеть. Отступаю.

— Не отступать! — крикнул Ходов. — Не отступай, Федя, голубчик, — добавил он.

Галя и Федор удивленно посмотрели на него. Ходов понял их вопрос.

— Идти надо в прорыв... искать, — говорил он, задышавшись. — Не только радиосвязи нет. Катера нет...

— Как нет? — прошептала Галя.

Ходов закашлялся.

— Радиолокаторы не обнаруживают катера. А ведь Алеша там... Алеша... и другие: Денисюк, Петров, Омутев...

Галя вцепилась руками в реллинги. Она смотрела вокруг широко открытыми глазами. Льды в отгороженном море, ветряк на айсберге... Василий Васильевич, который называет Алексея Алешей... Она смотрела на

Ходова, и верхняя ее губа вздрагивала, словно Галя хотела что-то сказать и не могла.

А Ходов, подойдя к ней близко и глядя куда-то в сторону, через ее плечо, говорил:

— Сын у меня погиб во время войны. Таким, как Алеша, мог быть. Я потому и к Алеше, как к сыну, относился. А я давно, Галенька, заметил, что вы его любите...

Эти простые задушевные слова, сказанные всегда сухим, черствым Ходовым, произвели на Галю большее впечатление, чем если бы она увидела, что Ходов схватился за голову.

— Вперед, до полного! — скомандовал Федор. — Радиолокаторам продолжать поиски. Соседним ледоколам идти на сближение со мной. — Он держал перед собой трубку микрофона. — Дать вызов береговой авиации. Сообщить Росову, он в ледовой разведке над полыньей.

— Мол прорвало. Мы начнем его снова. Мол будет построен, — говорил Ходов Гале, отлично понимая, что она, как и он, думает сейчас не только о моле.

Мимо ледокола проплывал айсберг, на снежном скате которого виднелись опрокинутые ребристые стены радиаторов.

Галя не могла больше смотреть на море. Она отвернулась.

Глава восьмая

ЧЕРЕЗ МГЛУ

Плотная муть окутывала море. Ветер гнал тяжелую массу тумана над гребнями волн, смешивал со снегом, но рассеять не мог.

Льдину вскидывало на пенные хребты и бросало в седловины меж волн. Огромная вначале, она вскоре разломилась, подтачиваемая водой со всех сторон.

На льдине стояли четыре человека. Ветер силился сбросить их в воду, волны пытались вырвать льдину у них из-под ног, но люди, наклонившись против ветра, стояли, крепко держась друг за друга. Они походили

на конькобежцев, рванувшихся вперед. На соседних волнах прыгали плохо различимые белые пятна льдин.

Люди молчали.

И в этом молчании выражалась вся безвыходность их положения. На тающей льдине они попали в теплое море. Пройдет некоторое время, и вся масса виднеющихся сейчас в тумане белых льдин исчезнет, исчезнет и та, что приютила четырех.

Еще на корабле было принято решение: Алексей и Александр Григорьевич с двумя помощниками отправятся на мол и решат на месте, есть ли необходимость взрывать заложенные еще при строительстве мины, чтобы проделать в плотине проход и дать выход льдам.

Сейчас, стоя с друзьями на льдине, Алексей вспомнил, как принял он решение о взрыве. Трещина перерезала всю плотину. В других местах могло быть так же. Если напор льдов не ослабнет, мол погибнет. Нужно тотчас, не медля ни секунды, дать выход льдам. Это было предусмотрено. Для того и были оставлены в сооружении заряды, управление которыми было сосредоточено на каждом километре. Алексей решил, что взорвать мол на протяжении одного километра мало. Нужно это сделать по меньшей мере на трех, еще лучше — четырех километрах. Дядя Саша останется там, где был один из пультов управления взрывом. Денис и Витяка отправятся на катере к соседнему пульту. Сам же Алексей побежит на коньках — он в расчете на это захватил их с гидромонитора — в противоположном направлении, до следующего пульта. Он мог бежать быстрее, чем шел катер, поэтому он взял на себя два пульта.

Это был необыкновенный бег. Штормовой ветер сбоку заставлял не только сгибаться в поясе, но и наклоняться, как на крутом вираже, «ложиться на ветер». Поверхность ледяного мола была идеально гладкой. Ветер смел с нее снег, и, будь солнце, она бы блестела. Но солнца не было, была серая муть, в которой ничего не было видно. Время от времени проносились назад ажурные башни ветряков. Алексей считал их, чтобы остановиться в нужном месте.

Около одной из башен он резко затормозил, нашел пульт и включил аппаратуру управления взрывом на назначенное время. Потом помчался к следующему пулту. Он слишком понадеялся на свои силы, — все время бежал так, словно финишировал. Если бы время бега отмечал секундомер, результат удивил бы и Алексея и всех его соратников по конькобежному спорту. Но Алексей думал лишь о том, что скоро произойдет взрыв. Ему нужно было добежать до крайнего пульта, включить его, потом успеть еще сойти на лед и отбежать по торосистому льду на безопасное расстояние. На торосах коньки будут лишь мешать ему, но снимать их ему будет некогда.

Ветер выл в ушах, глаза застилали слезы, воздух не хватало, рот открывался, как у рыбы на берегу. Еще мгновение — и конькобежец упадет. Но он не упал, он еще прибавил ходу. Откуда-то взялись новые силы, и их хватило для того, чтобы долететь до пульта, потом сбежать на лед, пробираться по наметенному сугробу по грудь в снегу.

Алексей упал за ближним торосом, стараясь врасти в лед. И тогда раздался взрыв. Осколки сыпались где-то совсем рядом. Лед заколебался под Алексеем. Алексей вскочил. Ничего не было видно. Колючий от снежинок, несущийся с дикой силой воздух валил его в сугроб.

Алексей прислушался. Лед грохотал. Шла подвижка. Выход открыт! Ледяные поля устремились к югу в образовавшийся проем. Теперь нужно идти к товарищам, найти их.

Алексей переобулся и, добравшись до кромки льда, пошел по льду через торосы навстречу друзьям.

Вскоре им посчастливилось собраться всем вместе. Здесь Алексей узнал, что катер погиб, смятый льдами. Рация осталась на нем.

В море разыгрался сильный шторм, ледяное поле разломалось, и скоро они остались в бушующем море на небольшой льдине.

Льдина таяла, в любую минуту она могла разломиться, стать еще меньше.

Виктор застонал.

— Что ты? — спросил Денис.

— Не хочу я... не хочу! — замотал он головой.

— Чего не хочешь?

— Славы не хочу! — раздраженно выкрикнул Виктор.

— Славы? — поразился Денис.

— Посмертной... Я не хочу, чтобы это было не при мне... Как ты не понимаешь?

Денис хмыкнул и присел, чтобы удержаться при крене льдины. Виктор едва не упал и снова застонал.

— Не при мне, когда не будет этой тающей льдины... когда останется вокруг только эта ужасающе теплая вода.

— А знаешь ли ты, — вмешался дядя Саша, — какие изменения в природе вызовет эта теплая вода?

— Какое мне теперь до этого дело! — отмахнулся Виктор.

Но дядя Саша все же рассказал об идее «Кольца ветров», о предстоящем изменении климата Арктики и зоны пустынь. Дядя Саша нарочно хотел отвлечь мысли своих друзей, но Виктор ничего не слушал.

— Разве что-нибудь останется в мире после меня? Может быть, верна философия солипсизма! Меня не будет, я не буду ощущать мир — значит, не будет ничего... Все существует только до тех пор, пока я его ощущаю.

— Замолчи ты! — прикрикнул на Виктора Денис. — Ощущаю... Я... Тьфу! Солипсизм!.. А слово-то такое, словно плюешься. А я вот о хлопчиках своих думаю. Не можно, чтоб они без меня росли. Никак не можно! И не будут...

— Почему не будут? — встревоженно спросил дядя Саша.

— Потому, что со мной будут. Выжить надо, вот что, дядя Саша! В жизнь вцепиться надо так, чтоб и смерти не оторвать!

— За что цепляться? За льдину? — с горечью спросил Виктор.

— А бис с ней, с льдиной! Растает, так и без нее поплыву! И раз хлопчикам моим надо, так и сто километров проплыву... до самого до берега.

— До берега меньше осталось, — заметил молчавший до сих пор Алексей.

— На счастье наше, вода теплая, а не на несчастье! Проплывают рекордсмены такое расстояние? И я доплыву! Как растает льдина, так разденусь и поплыву! Злость на воде держать будет! А тебя, Витяка, жир держать будет, як тюленя!..

Виктор безнадежно махнул рукой. Алеша улыбнулся.

«Сколько в нем силы! — подумал он о Денисе. — Он действительно поплывет. Но доплывет ли? Да ведь он и не один. Спасти надо всех... Но как?»

Безнадежность положения до крайности обострила все чувства Алексея. Он молчал, потому что напряженно думал, стараясь найти, выдумать, изобрести выход. «Осколки льдин... Если бы можно было сделать из них плот, скрепить их хотя бы ремнями, веревками. Порвать одежду, свить веревки... Что можно еще сделать? Что? Денис говорит — плыть, раздеться... Но тогда не бросать одежду! Нет! Из непромокаемых комбинезонов сделать нетонущие пузыри...» И Алеша заговорил вслух, стал убеждать товарищей, что не все еще потеряно. Надо плыть на пузырях из одежды, пока не придет помощь.

— Помощь! Помощь! — рассердился Виктор. — О какой помощи может идти речь, когда такой туман?.. Нас не увидят с самолетов. И радиолокаторами нас не нащупать, потому что ничего у нас железного нет, кроме мускулов Дениса да твоего характера.

— Ничего железного? — переспросил Алексей. — Коньки мои могли бы дать на экране локатора точку, но, к сожалению, я их бросил.

— Подождите, — сказал дядя Саша. — Витя, ты, кажется, не рискнул взрывать мол, находясь на плотине? Ты ведь хотел включить пульт управления минами, сойдя для безопасности на лед.

— Для чего? Для чего я берег себя? — истерически крикнул Виктор. — Для того чтобы утонуть теперь, чтобы захлебнуться, чтобы перестать существовать...

— Замолчи! — не выдержал Алексей. — Говори лучше, проволока у тебя осталась?

— Ну, есть моток, ну и что? Хочешь сказать, что одна точка на экране есть? Да кто же обратит на

нее внимание? Они ищут катер, который давно на дне...

— Точка, говоришь? — закричал Алексей. — Нет, не только точка. Давай сюда проволоку! Нет, не надо. Бери один конец. Денис, ты бери другой! Ну, живее! Надо спешить, пока наша льдина имеет хоть какую-нибудь длину. Беритесь за концы проволоки. Разбегайтесь! Потом бегите друг другу навстречу. Я буду командовать!

— Не разумею, — сознался Денис.

— Развернутый моток — это уже не точка. Длительный сигнал будет воспринят как тире. Короткий — как точка. Мы можем дать радиogramму по азбуке Морзе.

— Ты это сам придумал? — спросил дядя Саша, пока Виктор и Денис переглядывались, стараясь понять мысль Алексея.

— Нет! О рыбаках слышал.. О рыбаках, как и мы, оказавшихся на льдине. Они сигнализировали с помощью стального каната.

— Ну, если рыбаки, тогда, конечно... — медленно соглашался Денис.

— Все ясно! — обрадовался Виктор.

— На старт! — скомандовал Алексей. — Разбегайтесь!

Виктор и Денис побежали к краям льдины, развывая моток проволоки.

— Стоп! Теперь сходитесь! — кричал им вслед Алексей. — Обратно! Живее! Живее!

Запыхавшись, Виктор и Денис остановились около Алексея.

— Это была точка. Теперь тире. Разбегайтесь и подождите немного у краев. Внимание! Марш!

И снова проволока была растянута, потом по знаку Алексея Виктор и Денис снова побежали друг другу навстречу, смывая проволоку.

— Нас увидят... непременно теперь увидят, — говорил Алексей дяде Саше. — Точка, тире... тире, точка...

— Ты, в самом деле, даешь радиogramму? — взволнованно спросил дядя Саша.

Алексей кивнул:

— Конечно, радиogramму! Хотелось бы сообщить, как переделать, усилить мол. Подпереть бы его ледяными ребрами. Да придется одно только слово передать: «Мол». Они поймут!

— Молодец, Алеша! — сказал дядя Саша. — Рыбаки, о которых ты говорил, передавали «SOS»... Хотелось бы все-таки передать, как усилить мол... Жаль, времени у нас мало, льдина может разломиться, да и Виктор с Денисом с ног свалятся.

— А мы попробуем, дядя Саша! Может быть, успеем. Точка! Точка! Теперь тире! Разбегайтесь, ребята. Я сейчас сменю кого-нибудь из вас. Тире!

Виктор и Денис, тяжело дыша, продолжали свой странный бег на тающей льдине.

Глава девятая

В ТУМАНЕ

Льдина разломилась в тот момент, когда Алексей и дядя Саша были на одном ее конце, а Виктор с Денисом — на другом. Гребень волны показался между обломками льдины. Разделенные друзья ухватились за тонкий саперный провод, пытаясь подтянуть обломки льдины один к другому.

Провод стаскивал людей в воду. Волнение на море было слишком сильным, обломки льдины не сближались. Наконец провод оборвался.

Алексей и дядя Саша некоторое время еще видели в тумане силуэты друзей на мутном белом пятне.

Скоро они исчезли.

— Только бы сигнал приняли, тогда продержимся, — сказал дядя Саша.

— Льдина не пополам разломилась, наш кусок куда больше, — сказал Алексей. — Лучше бы он им достался.

Стоять теперь на льдине стало невозможно. Волны перекатывались через нее, смывая остатки снега.

Приходилось сидеть на мокром льду, держась за пористые, рыхлые края льдины. Одежда промокла и заледенела на ветру. Стучавшие зубы мешали говорить.

— Коченеешь, Алеша? — спрашивал дядя Саша. — Держись, дружок! Я в юности волевой гимнастикой занимался. Вольные движения делаешь, а мышцы напрягаешь, словно поднимаешь невесть какую тяжесть. Ты и напрягай сейчас мускулы. Вообрази, что на гору лезешь, за ледник цепляешься... Вообрази! Напрягайся — согреешься.

Алексей один раз уже испытал этот способ в тундре. Теперь он снова напрягал мышцы, и ему в самом деле казалось, что он лезет по крутому ледяному склону. Льдины, по которым он «перебирался», качались под ним, готовые сорваться в пропасть. Алексей лез, как лезут во сне, напрягался изо всех сил, не уступая ветру, сопротивляясь стуже.

Дядя Саша сдал первым. Силы оставляли старого полярника. Алексей заметил, что он уже не держится за край льдины. Боясь, что дядю Сашу смоем волной, Алексей обнял его одной рукой, другой продолжая держаться за край льдины. Руки у него онемели. Двигая пальцами, Алексей продолжал бороться. Он хотел жить, продолжать начатое дело, увидеть Галю, и эти желания были сильнее отчаяния, сильнее усталости, сильнее холода и озноба. И Алексей держался.

— Дядя Саша! Дядя Саша! — тормозил он своего старого друга. — Самолет! Вы слышите?

Дядя Саша неподвижно лежал на льду. Не будь здесь Алексея, вода давно смыла бы его в море.

— Самолет! — закричал Алексей.

Он ясно различал рев реактивного двигателя.

— Нас ищут! Радиолокаторы засекали нас и дают теперь самолетам направление.

Дядя Саша протирает глаза. Машина с ревом пронеслась над льдиной.

— Как точно направили самолет радиолокаторы! Они, верно, и сейчас нащупывают жалкий обрывок саперного провода. Успел ли заметить пилот людей на льдине? — Все это Алексей выкрикивал дяде Саше, пытаясь привести его в чувство. Дядя Саша приподнял голову.

Рев пропеллеров снова приближался.

— Возвращается! — победно кричал Алеша. — Что я говорил?!

Дядя Саша сел.

И снова над самой головой пронеслась ревущая тень. В то же мгновение в воду что-то упало. Брызги обдали Алексея. Предмет скрылся под водой, потом всплыл.

— Лодка! Резиновая лодка, — крикнул Алексей, поднимаясь на льдине во весь рост.

— Резиновая лодка?.. Тогда был Федя, — в полубреду прошептал дядя Саша.

Алексей бросился в воду. Его подбросило на гребень огромной волны. Где-то внизу он увидел лодку. Не давая себе опомниться, не в силах вздохнуть, Алексей вразмашку поплыл к сброшенной лодке. Несколько взмахов — и он ухватился за упругий резиновый край. Лодка накренилась, она была покрыта тонкой резиновой пленкой, благодаря чему вода не проникла в нее. Вместе с лодкой он взлетел на пенный гребень.

Только бы хватило сил забраться! Лодочка накренилась еще сильнее, погрузилась краем в воду. Алексей, лежа грудью на ее борту, уже разорвал тонкую пленку, но сил не хватило, и он сполз обратно в море. Руки на холодном ветру окоченели и готовы были выпустить скользкий борт. Сил больше не было.

Но даже и тогда, когда у человека, казалось бы, израсходованы все силы, он еще не окончательно погиб. Нервная система отказывается управлять переутомленными мышцами, но человека спасает заложенный в его организме резерв.

Спортсмены хорошо знают этот момент, называют его вторым дыханием. Когда ты готов упасть, не сделав больше и шага, надо пересилить себя, и ты почувствуешь легкость, словно тебя подменили.

Так же было и с Алексеем. Руки выпустили лодочку, в сознании мелькнула мысль, что все кончено, что он идет ко дну.., вода соленая... Вспомнились дядя Саша, Витя и Денис... Воля напрягалась. Алексей все еще был на поверхности воды. Еще одно усилие воли — и произошло чудо.

Одним движением перемахнул он через борт и

ухватился за весла. Однако лодка успела зачерпнуть бортом. Нужно было сначала вылить воду. Алексей делал это руками, работая ими, как паровозным колесом. Потом несколько взмахов веслами, и лодочка пошла к льдине. Раздался скрип, который слышишь, проводя ладонью по резиновому мячу. Дядя Саша переполз в лодочку. Со дна ее поднимался металлический штырь, изображение которого, конечно, было видно на экране радиолокатора. Теперь предстояло найти Виктора и Дениса.

Алексей греб, дядя Саша сидел на руле. На дне лодки они нашли аварийный запас в резиновом мешке. Огненная влага обожгла Алексею горло, на глазах выступили слезы, но сил прибавилось и грести стало легче.

Дядя Саша хорошо ориентировался в тумане. Он по гребням волн заметил направление, в котором скрылась льдина с друзьями.

Первая встретившаяся льдина оказалась пустой. Вторая также. Третья почти растаяла, она развалилась от удара веслом.

И тут Алексей услышал голос из тумана. Он возникал и замолкал через равные промежутки времени. Вот таким же могучим, пробивающим вату тумана баритоном подает сигналы маяк.

Дядя Саша с Алексеем переглянулись. Алексей стал иступленно грести на звук.

Льдин не было.

Звук был то ближе, то дальше. И вдруг он прозвучал совсем рядом.

— Денис! — крикнул дядя Саша.

Только теперь заметил Алексей в воде пловца. Лежа на спине, чтобы дольше продержаться, он через равные промежутки времени призывно кричал.

Он услышал плеск весел, перевернулся и поплыл к лодке.

— Где Виктор?

— Где Витяка? — спрашивали дядя Саша и Алексей, помогая грузному Денису перебраться через борт.

— Если б не хлопчики... — с трудом выговорил Денис, — не стал бы дожидаться...

Сразу он не смог больше ничего сказать и только ругал себя, словно он был во всем виноват.

Его заставили глотнуть спирта.

Оказывается, Виктор, едва разломило льдину, лег лицом вниз и затрясся как в лихорадке, все время твердя, что мир сейчас перестанет существовать...

Напрасно Денис пытался растолкать его. Виктор твердил свое, как помешанный, и не поднимал головы.

Льдина была маленькая, она плясала по волнам, нужно было всякий раз, как она взлетала на гребень, стараться удержаться на скользком льду. Виктор ничего не хотел видеть. Он боялся действительности, он прятал лицо в сгибе локтя, он уже не видел мира.

И волна смыла его. Денис, не размышляя, бросился в воду. Виктор мелькнул где-то совсем близко, но Денис не дотянулся до него рукой. Он нырнул. Одежда, тяжелые унты мешали плыть. Он вынырнул на поверхность, судорожно глотнул ртом воздух, прихватил соленой воды, закашлялся, опустил с головой, снова вынырнул и огляделся. Близкий туман и ничего... Ни человека, ни льдины, только вспененный гребень: Денис взлетел на него и снова ничего не увидел.

Он снял с себя унты, сбросил куртку. Он плавал и кричал. Кричал Виктору, не надеясь, что он услышит, кричал друзьям на льдине, которые тоже были далеко.

Прошло много времени, Виктора не было — он утонул. Денис лег на спину и решил держаться на воде до последней возможности.

Он слышал рев самолета. Он догадался, что сброшена лодка. И он стал кричать своим гудящим басом, кричать спокойно, ритмично, словно не он ждал спасения, а сам давал о себе знать кому-то гибнущему.

— Ой, друже! Ой, Витяка, дурная твоя голова!.. — закончил Денис свой сбивчивый рассказ и замотал головой.

— Бедный Витяка, — прошептал Алеша.

Некоторое время все молчали. Потом дядя Саша сказал:

— Сколько раз я видел в войну, как первыми гибли именно те, кто больше всего боялся погибнуть.

— То ж иначе не бывает, — отозвался Денис. —

Страх, он плохой помощник. Собой человек не владеет. Какая ж тут борьба!.. Верить надо, что не один в мире.

— Не одни в мире... — повторил Алеша. — Помощи с воздуха не ждать. Все вертолеты переброшены на материк. Бедный Витяка подсказал их использовать.

— Держаться надо до подхода корабля, — заметил дядя Саша.

— Скорлупа, конечно, — сказал Денис про лодку. — А все лучше, чем на спине..

Говорить перестали и все думали о погибшем товарище. Каждый старался рассмотреть что-нибудь в тумане.

Ветер все-таки разогнал туман. На гребнях волн виднелись только белые пятна далеких льдин и клочья пены.

Глава десятая **НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ**

Маша Веселова убедила академика Овесяна, что ей совершенно необходимо с воздуха изучить изменение ледяного покрова вблизи и вдали от установки «подводного солнца». Так Маша стала постоянной участницей ледовых разведок Росова.

Однако если ледяной покров моря исчезал у Маши на глазах, то «ледяная корка» с летчика Росова никак не сходила. После разговора о письме он старался не оставаться с Машей вдвоем.

Во время одного из полетов пришло известие о прорыве ледяного мола. Вслед за тем была получена радиограмма от капитана Терехова, просившего Росова немедленно доставить в Москву тяжело больного начальника строительства Ходова. Едва Росов изменил курс, чтобы лететь к ледоколу Терехова, как принята была еще одна радиограмма за подписью самого Ходова. Он требовал, чтобы летающая лодка включилась в поиски, быть может, унесенных на льдине Карцева, Петрова, Денисюка и Омужева.

Росов показал Маше обе радиограммы. Она вспомнила портрет Карцева, который рассматривала когда-

то с Росовым, подумала о бородатом океанологе Петрове, — они недавно летели вместе из Москвы, — потом она попыталась представить себе Ходова, отказавшегося от помощи, чтобы помочь тем спасению других людей.

— Лодка идет на поиски. К сожалению, посадить не могу, — сказал Росов, глядя в сторону.

— Зачем же? Я сама была бы рада помочь, — бледная, взволнованная Маша вопросительно смотрела на летчика.

Росов пожал плечами:

— Разве что штурману помочь... наблюдать за экраном радиолокатора. С гидромонитора ничего металлического в море не обнаружили. Может быть, вам повезет, — и он ушел в кабину пилотов.

Летающая лодка стала снижаться. Маша подошла к молчаливому, сосредоточенному штурману, совсем не похожему сейчас на добродушного Портоса, и вызвалась нести вахту перед экраном радиолокатора.

Только с ее выдержкой и привычкой к наблюдениям можно было высиживать с неослабным вниманием около экрана все время, пока Росов зигзагами прочесывал море.

Маша первая заметила сигнал на экране: ей показалось, что на его ровной матовой поверхности появилась мерцающая точка. Штурман тотчас «сориентировался» и предложил Росову изменить курс.

Точка на экране становилась все отчетливее. Штурман возился с приборами, старался дать увеличение. Изображение на экране должно было стать таким, словно предмет наблюдают в бинокль. По экрану помчались искрящиеся полосы, он порозовел. То в углу, то в середине на нем что-то мерцало. Маша различала теперь уже две точки. Они постепенно росли, туманные, становились все отчетливее.

— Коньки! — воскликнула изумленная Маша.

— И впрямь коньки, — подтвердил примостившийся около экрана Костя.

Росов пошел на снижение.

Костя и Маша перебежали в кабину с куполом, рас-

считывая увидеть людей на льдине. Свободное ото льдов море было покрыто геометрической сеткой, словно заштриховано, и лишь кое-где виднелись белые пятнышки льдин.

— Волны, — кратко пояснил Костя.

Скоро сетка исчезла. Лодка шла круто вниз. Теперь уже были видны огромные волны.

— Заденешь такую за гребешок — каюк, — сказал Костя.

— А если понадобится сесть? — спросила Маша.

— Когда волнение больше двух-трех баллов — посадка запрещается, — строго ответил недавний авиалихач.

Волны действительно были страшные. Лодка накренилась. Росов делал вираж. Он, очевидно, заметил льдину, которую искал. Вот она, криво взлетающая на хребты! Маша всматривалась в ее белую поверхность.

— Нет людей, — сказал Костя. — Одни коньки на льдине...

Маша снова пришла к штурману.

Он радировал на гидромонитор о найденных коньках.

«Неужели это все, что осталось от людей?» — тревожно думала Маша, до боли в глазах всматриваясь в экран.

И ей еще раз посчастливилось. Она заметила точку, которая в тот же миг исчезла. Штурман ничего не видел и сомневался. Но Маша настаивала. Опыт тонкого наблюдателя помог ей.

— Вижу, — снова уверенно сказала она.

Штурман дал увеличение.

Действительно, на экране что-то появлялось и исчезало.

—словно сигналы, — неуверенно сказала Маша.

— Нет у них такой аппаратуры, — отмахнулся штурман.

— Будто тире и точки, — настаивала Маша. — Жаль, не знаю азбуки Морзе.

— Арамису она известна, — отозвался Мухтар. — Позвольте проявить свои познания. — Подойдя к экрану, он стал всматриваться.

— Помехи! — не верил штурман. — Не будет металлический предмет появляться и исчезать.

— Тире и точки? — переспросил Мухтар. — Тогда можно прочесть слово.

— Какое слово?

— Мол.

— Мол! Только они могут сигнализировать! И знаете как? Проволокой. Мне при некоторых опытах приходилось этим пользоваться.

Штурман уже не спорил: он лихорадочно вычислял новый курс, на который должна была лечь лодка. Снова Росов пошел на снижение и скоро на бреющем полете помчался над самыми волнами.

— Ой, не зацепи гребешок! — предупреждал командира Костя в особо опасные мгновения.

— Знаю, — отрезал напряженный Росов.

Он увидел на льдине людей и сделал над ними круг.

Костя и Аубеков сбросили резиновую лодку. Маша никого не рассмотрела как следует. Кажется, их было двое, они лежали на льдине.

— Вот он, металлический штырь, — указал штурман на экран, — теперь на него будем нацеливаться.

На экране Маша отчетливо видела штырь сброшенной резиновой лодки.

— Переберутся ли они в нее? — беспокоилась Маша. Штурман связался с капитаном гидромонитора.

— Прошу прощения, Федор Иванович, — сказал штурман. — С вами хочет переговорить наш командир.

Командир лодки подошел к микрофону. Маша стояла с ним рядом. Росов доложил о найденных людях, о сброшенной им резиновой лодке.

— Шторм баллов девять-десять, — говорил он. — В лодке долго не продержатся.

— Корабль сможет подойти лишь через несколько часов. Наши вертолеты на далекой базе, к вам не долетят.

— Не долетят, — подтвердил Росов.

— Спешу на помощь, — сказал Терехов.

Связь оборвалась.

Росов приказал Косте держаться вблизи замеченных льдин и позвал Машу в заднюю кабину. Почти ис-

пуганная видом летчика, его мрачным, решительным лицом с глубокими складками у губ, Маша пошла следом за ним.

— Вот что, Маша, — сказал он, впервые назвав ее так после злосчастной прогулки в Голых скалах. — Несколько часов людям в лодчонке не выдержать. Не будь вас, знал бы, как поступить.

— Не будь меня? — почти обиделась Маша.

— Людей с лодчонки надо снять, вот что, — строго сказал Росов.

— Но как? — ужаснулась Маша. — Разве вы сумеете это сделать?

— Был на севере один такой летчик, который мог. Еще во время войны. Шлюпка в море оказалась. Женщины и ребятишки с потопленного корабля. Шторм был такой же, как сегодня. Он их спас.

— А вы?

— Попробовал бы, если...

— Что?

— Если бы вас не было.

— Как вам не стыдно!

— Рисковать собой, своим экипажем могу, но вами...

— Мной?

— Видным ученым, женщиной... любимой...

— Как вы сказали?

— Вами, Маша, рисковать не могу.

— Росов, вам я могла бы вверить свою жизнь.

— На эту минуту? — испытующе спросил Росов.

Маша замотала головой, глаза ее наполнились слезами.

— Нет, Дмитрий, не только на эту минуту.

— Тогда... коли так... — Росов неожиданно схватил слабо сопротивляющуюся Машу в объятия, крепко поцеловал и, оставив ее, смущенную, растерявшуюся, прошел в кабину. — Иду на посадку! — крикнул он счастливым голосом своим «мушкетерам».

Летчики только переглянулись между собой. Потом Костя, словно слова командира, наконец, дошли до него, схватился за голову.

— Тебе, лихачу, наука будет, — заметил Мухтар.

Штурман спокойно радировал о происходящем на

гидромонитор. Маша пришла к летчикам. Она хотела быть с ними.

— Прошу вернуться, — сказал ей Аубеков, подавая пробковый пояс. — Я сейчас открою там купол.

Маша все поняла и молча подчинилась. Пол накренился под ногами у Маши. Одно коротенькое крыло лодки опустилось ниже горизонта, другое показывало в облака. Росов разворачивал машину. Маша почувствовала резкое уменьшение веса, как в лифте университета. Лодка шла круто вниз. Маше стало страшно. Она не могла зажмуриться, и близкие, пугающие волны были у нее прямо перед глазами. Косматые, гигантские, они неслись на Машу, грозя ударить лодку, разломать на части. Они, показалось Маше, походили на железнодорожные насыпи, сорвавшиеся с места.

И вдруг привычный шум моторов стих, в полуоткрытый купол ворвались свист ветра и шипение пены.

Одно крыло лодки все еще было ниже другого. Росов продолжал «выруливать». Волны надвигались только сбоку и притом все замедляли свой бег. Это было поразительное ощущение. Росов словно остановил волну. На самом деле он лишь так вырулил летающую лодку, что она пошла точно над гребнем волны. Лодка одновременно двигалась и вдоль волны и вместе с волнами по ветру, с такой же, как волны, скоростью. Потому Маше и казалось, что волны остановились.

Самолет летел вдоль волны. Неподвижная, приближаясь лишь снизу, она походила на широкий крепостной вал, почти задевая за грудь летающей лодки. И теперь Маше казалось возможным сесть на этот гостеприимный вал, словно по волшебству застывший в море...

— Будь волнение меньше — не посадить! А теперь... спина у нее — будь здоров! — как дорожка на аэродроме!

Маша оглянулась. Это говорил Костя. Глаза его восхищенно горели. Сам же он был бледен. Рядом стояли и другие члены экипажа: повеселевший, снова добродушный штурман, гибкий, собранный Мухтар.

Командир всем приказал приготовиться к катастрофе. Он один остался в кабине пилотов. Маша решительно направилась к нему.

Удар от прикосновения к гребню волны был ничтожным. Лодка помчалась по хребту, перемещаясь по морю вместе с волной, постепенно теряя скорость. Маша смотрела перед собой через переднее стекло, одновременно видя напряженную шею Дмитрия. Стекло стало мокрым от брызг и пены.

Росов включил атомный двигатель, сзади взревело, лодка вздрогнула. Маша видела, что Дмитрий пытается удержаться на волне, не дать лодке сойти с гребня. Лодка чуть взлетела, словно стараясь опять подняться, потом снова провалилась. У Маши захватило дыхание, она вцепилась в переборку. Волна ударила лодку в бок. Вверху мелькнул пенный гребень. Маша почувствовала, что падает. «Конец, Дмитрий!...» — подумала Маша, но не рванулась в заднюю кабину с открытым куполом.

Лодка переваливалась с боку на бок. Если бы не ее приподнятые над фюзеляжем, к счастью, короткие, крылья, они погрузились бы в воду и погубили машину. Сейчас они только срезали концами пену с водяных хребтов.

— Вы остановили волну, Росов, — наклоняясь к летчику, восхищенно сказала Маша.

— Ты здесь, Маша? — отозвался он.

— С тобой, милый! — сказала она.

Лодка теряла скорость. Росов силился поставить ее против волны.

Никогда Маша не была счастлива так, как в эту минуту. Сквозь слезы видела она на далеком гребне резиновую лодочку. Сидевшие в ней люди махали руками.

Глава одиннадцатая

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

В знойный день по набережной Барханского моря неторопливой походкой шел Сергей Леонидович Карцев.

Достав из кармана чесу́чного пиджака платок, он вытер коричневую шею. Даже ему, бывалому пустыневеду, было сегодня не по себе. В такую жару в Средней Азии не работают, устраивают дневной перерыв и отдыхают в тени деревьев или купаются в новом озере.

Но Сергей Леонидович не думал об отдыхе. В последние дни перед отъездом работы было по горло. Разведывательные экспедиции «Кольца ветров» отправлялись на восток от преобразенных пустынь, в дальние пески Средней Азии, в сухие степи Казахстана, дальше в голодные степи и великую пустыню Гоби. Смешанная советско-китайская научная экспедиция только вчера отправилась туда. Экспедиция в Монгольскую Верхнюю Гоби находится в пути, подъезжает к Чите. Сам Сергей Леонидович во главе большой группы специалистов, куда входили ученые — метеорологи, аэрологи, атомные физики, строители, океановеды и многие другие, должен был отправиться в район Карского моря на корабле полярной флотилии, грузившемся сейчас в Барханском порту.

На морской вокзал Барханска и шел сейчас Сергей Леонидович, закончив в городе все дела. Синяя гладь Барханского моря казалась такой же эмалевой, как и знойное небо. Впереди виднелись решетчатые башни портовых кранов, рядом с ними поднимались мачты многочисленных судов.

Многие корабли на рейде, очевидно, уже закончили погрузку. Флотилия завтра должна отправиться на север. Ей предстоит пройти по каналу в Аральское, ныне пресное и проточное море, подняться по заполненным енисейской водой руслам и поймам до Тургайского канала, пройти по искусственному, рассекающему ровные степи полукилометровому ущелью, стены которого достигают ста десяти метров высоты.

Впереди — Енисей, полноводный, как в весенние паводки. Близ плотины — шлюзы со стометровым спуском. А дальше — Старый Енисей приведет в Карское море. Сергею Леонидовичу предстоит самому проделать водный путь, который он когда-то наносил

карандашом на карту. При воспоминании об этом инженер улыбнулся.

Величайшее счастье человека — видеть плоды своего труда. Эта гладь Барханского моря, аллея платанов, идущая вдоль набережной, белый город с легкими зданиями, тонкими колоннами, плоскими крышами, хлопковыми полями за ним — все это плоды величайшего труда, в котором есть крупица и его, Сергея Леонидовича, усилий.

Прежде в такую жару под ногами «пели» пески. Предвещая ветер, мелодично звучали сталкивающиеся песчинки, пугая таинственными песнями путешественников. Теперь звенящих песков не было, но у Сергея Леонидовича пело где-то глубоко в сердце. Он еще раз достал платок и вытер уголки глаз.

«Действительно, переменилось все вокруг — видно, прибавилось влажности», — усмехнулся он и спрятал платок.

Он уже подходил к огромному, сверкающему белой стеной морскому вокзалу.

Жарко по-настоящему!

Он вошел в просторный вестибюль, отделанный мрамором, и глубоко вдохнул прохладный, освежающий воздух.

— Здравствуйте, почтеннейший! Ну и жара же у вас тут! Только и скрываюсь здесь, под этими сводами, — услышал Сергей Леонидович знакомый ему окаяющий бас академика Омулева.

— Привет, Михаил Дмитриевич, — негромко поздоровался Сергей Леонидович, пожимая огромную протянутую ему руку.

Карцев удивился перемене, произошедшей с академиком Омулевым. Говорят, глубокие старики уже не стареют. Старый академик словно удвоил груз своих лет. Он уже не сутулился, как прежде, теперь он уже горбился, опираясь на толстую суковатую палку. Здороваясь, он посмотрел на Карцева печальными глазами, и тот задержал его руку в своей, еще раз пожал.

Старик вздохнул.

— Еду с вами, — сказал он. — Поклонюсь могилке морской... — И вдруг он выпрямился. — Делом

его горжусь!.. Для того еду, чтобы дело это продолжить. Небось думаете, что делать холодильщику в Арктике? Холодильными машинами стану города арктические отапливать. В тех местах, которые сын мой разведывал.

Сергей Леонидович склонил голову:

— Хорошо ли, Михаил Дмитриевич, с вашим здоровьем в такой путь?

— Что нам делается, — снова вздохнул старик. — Более молодые уходят. Вот вы своей идеей продолжаете дело сына. Как я вам завидую, дорогой! — Он помолчал. — Да и ничего мне не сделается. К тому же не один еду, с дочерью.

— Вот как! Она тоже едет? Позвольте поздравить вас. За ее работу присуждена премия.

— Благодарю от всей души. Вот жду ее. Где-то хлопочет на погрузке.

Карцев невольно вспомнил сцену около телевизора, когда видел Женю в последний раз.

Женя действительно вместе с отцом отправлялась на север. В белом шерстяном костюме, подтянутая, будто на нее и не действовала жара, стояла она у набережной, где ошвартовался пароход, и наблюдала за работой портовых кранов и подъемных стрел корабля. Один за другим взвивались вверх ящики с надписями «Автомат труб» и исчезали в трюме.

Да, она отправлялась на север. Она пожелала сама установить и пустить в эксплуатацию свой Барханский автомат винтового литья, который должен был теперь работать в Арктике. В спорах с отцом, считавшим, что ей лучше заняться другими вариантами непрерывного литья, комбинированного с прокаткой, она отстаивала свое право и обязанность лично наладить работу первого автомата, переброшенного в Арктику.

Но если бы она заглянула себе глубоко в душу, возможно, уличила бы себя в том, что, кроме этого желания, были и другие силы, которые влекли ее на север.

С виду, пожалуй, Женя не очень изменилась. Как и прежде, она держала голову высоко поднятой, по-

прежнему ее взгляд казался чуть холодным, фигура подтянутой. Во всяком случае, она нисколько не стала надменнее оттого, что получила две премии за изобретательство в технике и за концертную деятельность, широко известную в Средней Азии.

Сергей Леонидович подошел к Жене.

— Вы едете вместе с нами? — обрадовалась она.

— Да. Навстречу солнцу.

Глава двенадцатая **СВЕРКАЮЩЕЙ ДОРОГОЙ**

Корабли шли навстречу солнцу.

Они двигались кильватерным строем, и дым их труб не сливался в гигантский шарф, перекинутый через горизонт, в топках их не жгли каменного угля.

Но на этот раз не было в полярном море борзописца, который мог бы кричать о новой армаде советских кораблей.

Пресловутого Джорджа Никсона уже не посылали корреспондентом за океан. Как известно, он выставил свою кандидатуру в сенаторы. Случилось так, что его противником в избирательном округе оказался не кто иной, как его кузен Майкл Никсон.

И теперь сенатор Никсон произносит речи не на импровизированных подмостках, как во время «рыжего процесса», а в Капитолии. Правда, почтенный сенатор так и не избавился от прилипшей к нему любовной клички «рыжий Майк».

Сенатор Никсон внес в сенат билль, рекомендуемый строительство сооружений в американской Арктике, которые способствовали бы транспортному сближению континентов.

Билль рассматривается сейчас в комиссиях сената. У него есть противники, но есть и сторонники, в числе которых нельзя не упомянуть инженера Кандербля.

Мистер Джордж Никсон пишет псевдонаучные романы о гангстерах в межпланетном пространстве. Он продолжает пугать читателей армадами коммунистических кораблей, летающих в космосе.

О советской полярной флотилии он уже ничего не мог написать.

Как и в прошлом году, в ней не было ни одного военного корабля. Не было и ни одного ледокола. Во флотилии шли корабли южных морей, никогда раньше не плававшие в полярных водах. Они прошли из Черного моря по Волго-Дону в Каспий, оттуда поднялись по великим каналам через Аральское море и бывший Тургайский водораздел в Енисей, спустились по нему... Нет! Точнее говоря, тоже поднялись по текущему теперь вспять Енисею до плотины и дальше спустились в Карское море.

Этой полярной флотилией любовались жители тундры. Старик оленивод выехал на нартах с шестью оленями к самому берегу. С нарт поднялся новый директор Полярного ремесленного училища Иван Хорхай. Он набирал в стойбищах будущих полярных радистов, будущих строителей, будущих полярных сталеваров.

Иван Хорхай стоял на пружинящем травянистом ковре и вглядывался в далекие корабли, стараясь рассмотреть на одном из них знакомую ему тонкую фигуру, которая в тундре и на острове Исчезающем так походила на юношу.

Но, конечно, он не мог рассмотреть на борту первого корабля двух девушек, смотревших на берег, где над тундрой возвышались решетчатые остовы цехов металлургического комбината близ Голых скал. Горы зубчатым контуром уходили к горизонту. Одна из девушек, черноволосая, худенькая, с темной полоской усиков на губе, затуманенным взглядом смотрела на эти горы, на поднявшийся над тундрой завод, на тундру, где встретила когда-то одинокого, заблудившегося человека. Другая, светловолосая, высокая, стройная, с гордо поднятой головой и задумчивыми глазами, смотрела в море, где скоро должен был появиться флагманский корабль стройки.

Глядя каждая в свою сторону, думая каждая о своем, подруги стояли обнявшись.

— Ты счастлива? — спросила Галя.

— Да, — тихо ответила Женя и, улыбнувшись,

добавила: — Теперь я буду строить самый северный в мире металлургический цех, — как будто только в одном этом заключалось ее счастье.

Галя улынулась и ничего не ответила.

Тогда Женя спросила, в свою очередь:

— А ты счастлива?

Галя кивнула головой:

— Очень, — и, скосив на Женю свои продолговатые темные глаза, в которых играли смешинки, добавила: — Возглавить геологоразведывательные работы по всему побережью вдоль ледяного мола, разве...

Женя понимающе рассмеялась и прижалась локтем к подруге.

— А что ты скажешь о будущем? — спросила ее Галя, повернувшись теперь к ней лицом.

Женя задумалась.

— Что скажу? Когда Федор будет сидеть рядом со мной в Хрустальном дворце и поднимет тост за тех, кто создавал счастье людей, я не заплачу.

— Не заплачешь? — переспросила Галя.

— Нет.

— А я заплачу.

— Почему?

— От счастья.

И девушки снова обнялись.

На горизонте, над которым висело незаходящее солнце, что-то сверкало.

— Ледяной мол? — прошептала Женя, вопросительно глядя на Галю.

Галя кивнула головой. Женя крепко обняла ее и поцеловала.

На борту корабля в этот день встретились еще два человека, имевшие отношение ко всем тем изменениям, которые произошли в Арктике. Это были академик Овесян, прилетевший вместе с Волковым, и Василий Васильевич Ходов, совершавший путешествие на корабле в виде отдыха после лечения.

— Вам всем обязан, — сказал Ходов Овесяну, когда они познакомились. — Еще раз узнал, что такое тепло.

— Если вы имеете в виду тепло термоядерной

реакции, которой мы подогрели течение... — начал было Овесян, но Ходов прервал его:

— Нет, я имею в виду тепло человеческого отношения, которое спасло меня от смерти.

— Алхимия! Золото! — вспомнил Овесян. — Так ведь я тут ни при чем. Виноват Волков. Он назвал вас золотым человеком. Толчок мысли. Золотой человек — человек с радиоактивным золотом в организме, которое может уничтожить злокачественную опухоль. Расскажите, как проходило лечение?

— Профессора в клинике были очень заинтересованы предложенным вами опытом. Немало кроликов «позолочены» изнутри. Радиоактивный изотоп золота, который вы получили...

— Таких изотопов известно семь. Период их полураспада от семи секунд до семи дней. Можно выбрать любой изотоп с требующимся излучением: электроны, позитроны, альфа-лучи, гамма-лучи...

— Частички вашего радиоактивного золота вводили на конце иглы непосредственно в пораженную раковой опухолью ткань. Под влиянием радиации клетки опухоли погибали. И видите: я здоров.

— Все ясно! Золотой человек! В вашем организме остались безвредные крупницы золота, которые уже перестали быть радиоактивными.

На другом борту судна, тоже вглядываясь в сверкающую ледяную полосу, стояли два старика: высокий, чуть сутулый, седой академик Омупев в черной шапочке и худощавый, с морщинистым лицом, покрытым несходящим коричневым загаром, Сергей Леонидович Карцев.

— Итак, голубчик, устойчивый ветер вдоль будущей полыньи, — говорил академик, — уже установлен вами?

— Да, — негромко ответил Сергей Леонидович. — Приборы говорят, что разница температур воды южнее и севернее мола уже сказывается.

— Следовательно, можно обнаружить и «Кольцо ветров»?

— Да. Прообраз будущего «Кольца ветров».

— Древние богатыри выбирали себе меч по ру-

ке, — задумчиво сказал академик. — Наш народ создает себе машину по плечу — великую холодильную машину, охлаждающую пустыню. Великий тепловой насос, согревающий север. Вот уже поистине богатырская машина, в которой земной шар превращен во вращающееся колесо!

Корабль значительно приблизился к ледяному молу. Навстречу шел гидромонитор.

Женя, теребя шарфик, вглядывалась в приближающийся корабль, стараясь разглядеть на капитанском мостике знакомую коренастую фигуру. Вдруг с ледокола в небо взвились две струи, похожие на салютующие стальные шпаги. На недостигаемой высоте струи рассыпались сверкающими искрами, распустились «тюльпанами» фонтанов.

Гидромонитор приветствовал своим боевым оружием новых бойцов Арктики. Корабль с двумя устремленными в небо водяными мачтами приближался все ближе и ближе. Ветер дул со стороны струй, и Женя с Галей ощутили на лице мельчайшие брызги. От этих свежих брызг становилось радостно на душе. Обе смеялись и махали платками.

Галя оглянулась и увидела на мостике высокую фигуру Николая Николаевича, прилетевшего ночью на лодке Росова. Сейчас, когда сходились в море корабли, эта летающая лодка с воздуха приветствовала их.

На палубе раздались ликующие крики. Волков, стоя у реллингов, указывал на мол и на приближающийся гидромонитор, как бы туда адресуя гремевшую на корабле овацию. Его высокая фигура на мостике корабля была видна и с гидромонитора.

Спокойный с виду Федор успел разглядеть на корабле махавших платками подруг и передал чуть дрожащей рукой бинокль возбужденному, радостному Алексею.

Александр Григорьевич Петров, дядя Саша, поглаживая бороду, смотрел на своих молодых друзей ласковыми, теплыми глазами. Они не оборачивались и не видели этого взгляда.

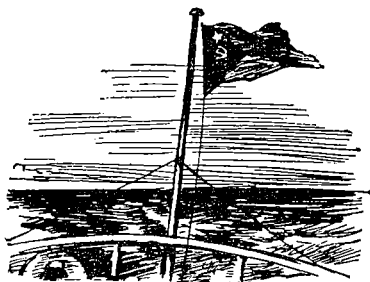
Вокруг шумели строители. Общий гул покрывал могучий бас Дениса. На корме, глядя в небо, где ме-

теором неслась серебристая стрела с легким оперением, стояла статная Маша Веселова, представляя на торжестве открытия мола создателей «подводного солнца», уничтожавшего сейчас в тундре слой вечной мерзлоты.

Ледокол сближался с новой строительной армадой. Ее пассажиры: метеорологи и физики, строители и геологи, металлурги и механики, шоферы и повара, химики и журналисты — смотрели сейчас на ледовый флагман, на простершуюся за ним ледяную стену, созданную руками человека и призванную сдержать стихию, подчинить ее воле созидателей. Выступающая над водой часть стены казалась солнечным лучом, протянувшимся через все море. Ледяная кромка поднималась выше воды, и об нее разбивались набегавшие волны.

Ледяной мол сверкающей полоской шел от окаёма к окаёму, неся на себе ажурные мачты с весело вертящимися лопастями ветряков холодильных машин.

...Конец романа,
но не конец Мечты.

ЭПИЛОГ ВЕСНА ИДЕТ!

«...Будем же двигать вперед науку на базе уже сегодняшних достижений человечества, подчиняя себе силы природы, но не кустарно, не в одиночку, а организованно, вооруженные всеми самыми совершенными средствами науки и техники. Как заманчива для молодежи эта перспектива участвовать в коллективной борьбе за власть человека над природой, над вселенной!»

М. И. Калинин

Мои юные друзья, читавшие мой роман-мечту и вместе со мной перевернувшие сейчас его последнюю страницу! Мои юные герои, мечтавшие вместе со мной о будущем, о великих делах, которые свершаются сейчас и которые свершим мы завтра!

На несколько часов вы стали взрослыми, почувствовали себя созидателями.

Вам немножко жаль, что все, о чем здесь написано, пока только Мечта. Ведь вам уже казалось, что вы действительно покоряете ледовые моря и знойные пустыни, боретесь со штормами и пургой, строите

удивительное сооружение и зажигаете «подводное солнце». Да, пусть пока это Мечта, но разве в нашей стране она не становится действительностью?

Хмурый мой, серьезный Федя! Лицо твое стало более детским с тех пор, как ты сдружился с юными туристами. Доволен ли ты тем, как описан здесь капитан Федор Терехов? Таким ли ты хочешь быть, таким ли станешь?

Пылкий Алеша с горящими глазами! Какие мысли бродят сейчас в твоем беспокойном мозгу? Разве могу я или нарисованный мной инженер Карцев придумать все то, что ты или подобные тебе выдвинут когда-нибудь, как реальные мечтания людей, строящих завтрашний день?

Внимательный Дениска в форменной рубашке ученика ремесленного училища! Разве ты не будешь одинаково гордиться плодами труда своих рук, будь то трубы водопровода или грандиозное сооружение, перерезающее моря?

Майкл в Америке! Если я еще раз побываю там, я наверняка узнаю, что нет более пылкого агитатора за мир, чем этот рыжий паренек, чуть глотнувший нашего воздуха.

Румяный, толстый Витя делает вид, что он не обиделся. Он даже бросил красивую фразу: «Гороскоп моей жизни очерчен ошибочно», а потом буркнул: «А вот возьму и не утону...» И я уже рад! Ведь я только того и хочу, чтобы Витя не стал бы похожим на себя, каким нарисован он в романе. Может быть, об этом он и задумается.

Наконец девочки! Обе мечтательные, но мечтающие по-разному. Обе, прочтя роман, немного смущены. Я больше всего виноват перед ними. Я осмелился говорить о любви и дружбе, об их чувствах, которые помогают творчеству, вдохновляют на подвиг.

Женя пытается сказать о другом:

— В конце на гидромониторе строители обязательно должны петь. Мне бы очень хотелось сочинить для них песню.

Галя, та говорит прямо:

— Такого мальчика, как в романе, то есть Алексея, я бы никогда не полюбила.

Алеша смущается:

— Я и буду другим.

— Посмотрим, — говорит девочка.

Сколько в ней неожиданного лукавства!

— Дружба — то наикраше всего, — замечает Денис. — Бо и сробили все, что написано.

— Так и будет, — сказал Федя. — А если не так, то еще лучше.

— Вот именно, лучше! — подхватываю я. — Разве можно придумать лучше того, что будет на самом деле?

Позвольте, спросят меня, вы беседуете со своими героями? Разве вы их не выдумали?

Конечно же, нет! Я не выдумывал, я только пытался представить себе их поведение в завтрашнем дне, когда они станут взрослыми. Потому я и отправился в Арктику, на этот последний рубеж сопротивления природы, чтобы во время обычного рейса корабля увидеться там со скромными героями арктических будней, незаметно для себя совершающих подвиги. Я написал об этих людях целую книгу рассказов, и рассказы эти отдельными эпизодами из самой жизни не могли не войти в мой роман-мечту. Жизнь вторглась в него со всех сторон.

В матросской столовой легендарного «Георгия Седова», в клубе полярников на острове Диксон, в кают-компании зимовки в бухте Тихой, в тундре близ Амдермы, на Новой Земле и на острове Рудольфа моряки, полярники, геологи и строители обсуждали замысел создания с помощью ледяного мола незамерзающей полыньи вдоль сибирских берегов. Они решительно опровергали этот замысел, оспаривали его, потом дополняли, делали реальным, тем самым вписывая главные страницы книги.

Но и когда книга вышла в свет, жизнь продолжала менять Мечту, требовать от нее все большей достоверности, даже осуществимости. А что, если не хватит тепла полярных течений? Что, если не вскрыется полынья? И в книгу вошли новые люди, люди пере-

довой науки о глубинах вещества, достижения которой именно у нас использованы во имя счастья всех людей.

Книга менялась еще и потому, что автору хотелось увидеть ее героев с разных сторон, и в конце концов роман-мечта о моле «Северном» стал романом «Полярная мечта», романом о завтрашнем дне, не каким он будет, а каким он сейчас представляется.

Пусть я буду не прав во всем! Я не собираюсь пророчествовать! Я не выдумывал безаварийных машин и сказочных вещей, «сладкого мира с кнопчным управлением», который якобы будет нас окружать. Я хотел, чтоб героев окружало в основном все знакомое нам, привычное, обыкновенное. Я мечтал о главном — о направлении, в котором приложат люди завтрашнего дня свои усилия. Хотел, чтобы это главное, окруженное привычным, показалось бы читателю реальным и осуществимым. Неважно, описанным ли здесь способом или каким-либо другим будет преобразована Арктика, важно то, что она будет преобразована, важно, что сделать это будет под силу людям завтрашнего дня, строителям коммунизма. И пусть жизнь выдвинет на самом деле более совершенные проекты и пусть каждый из моих героев в будущей своей жизни будет иным и направит свою жизнь не так! Свершать завтра великое можно лишь тогда, когда сегодня об этом мечтаешь!

Потому я и мечтал о вас, мои юные друзья-герои! Немало ночей просидел я у открытого окна, прислушиваясь к ночным шорохам, к тому, как перекликаются паровозы и пароходы, к бою кремлевских курантов. Они отмечали бег времени, которое мне хотелось опередить.

Я обещал встретиться со своими героями весной, когда закончу книгу. И вы видите, я сдержал свое слово.

Идет весна! Побежали звонкие ручьи, распустились перенесенные на московские бульвары из Подмосковья и Белоруссии липы, они зацветут, радостно-медовые, и у памятника Пушкина, и на преображенной улице Горького. Вчера мы задержались с вами

у изгороди Музея Революции, где хранится память о событиях, перевернувших мир. За прутьями ограды распускалась пахучая сирень.

Запрокинув головы, мы смотрели на дворцы высоты, эти памятники нашей эпохи, которые будут стоять при коммунизме. Мы ездили с вами на Ленинские горы, чтобы налюбоваться гигантским «городом» этажей Московского университета. Подъезжая к Москве по Киевской дороге, я видел его за тридцать километров. Он выступал на горизонте туманным силуэтом, как зримый современник будущего! Ведь в нем будут учиться люди и при коммунизме!

Я знаю, вы слушали мою Мечту и вам еще не хочется уходить с гидромонитора или покидать вертолет, на котором вы снова спешите в преобразованную Арктику, чтобы трудиться над завершением мола во всех морях, над созданием величественного «Кольца ветров». Вы не хотите, чтобы наша беседа закончилась на этом.

Ведь еще так много надо сделать строителям и физикам, метеорологам и механикам — всей творческой армии новаторов, всему народу, чтобы повелевать ветрами и льдами, атомной энергией и солнечным теплом.

Может быть, я и напишу эту книгу о вас, преодолевающих новые трудности, творчески решающих новые, еще более грандиозные задачи. Мне хочется написать ее, потому что я знаю, что вы и ваши сверстники действительно переделаете климат земного шара, сделаете землю более щедрой, людей более счастливыми, построят коммунизм.

Но не думайте, что я отдаю только вам это счастье, это удивительное время! Нет, нет! Я не отпускаю вас туда одних! Я еще поживу в этом времени вместе с вами! Потому, что уже сейчас мы с вами дышим весенним воздухом, весенним воздухом коммунизма.

*1947 — 1952 — 1955 гг.
Арктика — Москва*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая (Пролог)

Недавно

<i>Глава первая.</i> На краю света	5
<i>Глава вторая.</i> Открыт океан	12
<i>Глава третья.</i> Недоступны берега	17
<i>Глава четвертая.</i> Ледяная преграда	23
<i>Глава пятая.</i> Штормовая волна	33
<i>Глава шестая.</i> У полярных ворот	43
<i>Глава седьмая.</i> За ними будущее!	55

Часть вторая

Завтра

<i>Глава первая.</i> Встречи	63
<i>Глава вторая.</i> Мечты	72
<i>Глава третья.</i> Споры	78
<i>Глава четвертая.</i> Вечером	85
<i>Глава пятая.</i> Глядя на солнце	92
<i>Глава шестая.</i> И снова Баренцево море!	104
<i>Глава седьмая.</i> Буря	110
<i>Глава восьмая.</i> Встречный ветер	117
<i>Глава девятая.</i> Испытания	125
<i>Глава десятая.</i> За тысячи миль	134
<i>Глава одиннадцатая.</i> В тундре	142
<i>Глава двенадцатая.</i> Среди льдов	150
<i>Глава тринадцатая.</i> Всегда вперед!	157

Часть третья

Новый день

<i>Глава первая.</i> Начнется с тревог	166
<i>Глава вторая.</i> В раздумье	176
<i>Глава третья.</i> Покажет ясные дали	188
<i>Глава четвертая.</i> «Подводное солнце»	200
<i>Глава пятая.</i> Позовет в бой	208
<i>Глава шестая.</i> Увидит невиданное	218
<i>Глава седьмая.</i> Построим на века!	225

<i>Глава восьмая. В глубине</i>	232
<i>Глава девятая. На дне</i>	239
<i>Глава десятая. Во льдах</i>	245
<i>Глава одиннадцатая. Под водой</i>	252
<i>Глава двенадцатая. На льдине</i>	258
<i>Глава тринадцатая. В воздухе</i>	262
<i>Глава четырнадцатая. На палубе</i>	265
<i>Глава пятнадцатая. Отраженное луной</i>	270
<i>Глава шестнадцатая. В кипящем море</i>	278

Часть четвертая

Зима

<i>Глава первая. Полярной ночью</i>	289
<i>Глава вторая. В сугробах</i>	293
<i>Глава третья. В пургу</i>	300
<i>Глава четвертая. На ледоколе</i>	303
<i>Глава пятая. С тем, кто в море...</i>	311
<i>Глава шестая. Под вой и свист</i>	315
<i>Глава седьмая. Приняв решение</i>	331
<i>Глава восьмая. Выбрать путь</i>	337
<i>Глава девятая. По первому зову</i>	343
<i>Глава десятая. В дальнюю дорогу</i>	350
<i>Глава одиннадцатая. Новым путем</i>	360
<i>Глава двенадцатая. Ломая все...</i>	367
<i>Глава тринадцатая. Взявшись за руки</i>	373
<i>Глава четырнадцатая. Только вперед!</i>	379

Часть пятая

Весна

<i>Глава первая. В ожидании</i>	389
<i>Глава вторая. Бегут года</i>	401
<i>Глава третья. Задуют ветры</i>	408
<i>Глава четвертая. На север</i>	417
<i>Глава пятая. От полярных ворот</i>	423
<i>Глава шестая. Взбунтуются льды</i>	431
<i>Глава седьмая. Сквозь грохот</i>	439
<i>Глава восьмая. Через мглу</i>	446
<i>Глава девятая. В тумане</i>	453
<i>Глава десятая. На гребне волны</i>	458
<i>Глава одиннадцатая. Навстречу солнцу</i>	464
<i>Глава двенадцатая. Сверкающей дорогой</i>	468
<i>Эпилог. Весна идет!</i>	474

В р. 70-к.

Молодая гвардия